

КРАТКИЕ
ОБЪЯВЛЕНИЯ

Annotation

Александр Ильич Антонов (1924-2009) родился на Волге в городе Рыбинске. Печататься начал с 1953г. Работал во многих газетах и журналах. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. В 1973г. вышла в свет его первая повесть «Снега полярные зовут». С начала 80-х годов Антонов пишет историческую прозу. Он автор романов «Великий государь», «Князья веры», «Честь воеводы», «Русская королева», «Императрица под белой вуалью» и многих других исторических произведений; лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» за 2003г. В данном томе публикуется роман «Княгиня Ольга», в котором перед читателями предстает портрет русской святой, великой княгини, правившей Киевской Русью в X веке.

- [Александр Антонов](#)
-

Александр Антонов

Княгиня Ольга

*Дочери
Антонине, в
крещении
Ольге - с
любовью посвящаю*

*История
предков всегда
любопытна для
того, кто достоин
иметь Отечество.*

*Николай
Михайлович
Карамзин*

Глава первая

ПЕРУНОВ ГНЕВ

Той порою на Руси я жил.

Поздним сентябрьским вечером к крепостным воротам Киева, от которых начиналась дорога в Древлянскую землю, подошли два путника. Один из них, древний старец с длинной белой бородой, был кудесник Чур, служивший при дворе древлянского князя Мала, другой, ещё отрок, - будущий паломник Мелентай. Старый Чур опирался на посох, переступал тяжело, мелкими шажками, и Мелентай поддерживал его под руку. За спиной у отрока висела торба, а в ней, завернутое в черную тряпицу, лежало волшебное троянское зеркало, да ещё каравай хлеба и печеная репа. Подойдя к воротам, Чур поднял посох и постучал. Он знал, что в сей поздний час в города уже никого не впускали, но кудесник шел к великой княгине Ольге и нес от своего князя очень важное поручение.

Прошло немало времени, пока открылось оконце и стражник спросил:

- Эй, кто там?

- Открой врата, витязь, - ещё ломким баском сказал отрок Мелентай, - идет кудесник Чур с государевым делом, - Юноша уже побывал со своим старцем в Болгарии, Богемии и даже в Византии и знал, что там всюду открывают врата тем, кто приходит с этими сильными, всегда скрывающими тайну словами.

Заскрипели засовы, ворота приоткрылись, Чура и Мелентая впустили в город, и, не спрашивая ни о чем, один из стражников повел их в княжеские терема.

Было темно и ветрено. Чур семенил торопливо, шел из последних сил. Он знал, что ежели промедлит, на стольный град Руси обрушится две беды, и потому спешил, надеясь предотвратить их, а для того ещё до полуночи нужно было предупредить великую княгиню.

Вот и княжеское подворье - теремной двор. Там стражи оказались более строгими и ни в какую не хотели пускать путников в заповедное

место. То ли молодые гридни[1]* не знали значения слов «государево дело», то ли пренебрегли ими. Однако же калитку открыли.

*[1]Гридень — в Древней Руси воин, дружинник

Колдовская сила Чура была мало кому ведома, не проявлял он её напрасно, только в крайних случаях. Сей случай пришел, и Чур пустил свои чары в ход. Он лишь дунул на стражников - и глаза им застлал туман, пока те размахивали руками, прошел он с Мелентаем на теремной двор. А как туман рассеялся, так стражники увидели лишь двух котов, неспешно бредущих к хозяйственным амбарам. Чур торопился. Оставалось совсем немного времени до начала того события, кое должна была увидеть великая княгиня. Да как ни спешил, а княжеских стражей в теремах оказалось много и всех их так или иначе надо было миновать. Но в княжеских покоях рынды[2]* оказались понятливее, нежели в воротах.

*[2]Рында — старинное почетное звание оруженосцев и телохранителей на Руси, дававшееся преимущественно молодым людям из лучших родов.

И наконец Чур и Мелентай поднялись на второй покой и были встречены боярыней Павлой, сродницей Ольги по женской линии, матушкой богатыря Добрыни и неизменной телохранительницей княгини, а ещё мамкой трехлетнего князя Святослава. Крепкая, мужской стати Павла, сказывают, ходила с батюшкой в Заонежскую тайгу на медведя и валила того зверя рогатиной.

- Кудесник, что ли? Зачем пришел? - спросила она ласково.

Чур низко поклонился да выпрямился, вровень с Павлой встал.

- Верно, кудесник я. Но сам не пришел бы. Привела судьба твоей княгини.

- Да что же она, судьба-то, в услужении у тебя? Говори правду, а не то вынесу из теремов, - пригрозила Павла.

- Ну полно, полно, остепенись да веди к хозяйке судьбы. Я к ней с государевым делом.

- Вон как! Ну подожди. - И Павла ушла в опочивальню княгини. Пробыла там недолго, вернулась и сказала: - Войди, ежели с

государевым делом.

Чур взял у Мелентая торбу и вошел в опочивальню.

Княгиня Ольга в этот час стояла у окна, тосковала по любезному князю Игорю и смотрела в темень за окном, да ничего не видела, потому как слезы застилали ей глаза.

- Вот кудесник, - сказала Павла.

Повернувшись к Чуру, княгиня Ольга в сей же миг испытала страх. Она узнала в нем того кудесника, который предсказал судьбу князя Олега. Княгиня заслонила лицо руками и крикнула:

- Чур меня, чур!

- Я и есть Чур, матушка. Ан не спеши меня выгонять.

- Но ты погубил князя Олега!

- Сам он нашел свою погибель, потому как не внял моему слову, не поверил.

- Что тебе нужно? Говори и уходи!

- Мне ничего не нужно. Бог питает меня. Тебе нужнее меня услышать. Убери богатыршу и внимай сказанному мной!

- Павла не уйдет, - возразила княгиня.

- Уйдет. Сказано мною, - И Чур повернулся к Павле, поднял руки и направил ладони в её сторону. - Изыди! - сказал он властно. И Павла попятилась, да так, задом, и скрылась за дверь. Чур повернулся к княгине. - Теперь слушай. Сказанное мною есть воля твоей Судьбы. Исполнишь её волю - посеешь добро, нет - родишь зло, - Чур достал из торбы троянское зеркало, завернутое в черную ткань, положил зеркало на стол, откинул ткань и строго сказал княгине: - Встань рядом со мной, смотри в зеркало. Увидишь князя Игоря, повели ему вернуть древлянам все уворованное у них добро и уйти из Древлянской земли.

- Ты лжец! - яростно крикнула княгиня Ольга. - Мой князь никогда и ничего не крал. Он взял у древлян то, что принадлежит ему по праву. Отец все может взять у своих детей.

- Они не дети его. Он ограбил их по праву сильного. Сие - зло. Потому повелевай. - И Чур повел за спиною Ольги рукой, она невольно склонилась к зеркалу, и он накрыл её черной тканью. - Ты уже видишь князя. Видишь его воинов, кои отнимают у древлян последнее. Повели им остановиться, повели уйти с Древлянской земли! Не желай себе худа! - Голос Чура прозвучал устрашающе.

Княгиня Ольга и впрямь увидела в Зазеркалье князя Игоря на коне, с обнаженным мечом и его воинов, кои отнимали у древлян добро, тащили его, набивали им торбы, переметные сумы, все забрасывали на конские спины. Еще увидела, как воины выгоняли из домов девиц, молодых жен и тянули их за собой. Горожане защищали свои дома и близких, вооруженные чем попало, они отбивались от воинов князя и даже одного убили. И Ольга пришла в ярость, она скинула с головы черную ткань и, сверкая гневными глазами, крикнула:

- Как смеют эти грязные барсуки убивать наших воинов?! Как смеют перечить воле великого князя?! Он государь над всеми, кто населяет великую Русь! - Ольга схватила зеркало, подняла его, дабы разбить, но Чур успел перехватить руки княгини и отобрал зеркало.

Ольга попыталась теснить Чура к двери, но он выставил перед нею зеркало темной стороной, и она уперлась в него руками, будто в каменную стену.

- Ты богомерзкая язычница! - выругался Чур. - Ты со своим князем творишь зло! И коль не внимаешь моему совету, то изведай все, что посеяла! Изведай до покаяния! Казнись тем, что испытаешь ныне ночью! Да вознесется над тобою проклятие всех невинно погибших! - С этими словами Чур покинул опочивальню.

Княгиня Ольга устало опустилась на ложе и зажала уши, дабы не слышать голос Чура. Но лишь только за ним захлопнулась дверь, как за окнами, по всему пространству за Днепром, над степями засверкали молнии, загремел гром. С Древлянской земли на Киев накатывалась гроза, завыл ветер, и вся небесная мощь обрушилась на город потоками ливня. Ольга метнулась к одному окну, к другому, увидела, как на Подоле загорелся от молнии дом. Она выбежала в трапезную. Там её встретила боярыня Павла.

- Страсти-то какие, матушка княгиня! - воскликнула она, - Да все по воле колдуна началось! Он тут дул и проклятья слал!

- Вели задержать того дерзкого старика! - приказала Ольга. - Приведи его ко мне!

- Нет его в палатах, словно в воду канул, - отозвалась Павла.

- Ищи его на теремном дворе! Скопом ищите! - повелела княгиня служилым, собравшимся в трапезной.

Многочисленная дворня тоже услышала голос княгини. И люди, хватая что попадалось под руки, дабы укрыться от ливня, покидали терем.

Княгиня Ольга, побуждаемая предчувствием беды, вновь скрылась в своей опочивальне, подбежала к окну, распахнула его - в грудь ей ударил холодный ветер, дождь хлестнул по лицу, но она не отстранилась от окна. И в этот миг молния ударила в столетний дуб, возвышающийся на теремном дворе, расколола его пополам, и он, словно вязанка хвороста, запылал. Увидев, как рухнуло её любимое дерево, Ольга закричала:

- Мой бог, мироправитель, за что разгневался на нас?!

Но Перун не внял её голосу. Он гнал и гнал грозовые тучи с Древлянской земли, где находился в этот час её любимый супруг, князь Игорь. Он ушел собирать с древлян дань, исполняя праведное дело. Каждый год в середине октября или начале ноября князь Игорь, а до него князь Олег[3]*, уходил в полюдье и до самой весны, двигаясь от города к городу, от селения к селению, собирал со своих подданных все, что было необходимо, чтобы содержать воинскую дружину, княжеский двор и жрецов, хранящих Перунов огонь.

*[3]Олег — легендарный князь, варяг, княживший в 879-882гг. в Новгороде, а в 882-912гг. в Киеве.

Было все так и этой осенью. Но княгиня Ольга заметила, что в последнее время в дружине Игоря начались плохие перемены. Теперь дружина делилась на две части, чтобы успеть за зиму охватить большее пространство великой державы. И одну часть дружины возглавлял воевода Свенельд[4]*.

*[4]Свенельд — воевода Хв., служивший трем киевским князьям — Игорю Рюриковичу, Святославу Игоревичу и Ярополку Святославовичу. При Игоре играл выдающуюся роль, заменяя князя во всех военных предприятиях. Он вел продолжительную войну с угличанами, окончившуюся полным их покорением. При Святославе участвовал в походах на болгар и греков.

Сам страдающий корыстью, Свенельд и дружине позволял грабить данников чрезмерно, властвовать над их жизнями и

имуществом. Он говорил воинам: «Берите все, что вам мило». Потому в княжеской дружине начался ропот. Воины, особенно варяги, хотели того же. Но позволял ли князь Игорь своим воинам творить подобное, Ольга не могла утверждать. И потому она не поверила всему, что увидела в зеркале Чура.

Размышления Ольги прервались новой вспышкой молнии, во второй раз её удар пришелся в горящий дуб. И в пламени, взлетевшем к небу, Ольга увидела образ князя Игоря. Ей показалось это невероятным, она отшатнулась от окна. Но образ был зримым. Князь пытался вырваться из пламени, искры мириадами взлетали над ним. Все старания князя были тщетными. И вдруг на пылающий дуб обрушился поток ливня, князь вырвался из усмирленного пламени и полетел к Священному холму. Во все увиденное княгиня поверила искренне и, оставаясь истинной идолопоклонницей, вознесла благодарение Перуну, выбежала из опочивальни, миновала опустевшие покои, оказалась на теремном дворе, где толпою стояли её служилые, так и не нашедшие колдуна Чура. Ольга пробежала мимо них прочь с теремного двора. Слуги и княжеские телохранители побежали за ней следом. Молодой и быстрый отрок догнал княгиню и, не осмелившись остановить, накинул ей на плечи суконную свитку, дабы уберечь от потоков дождя.

Вскоре княгиня прибежала на Священный холм. Следом за нею появились все, кто толпился на теремном дворе. Здесь, у входа в капище, уже толпились многие горожане, ища спасения от бушующей грозы. Молнии то и дело освещали холм. В такие мгновения Ольга пыталась окинуть его взором. Она ещё надеялась, что все, увиденное ею из опочивальни, есть явь и что её князь на холме. Но тщетны были попытки, князя Игоря она не увидела. Зато при вспышке новой молнии она узрела колдуна Чура, стоящего у стены под крышей капища.

- Эй, стражи, - крикнула Ольга, - схватите того старика, что у стены!

Два воина - отрока быстро исполнили волю княгини и принесли Чура, поставили его близ княгини.

- Теперь позовите верховного жреца Богомила, - повелела Ольга другим воинам.

Вскоре воины принесли к Ольге и верховного жреца, потому как тот не хотел идти под ливень и сопротивлялся. Он был возмущен

поступком княжеских отроков и, увидев княгиню Ольгу, потребовал:

- Накажи их, великая княгиня! Они оскорбили верховного жреца!

- Накажу после того, как ты принесешь в жертву Перуну сего колдуна, - заявила Ольга.

- В чем его вина, великая княгиня? - спросил Богомил.

- Это он наслал на город грозу. Еще его вина в том, что он оговорил ложью великого князя Игоря.

- Я поверю тебе, великая княгиня, но выслушаю старца, - ответил Богомил.

- Нет нужды! - воскликнула княгиня. - Он к тому же враг нашей веры. На костер его! На костер!

Чур передернул плечами - и отроки, державшие его, уронили руки словно плети. Он повернулся к Богомилу.

- Ты можешь бросить меня на костер, верховный жрец. Я помню: то же грозился сделать князь Олег. Не успел-таки. Но ты этого не сделаешь, узнав ту правду, какую я принес. Я пришел просить Ольгу, чтобы она спасла своего князя. Она же того не сделала. Смотри же, верховный! Смотрите все, что стало с князем Игорем, когда княгиня не остановила его от злого деяния! - Чур вскинул к небу руки и крикнул: - Эй, молнии и громы, явите все, что случилось на Древлянской земле!

И в сей же миг слева и справа от холма вспыхнули две молнии, излучив полуденный свет. Чур повел руки навстречу друг другу, и молнии стали сближаться, становясь все ярче. Наконец, когда руки колдуна соединились, слились воедино и молнии и возник сверкающий ослепительно шар. Чур повернул ладони к лицу и стал медленно приближать их. И огненный шар послушно полетел к Чуру. А впереди шара, в ярком свете, все увидели образ князя Игоря.

Княгиня Ольга задрожала, рванулась вперед и воскликнула:

- Мой бог Перун! Покоритель грозových туч, я вижу князя Игоря! Он жив, он под твоим крылом!

Но вот шар опустился неподалеку на землю, заскользил вниз по склону холма к Днепру. Там, над рекой, княгиня Ольга увидела березы, шар долетел до них и взорвался. Когда же вспышка рассеялась, то все увидели стоящего среди берез князя Игоря и занесенный над ним меч. Меч сверкнул, и голова князя упала на землю.

- Так случилось все на Древлянской земле в полночь! - возгласил кудесник Чур.

Княгиню Ольгу в этот миг обдало жаром новой молнии, она закрыла руками глаза, зашаталась, упала и потеряла сознание. Чур прошел мимо неё и скрылся во тьме.

В себя княгиня Ольга пришла только в полдень другого дня. Гроза давно миновала. Светило неяркое осеннее солнце. Ольга открыла глаза и увидела сидящих близ себя двух старцев - ворожеев. У того, что сидел поближе к ней, были ясные голубые глаза, и они светились добром и лаской.

- Вот и оклемалась наша матушка, - сказал он тихим голосом.

- Что со мной? Я была на холме. Что случилось в мире за посадами города? - спросила она старцев.

- Не серчай, матушка. Перунов гнев напрасно не приходит. Чему должно быть, то и есть.

- Так говорите же! - повелела Ольга.

- Не прогневайся, матушка княгиня, - ответил другой старец, потемнее ликом, — у нас нет тебе ответа. Ты услышишь его от очевидца. Он в пути и в сумерках явится на твое подворье. Мы же свое исполнили, хвори отвели — к вечеру встанешь на ноги.

Старцы поднялись и медленно направились к двери. Ольга попыталась остановить их:

— Стойте! Я велю вам остаться!

Они не вняли её повелению. В это время в опочивальню вошла боярыня Павла. Последние дни она была озабочена сборами в дальнюю дорогу, уже отпросилась у княгини: захотелось ей вернуться в родной Новгород, детей, сына Добрыню и доченьку Малушку, близким показать. Но все, что случилось в княжеских теремах минувшей ночью, заставило её отказаться от поездки.

— Слышала я, ты хотела остановить старцев, — сказала Павла, — да нужды нет, матушка, они наших дел не ведают. Это знахари — ворожеи, кои лечат недуги.

— Но как они смели ослушаться?! — стояла на своем Ольга.

— Нет людской власти над ними. Вода их принесла и вода унесла. Только боги им господа, — Говоря так, Павла присела на ложе рядом с княгиней. Были Павла с Ольгой одного роду — племени. Мать Ольги, Секлетина, как и мать Павлы, Пелагея, выходили из рода новгородских бояр Никитичей.

— Но, Павла, они же ведают о всем, что случилось в Древлянской земле! — с болью в голосе воскликнула княгиня.

— Не ведают. Да и что там могло случиться у древлян, коль народ они тихий?

— Но я же видела Игоря в перуновом пламени. Он пал бездыханный!

— Он воин, матушка, потому всякое могло быть, — Павла обладала спокойствием и выдержкой истинной северянки, — На ратном поле погибают и князья.

— Волхвы сказали, что в Киев мчит гонец. Пошли навстречу ему воинов.

— Десятский Дамор уже в пути. — Павла взяла руку княгини и погладила ее. Она жалела княгиню. Прекрасное лицо Ольги за прошедшую ночь поблекло, глаза рассеянно блуждали.

— Я умру вместе с ним, не хочу быть сиротой — вдовицей, — сказала Ольга как о чем-то давно решенном.

— Стыдись, матушка. Ты не только жена, но ещё великая княгиня. У тебя малолетний сын и ещё тьма детей по всей Руси. Можно ли им без отца, без матушки?

Павла быстро поднялась, вышла из опочивальни и вскоре вернулась с трехлетним Святославом. Крепкий, подвижный малыш, с льняными волосами, сероглазый, стремглав подлетел к матери. И она помогла ему взобраться на ложе, прижала к груди. Материнское сердце то сжималось от нежности, то билось от волнения, от страха за его судьбу. Лаская сына, Ольга забыла все печали, и на неё волною накатило прошлое.

Княгиня прожила в замужестве уже сорок два года, а наречена была князю Игорю в ранние отроческие годы её дядей и воспитателем князя Игоря великим князем Олегом. Князь Олег хорошо знал королевские обычаи Норвегии, Швеции. Там наследникам престола искали достойную невесту ещё в малолетнем возрасте. Девочек и отроков обручали, едва первым исполнялось пять лет. И когда после смерти отца Игоря, новгородского князя Рюрика, Олегу пришлось стать опекуном трехлетнего сына своего именитого родича, он вскоре же начал искать князю Игорю невесту. Но прошло пятнадцать лет, пока нашлась достойная. Это была княжна Ольга, дочь Избора, сына князя Гостомысла. У девочки было два имени, славянское — Прекраса и

варяжское — Ольга. Княжне было семь лет, когда князь Олег засватал ее. А спустя три года он приехал с молодым князем Игорем, и они увезли Прекрасу в Киев. То лето она проводила под Изборском, в именье родителей, деревне Выдубцы. Ольга хорошо помнила тот летний полуденный час. Князь Олег и князь Игорь появились перед ней на вороных конях в охотничьем снаряжении, с луками и колчанами стрел за спиной. Это была её первая встреча с нареченным женихом. Но княжна знала, что этой встрече быть. И, несмотря на её юный возраст, ни красота молодого князя, ни его возраст — Игорю шел двадцать четвертый год — ничто не смутило княжну. Она разговаривала с ним как равная с равным. Князь Игорь, вспоминая потом первую встречу, удивлялся тому, что увидел и открыл в Ольге. Она оказалась не по летам серьезна и разумна, знала грамоту и читала берестяные письма. Да было в ней и много озорного, а её васильковые глаза смущали своим огнем и взрослых. Игорю показалось, что она похожа на лесную лань, легкую и быструю. Он был пленен её ещё отроческой красотой. Чувственные губы, белокипенные и ровные зубы, точеный нос, ямочки на щеках, когда улыбалась или смеялась, золотистая коса толщиной в руку, высокая шея — все в ней пленяло князя Игоря, и с первой встречи он полюбил Прекрасу.

Жил в ту пору в соседнем селении юный муж — сын изборского посадника семнадцатилетний Егор, он раскрыл бы князю Игорю ещё больше достоинств княжны — отроковицы. Ан не суждено ему было открыться. Он любил Прекрасу, казалось, с той поры, когда она сделала по Изборской земле первые шаги, потому как в Изборске они жили рядом и много времени проводили вместе. Год за годом любовь Егора крепла, но мечта о том, чтобы Прекраса ответила ему взаимностью, с каждым годом улетала все дальше. Ольга знала о чувствах к ней Егорши, но, озорством обуреваемая, лишь смеялась над ним, ведая свое назначение. В тот год, когда князья Олег и Игорь увезли Прекрасу из Выдубцов, Егор покинул Изборскую землю и пропал неведомо где. Какое-то время Ольга помнила того добросердого юношу, но, окунувшись в великокняжескую жизнь, забыла о нем. А Егор, теперь уже волею судьбы священнослужитель Григорий, пронес свою любовь к Прекрасе через всю жизнь. И вскоре,

так было угодно Господу Богу, должен был появиться пред нею и осветить её жизнь неведомым ей ранее светом.

Юная Ольга приняла замужество и жизнь в великокняжеских теремах как должное. Однако ещё шесть лет Ольга и Игорь лишь считались женой и мужем, но супружеского ложа не познали. Безоблачная жизнь Ольги затуманилась впервые, когда она в семнадцать лет родила девочку, а на седьмой неделе её жизни боги отняли у молодой княгини дитя. Ребенок сгорел от неведомой и скоротечной болезни за три дня. Ольга недолго предавалась тому первому горю. Да и князь Игорь не переживал потерю дочери, потому как в ту пору у них были другие печали. Ушел из жизни великий князь Олег. Игорь долго не мог утешиться. Он чтит князя Олега как отца. И преклонялся, как пред великим воином, не знавшим страха и не ведавшим упрека соратников.

Время излечило князя и княгиню от боли первых потерь. Князь Игорь встал на великокняжеский престол, и заботы о подданных державы полностью овладели им, вытеснили все, что мешало радеть за великую Русь. Княгиня Ольга достойно встала рядом со своим супругом, и они заслужили любовь и уважение своего народа.

У Ольги были ещё не одни роды. И каждый раз она ждала сына, а появлялись девочки, и ни одна из них не жила больше года, принося матери все новые страдания. Ольга многожды поднималась на Священный холм и вместе со жрецами просила у богов послать ей сына. Боги не внимали её мольбам. Шли годы, и она оставалась бездетной. И прошло тридцать девять лет супружеской жизни, когда она наконец родила сына. Тогда многие сошлись во мнении, что свершилось чудо. Княгиня Ольга сказала бы по — другому: чудо свершилось благодаря помощи боярыни Павлы. Рождение сына изменило князя Игоря. Он помолодел лет на десять, и радость его была безмерной. Вместе с ним ликовали и киевляне. Лишь княгиня Ольга жила в страхе за жизнь сына. Но малыш рос необыкновенно здоровым, и на третьем году жизни сына она уверовала в то, что великокняжеский престол не останется без наследника рода Рюриковичей.

Княгине Ольге, казалось бы, только радоваться жизни. После родов сына, кто не знал ее, не дал бы ей и тридцати лет. К зениту^

жизни она сохранила все, чем обладали юные девы, молодые женщины. Оттого она и родила крепкого, с отменным здоровьем сына.

Перекатывая, словно валуны, прошлое, княгиня Ольга ласкала Святослава. А он, непоседливый и озорной, словно молодой бычок бодал свою матушку лобастой головой и смеялся белозубым ртом, и ямочки играли на его пухлых щечках. И спряталась, отступила печаль о супруге, ночные страхи и видения, навеянные грозой и гневом Перуна, рассеялись. И Ольга смеялась вместе с сыном, и Павла, сидевшая рядом, ликовала. Вот княгиня Ольга поднялась с ложа и вместе с сыном стала бегать по опочивальне. Наконец они утомились, Ольга взяла сына на руки и подошла к окну.

Прошло всего несколько мгновений, и на виду у Павлы лицо княгини стало бледнеть и сделалось бледнее полотна. Ольга увидела, как по теремному двору от ворот, выходящих на древлянскую дорогу, бегут отроки и ведут на поводу коня, к седлу которого привязан всадник, опутанный сыромятными ремнями.

На землю опускались сумерки, волхвы сказали правду: из Древлянской земли явился гонец. И можно было догадаться, почему он по рукам и ногам связан, опутан ремнями: не по своей воле появился на княжеском дворе, но отправлен врагами.

Глава вторая

ЧАС НЕБЫТИЯ

В стольном граде в эти дни осени 945 года многие будут плакать, потому как гонец, коего привели на теремной двор, принес горестную весть. Княгиня Ольга, ещё не встретившись с гонцом, уже знала, что её постигло большое несчастье, она стояла у окна и по — бабьи рыдала. А проливая слезы, под давлением неведомой ей силы и во благо вновь окунулась в прошлое, и оно захлестнуло ее, заставило забыть окружающий мир и, как она сама потом признается, спасло ей жизнь.

Молодая держава Русь ещё мало знала князей, кои правили ею. Были на Киевской земле вожди племени полян братья Кий, Щек и Хорив. Да сгнули без времени, оставив полян без вождей. Потом пришли к Киеву торговые люди, варяги Аскольд и Дир. И поляне отдали им власть над собой. Но русского государства ещё не было. Только племена заселяли великое пространство от Белого до Черного морей. И пришел к Киеву шурина князя новгородского Рюрика, князь усманский Олег. Войска при нем было немного, да хитрому Олегу оно и не нужно. Позвал Олег Аскольда и Дира на берег Днепра и сказал:

— Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского. И со мною сын великого князя Рюрика — Новгородского. Нам и править Русью!

Аскольд и Дир не уступили своей власти пришельцам и обнажили мечи. Но за спиной у вождей полян не было дружины, лишь небольшой отряд воинов. И схватка завершилась скоро. Князь Олег велел похоронить вождей с почестями. Аскольду нашли Угорский холм, где ко времени Игоря поднялся Ольмин двор. Тот же Ольга поставил рядом с могилой Аскольда храм Святого Николы. Дира же похоронили на другом холме, и возле его могилы ко времени Ольги поднялась церковь Святой Орины. Сказывали, что Аскольд и Дир были христианами.

И сел князь Олег на престол в Киеве. Собрал воевод, бояр и простых горожан, сказал им:

— Се буди мати градом Русским: и беша у него Варязи и Словени, и прочи прозвашася Русью.

Так и было: стал Киев матерью городам русским. И пошла со времен Олеговых великая держава, кою назвали Русью. И кому, как не Ольге, было все это знать. Она воочию видела, возрастая в Киеве, какой силы набиралась Русь при князе Олеге. Даже царь могучей Византии Леон[5]* сказал Олегу, когда его воины подошли к Царьграду: «Не губи мои города, дадим тебе дань, какой захочешь».

*[5]Леон — имеется в виду Лев VI (866-912), правивший с 870г.

И повелел князь Олег царю Леону выплатить русичам дань по двенадцать гривен золотом на воина. Было же у Олега две тысячи судов, а на каждом судне по сорок воинов.

Олег прибил свой щит к вратам Царьграда и вернулся в Киев под греческими парусами из паволок, и привез горы золота, множество тюков шелка, без счету бочек заморского вина и корзин фруктов.

Тридцать три года стоял князь Олег на престоле Киевской Руси. Последние десять лет жизни Олега княгиня Ольга, уже супруга князя Игоря, жила в великокняжеских палатах и восхищалась достойными делами сего правителя, коего в народе звали вещим Олегом.

Князь Игорь взошел на великокняжеский престол в менее благополучное время. Едва он и его молодая жена освоились с новым положением, как в Древлянской земле вспыхнул бунт. Не захотел древлянский князь Мал подчиняться Киеву, но искал свободы. Смерть Олега послужила сигналом для древлян и побудила к непокорству. Но князь Игорь оказался достойным наследником престола и крепко держал в руках Олегов меч. Ольга проводила мужа в первый военный поход с легким сердцем. Она верила в князя Игоря, в его воевод и в большую княжескую дружину. И не ошиблась. Бунт древлян был погашен скоро. Да и было отчего торопиться, потому как к пределам Киевской Руси приближались орды печенегов — сильных и коварных врагов, страшных дерзостью, жестокостью и жаждой грабежей.

Усмирив древлян, князь Игорь, помня пример князя Олега, не ждал врага, а искал его. Он выступил навстречу печенегам. Рать русичей устрасила кочевников, и они бежали, позабыв, что намеревались разорить Киев. В том походе вместе с князем Игорем

находилась и Ольга. И она посоветовала мужу гнать врага, пока он не запросит мира. Игорь так и поступил, преследовал печенегов, не давая им отдыха. И они запросили мира, и был заключен договор.

Но мир оказался непрочным. Изгнанные из пределов Руси печенеги обосновались в просторных степях между Днестром и Днестром. Становища кочевников находились близ рубежей Руси, и конские табуны печенегов паслись на её тучных лугах. Каждый день степняки могли вторгнуться в пределы державы русичей. И к тому побуждали их византийские государи. В Царьграде ещё не выветрилось из памяти нашествие русичей князя Олега, когда они подняли из моря свои суда, поставили их на колеса и под парусами двинулись к Константинополю. Такого ещё не бывало на Византийской земле, и оно и не забывается.

После пяти лет мирной жизни печенеги нарушили договор и более чем сотысячной ордой вторглись в пределы Руси. Но эти пять лет не прошли даром и для русичей. Дружина князя Игоря приросла воинами. Под строгим оком воевод русичи много занимались военным искусством, и когда в Киеве прозвучал боевой клич, большая княжеская дружина, а с нею малые дружины многих русских городов двинулись правобережьем Днепра навстречу врагу. Скорым маршем войско достигло порубежных рек Десны и Остера и там встретило печенежские орды.

Увидев русскую рать, печенеги повели себя осторожно. И тревожили ратников Игоря лишь быстрыми налетами. И все-таки князь Игорь сумел навязать печенегам битву. Прижав их к реке Остер, вынудил защищаться. Два дня длилась сеча. Немало воинов полегло с той и другой стороны, но русичи одолели орду и выгнали остатки её со своей земли.

Это нашествие печенегов, как помнила Ольга, случилось на восемнадцатом году её супружеской жизни. А после долгие двадцать лет Русь пребывала в благоденствии и мирно уживалась с печенегами. Княжение Игоря в эти годы было отмечено лишь внутренним устройством державы. Князь Игорь и княгиня Ольга год за годом объезжали её города, селения на всем великом пространстве, утверждая свою власть. В один из первых же походов они посетили Новгород, Псков и родной для Ольги Изборск, погостили у её родителей. В разные годы они побывали на Белозере, в Ростове, в

Муроме, в Турово, в Тмутаракани и многих других больших и малых городах. И каждый раз Ольге казалось, что их держава бесконечно велика и богата. В каждой земле — у вятичей, у кривичей, у мери и чуди, у полян и древлян и многих других народов — имелись богатые лесные и речные угодья. Все народы Руси занимались хлебопашеством. Русичи не знали скудного житья. Они исправно платили дань князю и делали богатые приношения своим богам, кто Перуну, признавая в нем верховного мироправителя, кто Волосу, покровителю стад, кто Ладо, богу веселья. Сама же Ольга преклонялась превыше всего перед богом Колядой, властителем торжеств и мирной жизни.

Случалось, Ольга видела селения, где жили нерадивые язычники. Их боги — идолища были неухожены, жертвенные огни не горели, капища не имелось, жрецов при богам там не держали. И тогда княгиня строго наказывала посадников, старейшина и тиунов. Доставалось от неё и верховному жрецу Богомилу. Ольга усердно добивалась исполнения обрядов языческой веры, сама была ревностной идолопоклонницей. В Киеве она построила новое просторное капище, приставила к богам усердных жрецов, следила, чтобы не угасал жертвенный огонь и чтобы приношения богам не оскудевали. В эти мирные годы Ольга была терпима и к христианской религии. В Киеве при ней возродилась христианская община, кою в Олегово время разогнали, а храмы разрушили. Вещий Олег в последние годы жизни не терпел христиан. Ольга, в отличие от своего именитого дяди, не мешала им отправлять свои обряды, возводить храмы. И к этому времени в Киеве была построена деревянная соборная церковь Святого Илии. Торговым гостям Ольга разрешала привозить из Царьграда неведомые язычникам иконы, и они украшали храмы. Случалось, что Ольгу влекло войти в христианскую церковь. Желание наплывало как утоление жажды в знойный день. Но Ольга воздерживалась от желания, считала сие недостойным истинной идолопоклонницы.

Время покоя и мирного обустройства державы прервалось для Ольги неожиданно. Однажды, уже по весне, вернувшись из полюдья, князь Игорь посетовал:

— Худо мне. Сижу на великокняжеском троне уже тридцать лет, а до Олеговой славы не поднялся. Что скажут внуки?

Шел 941 год, и до появления сына Святослава оставалось ещё больше года.

— Полно, князь — батюшка, горевать. Ты достоин славы Рюриковичей, и это ведомо всем.

— Матушка княгиня, ты добра ко мне, и потому я для тебя герой. Я же хочу подняться до Олеговой славы. Потому иду по большой воде на Царьград, дабы проучить византийских царей за коварные происки. Они вновь натравливают на нас печенегов.

Ольга не перечила Игорю. Вскоре же князь начал готовиться в поход. На Днепре против Киева он собрал со всей Руси суда, счетом почти десять тысяч. В Киев каждый день прибывали ратники на челнах, на ладьях. Флот на Днепре прирастал быстро. И пришел час, когда можно было отправляться в путь. Могучая река ещё не вошла в свои берега, и в эту пору было всего безопаснее миновать днепровские пороги. И тысячи судов князя Игоря, больше ста тысяч воинов прошли скалистый Днепр благополучно. А дальше все пошло плохо.

Болгария в ту пору была союзницей Византии, и её лазутчики донесли грекам весть о том, что на них идет несметная рать русичей. Игорь, однако, успел привести свой флот на берега Боспора, и воины его разорили и опустошили Вифинию и Пафлагонию, сожгли многие селения, храмы, монастыри, повергли в ужас десятки тысяч мирных греков.

Но к месту высадки русичей подошел наконец флот императора Романа Лакапина[6]*, которым командовал умелый флотоводец Феофан Протопретиарий.

*[6]Роман I Лакапин (?—948), правил в 920-945гг., свергнут сыновьями и насильственно пострижен в монахи.

И не успели вернувшиеся с берега воины Игоря подготовить суда к бою, как на них низверглась лавина греческого огня[7]*.

*[7]Греческий огонь — легковоспламеняющаяся липкая горючая смесь на основе нефти, широко использовавшаяся византийцами в военном деле.

Десятки судов русичей загорелись, как костры из сухого валежника. Многие воины сгорели в огне, многие утонули в море. Прочие же, повергнутые в панический ужас, бежали на уцелевших судах к берегам Малой Азии. Там, едва высадившись на берег, русичи вынуждены были вступить в неравный бой с отборной пехотой и конницей Патрикия Варды и с азиатским войском Доместина Иоанна. Спаслась дружина Игоря от полного уничтожения только потому, что враг не отрезал ей пути к судам. Снявшись с якорей, русичи вышли в море, там сразились с двадцатью греческими судами, разметали их и ушли к фракийским берегам.

Князь Игорь долго не мог прийти в себя от неудачного похода в Византию, покрывшего, как он считал, позором его имя. Но княгиня Ольга рассудила более мудро:

— Нет на тебе вины, князь — батюшка. Разве ты знал, что тебя предадут бывшие друзья, разве тебе было ведомо, что греки владеют сатанинским огнем?

— Все так, матушка княгиня. Но я бежал, вместо того, чтобы лечь костями на поле брани.

— Ты под властью мироправителя. Он сохранил тебе жизнь потому, что призывает к отмщению коварным ромеям.

Ободренный словами любимой Ольги, Игорь и впрямь вознамерился отомстить за свое поражение императору Византии. На сей раз он собирался неспешно и умело. Против греческого огня русичи готовили кошмы, песок. Князь Игорь был деятелен и торжествен. К этому времени его верная супруга разрешилась от бремени и родила сына. Настроение князя Игоря передалось всей дружине. Воины рвались в битву. Великий князь собрал многотысячное войско в державе, призвал варяжские дружины из Скандинавии, нанял орду печенегов. И спустя два года после первого похода он повел флот и конницу на Царьград.

Болгарские лазутчики вновь донесли своему царю о движении войск и флота русичей. Царь поспешил уведомить императора Романа. Но на сей раз вести от болгар не вдохновили императора, а повергли в уныние. Византию будоражили внутренние распри, и он понял, что на сей раз его войску и флоту не одолеть русичей. Даже на устрашающий греческий огонь император не возлагал больших надежд.

Армада судов Игоря ещё не достигла устья Дуная, а навстречу ему показались два греческих судна, на мачтах которых развевались белые флаги. То двигались посольские суда. Вскоре они остановились близ княжеской ладьи. Суда сошлись, и послы Византии объявили через своего толмача о том, что император Роман Лакапин просит у князя россов мира.

— Наш царь готов заплатить вам дань, равную той, какую платили великому князю Олегу, — сказал князю Игорю старший посол.

Великий князь задумался: заманчиво принять сие предложение. Но посмотрел на своих главных воевод, Асмуда и Свенельда.

— Говорите, как думаете, — предложил он им.

Воевода Свенельд, молодой и сильный воин с холодными синими глазами, рвался в битву. Жажда добычи и воинской славы довлела в нем над всеми другими чувствами.

— Нет нужды возвращаться домой с полпути, великий князь. В Царьграде мы возьмем добра больше, нежели даст царь Роман.

Воевода Асмуд был уже в годах и не хотел больше воевать. Он возразил Свенельду:

— Два года назад мы тоже думали набить кормовые каморы да засеки узорочьем и паволоками. Чем кончилось, сам знаешь...

— Ноне мы другие и греческим огнем нас не испугаешь. Моченую кошму на грудь и — вперед! Тебе же на покой пора и незнамо с чего пошел с нами, — ярился Свенельд.

— Вижу, что без дружины не обойтись. Ее слово — последнее, — решил князь Игорь. И повелел сплотиться судам. Когда сотни судов подошли на веслах к княжеской ладье, Игорь сказал: — Вот вы видите греческих послов. Их царь ищет мира с нами, и они говорят об этом. Еще царь Роман будет платить нам дань, равную той, какую получал великий князь Олег и его воины. Говорите, о чем думаете. Так и будет, как скажете.

Воины заволновались, зашумели все разом, да увидел князь, как через борта судов пробирается к его ладье старейший из ратников, коего Игорь помнил ещё по Олеговым походам.

— Вижу тебя, Улеб Володислав. Поднимись на ладью и говори.

Улеб поднялся на ладью князя, встал у дружины на виду.

— Слушайте все! Был я в том Олеговом походе на Царь-град! Славно мы воевали греков, добычи много взяли. Да тьму русичей

оставили под стенами града и на полях ромейской земли. Но когда царь без войны дает нам серебро и золото, то чего больше можем взыскать? Ведомо ли кому, кто одолеет. Мы ли? Он ли? И с морем кто советен?

— Верно говорит Улеб: смерть красна не бывает! — крикнул кто-то из отроков.

И дружина подхватила:

— Согласны с Улебом! Согласны!

— Тому и быть! — утвердил волю дружины князь Игорь.

И сказано было грекам, чтобы, не мешкая, присылали дань, пока войско не подошло к Царьграду. Послы умчались, словно на крыльях улетели, а через два дня пришли новые греческие суда, и русичи приняли от греков больше ста пудов золота и серебра столько же. И было написано соглашение русского князя с послами о заключении мира между двумя великими державами.

Ровно через год император Роман прислал в Киев большое посольство. Великого князя Игоря в те дни не было в Киеве, и заключение мирного договора вела великая княгиня Ольга. Она же отправилась в Царьград с русским посольством.

Император Роман встретил княгиню Ольгу с большими почестями. Он знал, что принимает посланницу мощного молодого государства. Заключение мирного договора сопровождалось пышными торжествами. И на них княгиню Ольгу окружили самым теплым вниманием и восхищением. Сама же Ольга была озабочена не тем, чтобы получить побольше удовольствий, пребывая в гостях, а чтобы привезти в Киев договор, в полной мере отражающий достоинство Руси как великого государства. Ольга дословно помнила договор князя Олега с греческими царями Леоном, Александром и Константином. Последние были братом и сыном первого. В том договоре Византия воздала Руси заслуженные почести, умалив свои достоинства. Так ли будет теперь, спрашивала себя Ольга. Только это и волновало великую княгиню.

Волнения архонтисы россов оказались напрасными. Договор полно отражал то, что хотела в нем видеть княгиня. Ольга не раз прочитала сей договор. «Мы от рода русского, послы и гости Игоревы...» Тут шло перечисление пятидесяти имен русских послов и в числе первых были имена княгини Ольги, её сына Святослава,

племянников Игоревых Улеба и Акуна. Далее же говорилось: «Мы, посланные от Игоря, Великого князя русского, от всякого княжения, от всех людей Русской земли, обновить ветхий мир с великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном, со всем Боярством и со всеми людьми Греческими вопреки Дьяволу, ненавистнику добра и враждолюбцу, на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, крещеные и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержитель на гибель вечную и временную, а вторые да не имеют помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от собственных мечей и стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий».

Ольга не только помнила каждый пункт договора, каждое слово, но видела и лица, кои стояли за этим бесценным документом.

«Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостями и Послами. Гости, как установлено, носят печати серебряные, а Послы золотые; отныне же приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, доколе извести о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерть их да взыщется от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними как угодно».

Договор предусматривал все, что касалось русских, посещающих Грецию. Было сказано в нем, где жить русским послам и гостям, чего требовать, и утверждалось: «Гости Русские будут охраняемы царским чиновником, который разбирает их ссоры с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 золотников (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к ней печать свою. Отправляясь из Царьграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у церкви Святой Мамы и да возвращаются с охранением».

Главу за главой перебирала Ольга в памяти договор и отмечала равноправие сторон. «Князь Русский да не при сваивает себе власти над Херсонскою страню и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков, мы дадим ему, сколько будет надобно». Позже там русским приходилось воевать с хазарами и печенегами, и они управлялись без чужой помощи. «Ежели

Цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидят через то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью». Ольга перебирала не все главы договора, но главные, как ей казалось. Суть же самую важную всякий раз повторяла: «Сии условия написаны на двух хартиях: одна будет у Царей Греческих; другую, ими подписанную, доставят Великому Князю Русскому Игорю и людям его, которые, приняв оную, да клянутся хранить истину союза: Христиане в Соборной церкви Святого Илии предлежащим честным Крестом и сею хартиєю, а некрещеные полагая на землю щиты свои, обручи и мечи обнаженные».

В присутствии княгини Ольги император Византии клятвенно утвердил союз и отправил новых послов в Киев, дабы вручить князю Игорю хартию мира. Как прибыли они вместе с послами русскими, то на Священном холме близ Перуна было великое собрание киевлян и мужей всех чинов. Князь Игорь пред ликом Перуна торжественно обязался хранить дружбу с Византией. И в знак клятвы сложил к ногам мироправителя свое оружие, щит и золото. То же сделали воины его дружины. Клялись они оружием и золотом потому, что для язычников это были священные и самые дорогие реликвии.

С холма греческие послы отправились в Соборную церковь Святого Илии, где присягали на верность варяжские и русские христиане.

Воспоминания княгини Ольги оборвались. Она подошла к пределу, который не могла преодолеть минувшей ночью. Вновь она вспомнила слова древлянского колдуна Чура, и грозу, и лик князя Игоря в бликах молнии и пламени горящего дуба. Ольге стало дурно, она прилегла на ложе. Но в это время вместе с Павлой в опочивальню вошел воевода Асмуд и, поклонившись, сказал:

— Матушка княгиня, из Древлянской земли привели гонца, он опрошен в гриднице старейшинами, и тебя зовут, дабы услышала то, что тебе должно знать.

Княгиня Ольга встала с ложа, погладила по головке сына, коего Павла держала на руках, ответила:

— Я иду. Да пусть соберут в гридницу всех бояр, воевод, купцов, пусть позовут жреца Богомила. Я буду говорить с ними, — Ольга

хотела, чтобы черную весть услышали все, имущие власть и силу. Еще она собиралась сказать свое. И знала, что это будут вещие слова.

Глава третья

ПЛАЧ В КИЕВЕ

С той минуты, как гонец появился на древлянской дороге и его коня привели на теремной двор, и до того часу, как княгиню Ольгу позвали в гридницу, прошло немало времени. Хотя древляне наказали гонцу передать черную весть княгине Ольге с глазу на глаз, градские старцы сего не допустили. На теремном дворе гонца сняли с седла, распутали руки и отвели в гридницу, где бояре и воеводы потребовали прежде всего им открыть то, с чем он явился. Мудрые мужи сочли своим долгом защитить княгиню от первого удара, надеясь на то, что мужественная женщина легче перенесет горе, услышав о том от них, её радетелей.

Но старый воин Улеб понял сие по — своему. Знал он, что гонцов с черной вестью государи нередко убивали. Что ж, такова судьба многих сеунчей. Улеб не боялся смерти, ему, старому воину, многожды приходилось сходиться с нею в битвах. Еще в Древлянской земле он дал слово павшим от рук коварных злочинцев рассказать все в первую голову великой княгине. Ведь он оказался единственным очевидцем всего, что там случилось. Но умирать ему, однако, было нельзя, потому как останутся неотомщенными его младшие братья и многие сродники, кои служили в дружине князя. И вот Улеб стоит перед воеводами и боярами, упрямо замкнув рот. Он все-таки решился явиться перед великой княгиней и все ей поведать. Они же уговаривали его, просили, требовали, угрожали, за грудь хватали — и все с одним: расскажи, что случилось в Древлянской земле.

А в гридницу валом ломились горожанки. Ведь там, в Древлянской земле, вместе с князем Игорем были многие сотни воинов. И теперь их жены, матери, сестры — все скопом взывали к Улебу, дабы он раскрыл роковую тайну

— Улебушка, сват, аль забыл Маланыюшку, кою просватал за своего племяша киянина. Что с моим голубем Владом? — кричала заплаканная молодайка.

Этот крик словно разбудил Улеба. Он вскинул голову и увидел слезы не только на лице Малании, но и на лицах многих женщин, теперь уже вдов и сирот. И дрогнуло сердце старого воина, подумал он: «Что там горе великой княгини, ежели вдвое горе тем, кто потерял семейшку, батюшку — кормильца». И торопливо, словно боясь, что не успеет сказать о всем, чему был очевидцем, крикнул:

— Слушайте, сердешные, никому живота не оставили, кто был при князе Игоре на Древлянской земле! Всех порубили злодеи древляне! Всех! Меня лишь пощадили, дабы донес до вас черную весть! Тяжкий жребий я исполнил, теперь же судите меня судьей и приставом. Голову кладу на камень! — Й Улеб замолчал, склонил голову на грудь и заплакал.

В гриднице несколько мгновений стояла тишина. И кто-то из бояр успел спросить:

— А батюшка князь, что с ним?

— И он сложил голову, — совсем тихо ответил Улеб.

И гридница взорвалась, загудела, заголосила. Кто-то ещё пуще заплакал, кто-то слал древлянам угрозы. Женщины с рыданиями вскидывали руки, рвали на себе волосы. Плакали старики, бывалые воеводы, жестокосердые бояре и даже молодые воины.

Черная весть, словно степной стервятник, вылетела из гридницы и полетела над теремным двором, над улицами и площадями Клева, и вскоре все горожане знали о том, какое горе к ним пришло. И побежали к княжеским теремам сотни новых горожан, дабы убедиться в подлинности прихлынувшей беды. Смятение охватило весь Киев. Знали же многие о том, что несколько дней назад дружина Игора, ходившая в полюдь на Древлянскую землю, разделилась на две части. Горожанам было ведомо, что большая часть во главе с воеводой Малком ушла за данью к смолянам. И теперь всем горожанам оставалось лишь гадать, чьи мужья, отцы, сыновья и братья ушли с Малком, а кто остался при князе Игоре.

Помня об этом, воевода Посвист попытался успокоить тех, кто толпился, плакал и вопил близ гридницы.

— Утихомирьтесь, жены и матери! Еще никому не ведомо, кто из вас осиротел, кто потерял отца — батюшку, а кто семейшку! — Голос его звучал мощно, и на княжеском дворе стало тише.

Как только плач и стенания затихли, отроки и гридни вытеснили горожанок из залы, потому как на теремном дворе собрались многие вельможи, которых созвали сеунчи по повелению великой княгини. Им, кто был мудр и умен, надлежало решить судьбу древлян. Им, градским старцам, воеводам, боярам, княжим мужам, было ведомо, в какой раз древляне поднимаются бунтом против великокняжеской власти, против своего законного государя. В палате было шумно, все уже забыли о гонце Улебе, все угрожали злочинцам. Лишь градские старцы помалкивали. Наделенные мудростью и знанием великокняжеской жизни, образом правления державой, они искали первопричину бунта древлян. Им было ведомо, что древляне издавна славилась добрым нравом, чтили своих властителей, будь то великие князья всея Руси, или свои, искоростенские. Да была в этом одна странность: бунты древлян венчали начало и конец великокняжеского правления Игоря. Что тому причиной — вот задача, кою должно было разрешить старейшинам Киевской Руси. Наконец-то в гриднице появилась великая княгиня Ольга. Она была бледна, но спокойна и величава. Глаза её сухо поблескивали. Все, что ей суждено было пережить, ещё будет пережито. Теперь же, перед лицом своих подданных, ей надлежало оставаться уравновешенной и любящей матерью своих детей. Умудренные жизнью вельможи только удивились силе воли и выдержке этой загадочной славянки. С высоты княжеского помоста она осмотрела зал, заглянула в лица вельмож и остановила свой взор на Улебе Владиславе, который стоял в окружении княжеских телохранителей.

— Зачем вы его держите? — строго спросила княгиня. Отроки отошли от гонца, и Ольга позвала его: — Улеб, подойди ко мне.

Склонив голову, воин поднялся на помост, опустился на колени и застыл. Ольга же велела ему подняться, тронув за плечо. Он встал.

— Говори все, с чем прислан и чему был очевидцем на Древлянской земле. Имя назови, кто первым руку поднял на князя, на дружину.

— Говорю, матушка княгиня. По воле божьей Перуновой мне не дано было пасть с братьями моими, я был схвачен в дозоре. Свяжав, да кляп воткнув, повели к стану, где князь и воины почивали. Там шла резня, потом стало тихо. Ко мне подошел князь Мал и сказал: «Отправьте его в Киев. Тебе же, воин, наказываю передать великой

княгине, что в наше стадо пришел волк и мы его убили», — с тем князь

Мал и ушел. — Улеб склонил голову и замолчал, по измученному лицу его текли слезы.

И княгиня Ольга молчала. Она стала ещё бледнее, и глаза её затуманились от слез. И все, кто был в гриднице, молчали, и многие вельможи прослезились. И никто не осмеливался нарушить тишину. И долго бы молчали киевляне, оплакивая смерть своего князя, да пора было узнать причины его гибели. И Ольга, одолев слабость, повелела:

— Говори все, как ведаешь, с того часу, когда вступили на Древлянскую землю.

Улеб выпрямился, плечами повел, пытаясь расправить их, и тихо начал печальную повесть о гибели князя Игоря и его дружины.

— Как и в прежние годы, мы пришли в Древлянскую землю с миром. Дань, кою платили древляне, взималась по совести. И древляне знали, за что платят дань: их оберегали от набегов кочевых и хищных племен и потому они жили в покое. И на сей раз мы объехали Древлянскую землю и взяли свое по праву, но не больше. Исполнив государево дело, мы вышли на дорогу, ведущую к смолянам. Великий князь Игорь был доволен древлянами и лишнего с них не потребовал. Но в пути по Древлянской земле в дружине возник ропот. Те воины, да больше из варягов, кои в прошлые полюдья ходили с воеводой Свенельдом, сплотились и подступили к великому князю с обидой. И слово сказал варяг Фарлоф — старший. «Ты, великий князь, добр к своим данникам, — начал он, — и берешь с них мехов, узорочья, мечей, седел, меда и воска мало. Потому мы, твои отроки и гридни, босы и наги, потому в обиде и нищете». «Полно, Фарлоф, — ответил князь, — не вижу, чтобы ты был бос и наг: сапоги яловые на тебе, кафтан болгарского сукна. Но что ты хочешь, говори?» — «Зачем упрекаешь меня, князь. Не я один, но все мы хотим быть как воины Свенельда. Они, ходя за данью, богаты оружием и всякою одеждою, они вольно берут у данников все, что им мило. Потому и мы просим тебя, князь, по справедливости быть с нами. Да и себя не обходи», — «Как сие сделать, не знаю», — ответил князь. Фарлоф — старший посмотрел на своего младшего брата и велел ему: «Говори ты. Я же свое сказал».

И перед великим князем выступил Фарлоф — младший, богатырь телом, да злочинец духом.

«Говорю тебе, великий князь, от имени моих соратников: веди нас в Искоростень, и когда мы возьмем все, что нам нужно, и девы древлянские будут наши, тогда мы воздадим тебе честь. Все по справедливости, потому как у нас жизнь коротка...»

— За двумя братьями, за их сродниками стояли ещё почти пятьсот воинов, коим речи Фарлофов были милы, — продолжал повесть Улеб, — Все они прежде ходили со Свенельдом за поборами и брали в два, в три раза больше сверх меры. Сетовал великий князь на то и с нами делился досадой. Да не осудил в свое время знатного, но алчного воеводу Свенельда. А на сей раз попытался увещевать жадных варягов. «Ведомо мне, что в Киеве и в других городах и местах у вас, Свенельдовых земляков, много добычи спрятано. Зачем же зариться на чужое без меры? А у кого нечего обуть — одеть, придите ко мне на теремной двор, поделюсь своим. Я стар, и мне мало чего надо».

«Нет, князь, — настаивал Фарлоф — младший, — ты утешь нас ноне, пока от Искоростеня далеко не ушли. Нам не токмо добро нужно, но и утечи ждем. И тебе от того худо не будет».

Улеб помолчал, обдумывая, как вернее сказать. Знал старый воин, что князь устал от походов, от жизни, шел ему шестьдесят девятый год. Потому, считал Улеб, и оказался сговорчив.

— И тогда сказал великий князь Фарлофу — младшему и всем, кто стоял за его спиной: «Идите моим именем и возьмите ещё одну дань в прок будущего года», — «Нет, государь, — возразил Фарлоф — старший, — без тебя мы сию дань не получим. Идем с нами. Не вести же тебя». И было далее так великий князь возвысил голос и сказал дружине: «Все, кто жаждой не мается, идите в другие земли собирать государеву дань. И поведет вас воевода Малк Иншие останутся со мной, пойдут к древлянам!»

— Как сказал свое великий князь, так дружина раздвоилась и большая часть ушла за Малком. Меньшая же с личной сотней князя повернула на Искоростень. Я не жаждал добра, но остался среди злоумышленников, потому как сердце вещало беду. Мы прошли к Искоростеню через два селения и всюду варяги брали у древлян все, что хотели. Князь Игорь гневался, запрещал вольничать, но жаждущие чужого добра и утечи будто обезумели. Так, очумелой ордой, мы

пришли к городу. Были уже сумерки, и Фарлоф-младший потребовал именем великого князя открыть ворота. Древляне отказались пустить воинов в город, велели ждать утра. Варяги же пошли зорить селение близ города, там насильничали, убивали. Сие стало ведомо князю Малу, и поздним вечером в наш стан пришли от князя послы и сказали: «Ты, великий князь, отец наш, потому должен печься о нас, но не разорять. Мы тебе отдали дань сполна. Теперь же у нас в домах только стены остались. Потому просим: уходи в Киев», — «Утром разберемся, — ответил князь Игорь, — а пока идите к себе и готовьте дань за будущий год». — «Слышали, великий князь, сказанное тобой, да не жди от нас добра». С тем они и ушли. А пока добрались до городских ворот, лихие варяги раздели их, оставили лишь в исподнем.

— На другое утро тот же посол, именем боярин Клим, сказал мне, уже скрученному по рукам: «Мы как пришли от корыстолюбивого князя Игоря, все рассказали, стеная, нашему князю Малу. Он же спросил, стоя перед нами, нагими и босыми: «Что делать с волком, коему удалось ворваться в хлев, где стадо овец?» Мы же ему ответили: «Ежели не убьем волка, он все стадо порежет».

— Ночью все было так Я сидел в дозоре, прячась в яме, смотрел за городскими воротами. Они не открывались. Но сзади ко мне подобралась древлянские воины. Я и крикнуть не успел, как скрутили меня, в рот кдяпушку воткнули и унесли к воротам, кои в сей же миг открылись и из них валом повалила древлянская дружина, а впереди шел сам князь Мал. Не успел я и десяти раз вздохнуть — выдохнуть, как в нашем стане началась резня и стоны до меня доносились. Да я ничего из того уже не видел.

Утром же меня привели на место побоища в рощу и все показали. Видел я и могилу, кою копали для великого князя. Всю рощу устилали воины великого князя, а наши кони мирно паслись на лугу.

Голос Улеба прервался, он заплакал, слезы потекли по щекам, по бороде, но он закончил печальную быль.

— Мне сказали: «Теперь ты все видел, поедешь в Киев и там расскажешь великой княгине Ольге, как мы поступили с волками». Древляне спросили меня, где мой конь, но я молил их, дабы они лишили меня живота, я бился, лез на мечи. Они же ещё туже скрутили руки, поймали коня, посадили в седло и повели за пределы своей земли. И вот я здесь и все поведал, теперь прошу милости: убейте

меня! Убейте же! И положите на жертвенный огонь! — И Улеб упал на колени.

О нем, однако, сей же миг забыли. Но позже все-таки вспомнят и наградят тем, что просил.

Все взоры были обращены на великую княгиню. Она не плакала, но была похожа на рыбу, кою вытащили из воды и оглушили. Все, что окружало ее, слилось в огромную серую пелену, лишь в середине которой светились два ярких пятна — глаза её мужа, великого князя Игоря, чистые и теплые, как просини в небе в зените лета. Она стояла и покачивалась из стороны в сторону. А в гриднице зашумели, заговорили все разом, воины хватались за оружие, грозили древлянам сровнять их жилища с землей, уничтожить все племя под корень.

Княгиня Ольга ничего этого не видела, не слышала гула голосов. Оставаясь в оглушенном состоянии, она оперлась на руку боярыни Павлы и покинула гридницу. На теремном дворе княгиню ожидало новое потрясение: плакали по убиенным сотни россиянок. Им вторили тысячи других, заполонивших площадь перед княжескими теремами. Отовсюду до Ольги долетали крики: «Горе нам, горе! Где наши семеюшки, где батюшки, где братья? Горе нам, горе!» Слышались и мужские голоса, они были надрывны и устрашающи: «Крови! Крови! Руды!!»

Княгиня Ольга не находила слов что-либо ответить киевлянам. И она медленно двинулась к красному крыльцу палат. Но не успела дойти до него, как к ней подошел верховный жрец Богомил — лет сорока, с сухим и гордым лицом, с черными колючими глазами и носом, подобным клюву хищной птицы. Он тронул Ольгу за руку и в силу привычки властным голосом сказал:

— Перунов раб и твой слуга, великая княгиня, зовет тебя на Священный холм. Идем же, дочь моя, и ты очистишься от печали, наполнишься силой мщения. — Княгиня Ольга в сомнении остановилась, но жесткий голос жреца заставил её одолеть слабость: — Не гневи мироправителя, супруга убиенного, иди за мной!

Ольга лишь молча кивнула головой и пошла следом за Богомилом. Ее сопровождали Павла и несколько гридней-телохранителей. А следом двинулась толпа киевлянок. Богомил приостановился и, придерживая княгиню за локоть, о чем-то тихо заговорил. Ольга

отвечала лишь изредка. Их беседу заглушали крики горожан: «Смерть древлянам! Руды! Руды!»

На Священном холме жажда крови зародилась и в великой княгине. Ольга сразу и не поняла, что такое в груди у неё загорелось. Но сильный ветер с Древлянской земли, оттуда, где убили её супруга, отрезвил ее, она учуяла запах крови, и в ней пробудилось нечто нечеловеческое. На Священном холме к приходу Ольги зарезали быка, она даже услышала его предсмертные рев и стоны. Пылал огромный костер, и жрецы разрубали быка на части и бросали их на огонь. Запахло горелым мясом. Княгиня Ольга увидела, как жрецы исполняют жертвенный обряд, и сама невольно включилась в него. Пламя в груди Ольги разгоралось все сильнее, казалось, оно слилось с жертвенным огнем, и княгиня дала волю бушующей страсти, повелела Богомилу привести на жадный огонь жертву её именем. Это повеление Богомил передал молодым жрецам, и они, ретивые исполнители Богомилова слова, бросили жребий, кому из русичей войти в Перуново капище и там сложить свою голову на жертвенном камне. Жребий пал на Улеба. Да по-иному и быть не могло, потому как верховный жрец ещё в гриднице во время исповеди отметил его особым знаком и сказал о том своему услужителю.

Близко к полуночи в избу Улеба на Подоле пришли четверо сильных, словно воины, жрецов. Улеб сидел у опустевшего жбана с медовухой и остался равнодушным к тому, что его подняли из-за стола, накинули кафтан и увели на Священный холм. Следом за ним, покорно, как и должно поступить истинной язычнице, покинула избу жена Улеба, Харита. В полночь же, в присутствии княгини Ольги, которая лишь сказала старому воину: «Ты прости меня, Улеб, тому должно так быть», — его и Хариту умертвили сыромятными удавками, положили на жертвенный камень и пустили кинжалами на пламя жертвенную кровь.

Перун, освещенный красным пламенем, не проявил никаких признаков торжества или благодарности за принесенные ему жертвы. Княгиня — язычница поняла недовольство своего бога. Ему нужны были новые и обильные приношения. Ольга холодно и без душевного волнения подумала: «Мой бог, я устелю дорогу к тебе телами моих врагов». С тем и покинула Священный холм.

Глава четвертая

ОТЕЦ ГРИГОРИЙ

Недоволен оставался малым приношением Перуну и верховный жрец. Покинув капище с горящими на жертвеннике телами Улеба и Хариты, Богомил в сопровождении трех жрецов спустился на площадь к княжеским теремам. Там было ещё людно. Язычники призывали к отмщению и проводили княгиню Ольгу от холма до княжеских теремов с криками: «Крови! Крови!» Она миновала горожан молча. Но появившийся в обезумевшей толпе Богомил нашел то, что искал, и подлил масла в пылающий костер:

— Дети Перуна, бога земли и небес! Он гневается на вас. Вы дали волю назареев, христовым скотам! Идите и снимите с них овечьи шкуры, приведите на жертвенный огонь! И вы увидите, что сие есть волки а не овцы. Их происками и молитвами погибли ваши отцы, мужья и братья!

Богомил знал, что какую бы расправу ни учинил нынешней ночью народ над христианами, она не будет поставлена ему в вину. И призыв верховного жреца пал на благодатную почву. Жажда мщения прорастала стремительно. Богомил вновь возвысил голос:

— Идите в жилища назареев, властвуйте в них именем бога Перуна! Лишайте живота всех, кого схватите!

И толпа с криками повалила в христианский квартал, в коем в эту ночь никто не спал. Христиане предчувствовали, что гнев и жажда мщения обрушатся в первую голову на них, и пребывали в страхе, помня разгул язычников, допущенный волею князя Олега. Тогда идоляне разрушили их храмы и беспощадно убили множество детей Христа, не щадя ни малых, ни старых.

Бог зла ещё не докатил язычников до Соборной площади, близ которой жили христиане — варяги и славяне, но там уже возникла паника и все, кто мог бежать, спешили покинуть свои жилища, унести детей. Бежали все: женщины и мужчины, отроки и отроковицы. В домах оставались лишь немощные старики и старухи. Но среди

христиан, не способных защитить себя и ближних, нашелся мужественный сын Божий. То был священник церкви Святого Илии отец Григорий.

Он появился в Киеве год назад, пришел из Царьграда вместе с греческими послами. А когда те посетили храм Святого Илии, Григорий отошел от них, встал рядом с протоиереем Михаилом, да так и остался в соборной церкви. Протоиерей Михаил, родом грек, знал Григория по Византии. Там они вместе служили в монастыре Святой Мамы. Отец Михаил высоко ценил священнослужителя из россос, знал, что он книжен, что истинный христианин и тверд в вере. Протоиерей Михаил, отслуживший в Киеве уже несколько лет, был рад появлению Григория. И год их совместной службы лишь укрепил душевные чувства отца Михаила. И теперь, когда пришел час испытаний, старый и немощный протоиерей возлагал все надежды на спасение от приближающейся к ним беды на священника Григория.

Вооружившись крестом и посохом из древа Святого Павла, Григорий в эту ночь стерег храм. И в окружении трех послушников и нескольких старцев не покидал паперти собора уже несколько часов. Когда же в храм стали сбегаться верующие, он распахнул перед ними ворота их последнего убежища. И лишь только на площади перед храмом появилась толпа разъяренных язычников, он поднял над головой крест и двинулся навстречу толпе. Он шел и читал молитву:

— Да воскреснет Бог Иисус Христос, и расточатся враги Его. Яко исчезает дым да исчезнут; яко тает воск от лица огня... Таки да погибнут от лица Любящих Бога и знаменующихся крестным знаменем...

Григорий шел медленно, но твердо. Толпа язычников остановилась, замерла — ни криков, ни шорохов, ярость на лицах угасла. На них шел всего один человек, но, как показалось язычникам, наделенный силой всей их толпы. Над человеком в черном одеянии сиял неопалимый свет. Но язычников он опалил, они ослепли и, закрыв руками глаза, попятились, повергнутые в ужас.

А священник Григорий все шел и шел, за его спиной уже лежала пустынная площадь, посох его стучал о землю все сильнее, крест вознесся ещё выше, сияние озарило всю улицу впереди и площадь за спиною Григория.

— Господи, огради меня силою Честного и Животворящего Твоего креста и сохрани меня от всякого зла, — продолжал Григорий читать молитву, преследуя идолян.

И толпа рассеялась по улицам и переулкам, ночь помогла язычникам спрятаться по амбарам и поветям. А перед отцом Григорием остался лишь один Перунов служитель, верховный жрец Богомил. Силою духа он не уступал Григорию, твердостью характера даже превосходил. Черные глаза его метали молнии. И они поражали тех, в кого Богомил целился. Сошлись две силы, но одна из них служила злу и вела позорных язычников убивать невинных, разорять их жилища, предавать огню все, что можно было сжечь, другая же сила несла добро и призывала людей к милосердию, к любви ближнего.

— Мать Богородица, помилуй меня, грешного, в добродетели укрепи и соблюди меня, да никакая смерть не похитит меня неготового... — вознес молитву Григорий громче прежнего и положил крестное знамение на Богомила.

Тот же не выдержал сего удара и дрогнул, и закрыл лицо широким рукавом багряного плаща, и попятился, истомно взывая к своему идолу:

— Бог мой, Перун, порази молнией и громом отступника веры отцов! — Но Перун не внял мольбе Богомила, и тот, повернувшись, скрылся в темной улице.

На площади перед храмом воцарилась тишина, лишь старцы на паперти шуршали словами молитвы да славили святого отца Григория, крестом и посохом отразившего врагов христиан.

— Полно, полно вам, старцы, похвала во вред православному христианину, — остановил их священник Григорий и добавил: — Несите бдение с помощью Господа Бога, я же помолюсь с паствою. — Но в ризнице силы покинули его. Опустившись в греческое кресло, Григорий откинул голову на высокую спинку и закрыл глаза. Он сидел неподвижно и, казалось, уснул. Но нет, сон не шел к нему, хотя он и жаждал его. В тысячный раз, может быть, Григорий окунулся в прошлое, ворошил сено сорокалетней давности, да все не удавалось доворошить до конца и предать сей труд забвению.

В ту далекую пору, на заре десятого века, он, семнадцатилетний юноша, заболел любовью к соседке, десятилетней княжне Прекрасе. А

точнее сказать, болезнь пристала к нему много раньше. И первое удивление своим горячим чувствам к прекрасной девочке он испытал, когда Прекрасе было пять лет. Жили они рядом в центре Изборска, и окна его дома, где он жил с родителями, смотрели на княжеские палаты, где росла будущая великая княгиня Ольга. В пятилетнем ребенке Егор распознал все, чему потом будут дивиться зрелые мужи, хотя бы раз увидевшие княжну, княгиню, славянку Прекрасу. Григорий никогда не пытался описать её облик. У него не хватало слов выразить, какие у неё были глаза, то ласковые, то лукавые, то сердитые и даже гневные, но всегда прекрасные. Он не знал, с чем сравнить стать отроковицы, а позже — девы. В золотую косу Прекраса могла закутаться, как в беличью полость. И умна, рассудительна она была не по годам, озорна и игрива. Да книжна. Могла просиживать за берестяными грамотами целыми днями. До восьмилетнего возраста Прекрасы Егор часто встречался с нею, случалось, играли вместе на площади перед палатами. И вдруг отец строго — настрого запретил ему даже подходить к Прекрасе. Вскоре же князь Избор вовсе увез её из города, спрятал в деревне. И случилось сие вслед за появлением из Киева великого князя Олега. Узнал Егор в те дни, что отроковица Прекраса наречена в невесты сыну князя Рюрика Игорю. И чтобы сберечь её от сглазу, от какого-либо девичьего урона, её отвезли в деревню Выдубцы под присмотр двух сестер князя Игоря и стражей у ворот дома. Сестры Игоря держали невесту в затворничестве и строгости.

Прекраса, однако, была вольнолюбива, властна и отчаянна. Она то обманывала хитростью своих домоправительниц и нянек, то открыто с лихостью покидала подворье и гуляла с деревенскими отроковицами по окрестностям деревни, где ей вздумается.

Егор в ту пору проводил лето в деревне Хвосты, отписанной ещё князем Рюриком посаднику Глебу, отцу Егора. И потому он изредка осмеливался нарушать наказ отца, встречался с Прекрасой в Выдубцах. И в одну из таких встреч он истинно утвердился, что Прекраса — не его судьба. Десятилетняя отроковица сказала ему, как зрелая и мудрая женщина:

— Егорша, тщетна твоя потута: сторишь, но не возьмешь того, чего желаешь. Потому не ищи меня более. Суждено мне быть женою князя Игоря.

— Но ты его не ведаешь, — возразил Егор, — может, он на упыря болотного похож Я же пред тобой.

— Ты пригож и ведом мне нравом мягким, да судьбу не обойдешь, не объедешь. Потому прощай и не казись по мне, — Лицо её в сей миг было холодно и печально.

Егор в то мгновение понял, что Прекраса из тех птиц, кои царят в поднебесье. Он ушел из Выдубцов, стаяя в душе и ещё не ведая, что сердечная рана его так и не зарубцуется до исхода жизни.

А ближе к осени в Выдубцах появились князья Олег и Игорь и увезли Прекрасу в Киев.

В те же дни покинул Изборск и Егор. Он подрядился гребцом на караван судов, который возвращался из Пскова в Херсонес. В Киеве караван пристал к берегу и простоял сутки. Егор порывался сбегать на княжеский теремной двор в надежде хоть одним глазом увидеть Прекрасу. Но сдержался и просидел все сутки на корме греческой скедии. А через сутки быстрая днепровская вода понесла скедию в низовья Днепра, и с нею на сорок лет уплыл из родной земли сын изборского посадника Егор.

В Херсонесе, куда вернулись греческие скедии, Егор не задержался. Он узнал, что близ селения Инкерман есть мужской монастырь, и ушел туда. Там его крестили в христианскую веру и нарекли имя Григорий, он стал послушником. Он провел в Инкерманском монастыре несколько лет, изучил греческий язык и грамоту. Не приняв монашеского сана, он однажды уплыл в Царьград. Там поселился в посаде, близ монастыря Святой Мамы, где останавливались купцы — русичи, когда прибывали в Царьград с товарами. Монастырь располагался между городской стеной и проливом Боспор. В монастыре была церковь, и Григорий почти каждый день ходил в сей храм на церковные службы и был замечен священником Михаилом. И однажды отец Михаил позвал Григория в ризницкую и там спросил:

— Сын мой, нет ли у тебя желания послужить православной вере?

— Вельми большое желание есть, — ответил Григорий.

— Тогда приходи завтра к обедне. Я уготовлю тебе место в храме. Вижу в тебе истинного христианина, — сказал отец Михаил.

В ту пору в Византии при императоре Леоне служили семьсот Олеговых воинов. Они стояли близ монастыря Святой Мамы. Многие

из них были крещены в христианскую веру. Возвращаясь из походов, они шли помолиться в храм, где теперь служил Григорий. И ему было отрадно знать, что на чужой земле он не одинок. С некоторыми из них Григорий познакомился, сдружился. Но мирное и благостное течение жизни вскоре оборвалось. Для Григория наступила тягостная, полная тернистых испытаний и рабского труда жизнь. Причиной тому оказалось вторжение в Византию русской рати, кою привел великий князь Олег. Разгул язычников Олега, как сие увидел сам Григорий, был безобразен. Они сжигали жилища, разоряли храмы, монастыри, бросали женщин с детьми в море, пленных греческих воинов расстреливали из луков или прибивали гвоздями к деревьям. Повелением Олега все воины, кои служили императору Леону, призывались вернуться на Русь, а поначалу должны были послужить в дружине и участвовать в битвах против войска Византии. Но гвардейцы императора перехватили сеунча Олега, и все воины — россы были схвачены, обезоружены и отправлены в глубь страны на каторжные работы. Григорий тоже был арестован. Его обвинили во враждебных замыслах против империи и как Олега лазутчика сослали в каменоломни. Шесть долгих лет провел на каторжных работах Григорий, добывая для императорского двора мрамор. Освобождение пришло по воле нового императора. В Константинополе волею императора Романа собиралось большое посольство на Русь. Туда же выезжали многие священнослужители проповедовать христианство. И священник церкви Святой Мамы Михаил дерзнул обратиться к патриарху, дабы тот освободил ревностного христианина из россос. Григория вернули в церковь Святой Мамы и поручили перевод священной книги на язык россос.

Григорий, движимый вдохновением, трудился денно и нощно и успел сделать перевод Православного Молитвослова и несколько списков с него ко дню отплытия на Русь греческих послов. После сего Григория посадили за перевод Евангелия, и он трудился над ним около трех лет. Позже, когда Григорий вернулся на родную землю, он привез свой рукотворный труд, второй список Евангелия, на родную землю.

С годами жизнь Григория в Византии становилась все более умиротворенной. Может быть, он там и закончил бы свой бренный путь. Но в Царьград суждено было прибыть великой княгине Ольге с посольством. Когда он услышал о том, что суда княгини Ольги вошли

в Золотую бухту, то испытал ни с чем не сравнимую радость и волнение. Уведомив протоиерея Николая, занявшего место уехавшего на Русь протоиерея Михаила, Григорий ушел в гавань в надежде увидеть там великую княгиню, когда она на третий день пребывания в гавани сошла с судна и отправилась в императорский дворец, в посольский особняк. Григорий смотрел на неё издали, не осмеливаясь открыть своего лица. Она показалась ему прежней прелестной Прекрасой, но ещё более величественной. С этого часу Григорий заболел тоской по родине, и все помыслы его были об одном: как вернуться на отчужденную землю. И когда через год после пребывания княгини Ольги в Царьграде на Русь собиралось большое посольство, а с ним отправлялись многие священнослужители — миссионеры, отец Григорий дерзнул обратиться к патриарху и испросил его позволения войти в число миссионеров. В ту пору высшее духовенство Византии прилагало много усилий для того, чтобы христианство стало на Руси государственной религией.

И вот священник Григорий в Киеве, среди христиан и рядом с язычниками, кои, как показалось ему, ещё более, чем при князе Олеге, погрязли в невежестве своего идолопоклонничества. Он не жалел сил, чтобы росли ряды христиан. Но сие давалось трудно, потому как верховный жрец Богомил жестоко преследовал вероотступников. И многие из них уже поплатились жизнью. Понял Григорий, что пока во главе язычества стоит Богомил, пока великие князья держатся языческой веры, надеяться на прирост христиан тщетно.

Ночь прошла, но Григорий так и не сомкнул глаз. На рассвете он вновь услышал на площади голоса и крики отчаяния. Он вышел из храма и увидел, как толпа киевлян скрылась на улице, ведущей к Священному холму.

— Что здесь случилось? — спросил он старцев, ещё охраняющих храм.

— Беда нам, отец Григорий, — ответил один из старцев, — идоляне утащили из Аскольдовой слободы седмицу православных вьюношей и дев.

В сие время к храму подошел протоиерей Михаил. Григорий поспешил ему навстречу.

— Преподобный отец, мерзкие люди увели на жертвенник семь христиан. По воле Богомила их убьют, ежели мы не спасем.

— Но что мы можем сделать, отец Григорий? — в отчаянии спросил протоиерей.

— Токмо великая княгиня властна остановить алчущих крови. Идем же к ней, преподобный.

Но протоиерей Михаил выразил сомнение:

— Она в таком горе. Как можно её тревожить?

— Не сомневайся, преподобный. Даже если пострадаем за веру, за детей наших, мы должны сказать ей о будущем её подданных христиан. — И Григорий взял Михаила под руку, повел к княжеским палатам.

На этом коротком пути от храма Святого Илии до княжеских палат — всего-то чуть больше двухсот сажень — два священнослужителя пережили и почувствовали столько, что иному и за всю жизнь не пережить. Грек Михаил был повержен в страх. Зная крутой нрав архонтиссы россов, он шел и прощался с жизнью, потому как понимал, что Ольга не помилует их за дерзость. Он вспомнил свой прекрасный Константинополь, свою приходскую церковь и полную боголепия службу, свой уютный дом и многое другое, свое, свое. Однако страх перед Ольгой мешал протоиерею Михаилу спрятаться до поры в воспоминаниях минувшего. Он боялся, что княгиня Ольга скажет: «Я сама язычница и по нашим законам готова лечь на жертвенный камень, дабы уйти из мира сего следом за супругом. И те, кого отметил Богомил, обречены на смерть моей верой». Что ж, Михаил знал, что на Руси испокон веков так поступали жены — язычницы, даже если глава семьи не погибал на поле брани, но умирал в постели.

Другое волновало россиянина. Григорий боялся, что княгиня Ольга не допустит их к себе, что стражи выпроводят их с княжеского двора силой. Но против стражей у отца Григория был крест. Оставалось одно: одолеть стражей и идти в княжеские терема, даже если их туда не позовут. И ещё волновало Григория немаловажное: найдет ли он такие слова, кои убедили бы княгиню проявить милосердие к невинным жертвам. За себя, за свою жизнь Григорий не волновался. Он верил, что и волоса не упадет с его головы без воли Божьей.

Но то, что увидел на теремном дворе Григорий, привело его в смущение и остудило пыл, с коим он шел к княгине. Двор заполняла

тьма воинов, и что уж тут было надеяться на силу креста. Им же не пробьешь стену. Ан оторопь посетила Григория лишь на мгновение. Он все-таки взялся за крест и поднял его над головой и решительно пошел вперед. И все случилось как бы само собой. Молодые воины — язычники уступали священнослужителям дорогу, да прежде всего почтенному белобородому старцу Михаилу. Им не было дела до того, что это христианские священники. Они, по обычаю русичей, уважали старость. И Григорий с Михаилом подошли к красному крыльцу. Могучий рында открыл перед ними двери, и они беспрепятственно вошли в княжеский дворец. В первой же большой зале их встретил воевода Асмуд. Он знал и Михаила и Григория.

— Зачем пришли в неурочный час? Разве вы не ведаете о нашем горе? — спросил он строго.

— Ведаем, достойный воевода. Токмо нас привело не меньшее горе, — ответил Григорий. — Хотим зреть великую княгиню, и неотложно.

— Матушка княгиня почивает, — сказал Асмуд. И тут же крикнул дерзким послам: — Ночь не спала! Убирайтесь вон!

Отец Григорий голову вскинул, крест к груди Асмуда приставил.

— Не бери грех на душу, воевода! На вашем холме невинные русичи к погибели приговорены. Веди не мешкая! — Глаза Григория обожгли все в груди варяга, он посмотрел на боярыню Павлу, коя спускалась с лестницы и слышала то, что сказал Григорий. Сказала торопливо:

— Матушка княгиня не спит. Она у сына в спальне. — И повелела Асмуду: — Веди их, воевода, веди!

Путь по лестнице был самым тяжким для Григория. Он поверил, что княгиня исполнит их просьбу. Но встреча с нею и пугала и волновала его. Он шел навстречу к любимой женщине, к той единственной отраде души и сердца, образ которой не угас в нем за долгие сорок с лишним лет. У него была женщина — гречанка: сан позволял ему жениться, но любви к ней он не испытал. И когда она покинула его, пока он был на каторжных работах, Григорий не жалел о том. К тому же и детей они не завели.

Прекраса — другое дело. Это был ангел — хранитель Григория. Она дала ему мало, лишь возможность любить, и, хотя любовь его была безответной, она питала его сердце силой и теплом, и образ

Прекрасы был несмываем временем. Жалел Григорий об одном — о том, что за год жизни в Киеве ни разу не увидел ее. Какая она в своем пятидесятилетнем возрасте? Да что говорить о том, когда её постигла черная беда.

Асмуд привел священников в трапезную и скрылся за дверью детского покоя. Прошло несколько минут, за это врет из-за двери дважды выглядывал трехлетний Святослав, стрелял острыми глазенками и скрывался.

Но вот наконец Асмуд вышел, распахнул дверь и на пороге появилась княгиня Ольга. Горе подкосило ее. За прошедшие две ночи и день она поблекла и показалась Григорию старой женщиной. Но, похоже, ни время, ни горе не тронули её стройной по — девичьи фигуры, кою облегал украшенный драгоценными камнями далматик. И потому Григорию показалось, что на лице у его Прекрасы — маска, что надевали женщины Царьграда в карнавальные ночи.

Ольга не очень приветливо спросила:

— Что вам нужно, слуги Христа Назаря? — Она смотрела на Григория, который стоял впереди протоиерея

Михаила, и на её лице не дрогнула ни одна черточка. Земляк и сподвижник её детских игр был для неё чужим и незнакомым.

Григорий и не ожидал иного. И понял в сей миг, что и Ольга для него чужая. И не было уже на свете Прекрасы. С ответом Григорий не замешкался и, подбирая сильные слова, сказал:

— Великая княгиня всея Руси, не дай пролиться невинной крови на Священном холме. Повели освободить семь пленников и пленниц. Над ними жрец Богомил готовит пагубную расправу.

— Кто они?

— Твои подданные, дети Христовы. Мы же с протоиереем Михаилом служим в соборной церкви Святого Илии, мы будем молиться за тебя, великая княгиня.

— Мне сие радости не прибавит. А на Священном холме своя власть. Богомил — слуга Перунов, но не мой, — Лицо княгини оставалось бесстрастным. И была она со своим горем где-то далеко, но никак не лицом к лицу со священнослужителями чуждой ей религии.

В груди у Григория дрогнуло сердце. Он понял, что княгиня не защитит схваченных язычниками христиан. «Она отдаст их на

заклание!» — крикнула его душа. И тогда Григорий отважился сказать то, что открывало его личность, что оставалось последней надеждой:

— Великая княгиня, Прекраса Псковской земли, друг твоего детства Егорша помнит твое человеколюбие и потому надеется, что ты исполнишь его просьбу, не загубишь напрасно семь российских душ.

Ольга сделала шаг назад, взмахнула рукой, словно защищаясь от наваждения, потом сделала несколько шагов вперед, остановилась близ Григория.

— Я помню Егоршу. Да ты ли это? Ведь Григорий, а не Егор твое имя!

— Да, великая княгиня, теперь я Григорий, но в семнадцать лет, когда покинул Изборск, я был Егоршей — Егорушкой.

— Давно ли в Киеве?

— Год.

— Почему же не пришел раньше, в лучшее время?

— Боялся встречи с тобой, — искренне ответил Григорий.

— Да, да, я понимаю. Я понимаю, — произнесла она тихо. Но поспешила сказать: — Хорошо, я исполню вашу просьбу. Вижу вы оба пришли с одним. — И, повернувшись к детской, позвала: — Асмуд!

— Слушаю, матушка княгиня, — появляясь в дверях, сказал Асмуд.

— Поспеши на Священный холм и скажи Богомилу моим именем, дабы отпустил всех, кого приговорил к жертвоприношению. Да возьми с собой воинов: одному тебе он их не отдаст.

Асмуд молча ушел. Ольга повернулась к Григорию. Он заметил, что на её лице разгладились жесткие морщины, порадовался.

— Прости, — сказала Григорию Ольга, — нынче я не могу тебя принять, дабы посидеть и вспомнить Изборск. Мы как-нибудь встретимся.

— Спасибо за милость, великая княгиня. Я буду молиться за тебя Господу Богу. — И Григорий низко поклонился.

— Идите за Асмудом, — предупредила священников княгиня, — Возьмете у него своих назареев.

Григорию вдруг захотелось ещё побыть близ княгини Ольги. Но, понимая, что пришел не на праздное времяпровождение, он ещё раз поклонился Ольге и покинул трапезную. Его и отца Михаила провожала Павла.

Ольга же стояла не шелохнувшись, взор её затуманился и в теле появилась легкость неведомая, и она улетела на свою любимую Псковщину, в далекую и радужную пору детства и отрочества.

Глава пятая

ПОСЛЫ

На улицах Киева улеглись страсти. На Священном холме никого, кроме жрецов, не было. Богомил ушел в свои палаты. А в христианских храмах шла служба. Был праздник Святого Иоанна Златоуста, и священник Григорий возносил с амвона слова великого христианского мыслителя.

— Ты постишься? Тогда избегай клеветы, избегай лжи, злословия, вражды, богохульства и всяческой суеты! Ты постишься? Тогда избегай гнева, ревности, клятвопреступления и несправедливости. Если ты постишься ради Бога, то избегай всякого дела, кое ненавидит Бог, и Он примет твое покаяние с благосклонностью.

Звучала песнь похвалы Святому Златоусту, и Григорий пел вместе с хором. В это время к нему подошел отрок-послушник и сказал:

— Святой отец, княгиня Ольга уже села на коня.

Размахивая кадилом, отец Григорий ушел в алтарь. Спустя немного времени на амвон вышел протоиерей Михаил. А Григорий снял ризу, накинул суконный кафтан и покинул церковь. Он знал, для чего Ольга поднялась в седло. Она поведет дружину в Древлянскую землю, и там быть разрушенными, разоренными городам и селениям несчастной земли, там быть убитыми всем воинам и проданными в рабство тьме древлянских дев и отроков. И священник Григорий спешил на княжеский двор с одним желанием: остановить Ольгу, убедить её в том, что кровная месть — дело варваров, но не русичей. Эта надежда Григория свершить благое дело была зыбка и призрачна. Кровная месть! О, она и в россиянах — язычниках имела глубокие корни, которые и богатырской силе не вырвать. А как он, слабый телом, старый человек, мог остановить женщину, которая потеряла любимого мужа, отца её сына и отца державы? И с каждым шагом отец Григорий понимал тщетность своих побуждений, однако продолжал идти. Но шаги его становились медленнее, потеряли твердость, он миновал ворота на княжеский двор, пошел вдоль стены и вышел на

высокий берег Днепра — и там застыл в удивлении. Взору его представилось огромное речное пространство, которое заполнили ладьи, челны — усады, коих не счесть. И берег, чуть ли не до окоема, занимали конные и пешие воины. Одним предстояло идти в Древлянскую землю на судах, другим — конным строем. И Григорий подумал, что изменить решение княгини Ольги в сей час не в состоянии даже Господь Бог.

Отец Григорий спустился к реке и шел теперь по стану воинов — христианин среди тьмы язычников. Он знал, что воины могли обидеть его, надсмеяться, бросить в спину бранное слово. Ему же хотелось поднять крест и наложить на воинов клятву: не мстить, не убивать, не грабить, не жаждать чужих жен. Но поднять крест в стане язычников было равносильно дерзкому вызову. И отец Григорий шел низко опустив голову, хотел остаться незамеченным. Однако ему это не удалось. На подходе к великокняжеской ладье он увидел княгиню Ольгу, она стояла на борту судна и осматривала дружину. А увидев Григория, сказала воинам:

— Прогоните этого человека и накажите забыть к моему терему дорогу. — Она догадалась, с чем шел к ней священнослужитель.

К тому же верховный жрец Богомил выразил княгине неудовольствие за то, что она повелела отдать христиан, тем лишив Перуна жертвоприношения. Когда же Ольга сказала, что сделано это по просьбе священника Григория, тот, зло сверкая глазами, жестко сказал:

— Не удивлюсь, великая княгиня, ежели ты будешь служить ему усерднее, чем мироправителю Перуну.

Тогда Богомил проявил дерзость. Как смел он, сочла Ольга, бросить ей такое обвинение? Чтобы она служила какому-то попу с его малеванными досками — иконами вместо истинных богов? Нет, такому не бывать! Но Ольга сдержала свой гнев, потому как было не до того. Потеря любимого человека с каждым днем усиливалась, углубляла её страдания. И наконец, она нашла единственный, как ей показалось, верный путь к успокоению — путь кровной мести. «О, я отомщу злодеям так, что только ветер будет гулять по их земле», — сказала Ольга себе. И было отдано повеление дружине собираться в подход. И вот уже все готово к отплытию. Ольга увидела, как отроки прогнали дерзкого слугу Христова. И пора было в путь. Ольга уже

велела трубить в рог о выступлении, как с высокого днепровского берега прибежал к ладье воин Веремид и крикнул от ВОДЫ:

— Матушка княгиня, там чужая ладья!

— Говори, чья же! — потребовала Ольга.

К княгине Ольге подошел воевода Свенельд, могучий воин лет сорока, с суровым бронзовым лицом, варяг дерзкий, умный и хитрый.

— Матушка княгиня, сие плывут послы от князя Мала, — сказал он.

— Как они посмели?! — Ольга смотрела на Свенельда потемневшими от гнева глазами, словно он был виновен в том, что те появились в пределах Киева, — Предать их смерти сей же час!

— Но это же послы к тебе, великая княгиня, — возразил Свенельд, — Вели причалить ладью к берегу.

— Никогда! — решительно ответила Ольга, — Я поговорю с князем Малом там, в Искоростени. А этих утопить!

— Да будет тобою велено. Нам же сие выполнять не мешкая, — ответил Свенельд, — Дозволь лишь, матушка княгиня, мне их выслушать.

Ольга ещё не нашла времени сказать все, что думала о нем, корыстолюбивом воеводе. Он прибыл в Киев всего несколько часов назад, проскакав многие версты из Белгородской земли. Наградив Свенельда недобрый взглядом, она отвернулась от него. В ней боролись жажда мести и здравый рассудок. Обычай говорил, что, кто бы ни были те послы, их нужно выслушать.

— Иди, да скоро вернись! Нам пора в путь, — разрешила княгиня и скрылась в рубленом шатре на корме ладьи.

Воевода Свенельд вернулся быстро, появился в шатре, с поклоном сказал:

— Кланяются тебе послы и просят их выслушать.

— И что же ты им ответил, верный мой воевода?

— Сказал, что ты их примешь, матушка княгиня.

Ольга с трудом терпела Свенельда и то лишь потому, что это был лучший воевода при князе Игоре. Не любила же Ольга Свенельда за высокомерие и своенравность, за то, что порою проявлял непокорность, часто поступал по своему разумению. Вот и теперь он вынудил княгиню сделать не так, как она решила, но навязал ей свою волю, заставил выслушать кровных врагов, которых уже давно бы пора

отправить в студеные воды Днепра. Но княгиня Ольга сочла, что не может принять послов в ладье. Нужно было подняться в терема, там распахнуть двери посольского покоя. И снова в её груди все возмутилось: «Нет, тому не бывать, чтобы в палатах, где князь Игорь принимал зарубежных гостей, появились его враги!» Изощренный ум Ольги искал иной путь решения встречи с послами. И её озарило. Она сказала Свенельду:

— Иди, воевода, и передай послам, что я приму их завтра на теремном дворе. Ладью же поставь в тридцати сажнях от моей.

— Так и передам, так и сделаю, матушка княгиня, — И Свенельд вновь поклонился и ушел к послам князя Мала.

Оставшись одна, Ольга снова задумалась. С какими бы благими намерениями ни явились послы от древлян, — считала она, — разговор с ними будет один: не уйдут они с Киевской земли, как бы ни пытались. Быстрая розмыслом Ольга уже нашла верное решение, как воздать должное людям князя Мала — тем, чьи сыновья подняли мечи на князя Игоря. Княгиня Ольга не покидала судна до той поры, пока не вернулся от древлян Свенельд. Вернувшись, он получил новое задание от Ольги:

— Иди к древлянам и скажи, что одного из них, старшего, я приму сей же час здесь, в шатре.

Посол древлянского князя Мала боярин Влад спустился с ладьи не мешкая. Он шел к великокняжеской ладье степенно, его бороду трепал ветер, соболья шапка была заломлена. И было непонятно: то ли он отчаянно смелый и за его спиной сила великая стояла, то ли бесконечно глуп, чтобы не понимать, что возвратного пути ему из Киева нет. Осматривая берег Днепра и речное пространство, боярин Влад качал головой.

— Эку силу собрали, уж не на печенегов ли? — выразил боярин свою догадку семенящему позади тощему человечку.

Тощий человечек был догадливее.

— К нам покатится сия сила.

— Полно тебе, Ефим. Да я же с каким поручением иду к великой княгине! Еще возрадуется и добром наделит нас. И речи наши ей будут приятны.

Боярин Влад поднялся на великокняжескую ладью и вошел в шатер, поклонился Ольге.

— Честь и хвала тебе, великая княгиня за то, что приняла посла.

— Говори, зачем пришли в Киев, — сухо сказала Ольга.

Боярин Влад разгладил бороду, кафтан на бобровом меху поправил, заговорил степенно и медленно, взвешивая каждое слово:

— Послала нас Древлянская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, потому что муж твой, как волк, расхищал и грабил, а нам князья хорошие, ибо ввели порядок в Древлянской земле...»

Княгиня перебила боярина Влада:

— Почему же ты хвалишь древлянских воевод, кои убили моего мужа? Помню к тому же, что у вас в Древлянской земле всего один князь Мал. Или не так?

Боярин Влад остался верен себе и продолжал с той же степенностью:

— Князья послали нас сказать, что и у тебя в землях можно все поправить, ежели выйдешь замуж за нашего князя Мала.

Впервые за последние дни Ольга улыбнулась, но это была улыбка несчастной женщины, потому горькая и злая.

— А князь Мал умом светел? — спросила Ольга.

— Светел, светел, матушка, как лесной родник.

Ольге захотелось накричать на посла, выгнать из шатра и сбросить в Днепр, так больно ей было слышать кощунственное предложение древлян. Но княгиня погасила свою ярость.

— Любезна мне речь твоя, боярин. Мужа мне уже не поднять, не оживить плоть. Случай же мое слово: завтра воздам честь вам, послы жениха Мала, пред всем моим народом. Таковую весть принесли! Ноне же иди к своей ладье и ложитесь спать, величаясь. Утром я пошлю за вами воеводу, а вы говорите ему: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И понесут вас в ладье, верьте моему слову. Теперь же иди, боярин.

Влад поклонился и молча покинул шатер.

Никого из бояр и воевод близ Ольги не было. Все они стояли на берегу и не знали сути разговора княгини с послом князя Мала. Теперь же могли лишь судить, о чем на ладье шел разговор, по самодовольному и гордому виду боярина Влада. Он уходил к своей ладье с достоинством победителя.

В ладью к княгине Ольге первым поднялся воевода Свенельд. Он смотрел на великую княгиню с удивлением. Показалось ему что Ольга

довольна встречей с послом. Гадал: «Что же они друг другу поведали — открыли?» Спросил, наконец, Ольгу:

— Матушка княгиня, поднимать дружину в седло и на суда или как?

— Сегодня мы не идем в поход. Дружине отдыхать. Когда выступать — скажу. Иди и распорядись. Да позови Павлу’.

Вскоре великая княгиня покинула свою ладью и, бросив взгляд на древлянское судно, медленно направилась в свой терем по Боричеву взвозу. Ее сопровождала лишь Павла. Остальные же служилые шли поодаль. Княгиня, как ей казалось, была в сей миг в полном одиночестве на всем днепровском берегу, и ничто не мешало ей предаваться пылавшему в груди огню жажды мести. Она лелеяла это чувство, как любимое дитя, она просила бога Перуна, дабы он удесятерил эту жажду. Ей хотелось испепелять врагов одним взглядом, разрушать этим взглядом их города, селения. «О, древляне, вы проклянете тот день, когда появились на свет, вам черным покажется тот час, когда вы подняли руку на моего князя, на отца державы!»

Поднявшись на теремной двор, она позвала воевод Свенельда и Претича и ушла с ними в отдаленную часть двора. Там обвела рукой луговину и повелела:

— Копайте здесь яму: восемь сажен вдоль, три поперек, две глубиною. И чтобы к утру исполнили урок.

Когда Ольга ушла в палаты, воеводы попытались разгадать её загадку, ан как ни бились, ответа не нашли. Да запаслись терпением и отправились за воинами, дабы те исполнили повеление княгини.

Вскоре сотня молодых гридней заступами вскрыли луговину, и полетела на все четыре стороны тяжелая глинистая земля. А поздним вечером княгиня Ольга пришла посмотреть, как идут работы, успеют ли воины выкопать к утру яму. Но то, что она увидела, повергло её в негодование: яма не была готова ещё и наполовину. В ней суетились не меньше трех десятков воинов и десятков пять или шесть что-то вытягивали из ямы наверх веревками. Оказалось, что под аршинным слоем земли на всем пространстве ямы лежали тяжелые каменные плиты. Кто их туда уложил? Отгадать сего воины не смогли. Княгиня Ольга тоже не пыталась найти ответ, она лишь жестко сказала:

— Торопись, воевода Претич, выполнить урок

— Умаялись с плитами, матушка княгиня. Боюсь... — начал было оправдываться Претич.

— Сам лезь в яму, пример усердия покажи. Лошадей приведи вытаскивать камни, — распорядилась княгиня.

Вскоре воины с помощью лошадей осилили почти саженную толщу плит. Под ними оказался легкий песок И с новой силой зазвенели заступы. К утру, как и повелела княгиня Ольга, огромная яма была вырыта. С вестью об этом в княжеские палаты пришел воевода Свенельд. Ольга выслушала его и сказала:

— Ты, воевода, заметила я, чтишь послов древлянских выше чина. Иди же к ним и скажи, что я приглашаю их на теремной двор. А как уведомишь, исполни их волю, какой бы она ни была. И не перечь.

Свенельду не нравилось загадочное поведение княгини, но сказать об этом он не осмеливался. И прежде не раз натыкался на властные слова. Все они сводились к одному: исполняй, что говорят, а для чего сие — не твое дело. И воевода отправился исполнять волю княгини. Его сопровождали несколько отроков из личной охраны. Среди них выделялся совсем молодой воин — отрок Дамор. Грудь у него была мощная, бугрилась от мышц, плечи широкие, крепкая шея и красивое лицо с синими глазами в густых темных ресницах. Позже он встанет близ княгини Ольги и не раз выручит её в суровых испытаниях.

Подойдя к берегу и не увидев сходней на борт древлянской ладьи, Свенельд крикнул:

— Эй, послы!

Из-за борта ладьи показалась лохматая голова и спросила:

— Чего там?

— Долго спите. Идите на теремной двор, там вас великая княгиня встретит. Зовет для чести великой.

Над бортом показались сразу все двадцать послов. И боярин Влад спросил остальных:

— Браты, идти ли нам?

— Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но пусть несут нас в ладье.

Многое повидал и слышал на своем веку воевода Свенельд, но такое ему довелось услышать впервые. Крикнул громовым ГОЛОСОМ:

— Как смеете супротивничать княгине?! Кто вас понесет в ладье?

— Ты и неси. Исполни нашу волю, и баста, — ответил боярин Влад.

Воевода пуще хотел на них прикрикнуть. «Эко разохотились, древлянские волки», — выругался он в сердцах. Да вспомнил повеление княгини: «Исполни их волю не перечая!» С послами-то он поперекался бы, да после того, как узнал нынешней ночью то, о чем рассказывал единственный уцелевший из воинов при князе Игоре Улеб, ярый норов свой взял в хомут. То, что случилось в Древлянской земле, — немалая в том его вина, Свенельда. Теперь того и гляди, как лишат всего, что воеводе дано. Проклиная в сердцах древлянских послов, воевода, однако, послал своих отроков за сотней воинов. Еще велел принести с хозяйственного двора канаты и веревки. Сам же присматривался, прикидывал, как лучше взять вражью посудину, как проще вытянуть на берег.

Весть о том, что в Киев прибыли древлянские послы, взбудоражила горожан и особенно тех, у кого не вернулись с Древлянской земли родные и близкие. И утром многие из киевлян поспешили на берег Днепра. Да тут же подбирали камни, прятали их под кафтанами и свитками, дабы при случае побить ненавистных древлян. Иные же проникли на теремной двор и дивились на великую яму, возникшую всего за одну ночь на чистом лугу. И начались суды — пересуды: зачем такая ямища?

Той порой на берегу собралось больше сотни воинов Свенельда. Они скопом вошли в холодную воду и вытащили ладью на берег. Потом обвязали — опутали её канатами и веревками и по команде воеводы подняли на плечи и понесли по Боричеву взводу на теремной двор.

Днепровский берег всколыхнулся: тысячи киевлян, увидев небывалое зрелище, закричали, загалдели, над толпой словно взорвалось небо, и было неведомо, чего в этом гвалте больше — торжества или ярости, ненависти или простого удивления. Так, под несмолкаемый гул и гвалт, ладью с послами внесли на высокий теремной холм, доставили на двор. Там шагавшего впереди Свенельда встретила княгиня Ольга и пошла рядом с ним, направляя шествие к яме. Княгиня и воевода поднялись на свежие груды земли, и Ольга спросила Свенельда:

— Ты ещё не ведаешь, воевода, почему принуждаю тебя кружить близ послов?

— Нет, матушка княгиня, не ведаю, — ответил ослабшим голосом он.

— Ведай же. Ты будешь казнить себя до конца дней своих за смерть князя Игоря и за смерть древлянских послов. Все они на твоей совести, — жестко сказала княгиня. И ещё жестче повелела: — Теперь прикажи своим воинам занести ладью над пропастью и сбросить её туда, все закопать и сровнять с землей. Исполняй же, что сказано.

Воевода Свенельд, ещё удивленный хладнокровным распоряжением княгини, но уже трепещущий за свою судьбу, побежал исполнять волю княгини и направил воинов к яме. И когда ладья повисла над нею, воевода охрипшим голосом крикнул:

— Бросай!

И ладья с грохотом упала в яму. Послы же, немые от ужаса, лишь таращили на великую княгиню глаза. Они поняли, какая участь постигла их. Княгиня Ольга подошла к краю ямы и спросила послов:

— Хороша ли вам оказана киянами честь?

Из ладьи донеслись наконец крики мольбы и отчаяния.

— Пуще нам Игоревой смерти!!

— То ли ещё будет с вами, древлянскими волками! — И княгиня Ольга засмеялась торжествующим смехом. Так, упиваясь победой, смеются воины, выйдя живыми из смертельного боя. Но, несмотря на торжествующий тон, смех великой княгини многих, кто услышал его, поверг в трепет.

Ольга посмотрела на Свенельда и напонила:

— Исполняй урок, воевода!

Свенельд оставался мужественным воином, он поборок в себе минутный страх и крикнул:

— Эй, воины и все горожане, кто любил князя Игоря, забросайте дерзких ворогов земель, сровняйте пропасть!

И в тот же миг сотни рук ухватились за заступы. И в ладью полетели глина, песок, камни. Несколько воинов приволокли к краю ямы каменную плиту и сбросили её на головы древлянских послов. Вскоре ни ладьи, ни тех, кто сидел в ней, не стало видно. И поднялся над луговиной холм. Великая княгиня прошлась по нему и повелела воинам:

— Никакого холма! Сровнять, утоптать! — И в сопровождении молчаливой и сурово поджавшей губы боярыни Павлы ушла в терема.

А на холме началась пляска молодых воинов и юных киевлянок. Язычники в этот день устроили на теремном дворе дикое веселье, и оно не утихало до полуночи. Торговые люди выставили на двор бочки с медовухой и брагой, с корсунскими виноградными винами.

Справлялась первая тризна по убиенному великому князю Игорю. Сколько их, подобных тризн, будет впереди, никто, даже волхвы, не смогли бы предсказать.

Глава шестая

ЖЕСТОКОСТЬ

Никакой мстостью нельзя утолить жажду. Она только воспаляет ее. После того, что случилось на теремном дворе, жаждой мщения, жаждой новых жертв воспылали сотни киевлян: в семьях, в языческих родах мужчины точили секиры, мечи, готовили коней, собирались в поход на древлян вместе с княжеской дружиной. Жрецы во главе с Богомилом не покидали площадей Киева и призывали идолопоклонников воздать Перуну новые жертвы. Богомил запретил приносить на Священный холм овец, коз, птицу и всякую другую живность и требовал только человеческих жертв. По воле Богомила отряд гридней Свенельда ускакал на конях в ближнюю древлянскую весь, дабы опустошить её и полонить жителей, пригнать их в стольный град на заклятие. На другой же день после жестокого предания смерти двадцати древлянских послов княгиня Ольга послала в Искоростень сеунча, дабы побудить князя Мала прислать в Киев более достойных посланцев. А чтобы гонца не казнили волею князя Мала, тому было наказано сказать: «Ты, князь Мал, знай: ежели сделаешь мне лихо, твоих послов, что в Киеве, отправят на съедение рыбам вместе с ладьей».

Князь Мал, высокий, полный и добродушный воин лет пятидесяти, полагал, что нет нужды посылать других посланцев. И гонцу сказал, чтобы возвращался, а он, князь, будет ждать своих людей из Киева с чем приедут. И на это у хитрого киевлянина нашлись нужные слова:

— Великая княгиня Ольга живет по обычаю предков. Прислал бы тридцать три посла, знал бы ноне, что быть Ольге твоей супругой.

И доверчивый князь Мал клюнул на приманку, отрядил ещё тринадцать лучших людей своей земли. Да посадил их на коней, дабы поспешили в Киев. Теперь князь Мал уже не помнил, кто подсказал ему мысль о том, чтобы посвататься к Ольге, но поверил в сию подсазку. И гонец, появившийся от Ольги, был как сон в руку. И

захмелел князь Мал от победы над князем Игорем, над княгиней Ольгой, уже видел себя на великокняжеском троне в Киеве, видел всю Русь, коя скоро окажется под ним.

Пока князь Мал предавался мечтам и ждал сватов с добрыми вестями, в Киеве готовились к приему новых послов. Княгиня Ольга пребывала в великом возбуждении, нараставшем с каждым часом. Но стоило бы Ольге вспомнить в эти дни о друге детства Егорше, вылить бы ему всю боль души, может быть, все повернулось бы иначе. И не восторжествовала бы жестокость, не проявилось бы с новой силой безумие мести. Но нет, христианский священник Григорий в эту пору был для Ольги так же чужд, как и все христиане, предавшие веру отцов, живущие в призрачном мире ложных добродетелей.

Горожане в эти же дни, зная враждебное отношение княгини Ольги к христианам и помня, как был изгнан с днепровского берега священник Григорий, потешили себя тем, что разорили церковь Святой Ирины, коя стояла близ Аскольдовой могилы.

Послы из Древлянской земли прибыли в Киев дождливым и холодным днем. Когда княгиню Ольгу уведомили, что на теремном дворе её ждут тринадцать посланцев князя Мала, она вышла их встречать.

— Я ведала, что вы приедете. Ваш князь умен и хорошо знает, как убедить одинокую женщину в своих благородных чувствах. Дайте же мне подумать до завтра, и тогда я скажу вам, принимаю ли предложение князя Мала.

Старший из послов, сухощавый, лет шестидесяти, боярин Клим, с посиневшим от холода лицом, спросил:

— Великая княгиня Ольга, а почему мы не зрим наших послов, кои пришли первыми?

— Они отдыхают в палатах на Подоле. Скоро и вы туда пойдете. Вот только не прогневайтесь на мою прихоть: я принимаю послов в теремах лишь после того, как они побывают в мовнице и попарятся. Уж таков мой обычай. Да и вам сие будет на пользу. Вон какой холод на дворе.

— Оно так, великая княгиня. Твои законы нам исполнять, — согласился боярин Клим, — Тогда скажи кому, дабы проводили нас в мовницу.

— Вот стоит воевода Посвист. Он вас и отведет.

Посвист вышел из-за спины Ольги и направился к послам. А княгиня поежилась от холода и ушла в терем. Послы отправились следом за Посвистом на хозяйственный двор, где в стороне от других построек стояла большая рубленая из толстых бревен баня. Двери её были открыты, и на холодный осенний двор тянуло паром и дымком. Посвист ввел послов в просторный предбанник. Тут на столах стояли енды с медовухой и яблочным квасом, на блюдах лежала говядина, жареная рыба, мед в сотах и хлеб — все, чтобы угоститься до мытья и после.

— Вот, гости, здесь все для вас. Угощайтесь, величайтесь, там и попариться можно, — сказал воевода Посвист с поклоном.

Послы, довольные таким приемом, оживленно заговорили, сбрасывая мокрую верхнюю одежду.

— Оно по такой-то погоде в самый раз парком потешиться, — отозвался боярин Клим.

— Ублажайтесь, а я приду за вами, как придет час, — сказал воевода Посвист и покинул послов.

После дальней дороги никто из них не отказался от пищи, от хмельного. Они изрядно закусили, хмельного пригубили, а уж потом и мыться пошли.

А как скрылись древляне в парной, так подбежали к бане больше десяти парней из княжеской челяди с охапками хвороста, приперли колодой дверь, стены обложили сухими ветками. Да все поглядывали на ворота, за коими лежал теремной двор. И Посвист туда же смотрел. И увидел, кого ждал. Там, в сопровождении двух старейших воевод — язычников, Карла и Фарлофа, кои почти полвека назад прибывали щит Олега на вратах Царьграда, шла княгиня Ольга. Посвист побежал ей навстречу.

— Матушка княгиня, твоею волей все исполнено. Бросить ли огонь?

Ольга посмотрела на сморщенное, как кора осины, лицо Карла, на полнощекого Фарлофа. Они согласно покивали головами, и она сказала:

— Воевода Посвист, предай огню врагов моих, и твоих, и всех русичей.

— Слушаюсь, матушка княгиня! — И молодой воевода убежал к холопам. Там вместе с ними скрылся в одном из строений, а вскоре все

выбежали оттуда, и каждый из них держал в руках по пылающей головне. И вот легли те головни под хворост со всех четырех сторон бани. И заиграл огонь, превратился в огненное кольцо, загорелись стены, тростниковая крыша, пламя вонзилось в хмурое осеннее небо. Из бани донеслись крики отчаяния, призывы о помощи. Послы пытались выломать двери, но напрасно.

Княгиня Ольга смотрела на торжество огня широко распахнутыми глазами, и в них отражались блики пламени, и глаза, казалось, излучали радость. Лицо княгини разурмянилось, в нем проступило что-то девичье. Она засмеялась, как это было, когда закапывали древлян. Сей странный смех испугал воевод Карла и Фарлофа, они отстранились от княгини. Она поняла их движение. Смех её так же неожиданно оборвался, она поспешила обнять сперва Карла, потом Фарлофа и торопливо сказала:

— Простите меня, воеводы, простите! Боль моя выплескивается. Боль! О, как я ненавижу древлян, убивших моего супруга. — И тут Ольга вытянула руку, показывая на языки пламени, и закричала не своим голосам: — Вижу, вижу моего ненаглядного семеюшку! Он зовет меня! — И побежала к пылающей огромным костром бане. Оставалось всего несколько шагов до бушующего пламени, когда Посвист, прыгнув, перехватил княгиню. Она пыталась вырваться из его рук, но могучий воин удержал ее. И она обмякла, заплакала. Посвист отнес её от обжигающего пламени, поставил на землю и, не выпуская из рук, увел с хозяйственного двора на теремной и там скрылся с нею в палатах.

В сей миг на бане рухнула кровля. Тучи искр, клубы дыма взметнулись высоко в пасмурное небо, и ветер понес пламя и дым в сторону города. Горожане, наблюдавшие за пожаром издали, учуяли смрад горящего человеческого мяса, знакомый язычникам по Священному холму. Ноздри идолян раздувались, они вдыхали сей смрад с наслаждением. И никто не удивился жестокости великой княгини. Она мстила своим врагам, а месть не может быть жестокой, считали дети Перуна, она лишь справедлива.

В этот предвечерний час тишину города нарушил колокольный звон на соборной церкви Святого Илии: били в набат. Звон был слабым, потому как колокол весил всего тридцать пудов и не имел особой силы. Но многие киевляне — язычники пришли в смятение:

что значил сей колокольный звон — настойчивый и грубый? Однако оказалось немало и таких, кто пришел в ярость, услышав звон на христианском храме. Как посмели они, овцы назаревы, нарушить пляску священного огня?! Язычники заметили, что огонь стал спадать и затухать, дым стелился над землей. Идоляне сочли, что все это свершилось по вине христиан: они своим мерзким звоном бросили вызов Перуну. На площади близ княжеских теремов все пришло в движение, старые люди кричали на молодых, побуждая их сбросить колокол на землю. И те побежали к собору, и вскоре колокол умолк. Лишь трещали догорающие бревна на пожарище, да язычники, умиротворенные зрелищем, вели неторопливые разговоры о том, что рыба на Днепре отжировала и скоро придет час осенней путины — заготавливать рыбу впрок на зиму. Волхвы обещали, что зима будет ноне долгая и холодная. И предсказание волхвов сбылось скоро. В тот же день — ещё и пожарище дымилось — полуденный ветер сменился на северный, нагнал низкие тучи и пошел дождь, а вскоре он сменился мокрым снегом. К ночи небо прояснилось, высыпали звезды и ударил мороз, сковал мокрый снег. На Днепре по берегу с каждым часом все больше нарастало припая, с верховьев Днепра несло «сало» — тонкие ледяные бляхи, — они приставали к судам, заполонившим реку, срастались меж собой, и к утру лишь на быстрине река не замерзла, а все суда были скованы льдом, ещё тонким, но крепнущим с каждым часом. И стало очевидно, что через день — другой судам уже не вырваться из ледяного плена и сама собой отпадала возможность идти на ладьях в Древлянскую землю.

Но поход на древлян был отложен по другой, более весомой причине. Занедужила княгиня Ольга. Горе, что навалилось на нее, надломило здоровье Ольги. И после того, как сомлевшую княгиню Посвист привел с пожара в терема, отдал на попечение боярыни Павлы и нянек, княгиня потеряла сознание. Боярыни с воплями и причитаниями отнесли её в опочивальню, уложили на ложе и все сидели — кружили близ Ольги в ожидании, когда она откроет глаза. Однако проходил час за часом, а Ольга продолжала лежать пластом, лишь изредка содрогаясь всем телом. Промаявшись близ Ольги всю ночь, боярыни к утру были в полной панике. Даже Павла, кою ничем не удивишь, не испугаешь, не находила себе места и металась по терему от детской к опочивальне с причитаниями и слезами на глазах.

В рыданиях и причитаниях боярыни сошлись во мнении, что Ольга вот — вот покинет их и уйдет к своему семеюшке. Да и утешали себя тем, что так уж испокон повелось: умер муж — и жена должна пойти за ним следом.

Воеводы, бояре, что заполонили с утра княжеские палаты, рассуждали более здраво.

— Сомлела наша матушка княгиня и телом ослабла потому, что к пище многие дни не притрагивалась, — объяснил состояние Ольги воевода Асмуд.

С Асмудом согласились: горе кого угодно убьет. Да ведь нужно поднять княгиню на ноги. Державе она больше нужна, чем князю Игорю, хотя он и семеюшка, рассудили бояре и порешили позвать кудесника Любомира, живущего в пещере на берегу Днепра. Попросили воеводу Претича послать за ним людей.

— Твои воины скоры, пусть слетают в пещеры да принесут старца в палаты, дабы силу свою проявил, — посоветовал воевода Карл Претичу.

В трапезной, где шел разговор, в этот миг находилась боярыня Павла. Она воспротивилась:

— Воинов не шлите. Любомир их не чтит. Я сама пойду к нему и принесу, ежели что...

Боярыню Павлу все вельможи уважали и побаивались. Имела она строгий нрав, да и к княгине была ближе других, родством связанная. Перечить ей не стали. Она позвала двух челядинок, велела им взять глечик меду хлеба, луку, репы и покинула палаты.

Пещера, которую выточили в известняке время и люди, уходила под гору далеко, там ветвилась, словно дерево, от ветвей отходили ниши, будто полости огромных орехов, и в одной из таких ниш многие годы жил отшельник Любомир. Горожане звали его кудесником. Он и на самом деле был таким. Пришел он в Киев из Новгорода вместе с князем Олегом и был близок к нему. Да не поладили они из-за веры. Не чтит Любомир язычество и отошел от него, а Олегу сие не понравилось. Любомир поселился в пещере и жил в ней вот уже более полувека. Он мало бывал на людях и волшебства без нужды не проявлял. Но владел силой, кою давали ему чудодейственные травы, корни и плоды, этим и делился с теми, кто нуждался в помощи. И

Павла сие знала, сама видела, как он своими снадобьями поднимал на ноги чуть ли не из мертвых.

Любомир сидел перед огнем, над которым на треноге висела глиняная чаша и в ней то-то варилось. Пахло чабрецом и ещё чем-то незнакомым, но приятным. Кудесник мешал варево деревянной ложкой. Белая, как у луня, борода закрывала грудь. Сидел он в холщовой рубахе и кафтане из веретья, босой.

Павла низко поклонилась ему и сказала:

— Любомир — батюшка, прими дары от нашего двора, хлеб и мед. — И поставила рядом со старцем плетенную из ивы беркушку. Сама продолжала: — Нужда в тебе, батюшка, идем в палаты, подними нашу матушку княгиню, коя мается болями и в беспмятстве пребывает.

Вещий славянин посмотрел на Павлу голубыми прозрачными глазами и сказал то, чего Павла не ожидала:

— Дочь моя новгородская, забудь о том, что видела меня. Мой Бог не велит ей помогать. Как же мне перечить ему?

— Но, батюшка, она погибает! — воскликнула Павла.

— Телом она не избудет, духом же умерла в тот день, когда закопала невинных древлян.

— Они же убили великого князя! Разве это не причина? — с удивлением проговорила Павла.

— Нет, не они, а воины князя Мала за разбой.

— Но, батюшка Любомир, ты не должен осиротить её сына Святослава, — умоляла Павла. — Она умрет и телом, ежели ты не спасешь ее.

Любомир слушал Павлу внимательно и сочувствовал ей, потому как она готова положить за княгиню жизнь. Еще он пожалел дитя княжеское, зная, что Русь нуждается в достойном государе. Увидев однажды Святослава, волшебник рассмотрел в лобастом младенце великого мужа. Сказал скупю:

— Токмо ради тебя и её сына... — Любомир с трудом встал и ушел в дальний угол пещеры. Вернувшись, подал Павле глиняный сосуд. — Возьми. Дай княгине сей взвар одну ложку сегодня и в другие дни по ложке, ежели слабость придет. Да пребывать ей во здравии многие лета. Теперь уходи.

Но Павла не могла без него уйти и подумала: «Унесу ведь, чего в нем». Он же разгадал её мысли. Ожег Павлу взглядом, взял палочку с птичьими перьями на конце, обмакнул её в варево, да и брызнул на Павлу и на челядинок. Что там попало на них — капли, а будто дубиной ударило в груди. Они пошатнулись, попятились, да и побежали.

— Так-то я вас! — крикнул вслед Любомир.

Вернувшись в княжеские палаты, Павла подумала, что ей нет нужды встречаться с боярами, от имени которых ушла к Любомиру. Сказать в оправдание ей было нечего. Она прошла в опочивальню только ей и княгине ведомым ходом и застала Ольгу в прежнем беспамятстве. Ложки под руками не оказалось, но, помня наказ Любомира, она влила в серебряную чашу малую толику темно — коричневого взвару, подняла голову Ольги и попыталась влить ей снадобье в рот. Удалось сие не враз. Смочив княгине губы, Павла увидела, как она пошевелила ими, потом приоткрыла рот и облизала. Тут-то Павла не сплеховала и ловко вылила взвар княгине в рот. Ольга проглотила его, но по-прежнему не проявляла иных признаков жизни. Павла повела рукою по телу княгини. Оно было чуть теплое, а кисти рук и ноги — вовсе холодные. И Павла принялась растирать их, как в новгородской земле растирают отмороженные конечности. Да так увлеклась делом, что не заметила, как в опочивальню вошли теремные боярыни и молча наблюдали за тем, что делала Павла. Она же заметила, что руки и ноги у княгини вдруг стали теплыми. А как посмотрела на лицо Ольги, так и ахнула от радости: оно порозовело. Павла тронула его рукой, ощутила тепло и нежность кожи. И у Павлы навернулись на глазах слезы.

— Спасибо тебе, Любомир, ты спас мою княгинюшку, — прошептала Павла.

Княгиня Ольга в это время открыла глаза и спросила:

— Что со мной, Павла?

— Да ничего, матушка княгиня. Ты утомилась вчера и сомлела.

— Вон как! Теперь скажи им, чтобы все ушли.

— Идите прочь, боярыни, и передайте домашним, что княгиня во здравии.

В лад кивая головами, боярыни покорились и покинули опочивальню. Ольга проводила их взглядом, ещё полежала немного

молча, потом тихо заговорила:

— Виделась я ноне во сне со своим желанным семеюшкой. Велел он мне идти в Древлянскую землю, а как быть там, не сказал. Говорит, иди к Богомилу, он и поможет. Токмо как слушать Богомила, ежели он скажет, что и траву выжечь нужно на Древлянской земле.

— А князь Игорь что же?

— Сказала я: Богомил мне не советчик и не указ. Он же засмеялся.

— Дурной знак, — заметила Павла. — Зачем же смеяться?

— И мне показалось: к чему?

— Что же теперь?

— Весной пойду на древлян, князя Мала должно наказать. А там как бог Перун подскажет, — Ольга села на ложе, потом встала с него и неожиданно, как в молодые годы, потянулась. И с удивлением спросила:

— Павлуша, что же со мной: ни усталости, ни боли в груди?!

— То и проявилось, матушка, что к жизни вернулась.

— И кровь горит, и дела хочу!

— У тебя теперь много забот. Радуйся.

Ольга увидела глиняный сосуд, взяла его.

— А здесь что, не зелье ли?

— Взвар, матушка. Я была у Любомира, так распорядились бояре и воеводы.

— И ты поила меня сиим взваром — зельем?!

— Осмелилась, матушка. Мы уж и надежду потеряли увидеть тебя на ноженьках.

— Но как ты посмела брать у моего недруга какое-то зелье?

— Посмела, матушка княгиня. — Павла стояла перед Ольгой не склонив головы, смотрела ей в глаза и была полна достоинства и силы. — Ты великая княгиня, за тобою — держава. Ты мать наследника престола, коему три годика. Как можно было допустить сиротство Руси и сына?!

Княгиня Ольга редко позволяла кому разговаривать с собой вольно и без почтения. Высокомерие её шло от веры. Она считала себя выше всех простых смертных. Лишь Павле она позволяла говорить как равной с равной. Эту сродницу Ольга считала особой женщиной, потому что она родила и растит сына — богатыря. Сказали же ей

волхвы, что сей отрок, именем Добрыня, засияет особым светом и свет тот не угаснет в памяти людей, пока есть такая держава, как Русь. Только за это Павле можно было прощать многое. К тому же она сказала правду: нельзя осиротить ни сына, ни державу, коя ещё молода и не окрепла и может стать добычей враждебных племен и государств. Ольга улыбнулась и миролюбиво сказала:

— Ладно, забудем о старом колдуне. А взвар спрячь. Знать, сила в нем могучая. Идем же, я хочу увидеть сына, увидеть людей.

— Да, матушка княгиня. Токмо переодеться надо. Со вчерашнего в одном... — Павла вышла из опочивальни, позвала сенных девиц и отдала Ольгу на их попечение. Сама же прошла в трапезную, где шли громкие и оживленные разговоры. Лишь только Павла появилась, как вельможи окружили её и начались расспросы о самочувствии княгини.

И только один воевода Свенельд остался непричастным к разговору и продолжать стоять в темном углу трапезной. Его уже не интересовало здоровье княгини. Она встала на ноги. Чего же еще? А ведь лишь минувшей ночью Свенельд примерял на себя великокняжеские одежды. Сии одежды оказались ему не к лицу. Но кафтан правителя всея Руси при малолетнем великом князе Свенельду пришелся впору.

Худо ли простоял при князе — отроке Игоре мало кому известный в Новгороде усманский князек Олег? Да поднялся до великого князя, щит на вратах Царьграда прибил... Он, Свенельд, тоже сие мог бы исполнить, позвав на Русь новые варяжские дружины. Да тому не дано исполниться. Вот она, великая княгиня, вышла к боярам, к воеводам и улыбается, с горечью подумал первый воевода Руси.

Глава седьмая

ТРИЗНА

Шло время, а великая княгиня Ольга не могла забыть свой сон, в коем встретила с князем Игорем. И чем дальше сон уходил от неё во времени, тем упорнее она убеждалась, что ночное видение вещее. Она ещё пила снадобье Любомира, потому как оно оказывало на неё благотворное влияние, и ощущала себя молодой и полной сил. Ей хотелось смеяться и даже бегать. Однако Ольга гасила в себе эти недостойные её возраста и положения желания и поддерживала в себе только одну жажду мщения, потому как на это чувство имела право.

Лишь только опали на деревьях листья, как Ольга послала в Искоростень сеунча с коротким наказом:

— Скажи князю Малу, чтобы готовил меды, да выставил их в той роще, где был убит князь Игорь. А как явлюсь на землю древлян, пусть выведет свою дружину, дабы мы вместе справили тризну по великому князю.

Гонец умчал с наказом. А спустя день и великая княгиня Ольга выступила с дружиной из Киева. Шесть тысяч воинов шли в поход на Древлянскую землю по степи Правобережья. Воины мчали налегке. У каждого был лишь небольшой запас еды, торба овса для коня и на сей раз к этому скупому провианту было положено в дорожную торбу по глиняному сосуду с крепким вином. Так было велено княгиней Ольгой. Она же повелела не пить того вина, но беречь до особого часу. Никто из воинов не знал, когда придет тот «час» и можно будет открыть баклаги. Оставалось запастись терпением. Не знали того и воеводы, потому как в походах хмельное не пили, так шло с Олеговых времен. Свенельд попытался узнать о том, что задумала Ольга. Спросил ее, приблизившись к кибитке, в которой она ехала:

— Матушка княгиня, скажи своим воеводам, зачем взяли вино и будем ли биться с древлянами.

Ольга же ответила коротко и так жестко, что у Свенельда отпало желание спрашивать ещё о чем-либо:

— Сказано всем: узнаете в нужный час.

Понял Свенельд и то, что Ольга не желает делиться с воеводами своими замыслами, и смирился с этим. Однако Ольга не посвящала воевод в свои замыслы неспроста. Боялась она выпустить тайну на свободу. Как бы ни был предан княжескому двору воевода Свенельд, но положиться на него она не могла. Стоило улететь тайне к древлянам — встретят её дружину во всеоружии и битвы не миновать. Она же решила не потерять в этом походе ни одного воина, но повергнуть врагов, к коим шла на встречу. Вспоминая, что сказала гонцу, княгиня Ольга подумала:

лишь только придут под Искоростень в рощу, где убили Игоря, сразу же заставит своих воинов насыпать на могилу князя холм. Сама же встанет рядом с могилой и скажет каждому воину всего четыре слова. Четыре слова. И тем они повенчают тризну по великому князю.

Ночь дружина провела в пути. Княгиня Ольга сидела в кибитке и, не сомкнув до самого рассвета глаз, все думала. Велико было её дерзновение, великую ношу брала она на свои плечи. Потому засомневалась, — слова ее, сказанные отдельно каждому воину, могут пропасть втуне. Тогда что? Нет, без совета с дружиной она не могла ринуться в столь опасное и отчаянное дело. И на рассвете, когда Искоростень был уже виден, Ольга остановила дружину на опушке соснового бора, велела воеводам поставить воинов в круг близ её кибитки. Сама поднялась в седло на боевого коня и, когда воины сплотились вокруг, сказала им:

— Слушайте, дети Игоревы. Верю, что вы любили вашего князя, с ним устрашали Царьград! Он пал, коварством одоленный, но не отмщен. Взывают к мести ваши отцы и братья, они пали вместе с великим князем. Их тела брошены мерзкими древлянами на съедение диким зверям. Теперь каждый из вас исполнит долг пред павшими и предаст смерти ваших и моих врагов. Их мало, всего по одному на каждого из вас. Только по одному. Встаньте близ каждого древлянина и одолейте! Верю, одолеете и в бою или как будет сподручнее. Вы — мстители! Омойте руки кровных врагов их рудой! Готовы ли постоять за князя, за его павших воинов?

И кто-то крикнул:

— Князь пошел, и мы за ним!

А там накатилося волною:

— Готовы! Готовы! Готовы!

— Посему внимайте последнему. Справляя тризну по убиенным, каждый из вас прислуживает только одному древлянину, поит его крепким вином, что в баклагах у вас. И сами пригубите за князя. Когда же хмель лишит рассудка врагов ваших, воевода Свенельд зажжет близ Игорева кургана костер. Сие и будет знаком для всех вас. Лишайте жизни врагов без сомнения! Сие и будет порукой любви вашей к великому князю, к павшим невинно. — И Ольга повернулась к воеводам, спросила главного: — Так ли сказано, храбрый Свенельд?

— Мудрость твоя, великая княгиня, мне ведома. Ни убавить, ни прибавить не смею.

— Верно сказано, — согласился и Посвист.

Лишь воевода Претич пожал в Сомнении плечами.

— Тогда вперед, воеводы, вперед! — И Ольга поскакала к роще.

Сотня отроков и гридней поскакала за ней следом. И вся дружина двинулась на рысях.

Искоростень приближался. Обнесенный высокой крепостной стеной, он был хорошо виден. Увидели воины и рощу слева от города. В ней же скопление людей, кои пока были неразличимы — воины или нет. В пути к роще Ольга придержала тысяцкого Путятю, сказала:

— Видишь подлесок? Отведи туда своих воинов. А как увидишь пылающий в роще костер, отсеки всех, кто появится из города или прорвется из рощи.

— Исполню, матушка княгиня, — ответил Путятя и умчал к своим воинам.

Все ближе дружина княгини Ольги к роще. Там, по опушке, выстроилась пешая дружина князя Мала. Ждут спокойно и оружия не обнажили. Воины Ольги тоже не взяли за рукояти мечей.

Ольга поехала шагом. Свенельд не отстает от нее. Дружина за ними вплотную. Княгиня ищет глазами среди древлян князя Мала. Но она не видит его, дородного, крепкого, с бронзовым лицом воина. Сердце кольнула досада: «Так-то ты, жених, встречаешь свою суженую! Да выйдешь навстречу, выйдешь!» — с вызовом повторила Ольга.

От древлян отделился воин средних лет, степенно двинулся к Ольге и Свенельду, остановился в нескольких шагах и сказал:

— Воевода Яровит приветствует вас от имени князя древлянского Мала. Все для тебя, великая княгиня, готово: меды, дружина...

— А что же сам князь, сватов заслал, а невесту не встречает?

— Как узнал, что ты, матушка княгиня, согласна быть его супругой, так и захмелел от радости и от медов крепких. Головой мается. Да как тризну справишь, так и явится.

— Ждать буду. Теперь же, воевода Яровит, веди к могиле великого князя Игоря.

— Тягостно. Однако поведу, — Яровит помог Ольге спешиться, подождал, когда Свенельд покинет седло, и повел их к дальнему мысу роши.

Княгиня Ольга вначале шла легко, но чем ближе было к могиле, тем шаги ей давались труднее, ноги будто прира стали к земле, каждый шаг давался с усилием. Думала ли она когда, что будет идти к могиле мужа следом за врагом, который, быть может, и убил его? Это испытание оказалось выше сил Ольги. Ее сознание мутилось, в нем смешались все: и горе, и ненависть, и оскорбленное достоинство, и сожаление о том, что князь стал жертвой алчности варяжских воинов.

Близ могилы Ольга не справилась с нервным потрясением, упала на колени, ткнулась лицом в свежую землю могилы и, задыхаясь в рыданиях, по — бабьи запричитала. Да и было отчего. Канули сорок два года супружеской жизни, счастливой и безмятежной, с глубоким почитанием друг друга, с любовью, которая пришла к ней накануне шестнадцатой весны. Эти сорок два года из жизни не выплеснешь, как воду из таза. И что бы ни вменяли древляне в вину Игорю, простить их за то, что они лишили её супруга, а великую державу любезного государя, радателя земли русской, она не могла, не хотела, не имела права. Да, она сошлась бы мнением с тем, кто сказал бы, что поступок великого князя заслуживает осуждения. Осуждения! Но не смерти! Поднять руку на великого князя великой державы — вот злодеяние, оправдания коему не найдется. Нет, за это надо наказывать! А разве не заслуживают воины князя сурового наказания за то, что убили пятьсот сонных воинов. И Ольга, рыдая и стеная над могилою князя, мужа, отца их сына, в какой раз поклялась:

— Супруг мой любый, князь — солнышко, ты будешь spolна отмщен. Только месть вероломному врагу остудит мое сердце, месть до той поры, пока жив хотя бы один древлянский воин!

Ни Свенельд, ни Яровит не слышали, что там за слова прорываются сквозь рыдания княгини. Но если бы услышали то, что уходило в сырую землю и, может быть, достигало праха князя Игоря, то содрогнулись бы. Да, час содрогания и ужаса близился. Ольга наконец поднялась с могилы и, не поднимая глаз, заплаканная, постаревшая, тихо сказала:

— Вы уж меня простите за бабьи причитания и слезы. Вот, освободилась от них и рассталась со своим семеюшкой. Теперь же я вольная птица, и ежели князю Малу люба, пусть приходит в рощу и скажет свое. Пока же воины насыплют курган, а там и тризну справим. — И Ольга отошла в поле на пашню, набрала две горсти земли и принесла её на могилу. И Свенельд принес. И Яровит бросил две пригоршни. Тут пять тысяч древлянских воинов цепочкой пошли и несли, несли с пашни землю, и груда её поднималась все выше. Там подспели воины Ольги и, нагребая землю в полы кафтанов, в шапки, в свитки, скинутые из-под кафтанов, бежали к могиле и поднимали, поднимали курган. И когда последний воин бросил землю на вершину, курган уже поднялся в два человеческих роста. Тогда великая княгиня опустила на колено и по — воински поклонилась кургану, и все воины её тоже исполнили сей обряд. Она же подошла к Свенельду и велела ему приготовить на холме в роще кострище. И был дан знак воинам идти в рощу, где на большой поляне были раскинуты длинными рядами холсты, и на них лежали хлеба и мясо, сыр и мед в глиняных плошках. Рядом же стояли бочки с крепкой медовухой.

Воины — древляне, не мешкая, наполняли ковши, потчевали друг друга. Отроки и гридни княгини смешались с древлянами, свое хмельное достали из заплечных сум. Началось угощение древлян. И сами воины Ольги пригубили хмельного. Тризна набирала силу. Десять тысяч воинов гудели, шумели, выплескивали печаль. И хмелели все сильнее одни, и наливались яростью другие.

А Свенельд уже приготовил костер. Гридни натаскали хворосту большую кучу, бересты нарезали, обложили ею хворост по кругу, дабы вспыхнул костер в один миг. И теперь воевода только ждал знака княгини. Но Ольга медлила. Ей казалось, что воины — древляне ещё не упились. К тому же воевода Яровит озадачил Ольгу вопросом, и она отметила на его лице настороженность. Он же спросил:

— Ты, матушка великая княгиня, принимала в Киеве наших послов числом двадцать?

— Принимали, воевода Яровит, всем миром, — ответила Ольга.

— Потом был твой гонец, и мы ещё послали тринадцать послов. Их ты тоже принимала? Или они не добрались до тебя? — Воевода уже не раз приложился ковшу с медовухой, и маленькие серые глаза его смотрели на княгиню Ольгу без какого-либо почтения.

— И тринадцать послов принимала на теремном дворе. А что?

— Да об одном хочу спросить, как там мой тестюшка боярин Клим? Он каждый раз в гостях животом мается.

— Не заметила, воевода. Да спрошу тебя: ты сам-то головой не маешься. О почтении забыл. Я тебе не челядинка.

— Маюсь, потому как забыл спросить от имени князя Мала: что с нашими послами, почему до сей поры не вернулись?

— Вернулись, — ответила Ольга холодно. В ней с каждым мгновением нарастала ненависть к этому хитрому узкоглазому древлянину. Ей что-то подсказывало: он поднял меч на князя Игоря.

— Где они? Хочу их видеть. Тестюшку обнять.

— Там они, у леса, с моими воинами.

— Отпусти же их, пусть сюда придут, — Голос Яровита прозвенел грубо.

Ольга сие отметила и на отрока — телохранителя значительно посмотрела. Он же наполнил ковш медовухой и подал Яровиту. Ольга сказала:

— Я отпущу их, когда князь Мал в рощу придет.

— А ежели не придет? — Яровит отстранил левой рукой ковш, правую положил на рукоять меча.

— Полно, воевода, не ярись. Быть по — твоему: я их отпущу. Сей же час велю воеводе Свенельду послать воина с наказом. — И Ольга в сопровождении своих отроков направилась на холм.

Свенельд ждал её с нетерпением. Он видел, что миг настал, что древляне сами могут затеять свару, ежели упустить тот миг. И когда Ольга подошла, он сказал:

— Матушка княгиня, пора!

— Пора, воевода, пора! — ответила она.

И Свенельд, не мешкая, сделал рукой знак гридням, и четверо из них побежали на тыльную сторону холма. Там воины держали

зажженные факелы — витени. Гридни лишь крикнули: «Зажигай!» — и воины тотчас сунули витени под хворост, под бересту. И береста загорелась, и хворост охватило огнем, и вот уже все кострище запылало, и все, кто был в роще, увидели вознесшееся к небу пламя.

И прошла малая толика времени, в течение которого над рощей звенел сплошной вороний грай. А под кронами берез, там, где на белых холстах остались нетронутыми караваи хлеба, недопитые чаши с медом, стояла тишина. Она длилась недолго и была зловещей. Потом воины Ольги, словно по команде, склонились над убитыми древлянами, сняли с их поясов мечи и бегом покинули рощу, будто опасаясь, что тучи воронья, кружившие над рощей, бросятся на них и заклюют.

Княгиня Ольга и воевода Свенельд спустились с холма и молча прошли через все пространство резни, где остались лежать пять тысяч древлянских воинов. Княгиня помнила, где оставила воеводу Яровита, и подошла к тому месту. Он лежал на спине и смотрел в небо открытыми глазами, и в них таились хитрость и удивление. «Ну вот, Яровит, мы с тобой и сочлись», — прошептала она. С тем и покинула место побоища, где не было раненых, а только мертвые. Выйдя из рощи, княгиня велела подвести коня. Ей помогли подняться в седло, и она поехала к могиле Игоря. Там постояла немного и промолвила:

— Я ещё вернусь к тебе, мой любимый семеюшка, — развернулась и помчалась к подлеску, где затаились воины Путята. Следом за княгиней мчались лишь три десятка воинов из личной охраны. Тысяцкий Путята встретил Ольгу, и она повелела ему:

— Иди со своими воинами к главным воротам, позови князя Мала или его воевод, скажи им, что вызываешь на честный бой. Ежели не выйдут вместе с князем, скажи, что всем им будет худо. С тем и возвращайся.

— Все передам слово в слово, матушка княгиня, — ответил Путята и умчал к своим воинам.

Княгиня Ольга не стала ждать, когда соберется вся дружина. Она вернулась на опушку соснового бора, там нашла свою кибитку, ей помогли сойти с коня и подняться в удобный дорожный возок. Едва она опустилась на медвежью полость, как силы покинули её и Ольга во второй раз за минувший день разрыдалась. Как ни крепка была её вера в то, что все содеянное ею за последние дни справедливо, что-то угнетало ее, лишало покоя, сна, отнимало силы, бросало в пучину

раздумий, сомнений. Все это изматывало Ольгу до такой степени, что она боялась за свой рассудок И в такие минуты перед нею возникал образ человека с суровыми и грустными глазами, с упреком на устах. Он являлся к ней уже какой раз и раздражал ее, но что-то было в нем притягивающее. Сииим человеком был священник церкви Святого Илии, отец Григорий. С его образом перед глазами Ольга впала в забытьe и пришла в себя лишь на теремном дворе.

Глава восьмая

СБОРЫ В НОВЫЙ ПОХОД

На Руси начались зимние праздники. Язычники ожидали их с нетерпением. И дождались, обрадовались. Они высоко чтили Коляду, коего звали богом торжеств и мира. Держава в этот год ни с кем не воевала, земля уродила много плодов, зерна, скот на дворах принес хороший приплод, в лесах приросло много зверья, птицы, в реках буйно жировала рыба. И пчелы хорошо потрудились на медоносах. Было из чего сварить медовухи к колядским праздникам. По деревням и селениям в колядские вечера парни и девки жгли на околицах костры, отогревали землю над усопшими родителями, дабы тепло живых давало знать покойным о том, что их помнят.

В Киеве на улицах гуляли ряженые, пели колядские песни, дети бегали по дворам, славили Коляду, веселили хозяев и выпрашивали дары. На Священном холме, в капище идолов царило свое. Там бога торжеств и мира ублажали жертвоприношениями, лилась кровь животных, птиц, пылал жертвенный огонь. Сотни пожилых киевлян пришли на встречу с Богомилом, дабы услышать от него о том, что сулят им боги Перун и Коляда. Будет ли мир или накатится война?

В эти же колядские дни в двух церквах Киева, незаметно для большинства киевлян, христиане справляли свой престольный праздник, Рождество Христово. В церкви Святого Илии в рождественскую ночь перед сотней верующих священник Григорий возносил слова любви и милосердия Божьего.

— Нет щедрот равных Твоим, Господи, и на праведных и неправедных исходит роса благодати Твоей. И над злыми восходит солнце Твое.

Вознося хвалу Господу Богу, священник Григорий вспомнил о великой княгине. Как хотелось ему помолиться за Ольгу. Но череда жестоких расправ, учиненных по её воле над древлянами, отвращала Григория от Ольги.

— Кто может отрицать благодать Твою? — продолжал священник — Дождь Твой, Господи, нисходит и на нечестивых. Кто не исповедует милосердия Твоего? Да воссияет мне солнце щедрот Твоих, которое неподвластно никакой тьме. Ниспошли на народ мой великий дождь милосердия Твоего, омывающий от скверн. Никогда не содрогнется тот, кому Ты бываешь опорой. — И снова отец Григорий вспомнил о княгине Ольге. Все-таки он и для неё читал проповедь. Видел же он её не только гордой и недосыгаемой, но и сомлевшей от слабости, от простого человеческого горя. Да, Господь Бог не мог быть для неё опорой. Но он, пронесший любовь к ней через десятилетия, мог ли он отвернуться от неё и не протянуть руку помощи? — Кто Тебя имеет пред очами, того не обольстит никакой грех, кто на Тебя взирает, у того не возмутится дух!

Церковь Святого Илии хотя и считалась соборной, но была бедна. Ее украшало мало икон, стены не всюду были расписаны христианскими символами и святыми. Немного горело свечей, потому как мало имелось подсвечников. Церковь часто разоряли язычники, крали из неё все, что попадалось под руки. Но, несмотря на бедность, дух торжества и величия Христовой веры витал в храме. Проповеди священника Григория, пение псалмов церковным хором — все это наполняло прихожан ликованием, гордостью за то, что в крещении обрели богатство не земное, а небесное. Сам священник Григорий искренне верил в то, что за христианской религией будущее всей Руси.

Не так думали и не тем жили в эту пору в княжеских палатах. Великая княгиня Ольга, окрепнув телом с помощью целебного отвара кудесника Любомира, оставалась жестокосердой. Языческая суть торжествовала в ней и требовала деяний во имя бога Перуна. Не затухала и жажда кровной мести. Боярыня Павла печаловалась своей подруге боярыне Аксинье о том, что княгиня и во сне лишь ею живет. Да все князю Игорю сетует: мало за него отплатила. Чем в эту пору жила княгиня Ольга, знали через воеводу Асмуда все варяжские воеводы и воины. Среди них было много сродников, погибших от древлян. И не было дня, чтобы кто-то из воевод или воинов не напомнили главному воеводе Свенельду, что пора побудить княгиню на новый поход на Искоростень. Воеводы Свенельд и Асмуд стали главными советниками Ольги. Она забыла в эту пору о том, что у неё есть совет старейшин: градские старцы, близкие княжескому двору

бояре, бывалые воеводы — все они были мудры и богаты житейским опытом. Нет, Ольга с ними не советовалась. Но каждый день за полуденной трапезой Свенельд докладывал княгине о том, как готовится большая дружина к походу, здесь же, за трапезой, Свенельд спрашивал других воевод и тысяцких, как у них идут дела. Сегодня Свенельд потребовал доложить, как справляются новгородские и псковские мастера с уроком, придут ли в Киев весной заказанные новые лады.

Путята отвечал уверенно и с гордостью за своих земляков:

— Новгородцы верны слову. По первой воде и пригонят. Да, поставили они на ладьях камнеметные машины. То-то будет чем утратить древлян. И псковичи хорошо выполняют урок.

За Путятой докладывал Ольге и вельможам воевода Претич:

— Под Черниговом и под Белгородом объезжаются более двух тысяч боевых коней, коих пригнали из кубанских степей.

— Славно сие, — отметила княгиня Ольга. — А о молодых воинах ты, воевода Претич, печешься? Прибудут они в дружину?

— Матушка княгиня, охотников послужить тебе мы уже собрали. Да отобрать из них нужно по силе и стати. Абы какие хлипкие в дружину не нужны. Вот просится к нам в гридни отрок Добрыня, сын боярыни Павлы. Ему двенадцать лет, а он меня пошатнул.

Ольга посмотрела на Павлу, сказала ей:

— Вот и отдай под начало Дамора, десятского.

Павла покачала головой и ответила твердо:

— Нет моей воли, матушка княгиня, идти в дружину Силы в нем много, а ума ещё не нажил.

— Не печалься, Павла. Пока Добрыне и впрямь рано в строй, — согласилась княгиня. — Да и палицу ему ещё не отковали. Но свое тебе скажу: отдай Добрыню Асмуду, пусть воевода учит его уму — разуму. Да вместе они о князе Святославе попекутся.

...Миновали Коляды. И праздник Рождества Христова ушел до новой поры. Солнце с каждым днем выше в гору поднималось. Пришел месяц — бокогрей, февраль. Да недолго погулял, сменил его март. На Днепре проталины появились. Соки в деревьях пришли в движение, грачи прилетели, весной запахло.

И однажды, уже по рыхлому снегу, княгиня Ольга поднялась на Священный холм, пришла за советом к верховному жрецу Богомилу.

— Говори, верный служитель Перуна — мироправителя, есть ли нам знак бога — воителя в поход идти?

— Многожды сей знак являлся. Перун ждет подвига от детей своих, россиян. Не доводите его до гнева. Ужасен будет сей гнев, страшней, чем минувшей осенью.

— Избавь нас, мироправитель, от подобного гнева, — помолилась Ольга Перуну. — Мы идем в поход на древлян. Будет ли нам удача?

За вечно сурового, молчаливого идолица ответил Богомил:

— Не сомневайся, великая княгиня, ты под крылом у своего господина. Он поможет твоим воинам одолеть врага.

Но княгиня Ольга засомневалась в искренности Богомила. Она прошла по каменным плитам капища и, заглядывая в лики богов, впервые увидела, что их глаза равнодушны и пусты. Она вспомнила Царьград, дворцовую церковь императорской семьи и мраморные статуи святых апостолов. Тогда они поразили её живостью ума в глазах и ликами, на коих светилось живое участие к судьбам каждого верующего, кои приходили к ним за помощью, прикасались к теплему мрамору. И Ольга подумала, что надо позвать из Византии мастеров, дабы поставить вместо деревянных и равнодушных идолов богов, достойных великой державы.

С этим желанием Ольга и покинула капище, потому как она услышала от верховного жреца главное: он одобрял её поход, и все вельможи, воеводы слышали сие. На холме Ольга остановилась. Отсюда хорошо был виден Подол. Бревенчатая крепость окружала скопище палат бояр, воевод, зажиточных горожан, торговых людей. Ближе к Днепру, в детинце — княжеские терема. Они внушительнее и красивее, чем другие городские строения. Но Ольга давно думала о том, чтобы их перестроить, поставить каменные палаты, дворцы, дабы вознеслись они над градом.

Там же, за крепостными стенами, располагались воинские казармы, караульни, конюшни, скотные дворы, амбары и склады — все нужное, особенно в пору, когда к городу подступали враги, начинали осаду. Пока же Ольга сама готовилась к осаде Искоростеня. Знала она, что ежели древляне закроются в крепости, не враз одолеешь её крепкие дубовые стены. И теперь оставалось дожидаться, когда пройдет на Днепре полая вода, а до того послать в Древлянскую землю конную дружину Свенельда.

Вернувшись в княжеские палаты, Ольга повелела созвать совет старейшин. А как собрались кому нужно в гриднице, провозгласила:

— Слушайте, старцы градские, бояре и воеводы. Я иду на Искоростень. К тому побудил меня мироправитель Перун. Повелеваю всем дружинам, кои стоят в Белгороде, Чернигове и Вышгороде, сойтись в Киеве. Что скажете вы, мудрые и достойные совета?

Старейшины одобрили поход. И сие одобрение выразил немногими словами преклонный воевода Василий Косарь:

— Иди, великая княгиня. Именем бога Перуна благословляем твой поход ради отмщения.

Весть о большом походе на Древлянскую землю взбудоражила не только ближние к Киеву города, но и дальние. Докатилась до Новгорода, Полоцка, Смоленска, Ростова, Мурома. Новгородский посадник Путята — старший созвал вече и спросил горожан, что они мыслят. Он-то думал, что новгородцы единым духом присудят собрать дружину и отправить её в Киев на помощь великой княгине. Ан нет! Сказали горожане просто: «Мы, чай, тоже данники стольного града. А ну как Ольге или корыстному варягу Свенельду покажется наша дань мала. Тогда что?» Сей резонный вопрос так и повис в воздухе. Да и что можно было сказать, ежели Свенельда новгородцы не чтили и немало сломали копий, когда он приходил в Новгород за данью. Однако же судами разорились, отправили в Киев по первой большой воде и заказанные Претичем, и сверх того.

Великая княгиня простила новгородцам их вольность. Причина на то была: могла ли она обидеть бывший стольный град, в котором сидел на троне её предок князь Гостомysl.

Киев в эти весенние дни жил в опьянении. И немало сделали для того жрецы Богомила, кои ходили по улицам и призывали горожан послать своих сынов с метлами на Древлянскую землю, очистить её от тварей, имя которым древляне. И у горожан снова возобладала над всеми чувствами жажда кровной мести. В конце зимы вернулся из полюдья по Смоленской земле воевода Малк. И теперь в Киеве достоверно знали, кто остался при князе Игоре и погиб, а кто ушел с воеводой Малком. Был счет убиенных, и высветилось пятьсот семь имен, из коих половина варягов и половина славян. И сочли родные и близкие тех и других, что месть была неполной, ещё мало древлян предано смерти в минувшем году. И потому толпа жаждущих крови

каждый день с утра до полуночи не расходилась с площади от княжеских теремов, требовала от княгини Ольги немедленного похода на Древлянскую землю.

Лишь киевские христиане не были подвержены дурману. Когда княгиня Ольга решила пополнить свою дружину, христиане не отпустили своих сыновей. «Зачем вы пойдете карать древлян? — спрашивали матери и отвечали: — Они свое защищали, и Господь помог им наказать злочинцев». Да в эту пору в Киеве было довольно мало христиан. И протест их был гласом вопиющего в пустыне. Лишь пастор христиан, священник Григорий, в суматошные дни сборов на Искоростень вновь проявил мужество и отправился на теремной двор. «Господи, всесильный и милостивый, помоги мне вразумить неверную, остановить её от бессудного злочинства. Досталь она уже осиротила Древлянскую землю».

Григорий помнил, что в первый раз он пришел в княжеские палаты без помех. Но причины того сразу не понял, подумал, что телохранители не обратили на него внимания. Но нет, он вспомнил, что шел с высоко поднятым крестом, и сей крест обжигал лица язычников, и они распахивали двери, дабы избавиться от наваждения. Выходило, что в кресте, а может быть, в нем самом была сила и она влияла на тех, кто встречался на пути. Да было же подобное и в ту ночь, когда язычники попытались учинить разбой над христианами.

Все сие осмыслив, Григорий пришел к одному: на него нисходит Божья благодать и его поступками движет Божье Провидение. И, уповая на поддержку Всевышнего, Григорий ступил на теремной двор. На сей раз здесь было малоллюдно, лишь в глубине двора стояла кучка воинов. Да у дверей гридницы толпились вельможи и простые горожане. Григорий подошел к ним, они расступились, и кой-кто поклонился ему. И он поклонился им, и руку поднял, дабы осенить крестным знаменем, но сдержался, потому как перед ним возникли отроки с обнаженными мечами. Они переглянулись и распахнули двери, открыли священнику путь. Григорий вошел в залу в тот миг, когда Ольга спрашивала у старейшин, кого назначить посадником в Искоростень, кого старостами, судьями и приставами при них, тиунами по селениям и малым городам Древлянской зем ли. В гриднице зашумели, каждому хотелось послать туда своего человека — сродника, близкого, — потому как знали, что та земля богата, и

каждому хотелось быть поближе к тем богатствам... Каждый пытался перекричать другого, дабы услышали только его, только имя, кое назвал он.

Григорию стало не по себе, он понял, что судьба Древлянской земли решена, что всем древлянам отныне быть в рабской зависимости от киевских вельмож, что свободолюбивый лесной народ потеряет свое имя, а земля его будет отдана на разграбление. И Григорий подошел к помосту, где в великокняжеском кресле сидела княгиня Ольга, и громко, отчетливо сказал ей:

— Великая княгиня, остановись от неверных шагов, не ступай Через пропасть, не наказывай своих невинных детей рабством и смертью, дабы не отвернулись от тебя народы всей Руси за безрассудные действия!

Ольга встала, шагнула вперед и гневно крикнула:

— Как смел ты, жалкий раб, прийти на совет достойных?! Уведите его! В подвале ему место!

Пока грядни спешили к нему, он успел сказать:

— Княгиня Ольга, запомни, что изрек Господь: «Неправедный пусть делает неправду, нечистый пусть ещё сквернится. Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его!»

Когда же грядни подбежали к Григорию, он поднял пред ними крест. И те застыли, расступились, и Григорий, не опуская креста, покинул грядницу. А Ольга ещё долго, словно изваяние, с занесенной для удара рукой, стояла на краю помоста и с гневом смотрела Григорию вслед. Потом она медленно опустилась в кресло и обвела взглядом залу, ожидая осуждения действий священника Григория, но не дождалась. И скорый на слово воевода Свенельд поспешил вмешаться, сказал княгине Ольге:

— Великая княгиня, пусть старейшины подумают над сказанным тобой. А мы пока поспешим в Древлянскую землю, исполним месть за павших и покорим недостойный народ.

Эти слова Свенельда возымели свое действие. Совет градских старцев, мудрых и многоопытных, согласился с воеводой. И воевода Василий Косарь выразил общее мнение:

— Иди, матушка княгиня, в Древлянскую землю с праведным судом. Там же все сложится, как ты мыслишь.

Но слова священника Григория укололи княгиню в самое сердце. Она не почувствовала удовлетворения от решения совета. Сама жаждущая мести и сама желавшая возглавить поход, Ольга вдруг ощутила в груди пустоту и полное безразличие к происходящему в покое. Еще не ведая почему, она пришла в смятение и подумала, что будет лучше, ежели поход состоится без нее. И не мешкая, дабы не изменить свое решение, она подозвала воеводу Асмуда и сказала ему:

— Приведи ко мне Святослава. Одень же его величаво!

Асмуд, как всегда, лишь кивнул головой и ушел через внутреннюю дверь в палаты. А в гриднице воцарилась тишина, все с беспокойством смотрели на княгиню, потому как поняли, что в её настроении после дерзких слов Григория случились перемены. И длилась тишина до той поры, пока в зал не вернулся воевода Асмуд, держа перед собой за плечи четырехлетнего князя Святослава.

Княгиня Ольга взяла сына за руку и подвела его к краю помоста.

— Вот се князь Святослав, сын великого князя Игоря. Отныне я токмо мать великого князя всея Руси Святослава и мне стоять при нем. Он же поведет дружину на древлян. Каким бы вам ни показалось мое решение, я не изменю его!

Это короткое заявление княгини Ольги оказалось для всех полной неожиданностью. И потому прозвучало словно гром среди ясного неба. В гриднице все возмутилось, словно шальной ветер загулял перед грозой. Одни вспомнили, что так уже было при князе Олеге, который стоял правителем при великом князе Игоре, но сам стал великим князем. Другие отрицали такое правление, зная, что пока Ольга есть великая княгиня, власти у неё не отнимешь. А у правительницы? Кто мог поручиться, что все останется по-прежнему и не станет ли при малолетнем князе правителем воевода Свенельд. Страсти бушевали все сильнее. Однако у главных членов совета, градских старцев, решение Ольги не вызвало больших сомнений. Сей час настал, считали мудрейшие, и князю Святославу должно занять великокняжеский трон. И градские старцы, хотя и были голоса их слабыми, одолели разногласицу споров, и все тот же мудрый воевода Василий Косарь сказал от имени старцев:

— Слава мудрой княгине Ольге! Да будет так отныне и до конца века!

Так, без особых торжеств, но по закону державы, во главе молодой, но уже великой Руси встал малолетний князь с чисто славянским именем Святослав.

Позже, когда пришел час выступать в поход и великого князя Святослава уже готовы были посадить в седло на боевого коня, материнские чувства Ольги взяли верх над её холодным разумом. Ольга представила себе, как её малолетний сын окажется один среди суровых воинов и при нем встанет коварный воевода Свенельд, сердце её зашлось от страха и жалости. И сказала княгиня Ольга воеводе Асмуду:

— Ты, кормилец и воспитатель князя, мною любим и сын мой за тобой как за каменной стеной. Но без родительского глаза в сей опасный поход я не отпускаю сына. Иду с ним! Вот и весь мой сказ.

Однако и на сей раз поход на древлян сорвался. В самый последний час, как поднять дружину в седло, в Киев прискакали три усталых всадника. Один из них был пожилой воевода Федор Волк, два других — его сыновья. Еще князь Игорь оставил воеводу Волка посадником в земле Муромы. Теперь же народ мурома не хотел больше быть под рукой киевских князей и взялся добыть себе свободу и независимость. С тем и выгнал посадника и власть имущих при нем из своей земли.

Княгиня Ольга выслушала воеводу Федора Волка и разгневалась:

— Еще одним воли захотелось! Да попадут под ярмо болгар или хазар, тогда вновь будут молить Русь, дабы взяла под свое крыло.

Вспомнила княгиня, что стоило её дяде князю Олегу собрать все малые народы в единую семью, и не могла допустить, чтобы следом за древлянами откололся от Руси народ мурома, а там земли вятичей или ещё кого-либо, кто входил в великую семью славянских народов. Знала Ольга, что затевают борьбу за мнимую свободу не простые люди, а вельможи, власть имущие, и погрозила примерно наказать муромских смутьянов. Она же повелела Свенельду:

— Иди с воеводою Волком в Муром, накажи справедливо всех, кто поднялся бунтовать, утверди там воеводу Федора и оставь при нем тысячу воинов

— Исполню, матушка княгиня, как велено, — ответил Свенельд.

— Отправляйся в путь сей же час, а мы будем ждать тебя.

И подготовленная для похода на древлян рать разделилась на две дружины, большую и малую. И во главе первой воевода Свенельд ушел на север усмирять бунт народа мурома.

Глава девятая

ГОРЕ И ГНЕВ

Три дня и три ночи в Искоростени и по всей древлянской невеликой вотчине князя Мала никто не знал покоя, но все от мала до велика были ввергнуты в горе и слезы. Три дня близ рощи сотни древлян и древлянок копали могилы, чтобы предать земле пять тысяч воинов, пять тысяч мужей, отцов, братьев. Пять тысяч миролюбивых жителей лесов, сложивших головы под коварными ударами мечей катов. Так древляне прозвали Ольгину рать, когда вскоре же после тризны увидели своих поверженных ратников.

Вместе с горожанами и селянами копал могилы и князь Мал. И плакал вместе с ними. Да было отчего, потому как потерял всю дружину, а с нею двух сыновей, ещё брата, трех племянников, двух зятьев и многих иных сродников.

Ведь каждый десятый в Искоростени был в родстве с княжеским домом.

Похоронив пять тысяч павших воинов, воздав им должное по языческому обычаю древлян — сжигая чучела умерших и отправляя их дух в небо на службу Перуну, князь Мал впал в уныние. Он казнил себя за то, что поддался на уговоры своих воевод и бояр, да прежде всего воеводы Яровита, и напал на великого князя. Что ни говори, но он преступил закон. Да лучше бы отдать ему последнее достояние, чтобы от жадности подавился, но руку на него не поднимать. Да теперь уж содеянного не воротишь. Так размышлял древлянский князь Мал. Копая могилу вместе с женами убитых, он удивлялся: «Мы, древляне, самые мирные русичи, и вдруг на такое пошли!»

Однако, предаваясь горю, оплакивая близких, князь Мал думал и о грядущих днях. Ему хотелось знать, утешилась ли великая княгиня, насытилась ли кровью тысяч древлян, простит ли их, сочтя наказание исполненным? Или продолжает вынашивать новые коварные замыслы?

— Бог мой, Коляда, и я ещё сватался этому злему духу, к вурдалачке, жаждущей руды невинных, — в сердцах кричал князь Мал, осматривая рощу, в одночасье превращенную в братский жальник, и продолжая вспоминать княгиню Ольгу недобрыми словами за то, что осиротила чуть ли не половину племени древлян.

Князь Мал был добрым человеком. Он любил свой лесной народ, который испокон века жил с соседями мирно и утешался охотой на зверя и птицу, ловлей рыбы. Все это в достатке водилось по лесам Древлянской земли, в озерах и реках. Древляне никогда не считали себя воинами, не отличались воинственностью. Правда, в преданиях древлян рассказывалось, что однажды их вожди водили свой народ в поход на полян, кои жили по степному левобережью Днепра. И победили их и заставили платить дань. Да было сие давно, в незапамятные времена. И потому князь Мал считал, что несправедливо приписывать древлянам самые мерзкие человеческие пороки. Кому-то в голову пришло назвать древлян народом диким, живущим подобно зверям и питающимся всякой нечистью. Дескать, древляне проводят время в распрях, ссорах, драках, убивая друг друга кольями. Они не знают браков супружества, сочетаются по праву сильного, как лоси, кабаны, медведи. Все это были наговоры несведущих или злых людей, коим неведомо, что на земле древлян много книжных людей и вот уже несколько десятилетий древляне знают кириллицу — азбуку, принесенную на их землю паломниками Кириллом и Мефодием. И уж ежели говорить о зверских нравах кого-то, так сие можно сказать о полянах. Это они пришли на Древлянскую землю более полвека назад с огнем и мечом и покорили её не только силой, но и хитростью, коварством. Сказывали, что древляне оборонялись, как звери. Верно. Так ведь оборонялись, но не нападали на Олегову дружину, коя навалилась на малое число древлянских воинов тьмою. Позже князь Олег, посмеиваясь, говорил в дни полюдья: покорил древлян только потому, что они сверх меры наслаждались вольностью лесной жизни.

Что ж, древляне покорились и тридцать лет исправно платили дань. А как умер князь Олег, то попытались освободиться от Киева, взяли за оружие, дабы вернуть свободу. Да дело до крови не дошло. Сошлись два князя, поговорили и пришли к согласию, что ежели вздумают драться, то больше потеряют. И дали древляне слово, что

будут жить мирно и исправно платить дань, ежели она окажется посильной.

Князь Игорь все-таки увеличил тогда дань против той, кою платили князю Олегу. Да стерпели древляне, разве что больше проводили времени на охоте, дабы добыть достаточно пушного зверя на расплату. И опять прошло тридцать лет мирной жизни с Киевом. Что ж он на то и стольный град, чтобы к нему все народы, признавшие его власть, относились почтительно. Только ведь и властелинам не все дозволено. Зачем было великому князю Игорю превращать свою дружину в беспощадную волчью стаю? Зачем допустили их в мирное древлянское стадо и они содрали шкуры со всех овец? Как жить? Ведь овца без шкуры не овца, а туша. Вот и побили тех волков древляне. Да маху дали, что лишили жизни великого князя. Тогда воевода Яровит первым погрозился снести голову князю Игорю. Но исполнил он намерение не своими руками, а побудил на то подручного дурня Дракоша.

В тот день князь Мал сам наказал сотского Дракоша, снял ему голову с плеч. Снял принародно, в назидание. И послов он отправил в Киев не для того, чтобы засватать княгиню Ольгу. Знал, что он, лесной мужлан, не пара великой княгине. Да были отправлены в Киев все те вельможи, кои больше всех ратовали за то, чтобы наказать великого князя Игоря и его дружину смертью. Оно, конечно, выходило, что князь Мал откупался теми послами, думая, что княгиня Ольга насытит жажду мести. Правда, князь Мал считал княгиню Ольгу менее жестокой и мстительной, чем оказалось на самом деле. Да и умнее. Неужели она полагала, что древляне не узнают о злодействе, учиненном на теремном дворе над двадцатью послами? Знали. Люди князя Мала, ведущие торговые дела в Киеве, имели острые охотничьи глаза и чуткие уши, все примечали, все узнавали и в одночасье, по лесным, ведомым только им тропам, доносили вести до князя Мала.

Правду о том, что первых послов закопали живыми на теремном дворе, князь Мал узнал после посещения киевского сеунча. Весть принесли вечером того дня, когда уже были отправлены в Киев ещё тринадцать послов. Князь к тому же не хотел их посылать, но они вызвались сами. И старший из них, боярин Клим, даже кулаком по столу стукнул и заявил: «Мы заставим великую княгиню стать твоей семейшкой!» Когда же узнал о судьбе двадцати послов, то сильно

погоревал и попытался даже вернуть тех тринадцать, кои умчали в Киев на верную смерть. А что так будет, князь уже не сомневайся. Не успели воины князя Мала перехватить послов. Боярин Клим гнал лошадей, словно спешил на свадьбу, а не на смерть.

Да мог ли он, князь Мал, предполагать, что коварство Ольги безгранично и кощунственно. Как она обвела его вокруг пальца, когда примчала с дружиной к Игоревой могиле на тризну! Понял князь Мал, что коварство, хитрость и жестокость — суть характера великой княгини. Рыдая на могиле мужа, она усыпила зоркое око даже хитрющего воеводы Яровита. Она залила сердца его воинов вином, усыпила их охотничью чуткость и хладнокровно, расчетливо, одним махом лишила жизни пять тысяч воинов. И не только воинов. Они же были ещё мужьями, отцами, братьями.

«Бог мой, Коляда, как же мы сплеховали! Как нам теперь худо», — сетовал князь. Он знал, что никто из его воинов не держал в груди злого умысла и проявил полную доверчивость, не боялся за свою жизнь. Воины пришли в рощу, дабы уважить просьбу великой княгини. И страдали с нею искренне, и курган насыпали над Игорем как достойному воину. И хмельное пили, не оглядываясь на коварных отроков и гридней. Но добродушие и доверчивость воинов князя Мала подвели древлян. И ничем иным нельзя объяснить то, что случилось в роще. Пять тысяч воинов упали на землю, заколотые в спину, зарубленные со спины в одно мгновение. Лишь только пламя костра на миг осветило их лица, все было покончено. Князь Мал мог лишь предполагать, что все так и было, потому что не осталось ни одного очевидца, кто бы рассказал о коварстве великой княгини.

Теперь в Искоростени нет дружины. Осталась сотня воинов в личной охране князя. И ежели враги придут к городу, то они возьмут его голыми руками. Не этого ли добивалась великая княгиня, не для того ли подступала к городу её тысяча воинов и тысяцкий Путята требовал от него, князя Мала, чтобы вышел на битву. Он не ответил на клич Путяты, разгадав замысел врага. Пугята несколько раз стукнулся лбом о крепостные ворота, потерял десять воинов и ушел в Киев.

Да знал князь Мал, что придут ещё Ольгины волки и попытаются одолеть древлян в их городе. Ан нет, тому не бывать, взрывался князь Мал, вонзая заступ в землю. Не мешкая, он кликнет со всей Древлянской земли под свое знамя молодых воинов, отроков — всех,

кто может держать меч в руках, — обучит их воинскому искусству и всему, что нужно уметь настоящему воину, и защитит с ними свой стольный град. Он пошлет гонцов к дулебам и бужанам на Буг, к лутичам и тиверцам на Днестр и позовет эти родственные племена на помощь. Верил, что братья по крови отзовутся. Он навяжет Ольге лесную войну, где его воины будут неуловимы, и там каждый древлянин будет драться за десятерых. И будут для Ольгиных воинов поставлены всякие ловища, капканы, волчьи ямы. Берегись, княгиня Ольга! Тебе больше не отнять у древлян ни добра, ни их свободы и жизней. Так рассуждал князь Мал, пока копал могилы, пока справлял скромную тризну по убиенным.

Возвратившись в город после всех печальных дел, князь Мал потерял покой, забыл об отдыхе и сне. Он разослал во все концы княжества и за его рубежи сеунчей, он повелел всем кузнецам ковать оружие, заготавливать всякий иной припас для войны с дружиной Ольги. Он собрал горожан на вече и объявил им:

— Древляне, стар и мал, слушайте, слушайте! Отныне, пока мы живы и свободны, зажжем огонь войны против коварных киян, против рабства под Ольгой! Теперь же говорю всем плотникам, всем лесным людям: вооружитесь топорами. Вам рубить лес и укреплять стены! Слышите?!

— Слышим, князь — батюшка, — отвечали лесорубы и плотники.

— Теперь же мой наказ рудознатцам и ковалям. Денно и ночью добывайте руду железную, варите железо на мечи, на копья, наконечники стрел. Нет вам отдыха, пока каждый воин не будет держать в руках меч, копье и каленые стрелы.

Гудела городская площадь. Каждое слово князя Мала встречало одобрение. Но были и недовольные. Князь Мал ничего не наказал делать древлянским вдовам, матерям и сестрам павших. Таких было больше половины из всех, кто заполнял площадь. Они же потребовали:

— Князь — батюшка, дай нам волю носить каменные снаряды на стены, добывать и варить смолу, брашно запасать, колоды готовить.

Князь Мал встретил это требование с благодарностью, сказал:

— Отныне все вы воины именем павших. И воля вам от меня на все, что во благо Искоростеня и всей Древлянской земли.

Лесной народ деятелен, к покою, к лени не способен. И лишь только князь Мал сказал последнее слово, как древляне, и городские и

сельские, взялись за дела. Сотни их ушли в леса, дабы нарубить там вековых деревьев, кольев, жердей и все доставить в город по санному пути или спустить в половодье по реке Уше. Тысячи женщин взялись собирать камни на полях, по оврагам, добывали их в каменоломнях, носили на стены, укладывали под руками воинов, коим суждено будет встать на защиту города.

Князь Мал был предусмотрителен. Он знал, что ежели княгиня Ольга придет под Искоростень, то будет стоять, пока не одолеет крепость. Но знал князь и другое: воины Ольги не умели брать крепостей, не по зубам они киянам. Однако на долгую осаду Ольга способна. И князь готовился к тому, чтобы высидеть в долгой осаде. Он попросил своих селян о том, чтобы они дали горожанам как можно больше брашно, привезли ко времени все, чем могли поделиться. Князь не пожалел своей казны и многим селянам заплатил за все, что они доставили в город. Скоро же отозвались и лесные люди. Они повезли в город все, что давали лесные уголья, озера и реки. Орехи и мед, лосиное и кабанье мясо, вяленое и копченое, рыба вяленая, сушеные грибы и ягоды — ничего не пожалели древляне своему князю, потому как чтили его не меньше, чем своего кумира Коляду, бога торжеств и мира.

К зиме Искоростень изготовился к обороне, готов был встретить врага. Дружина к этому времени насчитывала больше двух тысяч воинов, ещё не очень умелых, но настроенных защищать отчий дом не щадя живота. И были древляне уверены, что не зря трудились день и ночь, укрепляя свой стольный град. Успели они обнести город ещё одним рядом частокола и ров выкопали, коего прежде не имели. Еще выше подняли старую крепостную стену. У всех городских ворот устроили ловушки. Ежели враг проломит первые ворота, то до вторых не доберется, рухнет в ямищу, прикрытую плахами. И откроется под ногами врагов пропасть, на дне коей колья острые поставлены.

В самый разгар оборонительных работ из Киева пришел лазутчик Лученя, торговый человек, в меру хитрый и изворотливый. В Киеве он торговал с лотка да из заплечной сумы узорочьем и паволоками. И потому со своим товаром многожды побывал на теремном дворе. Там он и услышал то, что заставило его поспешить в Искоростень.

Лученю привели в княжеский терем. Князь Мал принял его лично и разговор вели с глазу на глаз.

— Ну что ты, любезный Лученя, увидел — услышал в стольном граде? Выкладывай.

— Ведомо мне стало, князь — батюшка, что воевода Свенельд умчал с большой дружиной в землю Муромы, а оттуда пойдет в земли чуди и вятичей. Те народы, как и мы, порешили отколоться от Киева.

— Ишь ты! Нам сие любо. Но какая причина?

— Да что и у нас. Дань непомерную требует Киев, а варяги Свенельда грабят и жен насилуют.

— А что великая княгиня? — спросил князь Мал.

— Велела Свенельду идти по землям тех народов с огнем и мечом.

— Ох, порухи себе ищет княгиня. Ну а ещё что у тебя, Лученя?

— Так самое важное, князь — батюшка. — Лученя хитро прищурил карие зоркие глаза. — Как узнали печенеги, что Свенельд и другие воеводы покинули Киев, пошли ордою от моря Козарского. И скоро под стольным градом возникнут. Сказывают, саранчой летят новые племена печенегов из-за Итиля.

— Откуда сия весть? — спросил князь.

— От козарских купцов. Они не лгут.

Князь Мал задумался. Ежели примкнуть к печенегам, то вместе с ними можно и Ольгу достать в стольном граде. Лученя понял, о чем задумался князь, смотрел на него выжидающе. Очень хотелось ему, чтобы князь сошелся с печенегами. Однако князь Мал погасил вспыхнувшее желание объединиться с печенегами, были у него к тому причины. Потому сказал Лучене:

— Ежели у тебя все, иди медов выпей в трапезной моим именем. А за радение спасибо.

Лученя ушел, а князь Мал долго ходил по приемному покою и примерялся к тому, что поведал лазутчик. Все-таки было заманчиво примкнуть к печенежской орде, да и посчитаться с Ольгой за пять тысяч убитых воинов и за послов, погибших в муках на великокняжеском дворе. Знал он, что печенеги примут его в орду, с какой бы малой дружиной он ни пришел. Печенеги никогда не отказывали в помощи бунтующим против великих князей племенным вождям. А князь Мал как раз и был таким вождем. Ох, как было заманчиво посчитаться с Ольгой, потому как и он, и тысячи подданных ему древлян обладали правом кровной мести.

Однако ни коварство, ни хитрость никогда не довели над разумом добродушного князя Мала. И потому он отказался идти на союз с печенегами против своих же братьев — славян. Он даже не стал советоваться со старейшинами Древлянской земли, дабы не попасть под их волю. Он утаил от всех, с кем мог бы посоветоваться, все то, что принес ему лазутчик Лученя из Киева. И пройдет совсем немного времени, как князь Мал пожалеет о том, что проявил мягкосердие к великой княгине. Она же продолжала лелеять мысль о том, чтобы пройтись по Древлянской земле с метлой.

Глава десятая

ПЕРЕБИРАЯ ЖЕМЧУГ

Прошла зима. Свенельд усмирил бунтующих мурому, чудь и вятичей. И сделал сие без потерь своих воинов и не злочинствуя на тех землях. Сами народы поняли тщетность своих устремлений обрести от великой державы независимость и выдали зачинщиков бунтов. С тем и зажили мирно. Свенельд пригнал в Киев человек тридцать главных бунтарей, да вскоре же они были проданы в рабство византийским купцам.

С наступлением весны печенеги из-за Волги не двинулись в пределы Руси, а ушли на юг, в предгорья Кавказа, и там увязли в борьбе с горными племенами. На Руси все жили мирно и тихо.

Минуло полгода со дня гибели великого князя Игоря. Боль утраты у княгини Ольги уже притупилась, а с нею угасла и жажда мщенья. Все это время княгиня занималась воспитанием сына, вела державные дела, принимала иноземных послов. И ещё жила воспоминаниями, в коих находила большое утешение. Отраднее всего у неё было на душе, когда она вспоминала раннюю пору девичества. Стоило ей остаться в покое, где были собраны дареные диковины и рукописные книги, как она погружалась в свой волшебный мир. Ее не интересовали дары князю Олегу из золота и серебра, византийские сабли из лучшей в мире дамасской стали. Ей не хотелось заглянуть в список «Кириллицы», «Апостола», «Псалтири» или «Окотих», исполненных Кириллом и Мефодием в годы пребывания в Моравии. Княгиня Ольга лишь однажды подержала в руках христианские книги, но с пренебрежением уложила в шкаф с глаз подальше. Волшебный мир воспоминаний ей был желаннее.

Ликовал травень — май. Склоны холмов по берегам Днепра походили на многоцветные ковры. Всюду цветы, цветы. В цветах утопал теремной двор. На взлете весны юной княгине Ольге исполнилось шестнадцать лет. И в этот день ранним утром первым поздравил Ольгу с днем рождения князь Игорь. Все шесть лет, кои

считались они мужем и женой, Игорь помнил сей день и делал так, чтобы он запомнился Ольге на весь год. Наступивший день рождения, по мнению Игоря, был особым. Да так оно и было. Наконец-то они сольются в единое на супружеском ложе, как тому должно быть.

В этот день в княжеских палатах был устроен пир. Гости собрались со всей земли. Приехала новгородская родня по матушке. И сама она с отцом — княгиня и князь изборские — приплыли по первой воде на новой ладье. Матушка с батюшкой подарили дочери шубу из горносталя, новгородцы же подарили соболью. Еще платье из камки царьградской с отделкой лапами. Тетушка, мать Павлы, подарила Ольге шелковый хитон византийский, украшенный жемчугами, с поясом, шитым золотой нитью. Богатые подарки преподнес Ольге её дядя, князь Олег. Он ещё год назад наказал торговым гостям из Царьграда привезти платье далматик и мантию. Еще тунику, модную в ту пору. От ярких расцветок у Ольги рябило в глазах. Шелка, то ало — красные, то зелено — желтые, то голубые и лазоревые, переливались, играли золотом шитья, причудливой вышивкой диковинных цветов и птиц. Среди даров были и богатые головные уборы и украшения, отделанные драгоценными камнями. Дары украшали праздник, украшали княжну. В её золотистые волосы были вплетены жемчужные нити с алмазами и искусно сделанными цветами. На ней было алое шелковое платье с широким золотым поясом, на ногах красовались сафьяновые сапожки, сделанные мастерами из Корсуни.

Но не одежды привлекали взоры гостей к Ольге, а она сама. Юная княжна пленяла молодых и старых своей красотой. Заплетенные в косу непокорные волосы открывали высокий и чистый лоб, большие голубые глаза светились умом и жизнелюбием. Прямой и самую малую толику вздернутый нос говорил о её веселом нраве. А полные алые губы манили, обещая неземное наслаждение. Кожа лица и высокой тонкой шеи, чуть приоткрытой высокой груди была нежна и беломраморна, а щеки в меру румяны, словно озарены светом алой зари. Шелковое платье облегалo тонкий стан Ольги, показывало всю её благородную статью. Это была юная богиня красоты.

Князь Игорь не спускал со своей супруги глаз. Его лицо, обрамленное мягкой русой бородой, светилось счастьем. Он веселился вместе с Ольгой, выходил с нею в круг, и они исполняли языческие танцы. Но чем бы князь ни занимался, он с нетерпением ждал

наступления ночи, дабы наконец открыть в своей любимой юной супруге женщину. Знал он, что и она этого ждет, жаждает. И то сказать, Ольга не была ханжой и знала, что многие из её придворных боярышен узнавали тайное вожделение в пятнадцать и даже в четырнадцать весен. Тому причиной была вольность языческих нравов. И никого из родителей юных дев не пугало, что уже в шестнадцать лет их незамужние доченьки приносили в подоле детишек. Да чаще всего потеря девственности случалась в ночь на Ивана Купала — самый веселый и откровенный в естестве своем праздник. В ночь на Ивана Купала отроковицам дано было показывать стать в чарующей взоры отроков нагоде. Отроковицы и юные девы величались вокруг костра то ли перед своими сужеными, то ли перед всеми юными, кто приходил на гульбище, где водили хоровод их сверстницы. В полночь же юные девы разбегались от костров и попадали в руки суженых и несуженых, вольно отдавались им.

В свою шестнадцатую весну Ольга не дала затянуться ожиданию молодого супруга. Лишь только стало смеркаться на дворе, а гости были увлечены хмельными медами и корсунскими винами, как Ольга увлекла своего супруга на ночное торжество в верхний терем — свою опочивальню. Игорь и Ольга сгорали от нетерпения. Наконец-то позади долгие годы томления, мимолетной ласки и легких поцелуев. Теперь настал их час, теперь они могли позволить себе блаженство любви. В юной княгине все трепетало от нетерпения. Она любила своего мужа страстно. Пришло это нынешней весной. И уже тогда, открыв свое сжигающее чувство, она готова была отдаться Игорю. Он все-таки оказался терпеливее и ласково дал понять Ольге, что их час ещё не настал, что нужно соблюсти неписанные законы приличия. И вот они дождались своего часа, они одни, свободны от уз того самого приличия, кое удерживало их на поводке прежде. Им ничто не мешает соединиться. И Ольга приникла к груди мужа, и подняла к нему озаренное лицо, и взлетела к его губам, и он припал к её губам, и они замерли, блаженствуя. И прошла вечность, пока Игорь, что там скрывать, муж зрелый, стал снимать с Ольги одежды. Но и Ольга не медлила. Она освободила Игоря от кафтана, от рубах. И делали они это степенно, зная, что им никто и ничто не помешает свершить ритуал соединения неторопливо и с наслаждением. Вот они уже в естестве и взялись за руки и, отступив, созерцают друг друга. Они удивлены, они

видят совершенства свои впервые. Игорь — воин. В нем все дышит силой, мощью. На крутой груди курчавится тонкий волос, в нем все как у бога на греческих гравюрах, кои купцы привозили из Византии. Игорь поражен совершенством юного тела Ольги, гибкостью её талии, торжеством её высоких с нежными розовыми сосками грудей, плавностью линии её стана: рука так и тянется к нему. Игорь обнимает Ольгу и возносит её на руки, несет к ложу, опускает на белоснежную льняную простынь, встает на колени и склоняется над нею. Он прикасается к её грудям, нежно гладит их и целует, и соски их становятся острыми, тугими. Рука Игоря скользит по животу Ольги, по беличьей опушке. И у Ольги иссякает терпение, она обнимает Игоря за шею, притягивает к себе, обвивает ногами узкие бедра и ищет горячей рукой его тайный уд, пытается спрятать в себе.

Игорь улыбается, он счастлив, он шепчет:

— Да простит нас бог Ладо! — И его тайный уд разрывает пелену невинности своей юной супруги. Ольгу ожгла боль, но эта боль приносит ей не страдание, а блаженство. Она неистова, она готова поглотить Игоря. Окружающий мир уплыл, Ольга смеется, её вожделение и воркование голубки слились, руки её не знают покоя, и вся она как пламя, её жажде нет конца. Игорь опален её огнем, он тоже неистов. Свершив один танец, они с той же страстью начинали новую языческую пляску. Казалось, силы их плоти беспредельны. Да и могло ли быть по — другому, ведь эти силы копились годами. Но вот, наконец, им пришлось по душе иные забавы. Они просто рассматривали себя обна женных, ласкали горячими руками и без умолку шептали нежные слова. Ласки Игоря были волшебны. Ольга замирала от неги. Да туг же, словно пробудившись от сна, вновь торопилась испытать, блаженство близости, вновь отдаться неистовству молодой плоти, открывая для себя все новые ощущения. Неискушенная в супружеской жизни, Ольга оказалась одаренной, гораздой на выдумку и озорство. Ее гибкое тело не знало усталости и покоя, и каждая поза её манила, вызывала новое желание. У Игоря мелькнула мысль, что с ним подобного не случалось, чтобы женское тело вдруг оказывало на него такую сильную и непоборимую власть. И промелькнуло забытое, что свершилось во время полюдья в Полоцкую землю, когда он тешился с самой красивой девушкой той земли. Она и сотой доли не принесла ему наслаждения, какое он получал от Ольги.

Были у князя Игоря и женщины, умудренные супружеской жизнью. Они знали многие секреты, дабы многожды побудить мужчину к жажде вождения. Что ж, он достойно проявлял свою честь. Однако все минувшее было не то, что он испытывал, поддаваясь кудесничеству юной супруги.

Их брачная ночь завершилась тем, что ослабевшая Ольга уснула на утомленном Игоре. И кончилось все тем, что в опочивальню пришла матушка Ольги княгиня Секлетина, полюбовалась «бесстыдными» детишками, улыбнулась при виде омытой рудою простыни и накрыла их пуховым покрывалом, кое привезла из Изборска.

После первой супружеской ночи Игорь подумал, что Ольга утихомирится, потому как вдосталь насытилась близостью. Ан нет, оказалось, что костер жажды в первую ночь лишь загорелся, но с каждым днем к ночи только сильнее разгорался. И длилось торжество до той поры, пока Ольга не понесла дитя.

Теперь, вспоминая те далекие годы и особенно то время, когда Ольга родила девочку, и та вскоре умерла, княгиня подумала, что черная полоса жизни той поры была напущена на них колдовскими силами. Может быть, тот кудесник — колдун Чур, погубивший князя Олега, и на Ольгу с Игорем напустил черные силы?

Когда умерла дочь, сгоревшая от неведомой болезни за несколько дней, Ольга больше недели лежала пластом и близкие боялись за её жизнь. Игорь не отходил от Ольги все эти дни и пытался утешить:

— Ты не убивайся так, у нас впереди ещё вся жизнь. Ты родишь мне сыновей и у нас будет дочь. Поверь, утрата зарубцуется, как рубцуются раны.

— Зарубцуется, родимый, — согласилась Ольга, пробуждаясь к жизни.

Шли годы их счастливой и согласной великокняжеской державной жизни. Молодая Русь при них крепла, мужала, все больше пребывая в мирных заботах и трудах. Однако перебирая прожитые годы, как жемчужины на шелковой нити, Ольга вдруг находила ущербное зерно. Вот ей уже тридцать лет, а она все ещё не принесла князю Игорю сына. Супруг терпелив и пока не журит её за то, что она никак не родит ему наследника. Он уже согласился, что над чревом его супруги тяготеет черный рок и на свет появляются только девочки, коих мироправитель

Перун отнимал у Ольги, и ни одна из них не прожила больше года. Черные полосы жизни приходили через два — три года. И княгиня Ольга сполна испила чашу материнского горя и страданий от неудовлетворенности собой. Она знала, что с каждым годом все сильнее разрушает надежды Игоря стать отцом сына, воина, будущего великого князя. Испила Ольга и чашу отчуждения Игоря. Знала она, что князь, уходя в зиму за сбором дани, утешался там с вольными девицами, умыкал у мужей красивых жен. И росли по северным городам, а то и совсем рядом, в Чернигове, в Белгороде, мужали его дети и, надо думать, сыновья, которых не хватало ему в княжеских теремах.

Годы пролетали неумолимо. И минуло тридцать пять лет замужества княгини Ольги, а она все ещё была бездетна. И Перун — мироправитель, коему Ольга молилась денно и нощно и не жалела для него никаких даров и жертв, все не желал помиловать её и наградить силой, коя принесла бы князю Игорю сына. Каждый раз, когда она вновь чувствовала под сердцем дитя, она шла на Священный холм и там, вознеся руки к лику Перуна, просила его об одной милости, о том, чтобы даровал наследника престола. Но приходил срок родов, и надежды Ольги рушились с первыми криками дитя — девочки.

Великая княгиня Ольга впала в отчаяние. И кто знал, как повернулась бы её жизнь, ежели бы не встала рядом с нею её дальняя сестра по материнской линии боярыня Павла. Князь Игорь позвал её мужа богатыря Никиту в Киев. И Никита оставил родной Новгород, перешел на службу в большую княжескую дружину сотским. А жена его Павла нашла место при Ольге. Павла меньше всего подходила для придворной мамки. Ей следовало быть в седле рядом с мужем и нести в руках палицу весом больше пуда, да бить врагов. Но Павла была умная женщина и поняла, что она нужнее Ольге, чем все прочие боярыни, кои кружили близ княгини. Ольга и Павла сошлись характерами. Горячий норов княгини боярыня сдерживала своим спокойным нравом. Она походила на русскую печь, которая редко бывает жаркой, но бесконечно долго теплой и манящей. И когда Ольга дождливыми осенними вечерами или короткими зимними днями сетовала на свою судьбу, Павла была не только внимательной слушательницей, но ещё умела и утешить княгиню. Последнее время

Ольга часто вспоминала недобрыми словами бога Перуна за его жестокосердие. И Павла как-то сказала:

— Ты, матушка княгиня, помолись иному Богу, попроси у Него милости, и Он снизойдет.

— Какому, Павла? — удивилась Ольга. — Уж не Волосу ли, богу скота? Так и ему молилась. И Коляде, и Купале, и Ладо! Всем жертвы приносила.

— Окромья их в твоей большой державе есть и иные боги. И даже Божья мать есть. Вот я недавно проходила с сыном по Киеву, с речки Лыбеди возвращалась, да в храм зашла, что на Аскольдовой горе. И вижу, как там бабы молятся, стоя на коленях пред доской. А на той доске, из коих мы ладьи делаем, лик женский, рядом же лик дитя. И спросила я баб: «Кому молитесь?» Они же ответили: «Богородице деве Марии». «За что жалуете?» — спрашиваю. «Милость нам ниспослала. Просили, дабы сынками нас порадовала. И родили...»

— Полно тебе, Павла, — возразила Ольга. — Чужие боги, а тем паче их матери, за нас не порадеют. Да и как это я от веры отцов и дедов отойду?

— О, матушка, да я и не настаиваю. Мы с тобой иной путь найдем, как наследника тебе обрести.

Поговорили княгиня и боярыня ещё о том о сем, а как ко сну отходить, Павла и сказала Ольге:

— Ты вот о чем пораскинь умом, матушка: сыны являются токмо у тех жен, кои сильнее мужей и плотью и кровью.

— Несусветное несешь, Павла. Как это так? Да не Божья ли воля в том, кому на свет выйти: девочке или мальчику?

— Божья, говоришь? С тем я не спорю. Ан и самой не надо плоховать. Ты вот собери свою дружину, княгине сие можно, садись на коня и живи судьбою воина, ходи в полюдь, скачи за зверем по лесам и степям, иди на ворогов, кои в твои земли приходят. Метай стрелы, мечом владей, себя не жалей, не щади. Тогда и прорастет в тебе мужское семя, тогда ты сильнее муженька будешь. А как убогаволит тебя в постели, так и родишь ему сына. Поверь мне. Я хоть и не книжная баба, а жизнью научена. Да и на что не пойдешь, ежели отчаяние сердце гложет, дыхания лишаег.

Вскоре же Ольга испросила позволения у великого князя Игоря иметь свою малую дружину. Князь Игорь и слова против не вымолвил.

Чего ради уважения человека не сделаешь. А у князя Игоря оно только и осталось к Ольге. Любовь же и страсть былые поугасли. И все потому, что считал князь себя обойденным судьбой. Шутка ли, скоро и шестьдесят лет грянет, борода от инея сверкает, на голове белый снег лежит, а он как был бездетным, так и остался: ни дочек, ни сына обещанного. Ему теперь воины дружины за сыновей стали. Эко сколько их, больше десяти тысяч. Приятно. Только вот трон воинам дружины не передашь, наследник княжеских кровей нужен. Вот и обиды на семеняшку.

Ан все повернулось так, как вещала мудрая Павла. Три года Ольга жила жизнью воина. Испытала все: дальние походы в полюдь в дождь, в снег и в морозы, скупую пищу вместе с воинами, сон под открытым небом в любую погоду, лишения, трудности. Все вынесла. Да, может быть, потому все преодолела, что рядом с нею неизменно верная и мужественная Павла находилась. Это она дважды спасла Ольгу от верной смерти, когда за Доном её дружина встретила с печенегам. Была скоротечная сеча, но печенегов оказалось меньше, и Ольга рискнула выгнать их из пределов державы, да зарвалась, преследуя. И не будь рядом Павлы, сложила бы голову Ольга в степи близ Волги. За три года Ольга и Павла объехали полдержавы, всюду вводили государев порядок, а больше в тех землях, куда не хаживал с дружиной князь Игорь. Еще дружина Ольги занималась охотой на лесного зверя. Воины поднимали медведей, и Павла в охоте на этого зверя участвовала, добывали ценную пушнину и продавали, и пополнялась княжеская казна византийскими золотыми милиаризиями. А в порубежных землях, там, где всего чаще на Русь вторгались кочевники, Ольгина дружина начала рубить заставы.

Наконец, на четвертом году походной жизни, Ольга сошла с седла и вернулась в княжеские терема. Опять это был май и близился день рождения Ольги. Князь Игорь в эту пору тоже был в Киеве. Он не узнал Ольгу. Возникла перед ним молодая, сильная духом, светлая лицом и крепкая телом супружница. Игорь только ахнул от удивления. А как провел с ней вечер за семейным столом, так и позабыл все прошлые обиды, разочарования. И почувствовал себя помолодевшим, и, как в прежние годы, повел свою супружницу в опочивальню. И были у них часы ночного блаженства. И Ольга уверенно сказала Игорю:

— Любый мой и желанный, на сей раз я принесу тебе сына.

И было сие сказано твердо и вдохновенно. Игорь поверил без сомнений. А позже, когда Ольга понесла дитя, он радовался не столько тому, что Ольга пообещала принести ему сына, а тому, что они смогли зачать дитя. Ему шел в ту пору шестьдесят четвертый год. Да и Ольге подкатывало под пятьдесят.

Чудо все-таки свершилось. Ольга родила сына. Да богатырской стати оказалось дитя: десять фунтов весом. Удивлялись все мамки повивальные, как это удалось княгине разрешиться от бремени. Лишь Павла знала, что роды будут благополучными и тяготы родовые посильны княгине. Так и было. Ольга даже не кричала от болей, когда начались родовые схватки, лишь постонала.

По случаю рождения сына князь Игорь устроил пир на весь Киев. На теремном дворе несколько дней кряду выставлялись бочки с хмельным, день и ночь на жаровнях жарилось мясо, дичь, столы ломились от угощений. Сам же князь Игорь вроде бы и не брал в рот хмельного, потому как был пьян от отцовского счастья. Да все приговаривал: «Теперь и помирать не страшно». Говорил он это смеясь. И все понимали, что сие шутка. Помолодел он на двадцать лет и вновь воспылал к своей супруге юношеской любовью. И три года, до своего последнего часа, как уйти Игорю в Древлянскую землю, между князем и княгиней царили нежность и любовь. И все придворные, глядя на Ольгу, удивлялись: как это мог князь Игорь быть холоден к ней.

Она же красива и величава статью, как в прежние годы, и несла глазам и сердцам всех, кто видел ее, только отраду.

Теперь княгиня Ольга вспомнила, что три последние года супружеской жизни пролетели для неё как волшебный сон. Она не знала прежде, насколько Игорь мог быть заботлив и нежен как отец. И все ему удавалось, что бы он ни задумал. И Византию Игорь устрасил, потому что сила в нем проявилась необыкновенная и воинский дух его передался всем воинам русичам, и они шли на Царьград, казалось, все сокрушающим валом. Оттого-то и сдались греки и запросили мира.

Волшебные сны воспоминаний не могли продолжаться вечно. Они улетучивались. И княгиня Ольга возвращалась в тот мир, в котором не было её незабвенного супруга. И прах его покоился в ненавистной земле древлян. Потому к весне у неё все сильнее проявлялось чувство

неудовлетворенности той местью, какую она проявила к древлянам. Мало взяла она с них за свою великую потерю.

И однажды мартовской порой, сходяв на Священный холм и посоветовавшись с верховным жрецом Богомилом, услышав от него слова поддержки, Ольга собрала воевод и объявила им, что пришел час выступать на Древлянскую землю.

— Такова воля мироправителя нашего Перуна, — заявила она воеводам в гриднице. И впервые за многие годы пренебрегла советом старейшин, которые уговаривали её оставить в покое древлян, но обложить их тяжелой данью. Воеводы, особенно Свенельд и Претич, были удивлены таким волеизъявлением великой княгини. Они считали, что Ольга уже смирилась с участью вдовы и жажда мести её не одолевает. Но вместе со всеми воеводами приняли её повеление согласно.

Глава одиннадцатая

ОГНИ ПОЖАРИЩ

Княжеская дружина, вернувшись по весне из мест подавления бунтов, успела отдохнуть и набраться сил. Как возвратились воины, три дня в Киеве было шумно, весело. Живы и здоровы вернулись воины после пяти месяцев похода. Пришли со многими дарами земли русской, полученными с княжеских подданных по землям, городам и весям. Да и силой княжеские воины взяли многое у тех, кто проявил непокорство великокняжескому стольному граду. Воевода Свенельд и тут сумел потрафить дружине. Он закрывал глаза на все, что воины творили в домах бунтарей. А там было чем поживиться. Отчего же воинам, вернувшись в Киев после долгих воинских трудов, не пошуметь, не пображничать, не порадовать дарами жен, матерей, невест, просто доступных девиц. Да и Перуну в жертву кой-что было прихвачено из земли вятичей. Чтобы потрафить великой княгине, воевода Свенельд отвел часть бунтарей, приведенных из земли вятичей, и отдал их на расправу Богомилу. И сам воевода на Священный холм пришел с тем, чтобы верховный жрец усердно попросил бога Перуна о победе над древлянами.

— Видишь тех пятерых, коих мы на холм привели? — начал Свенельд. — Тебе, великий жрец, владеть ими, тебе положить их головы на жертвенный камень. Нам же за то мало надо. Помолись Перуну за нас, дабы даровал успешный поход на Древлянскую землю. Еще замолви за нас слово великой княгине, дабы в опалу не ввергла нас. А за что, ты ведаешь.

— Ведаю, что великая княгиня окажет вам честь за такое жертвоприношение, — ответил Богомил, — Ведаю и то, что опалы тебе, воевода Свенельд, от неё не будет. Малый же гнев стерпи. А коль ты поведешь дружину в Древлянскую землю, тебе надо знать и то, что князь Мал не являлся в Киев, как ни звала его великая княгиня. Он не признает за собой злодеяния. И всю зиму укреплял стены города, собирал воинов со всей своей земли. Еще к соседним князьям на

западе отправлял своих гонцов за помощью, звал их под свое знамя против нас. Потому говорю от имени великой княгини: терпению нашему пришел конец. Иди же к древлянам и покори их. Мироправитель Перун с тобою.

Воевода Свенельд подумал, что ему приятно слышать от Богомила такое откровение, но было бы лучше, ежели бы обо всем этом он узнал из уст самой великой княгини. И со Священного холма воевода отправился на теремной двор. Там сказал боярыне Павле, что хотел бы видеть княгиню. А пока ждал, когда княгиня Ольга примет его, успел перекатить с места на место мысль, коя давно не давала ему покоя. Думал он, тешил себя надеждой после того, как придет князю Малу конец, добиться, чтобы удельная Древлянская земля досталась ему в княжение. Он понимал, что воеводе княжеские уделы не дают. Так ведь он же первый воевода Руси и почему бы ему не просить титул князя?

Княгиня Ольга приняла воеводу в тронном зале, была спокойна, строга и величественна.

— С чем пришел, воевода? Разве я забыла что-либо повелеть тебе?

— Забыла, матушка княгиня. Мы с воеводой Претичем узнали, что князь Мал сильно укрепил стены и ворота крепости, — доя пущей важности вспомнил Свенельд и воеводу Претича, — Потому нам нужно позаботиться о таранах и колесах к ним.

— Сие есть мое упущение. Делай все, что нужно, моим именем. А за то, что ты исправно сходил в полюдь, одариваю тебя милостью.

— Кланяюсь тебе, великая княгиня, за щедрость, — и Свенельд низко поклонился.

— И вот ещё что, пока мы не выступили на древлян, поставь своих воинов на дорогах, ведущих к ним. Пусть останавливают всех и держат, пока мы не придем в Древлянскую землю. Делайте все скрытно.

Павла, которая стояла за спиной Ольги, заметила:

— Сие невозможно скрыть, матушка. Мы уже какой день готовимся к походу, а в Киеве полно древлянских торговых людей. И они, как перелеты, несут всю новину в свою землю.

— Укор всем моим воеводам, и тиунам, и посаднику за то, что врагов допустили в город. Велю схватить их всех и первыми пушу под

вражеские стрелы, коими встретят дружину древляне.

— Твой наказ, матушка княгиня, мы исполним, как велено, — ответил Свенельд.

— Иди исполняй, воевода, уроки, — И княгиня слегка подняла руку, давая понять, что разговор окончен.

Свенельд откланялся и покинул тронную залу. На теремном дворе он нашел воеводу Претича и со злостью спросил его:

— Зачем ты пустил древлянских купцов в город на торжища?

— Но никто не говорил, что их не надо пускать, — ответил Претич.

— Вот и иди со своими гриднями ловить их и всех упрячь под стражу, — жестко сказал воевода Свенельд.

Воевода Претич не возразил, но спросил:

— Чье это повеление?

— Великой княгини. Говорю её именем.

— Исполню, как сказано, — ответил Претич, — Завтра с утра и начну чистить город.

Свенельд и Претич давно тайно враждовали друг с другом. Хотя Свенельд и считался первым воеводой при князе Игоре, воевода Претич был ближе к княгине Ольге, и с этим надо было считаться. Потому оба воеводы в своих отношениях были всегда очень осторожны.

На другой же день ранним утром воины Претича явились на торжище и по ведомым им приметам собрали всех древлянских купцов и мытарей, затем привели в казарму и закрыли их там под стражей. В полдень к ним пришел воевода Претич и предупредил:

— Кто проявит волю бежать, быть тому на голову ниже.

Через неделю дружина была готова к походу на древлян. Ольга распорядилась, чтобы город оставили ночью. И сама она с сыном Святославом уехала на рассвете.

Но все предосторожности оказались напрасны. Тайное ещё минувшей осенью стало для древлян явным. И за неделю до того, как дружине Ольги выступить, князь Мал знал, в какой час начнется поход на его землю. И как только воины Ольги вошли в древлянские леса, из-за каждого дерева, из-за кустов их встречала смерть. Из глубины леса, из темени летели в конных воинов стрелы и поражали их. И чем глубже дружина входила в Древлянскую землю, тем больше стрел

летело в их ряды, и многие воины пали, ещё больше было раненых. И только мужество спасало воинов Ольги от паники. Потеряв товарища, они плотнее смыкали ряды и продолжали двигаться. Они погнали коней рысью, но вскоре и за это поплатились. На них падали деревья, они проваливались в ямы, на их пути вырастали завалы из вековых сосен и дубов. И эти завалы кони не могли преодолеть. Приходилось пробираться через чащу, а там воинов поджидали новые ловушки и самострелы.

— Эко, обмишулились наши воеводы ночным походом, — ворчали воины.

Воевода Свенельд понимал их. И впрямь надо было выступать утром. Он выделил две сотни воинов и наказал сотским идти впереди дружины развернутым строем вправо и влево от дороги, по которой двигалась дружина. Это помогло. Лесные воины князя Мала скрылись в глубине чащи и какое-то время не беспокоили дружину Ольги, но вскоре вновь дали о себе знать, напали на замыкающие дружину сотни.

Лишь к утру воины Ольги вышли из леса на луговой простор. Свенельд дал дружине отдохнуть. К тому же нужно было дожидаться княгиню Ольгу. Она появилась в стане в полдень. В пути она увидела, с какими трудностями, с какой опасностью встретила её дружина на Древлянской земле. Дальше Ольга повела дружину сама. Теперь уже не было нужды прятаться, древляне знали, кто пришел на их землю и с какой целью.

И прошел ещё день. А утром уже близ Искоростеня киевляне увидели стену из воинов князя Мала, преградивших путь к городу. Княгиня Ольга задумалась. Не предполагала она, что наткнется на упорное сопротивление древлян. Стало очевидно, что они не хотят быть её данниками, но ищут себе воли. Не было ведомо Ольге одно: на что рассчитывали древляне, оказывая сопротивление превосходящим силам великокняжеской дружины. Никто из западных соседей их не поддерживал. Ни дулебы, ни бужане не прислали ни одного воина, потому как их вожди знали, что расплата за поддержку древлян будет жестокой.

Пока воеводы и тысяцкие приводили рать в боевой порядок, Ольга велела подать боевых коней себе и сыну и дала наставление князю — отроку:

— Отныне ты великий князь и воин. Тебе и начинать сражение. — Ольга смотрела на четырехлетнего сына с нежностью и беспокойством. Зная, что исполняет святую обязанность, давая малолетнему сыну встать во главе большой княжеской дружины, она переживала за него, боялась, как бы не понес конь, как бы вражья стрела не достигла, как бы мироправитель Перун не осерчал за что-либо.

Но напрасно мать переживала за сына. Пока дружина изготавливалась к битве, на князя Святослава надели кольчугу, шлем, привели старого, побывавшего не в одном сражении, спокойного и бесстрашного коня. И настал миг, когда гридни — телохранители подняли князя в седло, дали в руки поводья.

Четырехлетний князь был смущен новизной происходящего. А как понял, чего от него хотят, посерьезнел, насупился, дернул коня за поводья, на три шага вперед воевод выдвинулся навстречу врагу.

— Да хранит тебя великий Перун, — прошептала Ольга и придвинулась поближе к сыну.

Боевые порядки дружины киевлян надвигались на рать древлян медленно, потому как те были ещё далеко и не было нужды гнать коней. Да и великий князь ещё не сказал своего слова, — ему же битву начинать. Чем ближе придвигалась большая княжеская дружина к дружине князя Мала, тем очевиднее становилось, что сходились две неравные силы. Левое крыло киевлян далеко раскинулось к памятной березовой роще и огибало уже строй древлян. В стане князя Мала сие поняли, там все пришло в движение, древляне попятились к городским воротам. И медлить киевлянам уже было нельзя. Большая княжеская дружина ждала лишь повеления ринуться в битву. Князю Святославу подали копьё, и воевода Свенельд сказал:

— Князь — батюшка, тебе начинать.

И тогда дитя Святослав глянул на матушку, увидел её ласковую, ободряющую улыбку, повернулся лицом к врагу и метнул копьё. Оно пролетело между ушами коня и тупым концом упало ему на ноги. Ан никто сего не заметил. Страстно, зычно воевода Свенельд крикнул:

— Князь уже начал! Вперед, дружина, за князем! — И бесстрашный воевода — воин первым поскакал на врага. Лавина отроков и гридней покатила следом неудержимо. Вот-вот близ крепостных стен начнется сеча. Уже сошлись две силы. Княгиня Ольга

с сыном остались на месте в окружении телохранителей. А впереди разгоралась смертельная схватка.

Воины князя Мала поначалу не дрогнули. Больше двух тысяч вступили с киевлянами в битву. Но их давили количеством, силой. На одного древлянина навалилось по пять воинов Ольги. Звенели мечи, трещали копья, лилась кровь, стонали раненые, падали под конские копыта убитые. А над полем битвы светило ласковое весеннее солнце, все в природе благостно торжествовало.

Древляне наконец не выдержали натиска, их оставалось все меньше. Они сплотились близ князя Мала и медленно отходили к крепостным воротам. Многие же, что были позади князя Мала, отступали лавиной, спеша укрыться за крепостными стенами.

Княгиня Ольга наблюдала за сечей с возвышенности и посетовала, что левое крыло дружины не успело прорваться к воротам и отрезать путь отступления князю Малу. Он-то и нужен был прежде всего княгине. Как хотелось Ольге увидеть его связанным по рукам и ногам да спросить: «Ну как, жених, свататься не передумал?»

Не удалось, однако, княгине Ольге потешить самолюбие. Дружина князя Мала отбилась-таки от наседавших на неё воинов Свенельда и скрылась за городскими воротами. Сам же Свенельд лишь мечом ударил по ним, да чуть не был убит камнем. Тот камень достался коню воеводы. Конь упал, воевода вылетел из седла. А и другие камни полетели со стены, и были убиты несколько воинов, и пришлось подальше убраться от городских ворот. Но и тут киевляне несли потери, в спину им полетели сотни стрел. В довершение всего в самую гущу отступающих со стены ударили камнебойные машины. Снаряды сразу поразили нескольких воинов, попадали кони, в стане дружины все смешалось в кучу, воины спасались в панике. Схватив какого-то коня без седока, Свенельд поднялся в седло и тоже поспешил убраться подальше от крепости. Наконец ни стрелы, ни камни не доставали киевлян, и Свенельд поднял руку, призывая воинов остановиться.

И отроки, гридни остановились, повернулись лицом к крепости, вскинули вверх мечи в пустой угрозе. Под ногами лежали убитые, раненые, кои просили о помощи.

Воевода Свенельд был недоволен всем ходом схватки с древлянами. Он со страхом ожидал, что вот — вот примчит от княгини Ольги сеунч и она потребует дать ответ, почему так позорно бились, не

ворвались в город и позволили врагу захлопнуть крепостные ворота. И на все упреки у воеводы не было оправдания. Мог он со своими воинами ворваться в город, если бы «сидел» на спине у древлян. Он же позволил им отойти без помех. И теперь, понимал Свенельд, он может загладить свой промах лишь тем, что ринется силой всей дружины на штурм крепостных стен и ворот.

Княгиня Ольга и впрямь была вне себя от гнева. Она хорошо видела, что произошло близ крепостных ворот, видела, как воины князя Мала держали её воинов на расстоянии полета стрелы, как откатились те назад и теперь, сбившись словно конский табун, чего-то выжидали. Она понимала состояние главного воеводы, потерпевшего неудачу, злилась на него сверх всякой меры. Однако больше была озабочена тем, что же делать дальше. Выход видела в одном: надо идти на приступ, пока в воинах силен боевой дух. Видела она и то, как действовала дружина воеводы Претича. Он тоже заслуживал не меньшего, чем Свенельд, упрека. Но, осознавая свою вину, Претич продолжал действовать. Его воины подошли к городским стенам совсем близко, подняли луки и прицельно стреляли в древлянских воинов, кои нет — нет да и показывались на крепостной стене. И Ольга подумала, что теперь самое время под прикрытием воинов Претича подтянуть к воротам таран. И Ольга распорядилась. Вскоре же четверка коней на рысях помчала к крепости, и два десятка воинов удерживали на колесах тяжелый и длинный дубовый кряж. Другие воины несли тростниковые щиты, дабы под ними укрыться от стрел, когда начнут таранить ворота. Ольга послала к Свенельду гридня, чтобы передал: не мешкая вести воинов под крепостные стены, не медля таранить ворота.

Выслушав от гридня повеление Ольги, Свенельд велел воинам спешиться и под прикрытием щитов повел их к крепостным воротам. Таран уже отцепили от конной упряжки, воины обступили его и покатали вперед, ухватившись за короткие петли веревок. Они бежали все быстрее, быстрее, и вот уже впереди подъем перед мостом, и мост, и на нем уже не меньше сотни воинов Свенельда, прикрываясь щитами от стрел и камней, приближаются к воротам. Воевода кричит тем, кто тащит таран: «Вперед! Вперед! Тарань!» Но что это? На глазах у Свенельда в тот миг, когда до удара по воротам оставалось не больше сажени, мост под ногами закачался и сперва медленно, потом

стремительно рухнул набок в ров, увлекая за собой всех, кто на нем находился. И над упавшими в воду будто разверзлись небеса; в них полетели сотни малых и больших камней, бревна, плахи — и никому не было спасения. Правда, воины, подоспевшие ко рву, пытались помочь несчастным и кой — кого спасли, но, позабыв о защите от стрел, сами падали в ров сраженные.

Свенельд, оставшись перед мостом, видел, как гибли его воины, и впервые в жизни почувствовал бессилие чем-либо помочь своим воинам и отчаяние оттого, что вновь потерпел неудачу. Он увидел подрубленные сваи моста и понял, что им была устроена ловушка. И вновь воевода был вынужден отступить от городских ворот. Вновь вслед ему летели стрелы и доносилось улюлюканье, словно древляне гнали дикого зверя.

Отведя дружину на полет стрелы, Свенельд решился все-таки явиться пред княгиней и посетовать на неудачу, склонить повинную голову и покаяться, но испросить-таки совета у мудрой княгини. А прискакав на вершину холма, откуда Ольга наблюдала за военными действиями, воевода Свенельд остался верен себе, обвинил воеводу Претича в том, что тот не сумел отсечь древлян от городских ворот.

— Матушка княгиня, мы потерпели неудачу. Но клянусь Перуном, ежели бы воевода Претич проявил достойные действия и встал у ворот, когда князь Мал отступал, победа была бы за нами.

— Скор ты на слово, воевода. Оба вы достойны упрека. Тебе, бывалому воеводе, должно было исполнять главное дело и пробиться к воротам раньше князя Мала. Как сие делается, знаешь. Говори же, что намерен делать дальше?

Воевода замаялся, потому как готового ответа у него не было. Княгиня смотрела на него требовательно. И он сказал то, чего, как понимал сам, исполнить не сможет:

— Ноне же обследую городские стены. Ежели найду слабинку, завтра пойдем брать крепость.

— А не найдешь? Похоже, князь Мал не глуп, знал, к чему готовился. Ох, Свенельд, испытываешь ты мое терпение.

— Каюсь, матушка княгиня, и склоняю повинную голову, князь Мал обошел нас. И если приступ не удастся, будем готовиться к осаде. Там срубим лестницы, дабы на стены идти. И тогда...

— Управляйся, но не мешкая, — перебила княгиня. — Завтра и скажешь, как и когда исполнишь урок Да помни, что князь Мал легко не отдаст город. Знает, чем грозит ему падение удельного града.

Воевода выслушал княгиню, склонив голову. Повернись все иначе с самого начала, ворвись он в город, полони или убей князя Мала, сейчас бы сказал великой княгине: «Вот я исполнил твой урок, матушка княгиня. Ты же отдай мне в удел сей город и землю Древлянскую, а я уж тебе верой и правдой послужу». Но не мог Свенельд сказать сии слова. Пока над ним довлели неудачи, и, похоже, Перун отвернулся от него. Он поклонился княгине и покорно произнес:

— Признаюсь, матушка княгиня, мне не доводилось воевать крепостей.

— Молчи, воевода. Тебе не к лицу такие слова, — перебила Свенельда княгиня Ольга — Я жду от тебя других слов. Да вскинь голову.

И Свенельд понял, что если он сей же миг не ответит достойно, то вряд ли ему придется стоять во главе дружины. Он, как в былые времена, гордо вскинул голову и твердо произнес:

— Уповая на нашего покровителя Перуна, мы скоро одолеем князя Мала, как бы он крепко за стенами ни сидел. Клянусь в том!

— Будь верен слову, Свенельд. Спрошу сполна, как не исполнишь клятвы. Теперь иди к воинам, — строго заключила Ольга.

Воевода ускакал к дружине. Ольга же в какой раз посмотрела на рощу, в которой был убит князь Игорь. И, сказав воеводе Асмуду, чтобы ехал со Святославом следом, сама ускакала в сопровождении двух десятков телохранителей. Ей хотелось побыть на могиле князя Игоря, поговорить с любезным супругом. Но, прискакав к мысу рощи, она не нашла того кургана, который по осени насыпали её воины и воины князя Мала. Земля на месте могилы была гладкая, как стол, и уже поросла плотной, но невысокой травой. И не было вокруг ни одной другой могилы, где похоронили воинов великого князя: всюду земля была приглажена и поросла травой.

В глазах у Ольги затуманилось, к горлу подкатил комок, который перехватил дыхание. Так с нею было, когда принесли весть об убийстве Игоря. Однако Ольга была уже не та, её сердце закалилось в невзгодах. И она не пошатнулась, не упала с коня. Княгиня посмотрела

в рощу. Там, среди деревьев, виднелись сотни холмиков. Ольга догадалась, что под ними останки тех пяти тысяч воинов, которые были убиты по её воле. Вот и ответ, почему нет кургана, нет могильных холмиков над теми, кто пал от рук древлян. И все потому, что в непримиримой борьбе и ненависти друг к другу сошлись два зла. Да, Ольга теперь уже не отрицала, что Игорь творил на Древлянской земле зло, что князь Мал ответил ему ещё большим злодеянием, что она, госпожа своих подданных, наказала их чрезмерно кровной местью. Надо было думать, что и князь Мал, потерявший двух сыновей, ответит ей тем же.

Но, осознав глубину падения в ненависти и зле, Ольга не осудила себя, не попыталась остановиться от новых злодеяний. И потому она пришла в Древлянскую землю. И сделает здесь все, чтобы внуки и правнуки древлян помнили, что никогда не надо поднимать руку на тех, кто поставлен над тобой самим мироправителем. Она заставит древлян чтить державные законы.

К роще приехали Асмуд со Святославом. С ними — несколько воинов. На их лицах Ольга заметила удивление. Они-то помнили курган, который насыпали. Но никто из воинов не осмелился спросить Ольгу, куда исчезло столь много земли: сами обо всем догадались. Лишь посуровели их лица, да руки крепче сжали рукояти мечей.

Пора было уезжать от проклятого древлянами места. Но Ольгу что-то удерживало. Она все пристальнее смотрела на небольшое углубление и вспомнила, что тут и есть могила Игоря. И пришло желание. И в груди у Ольги стало легче, взор прояснился, и все, о чем она подумала, показалось ей простым, доступным, исполнимым. Она решила вскрыть могилу Игоря, достать останки и увезти их Киев. И там, по закону отцов, с почестями предать земле или сжечь на Священном холме, ежели жрецы не потребуют при сем новых жертв.

Княгиня Ольга велела вскрыть могилу. Заступов под руками не оказалось, и четверо воинов обнажили мечи и быстро начали углубляться в податливый грунт. Вскоре же Ольгу и воинов ждало разочарование. Могила была пуста, лишь на дне ее, где начинался нетронутый грунт, лежали пестрядиновый драный кафтан, поношенный суконный шлык и дырявые сапоги. У княгини Ольги морозом охватило грудь и спину, она тихо, но гневно сказала:

— Се князь Мал надругался над могилой и телом великого князя. Он поглумился над прахом убиенного, он свершил кощунственный обряд и бросил великого князя на сведение мерзким тварям!

С новой силой закипела в груди Ольги ненависть, и ярость, и ещё невесть что, и она не могла уже пребывать близ пустой могилы, близ роши, в которой Игорь был убит; она ударила коня и умчалась к городу.

Там она нашла воеводу Претича и, увлекши его к разрушенному мосту, сказала:

— Воевода Претич, возвысь голос, позови на стену князя Мала и передай ему от моего имени: князь Мал, выйди из града, встань перед княгиней и прими от неё смерть за убийство князя Игоря, за надругательство над его телом. Не выйдешь, понесут кару все древляне! Токмо пепелища останутся на Древлянской земле.

И воевода Претич мощно закричал, сложив руки рупором:

— Слушайте, древляне! Слушай, князь Мал!..

Ольга видела, как в щелях дубового частокола замелькали лица, как несколько воинов появились над стеной. И они внимательно выслушали Претича, а как закончил, скрылись и долго никто не появлялся.

— Повтори, — повелела Ольга Претичу.

И он уже готов был вновь возвысить голос, но над стеной появился сам князь Мал.

— Ты, великая княгиня, не жди меня, не выйду. А сможешь достать, достань! Потом и суди! — Да тут же пустил стрелу в княгиню Ольгу, коя совсем немного не долетела до нее. С тем и скрылся за частоколом князь Мал.

На другой день на рассвете княгиня Ольга собрала всех воевод в свой шатер, сказала им:

— Завтра я пойду по Древлянской земле и накажу сей народ. И он будет позорно служить Руси и её князьям, пока стоит мир. Со мной пойдет воевода Претич и его три тысячи воинов. Тебе же, Свенельд, и вам, воеводы Посвист, Малк и Блуд, велю взять Искоростень и разрубить его. А князя Мала заковать в железа и привести в Киев.

Воеводы выслушали наказ княгини молча, потому как в ответ им нечего было сказать. И молча же, откланявшись, покинули княжеский шатер.

Как ушли воеводы, Ольге захотелось подойти к постели сына, посидеть возле спящего Святослава. Но у неё закружилась голова, она почувствовала слабость во всем теле и опустилась на походное ложе. Сказалось напряжение минувшего дня и бессонная ночь. Она уже не помнила, как легла, как провалилась не то во тьму, не то в сон. Потом Ольга вспомнит, что все-таки это был сон. Сколько она проспала, неизвестно, когда к ней на ложе присел князь Игорь. Ольга открыла глаза и не удивилась. Он погладил её по лицу, рука была теплая, крепкая, до боли родная. Игорь же сказал ей: «Ты достойно отомстила за меня, любя. Теперь, однако, очисти грудь от ненависти и мести, иди к древлянам, как мать к своим детям. Живи с ними в мире. И сына расти в миролюбии». Князь ещё раз погладил Ольгу по лицу, встал и покинул шатер.

Проснувшись Ольга на закате солнца. Но у неё не было желания встать и что-то делать. Она вспомнила все, что пришло ей во сне, и улыбнулась. Она ощутила на лице тепло руки Игоря и повторила сказанное им: «Живи в мире. Живи в мире».

И княгиня Ольга вняла совету князя Игоря, нисколько не сомневаясь, что он приходил к ней не во сне, а наяву. На другой день она покинула стан близ Искоростеня и ушла в глубь Древлянской земли с открытым и добрым сердцем. В каждом селении она собирала древлян и говорила им:

— Дети мои, забудем то зло, кое причинили друг другу. Мы много пострадали, теперь отдохнем и порадуемся жизни. Милость моя к вам мала, но поможет встать на ноги. Моим повелением ваша Древлянская земля на пять лет освобождается от дани. Пять лет не ступит на вашу землю нога сборщика. Живите во благо.

Ольга провела в походе по Древлянской земле почти два месяца. Вместе с сыном Святославом обошла все селения и малые города сего невеликого княжества и никого не наказала, никому не причинила урону и всем говорила, что освобождает от дани.

Дабы не быть обузой древлянам с трехтысячной дружиной, Ольга отправила две тысячи воинов во главе с Претичем в Киев, оставив при себе тысячу Путяты. И всюду, где бы Ольга ни останавливалась, наказывала воинам помогать селянам и горожанам на всяких работах, дабы обеспечить себе прокорм.

Под Искоростень Ольга возвращалась в начале августа. У неё не было никакого желания видеть сей город. Он торчал в её груди наконечником стрелы. Гонцы её часто уходили в стан большой дружины за вестями, но возвращались ни с чем. Дивилась Ольга, как это немногочисленная рать князя Мала так стойко держится против многотысячной великокняжеской дружины. Когда Ольга пришла под стены крепости, то увидела, что тут ничего не изменилось: древляне стойко оборонялись, киевляне безуспешно вели осаду.

Узнав о возвращении Ольги, воевода Свенельд занемог. И было неизвестно, то ли и впрямь заболел, то и от стыда свалился с ног, потому как не сдержал слова, не выполнил клятву.

Княгиня Ольга не велела тревожить Свенельда. Подумала: пусть мается от стыда в своем шатре. Поняла она, что воевода просто не способен брать крепости. Сама решила испытать свое военное искусство. На другой же день по возвращении она велела воеводе Малку идти к крепостным воротам и вызвать на переговоры старейшин или тех, кого уполномочит князь Мал. Воевода Малк немало потратил сил, дабы докричаться до кого-либо на стенах. Крепость словно вымерла, может быть, воины спали, сморенные ночным бдением. Наконец показался сын боярина Клим, сгоревшего в теремной бане в Киеве. Имея сильный голос, спросил Малка:

— Чего глотку дерешь?! Князь — батюшка не велел нам вступать в переговоры со злочинцами. Мало вам убитых и сожженных древлян, так по всей земле нашей прошли с огнем и мечом.

— Сие неправда. Земля ваша здравствует, — ответил воевода Малк — Шлите послов и узнаете правду.

— Кто с послами будет разговаривать? — спросил Клим-младший.

— Сама великая княгиня.

— Тогда жди, а я пошел к батюшке князю.

Ждать пришлось долго. Только в полдень, когда Малк сидел за трапезой, на стене появился воевода Клим — младший и велел дозорным позвать воеводу Малка. Как появился Малк, Клим — младший крикнул:

— Князь Мал пришлет вам седмицу послов на переговоры. Да прежде вы пришлите две седмицы заложников. А по — другому переговорам не быть.

— Жди на стене, воевода Клим. Я спрошу великую княгиню, как она мыслит.

— Буду ждать, — слышался ответ со стены.

Малк поспешил в шатер княгини Ольги, зная, что она горит желанием скорее вступить в переговоры с древлянами. Когда же Ольга услышала требование князя Мала, у неё дрогнуло сердце.

— Нет и нет! Никаких заложников! — твердо сказала Ольга, — Пусть будет так: старейшины выйдут за городские ворота, я подойду ко рву, и мы поговорим.

Воевода Малк удивился, как можно ей, великой княгине, идти под вражеские стрелы. Он выразил свое опасение. Но княгиня Ольга оставалась непреклонной.

— Токмо так мне будет оказано доверие, — заявила она.

Воевода Малк вновь отправился к крепостным стенам, изложил условия великой княгини. Они были приняты без оговорок.

— Ждем великую княгиню до захода солнца. Наши старейшины выйдут скоро, — отозвался со стены Клим — младший.

Пока Малк вел переговоры с древлянским воеводой, княгиня Ольга немало поволновалась. И было от чего. В этот день она решала судьбу князя Мала, судьбу всех горожан Искоростеня и всех воинов, защищавших крепость. Исполнение задуманного ею не оставляло никаких надежд на спасение всем, кто находился в крепости. Ей было тяжело пойти на столь жестокую меру, она никак не могла забыть слова князя Игоря: «живи в мире». Но над нею довлела языческая суть, не ведающая милосердия. Князь Мал должен быть наказан, все, кто поощрял его злодеяние, кто исполнял в роще кровавую расправу, — тоже. И потому княгиня Ольга собиралась на встречу с послами без угрызений совести, с холодным сердцем и ясным разумом. Боярыня Павла помогла Ольге надеть кольчугу и шлем, сама вырядилась в боевое снаряжение, взяла византийский щит, и они покинули шатер. Их сопровождали семь телохранителей. Под прикрытием их щитов княгиня и боярыня подошли к самому рву, где был рухнувший мост, и увидели, что за воротами их ждут старейшины. И начались переговоры.

— Слушайте, послы, и передайте все своему князю, — начала Ольга, — До чего вы хотите досидеться? Чтобы умереть голодной смертью? Ведь все ваши города и селения уже сдались мне и готовы

выплачивать дань, но я освободила их на пять лет. Они возделывают нивы и убирают хлеб. Последуйте их примеру, и вы будете жить вольно.

Древлянские послы слушали внимательно и ответили не мешкая:

— Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за своего мужа и нашего князя лишить живота. А он нам люб, и мы не отдадим его. Теперь говори ты.

Ольга на сие ответила таю

— Я уже отомстила за обиду моего мужа. Вам сие ведомо. Больше не желаю мстить. И ежели отдадите князя Мала, завтра же покину вашу землю.

— Нет, не отдадим. Нам краше смерть вместе с ним в битве, чем жизнь без него. Больше нам нечего сказать, — И послы двинулись к воротам.

— Стойте! Стойте же! — крикнула Ольга. Послы остановились.

— Говори, что там еще! — довольно грубо отозвался высокий худощавый боярин.

— Ладно, я не прошу у вас князя. Хочу только с города Искоростеня взять небольшую дань. На том и разойдемся.

Древляне повеселели, заговорили разом меж собой. Поговорив, спросили Ольгу:

— Чего ты хочешь от нас? Мы готовы дать тебе мед и меха.

— Полно, древляне, зачем мне вас разорять. Да ведомо мне и то, что в городе нет меду, а меха худые. Потому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя и по три воробья.

Удивились послы, тихо поговорили меж собой, и старший, высокий худощавый боярин, сказал:

— Нет у нас такой прорвы птицы: ни малой птахи, ни голубей.

— Съели? — спросила Ольга.

— Едим, — ответил старший, — Да как-нибудь спроворим по голубю с дыма и по два воробья — воришки.

— На том и сговорились. Идите же в город и объявите урок, а ночью вынесите птицу в коробах вот сюда, где стою.

— Это мы вынесем. Токмо чтобы без подвоха, — заключил старший боярин. — Воинов своих отгони подальше.

— Так и будет, — ответила Ольга.

Древлянские послы радовались, что так легко договорились с великой княгиней. Они скрылись за воротами, кои в тот же миг были накрепко закрыты. В городе вскоре началась суматоха по чердакам, амбарам и поветям. За дело взялись все отроки и отроковицы, все шустрые молодайки. Даже воины сошли со стен, дабы помочь отловить голубей и воробьев. Добродушные древляне поверили в искренность великой княгини и даже посмеивались над её причудой: «Эко же воробьев на вертеле жарить будет! То-то рать накормит». Смеялись те, у кого ещё были силы смеяться. Да вскоре же и поплатились за свою доверчивость и неуместный смех.

Ночью древляне приоткрыли ворота и вынесли на противоположный берег рва десятки берестяных и лубяных коробов, наполненных голубями и воробышками. А как рассвело, то со стены раздался зычный голос воеводы Клима — младшего:

— Эй, дозорные, позовите воеводу Малка!

Тот был близко, потому как ждал слова от древлян.

— Малк слушает! — подойдя поближе к рву, ответил воевода.

— Дань мы вам отдали!

— Вижу! Сейчас воины и заберут ее.

— Теперь скажи, когда княгиня Ольга уведет свою рать с нашей земли? — спросил Клима — младший.

— Нынче до захода солнца все и узнаете, — ответил Малк.

На том и разошлись.

Той порой воины Ольги перетаскали короба и кошелки с птицами к шатру великой княгини. Сюда же собрались многие воины, сотские, тысяцкие, да и воеводы сочли своим долгом глянуть на странную дань. А как стало людно у шатра, вышла княгиня Ольга. Рядом с Ольгой шел князь — отрок Святослав. Осмотрев древлянскую дань, Ольга повернулась к городу и сказала негромко, словно перед нею стояли древляне:

— Вот вы и покорились мне и моему сыну, великому князю. Теперь отдыхайте спокойно. А я завтра уйду в Киев. — Сказав так, княгиня повелела воеводам: — Слушайте, воеводы. Велите своим воинам взять по одному воробью или по голубю и бережно хранить их до сумерек. А как будет смеркаться, велите воинам привязать в тряпицах к каждой птице по кусочку горящего трута. И пусть они отпустят их с богом.

Августовский день был на редкость погожий и очень, очень долгий. Но вот наконец наступили ранние сумерки, и воеводы распорядились о том, что наказала Ольга. И лишь только сумерки стали погуще, как в стане великокняжеской дружины засверкали тысячи огоньков. Да вскоре выпущенные птицы понесли эти огоньки в город, к своим гнездам, в голубятни, под стрехи домов, амбаров, сараев. И ещё вечер не настал, как по городу, то тут, то там, загорелись сперва трепетные огни, а потом эти огни превратились в пламя сразу над десятками домов, сараев, амбаров. Море огня охватило весь город и повергло его жителей в ужас. Панике поддались не только горожане, но и воины. И не было в стенах города никому спасения. Древляне бросились бежать к городским воротам, распахнули их. Но и за воротами их ждала смерть. Воины Ольги убивали всех подряд. Лишь отроков и отроковиц хватало и уводили в свой стан.

Князь Мал собрал вокруг себя полсотни воинов и повел их к северным воротам, надеясь прорваться в лес, который подступал там почти вплотную к городу. Но, распахнув их, князь Мал встретился с сильным заслоном, во главе которого стоял сам воевода Свенельд. Помня свою вину перед княгиней Ольгой, Свенельд ринулся на князя Мала с одним желанием: сбить его с ног, оглушить, связать и притащить к великой княгине.

Однако князь Мал знал свою судьбу, ежели попадет в руки жестокого воеводы — варяга и ещё более жестокосердной княгини Ольги. И он бился с воинами Свенельда с отвагою и отчаянием обреченного. Он рассек Свенельду руку, уложил не меньше десятка его воинов. И близко, очень близко был спасительный лес, была свобода. Но в его спину вонзилось копье, и князь Мал упал бездыханный.

Княгиня Ольга и её дружина провели близ Искоростеня всю ночь, не сомкнув глаз, пока город не сгорел дотла.

Уходила Ольга от пепелища на рассвете, уводила больше двух сотен молодых древлян, большая часть которых была из именитых семей. Было взято в плен и несколько воинов князя Мала. Его труп был привезен отроками Свенельда к шатру княгини и по её повелению сожжен. Уносила с пепелища Ольга покорность древлян, и только не было в её ноше личного покоя. Знала она, предчувствовала, что не вернется в Киев той, какую ушла в поход несколько месяцев назад. Едва она спряталась в кибитку, силы покинули ее, разум затуманился и

исчез окружающий мир. Но сие продолжалось недолго. Туман перед взором рассеялся, но уже не было близ её кибитки ни воинов на конях, ни сына Святослава рядом, а было только то, что она сотворила на Древлянской земле: тысячи убитых, сожженных заживо, обездоленных, осиротевших, уведённых в рабство. И над всем этим чудовищным сонмищем зла и насилия — она, рядом с идолищем Перуном, коему служила, боготворила и приносила в жертву все, чего бы он ни пожелал. Но нужны ли были эти жертвы Перуну, Богомилу, ей? Зачем они им, богам и полубогам? Ольгу вдруг озарило: идолищу ничего не надо. Он — деревянный истукан. Все нужно только верховному жрецу Богомилу, хранителю огня близ истукана, собирателю и пожирателю мзды, взимаемой с русичей. Только он, жрец Богомил, есть верховный и не бескорыстный Перунов страж, ярый проповедник и блюститель язычества.

Но, прозрев, Ольга ещё не стала ясновидящей. Как ни напрягала она свой мудрый взор, её окружала тьма, в которой ни звезды, ни луча, ни горящего окна — тьма, тьма. Отступая от Перуна, порывая с язычеством, Ольга не приблизилась ни на шаг к какой-либо другой вере. Она брела во тьме. С тем и явилась в свои княжеские палаты.

Глава двенадцатая

РОПОТ

Кому не ведомо, что слухи летят по земле быстрее ветра. Еще не успел развеяться пепел с пожарищ Искоростеня, зола ещё не остыла, а весть о том, что великая княгиня Ольга сровняла с землей стольный град древлян, облетела всю державу. Слухи обрастали чудовищными небылицами. В Смоленске на торжище ведуны и просто досужие лгуны кричали, что княгиня Ольга летала на огненном коне над городами и весями древлян и своей рукой разбрасывала пламя и поджигала терема и палаты, дома и избы. И мало кто верил, что Искоростень сгорел от божиих птах — голубей и воробышков. В Полоцке и того невероятнее ходили слухи. Будто, порубив в чистом поле воинов князя Мала, Ольга устелила тела плахами и устроила на них пир. И на том пиру подавали к столам жареных детей на угощение хмельным воинам.

Но и правда о деяниях великой княгини Ольги, коя тоже гуляла по Руси, была не менее страшной. Русичи — язычники знали право кровной мести, но судили по справедливости. Был виновен в смерти великого князя Игоря удельный князь Мал, ему и быть жертвой. Убившие гридней и отроков Игоря — воеводы и их воины, им и животами отвечать. Племенные вожди мери, что населяли Ростовскую землю, судили Ольгу по — своему: семь шкур с одного вола не дерут. Вот и древляне взбунтовались потому, что князь Игорь пытался снять с них семь шкур. И сами вожди мери готовы были взбунтоваться, да воевода Свенельд устрошил их, как усмирят мурому, и вятичей, и чудь.

В самом Киеве больше знали правду о деяниях великих князей в Древлянской земле, чем по прочей Руси. И судили их по — разному: князя милосерднее, потому как мертвые сраму не имут, княгиню — жестче, ибо, по мнению горожан, она была способна на новые злочинства. Дело дохо дило до того, что толпы противников Ольги и её доброжелателей сходились в кулачных боях. Да было отчего. Потому как древлянский поход не принес первым никакого прибытку, да

многих к тому же осиротил, тогда как у вторых мужья, отцы и братья хорошо погрели руки на древлянском пожарище, рабами и скарбом обогатились. Почесав кулаки, киевляне расходились по домам, и одни садились к столам за брашно, как на тризне, другие застолье — веселье устраивали, подвигами величались, коих не было. Но и тем и другим все ещё мало было пролитой крови на Древлянской земле. И всякий раз в таких случаях взоры язычников обращались на Священный холм. Там можно было получить ответ на то, где и как можно утолить жажду. Верховный жрец Богомил знал, что сказать и тем, кто потерял отца, мужа, брата, и тем, кто жаждал омыть руки кровью, кто хотел послужить воителю — Перуну. Со своего холма он слал проклятья на головы христиан и всем детям своим — идолопоклонникам — неустанно твердил:

— Спросите с них, сынов назареевых, они виновны в смерти ваших близких. Им ненавистны наши боги. Идите в их дома, хватайте, тащите на жертвенный огонь! И мироправитель наградит вас удачей, возьмет ваши боли на себя.

Проповеди Богомила не проходили даром. На третий день после возвращения княгини Ольги в Киев толпа язычников притащила на Священный холм двух юродивых с паперти храма Святого Илии. Их зарезали, как должно по ритуалу, расчленили и бросили в жертвенный огонь. Но верховный жрец был недоволен таким скудным приношением и призвал идолян охотиться за более достойными своих богов жертвами.

— Бог Перун ждет от вас подвига. Идите же и свершите его. Ищите юных и непорочных. Только они в радость мироправителю.

И толпа язычников поддалась призыву Богомила, двинулась в те кварталы, где жили христиане. И быть бы в сей день кровавой резне в Киеве, но нашлись не потерявшие рассудок воины из дружины воеводы Претича и уведомили его, помня о том, что однажды он уже защищал христиан. Воевода Претич не замешкался, он поднял свою сотню воинов в седло и отправил их в христианский квартал предотвратить кровавую расправу. Конные воины примчались на место событий в то время, когда толпа язычников ломала ворота, заборы, дабы ворваться на дворы христиан. И обрушились на плечи и спины бесчинствующих плети и батоги. Идоляне попытались и на воинов поднять руку. Но таких быстро привели в чувство ударами мечей.

Священник Григорий был в этот час в храме. К нему прибежала молодая женщина. Вид её говорил о том, что ей с трудом удалось вырваться из чьих-то цепких рук. Одежда на ней была изорвана, на лице виднелись следы побоев. Кой-как прикрывая грудь, она взмолилась:

— Батюшка, святой отец! Ратуй! Идолы пришли в наши дома, грабят, насилуют! — И женщина упала на колени. — Спаси наших детей, родимый заступник!

У священника Григория не было иного оружия против зверей, кроме молитвы и животворящего креста. С ними он и покинул храм, дабы спасти свою паству от волков. Он спешил, женщина поддерживала его под руку, хотя сама спотыкалась от усталости. Они пришли на улицу, где бесчинствовали язычники, но воины Претича уже остановили разбой, разогнали толпу. Какой-то молодой воин, увидев священника Григория, подъехал к нему, потеснил конем и строго сказал:

— Иди, батя, молиться. У нас своя расправа с лиходеями!

— Да хранит тебя Господь Бог, воин, — ответил отец Григорий и осенил его крестом.

Тот же рассвирепел, плетью замахнулся:

— Не погань мое чело! Прочь, раб Христов!

Отец Григорий не дрогнул перед разгневанным воином. Он смотрел на него ясными глазами и ласково улыбался. Сказал же чуть слышно:

— Я помолюсь за тебя, воин. И ты помолишься за меня, как придет час — Григорий освободился от руки женщины, добавил: — Проводи её в избу, сын мой, — а сам медленно побрел в храм.

Вновь и вновь он думал об Ольге, о той бывшей изборской отроковице, образ которой затмил ему белый свет. Но та Ольга, та Прекраса канула в Лету. Теперь пред ним возникал лишь знакомый облик, но не больше. Да, черты её лица были все так же прекрасны и пленяли, она выглядела так молодо, будто время не властно над её плотью.

Но этот образ уже не волновал отца Григория. И все-таки ему хотелось проникнуть в душевный мир княгини и попытаться понять, почему она столь жестокосердна, какие силы питают её ненависть к людям, почему в ней нет простой женской жалости? И то, что было

ведомо Григорию о злочинствах Ольги на Древлянской земле, никак не укладывалось в его представления о той княгине, какую он её знал. И отец Григорий склонился к мысли, что в Ольгу вселились демоны зла и насилия. Пока они обитают в ней, Ольга будет оставаться источником людского горя, бед и несчастий.

Раздумывая подобным образом, отец Григорий пришел к мысли, что нет нужды бороться с княгиней, противостоять ей. Она останется непоборимой, ежели столкнется с силой, коя попытается лишить её низменных людских черт. Зло ведь тоже достояние человека, и потому Ольга не отдаст его никому, такова уж её натура. По этой причине есть только один путь, как это понимал отец Григорий, путь, ведущий к её душе. Достигнув ее, согрев истинными добродетелями, можно будет надеяться на прозрение Ольги. И тогда она будет понимать, что такое милосердие, человеколюбие, любовь к ближнему. Но беда в том, что язычники не ведают о душе, размышлял Григорий. Для них она не существует. И доказать невозможно, что они заблуждаются. Сие равно тому, как показывать на пузыри во время дождя и утверждать, что в них живет душа воды. Они только потешатся над тобой.

Ольга, однако, не простая язычница. Господь наделил её тонкими чувствами, богатым умом. Ей суждено стать мудрой и вещей. Но пока об этом отец Григорий умалчивал. Да, он видел её жизненный путь, хотя сей путь лежал в тумане, потому как и сам отец Григорий не мог поверить тому, что видел. Он не признавал возможности для Ольги ступить на путь, ведущий к святости. И по этой причине печаловался о душевной болезни нынешней Ольги, ещё способной творить зло, быть беспощадной, готовой к пролитию невинной крови. Григория тянуло воочию убедиться в творимом Ольгой зле, его влекло в Древлянскую землю, дабы увидеть пять тысяч могил, обзреть пепелище Искоростеня, в котором заживо сгорели тысячи горожан. Однако Григорий гасил свои побуждения молитвой. Это ведь все равно, что созерцать картины ада. Увы, в созерцании тоже кроется зло. Но нет, не ему созерцать те двенадцать кругов тьмы и огня адовых, кои неизбежно грозят великой грешнице Ольге.

Размышления на пути к храму привели отца Григория к мысли о том, что он должен добиться встречи с княгиней, и как можно скорее. Он не питал надежды на то, что Ольга позволит ему явиться в княжеские палаты. И явиться туда самовольно, как это было ранее,

отныне не хотел рисковать. Однако на тропе размышлений он увидел боярыню Павлу, самого близкого к Ольге человека. К тому же знакомую ему по далекой поре отрочества. Она бывала в семье изборских князей, приезжала навестить свою тетушку Секлетину, мать Прекрасы. Вместе с маленькой Прекрасой Павла бегала на речку Ужу, где Григорий и встречался с нею. Знал Григорий, что с приездом в Киев Павла не раз побуждалась войти в православный храм и, очевидно, все-таки заходила, влекомая желанием познать новую веру. Потому отец Григорий был уверен, что Павла пойдет с ним на сговор и они вдвоем попытаются пробиться через дремучее, сатанинской природы идолопоклонничество Ольги. Они найдут тот камень, которым накрепко придавлен родник души. Они снимут сей камень, родник забьется и явит русичам обновленную матушку княгиню.

Но пока отец Григорий искал встречи с боярыней Павлой, в теремных палатах готовились к дальнейшему путешествию княгини Ольги.

Вернувшись из Древлянской земли, княгиня вскоре же одолела недуг, какой нахлынул на неё после сожжения Искоростеня. Всего сутки она не показывалась ближним и пролежала в опочивальне. Поборов телесную слабость, она окунулась в государственные дела. Склонная к размышлениям, она попыталась по — новому разобраться в причинах бунта древлян и год, и тридцать лет назад. И пришла к мысли, что их породила несправедливость великокняжеского двора к своим подданным. И в ту далекую пору, когда Игорь только встал на престол, и совсем недавно древляне взбунтовались от непосильной дани и от того, как эта дань собиралась. Дань эта — государственная. Но ею владели разные люди, и одни собирали дань милосердно, помнили, что данники тоже люди, им надо есть, пить, одеваться, содержать двор, хозяйство. Другие, как воевода Свенельд, беспощадно грабили данников. Оттого-то и бунтовали народы. И приходилось их умирять, дабы не пошатнулась великокняжеская власть, дабы в державе царили мир и покой, кои превыше всего. Но усмирение силой есть новый повод для непокорства. Вот они, причины бунтовства. А чтобы не было повода для бунтов, размышляла Ольга, нужно искать новые, человеколюбивые уставы. И нужно не мешкая их утверждать. Далеко ли ходить за примером. Вспоминала Ольга, когда Свенельду пришлось умирять, племена муромы, поднявшихся на бунт вслед за

древлянами. Усмирить-то усмирил, однако же княгиню Ольгу огорчил своей ненасытной жадностью. И вся дружина его была обуяна жаждой к чужому добру. Где бы ни был со своей дружиной Свенельд — в битву ли вел ее, в полюдье ли отправлялся, — он не уставал говорить воинам: сильному все дано, сильный может взять все, что ему желаемо. Вот корень, на котором выросло зло. Вся дружина Свенельда — тати. Они и у отца с матушкой отнимут последнее. Как искоренить сие зло, Ольга пока не знала. И силы у неё не было вырвать сей корень. В ту пору она не могла знать, что придет, однако, час, когда на престол взойдет её внук, великий князь Владимир[8]*, и однажды изгонит с русской земли всех грабителей — варягов.

*[8]Владимир Святославич Святой (?—1015) — князь Новгородский в 969-977гг., Великий князь Киевский в 980—1015гг. Ввел христианство на Руси.

Но до той поры было ещё далеко. И Ольга по — своему продолжала искать пути тихой и мирной жизни на Руси.

Однако пока Ольге следовало думать и о безопасности державы. Недовольство в народе нарастало. Русичи со страхом ждали наступления осени, зимы, когда начнется время сбора дани. Со многих земель посадники слали в Киев гонцов, дабы уведомить великую княгиню в том, что древляне не одиноки, что их примеру могут последовать другие племена и народы. Княгиня внимала их голосам и торопилась что-либо сделать для умиротворения русичей. Три раза она собирала в гридницу на совет мудрейших старцев и бояр, говорила им:

— Мудрые, ищите пути, как облегчить бремя дани, как избавиться от злого полюдья.

Советы с мудрыми и искушенными в жизни старцами и вельможами принесли свои плоды. И родился новый государственный порядок сбора дани. Родились Ольгины уставы и уроки. В них утверждали твердые нормы дани и повинности населения. Были намечены места сбора дани, их назовут погостами и становищами. На местах, по землям и областям, намечалось поставить лиц, обладающих властью от имени князя. Они-то и будут принимать дань по погостам и становищам. Исчислив размер дани, Ольга надеялась лишить власть имущих произвола при её сборах. Размеры дани, определенные

княгиней, были доступны для выплаты любой трудолюбивой семье. И сие позволяло данникам жить в достатке и иметь излишек для торжища.

А как все выстроилось в чинный ряд, княгиня Ольга собралась покинуть стольный град по первому санному пути. Но за день до отъезда случилось непредвиденное, что выбило Ольгу из привычной колеи дел. Пришла к ней утром боярыня Павла, Святослава привела, который всегда просыпался ни свет ни заря. Пока Ольга ласкала сына, Павла и спросила:

— Матушка княгиня, ты помнишь, как покидала Изборск, когда за тобой приехал жених?

— В кои веки то было! — удивилась княгиня.

— Да было же! И стоял в день твоего отъезда неподалеку отрок Егор. И он в тот же день покинул Изборск

— Не морочь мне голову, Павла. Не сама ли приводила того Егора, коего я велела выгнать из палаты.

— Было такое, матушка.

— И чего он хочет, говори, с чем пришла? — расчесывая своим гребнем льняные волосы сына, потребовала Ольга.

— И скажу. Просит тебя с поклоном сей муж зрелый, дабы ты взяла его в свою челядь в Изборскую землю.

— Сей муж — священник в чуждом мне храме. Тебе сие ведомо? — строго спросила княгиня.

— Ведомо, матушка. Я близ храма встретила с ним. Да что с того, ежели ему родителей, как и нам с тобой, почтить надо.

— И что же ты сказала ему, что я возьму его?

— А как же, матушка, сказала, сказала, — зачастила Павла, — Да ведомо мне, что у тебя доброе и отзывчивое сердце.

— Не льсти. Я злая и недобрая женщина. Я злопамятна. И помню, как Григорий унизил меня оскорблением. Такое не прощают.

— И, полно, матушка, ты сама твердишь, что правдой ни унижить, ни оскорбить нельзя. Правда, она чище воды, хотя и горькая, как ты говоришь.

Прижав сына к груди, перебирая его волосы, Ольга задумалась. Павла сказала ей то, что она сама утверждала. Но что же мешало ей сойтись ближе с Григорием? Ведь в детстве он так был любезен ей. И как поняла Ольга, препятствие оказалось одно: их разная вера. Она —

язычница, он — христианин. Что могло быть у них близкое? Ничего, кроме землячества. Только отчуждение. И тут Ольга поправила себя — её отчуждение. Он же, похоже, никогда не чуждался ее, язычницы. Он ведь любил ее, вспомнила Ольга, и вера его не мешала тому. И тогда, когда она видела его в последний раз и велела отрокам выгнать из гридницы, у этого раба Божьего в глазах светилась нежность. Хотя слова его и были горькими. И Ольга смягчилась. «Чего уж, растоплю лед... Да пусть увидит, что я не только жестока, но и справедлива».

Павла стояла напротив, она видела душевное борение Ольги, и, когда исчезли строгие складки на переносице, она поняла, что княгиня готова проявить к Григорию милость. Сама же Павла смотрела на Ольгу с пронзительной любовью, и княгине даже стало неловко. «Почему она готова сгореть на костре за меня? Ничего не понимаю». И сказала тихо, почти шепотом:

— Пусть собирается в путь. Распорядись, чтобы коней и сани для него приготовили.

Павла прослезилась. Она торопливо смахнула ладонью слезы и молча покинула опочивальню. А Ольга ещё долго была какая-то рассеянная и дольше обычного занималась с сыном. И не было желания идти к трапезе. Сквозь дымку лет она всматривалась в далекое прошлое, во все, что было связано с Егоршей, и ей показалось, что в ту пору, там, в Изборске, Егорша принес ей много отрадных дней.

И подошло время отъезда. Княгиня Ольга, оставив сына на попечение воеводы Асмуда, взяла с собой Павлу, нескольких бояр и в сопровождении дружины покинула Киев до самой весны...

Княгиня Ольга ехала медленно, в городах останавливалась на несколько дней. Вначале на Белгородской земле, потом на Смоленской и Полоцкой землях она установила места сбора дани, утвердила на них погосты и тиунов к ним приставила. Ольга измерила по землям княжеские ловища разного зверя и пернатой дичи, по рекам — грани лова рыбы. Так же степенно, обстоятельно все исполняя, княгиня уходила все дальше в северные земли и наконец достигла родной Псковщины. Да прежде на несколько дней остановилась в Изборске и даже побывала в деревне Выбутино. Там, на Изборской земле, Ольга впервые за всю поездку близко сошлась с отцом Григорием: они вместе побывали на жальнике и стояли рядом у могил её и его

родителей. Близ могилы князя и княгини Изборских Григорий тихо, но значительно сказал:

— Они не были верующими во Христа, но жили по-христиански. Никогда и никого не обидели, не обделили милосердием и человеколюбием.

Ольга в эти минуты пристально смотрела на Григория, на его обнаженную голову, и не заметила ни одного сивого волоса в густых прядях, не было седых волос ни в бороде, ни в усах. И голубые глаза его были ещё по — детски ясные, а на лице лишь две глубокие морщины пролегли от крыльев прямого и красивого носа к кончикам губ. «Надо же, он моложе меня», — мелькнуло у Ольги. И вспыхнуло давно забытое: «Да люб же он мне тоже был. Помню в свои девять весен я вздыхала о нем, Егорше, подушку ласкала, словно это и не подушка, а его лицо. А он? Вижу, вижу! И по сей день любит меня!»

Изборская земля теперь не была удельной. И князя в Изборске не было, а правил городом и уездом посадник Влас, поставленный в свое время князем Игорем. И жил он с семьей в палатах князей Изборских, где родилась Ольга. В первый же день приезда княгини Влас освободил палаты и не появлялся в них, пока княгиня не уехала в Псков. Ольга была благодарна Власу. И все дни пребывания в городе она чувствовала себя дома как в далекую пору детства. Два дня было в доме шумно, потому как Ольга устроила званый пир для всех местных вельмож, торговых людей и мастеров, кои строили ладьи для Игоревой флотилии. На том пиру Ольга проявила к изборцам милость и избавила их ещё на три года от дани и повинностей. Изборцы от души крикнули: «Слава великой княгине! Слава нашей матушке!»

Хорошо погостила Ольга в родном Изборске, да пора было ехать в Псков. До него от Изборска рукой подать. Молодой город, поднявшийся на берегах реки Великой, прирастал палатами, крепкими домами, торговыми амбарами по берегу реки. И мост через реку Великую горожане начали строить, да туго с деньгами было. И Ольга выдала из своей казны денег, наказала, чтобы все они были за трачены на возведение моста. Опять же Ольга установила погосты, кои объединяли несколько деревень. Уставы сбора дани зачитала на городском вече, тиунов и приемщиков назначила. С тем и покинула Псков, взяла путь на Новгород, где не была уже лет двадцать.

Новгородцы встретили княгиню Ольгу ласково — все-таки внучка князя Гостомысла. На просторном холме, где было капище богов, горожане устроили в честь великой княгини гулянье, похожее на пир. Новгород был обязан князю Игорю и княгине Ольге многими милостями. Город и земля Новгородская платили стольному граду Киеву дань по своему усмотрению и разумению: сколько рука даст. Да не скупилась, и Киев не был в обиде на новгородцев. Не убавились городу милости и после смерти князя Игоря. Княгиня Ольга высоко чтит родной город князя Игоря.

На третий день по приезду великой княгини новгородцы собрались на вече. Да попросили гостью рассказать, какие — такие уставы утверждала Ольга для праведной жизни россиян. Ольга не поскупилась и все рассказала новгородцам об уставах, о дани, оброках и повинностях, о погостах, становищах и ловищах.

И вече единодушно согласилось, что Ольгины уставы хороши и не задушат русичей тягостью, но милосердны.

— Благодарим тебя, великая княгиня, от всей земли русской, — воздал честь Ольге от имени вече новгородский посадник — воевода и боярин Мистиша.

Княгиня Ольга порадовалась доброму слову новгородцев. Уж ежели они, привередливые и вольнолюбивые, признали, что уставы хороши, значит, и вся Русь их примет.

Так оно и было, как показала жизнь.

Ольга же возвращалась в Киев умиротворенная и сердечно расположенная к священнику Григорию. Он в этой поездке немало времени провел в беседах с Ольгой. А во время возвращения в Киев он отметил, что княгиня уже не язычница, что никогда в ней больше не вспыхнет жажда кровной мести, жажда причинять людям боль, приносить горе. Но все это случилось не потому, что Ольга прозрела сама по себе, а по той причине, что Русь простила ей древлянскую трагедию.

«Что ж, придет время, — думал в пути отец Григорий, — и русская православная церковь тоже простит великой княгине многие её грехи и заблуждения».

Глава тринадцатая

СВЕНЕЛЬД

Уставы и уроки великой княгини Ольги, переустройство державы, посильная дань для народов принесли на Русь мир и покой. Никто и никого не притеснял. В городах на торжищах все ломилось от избытка даров земли, труда смердов. И не было войн, никто не убивал друг друга, не жаждал крови в жертвы идолам Перуна. И по всей Руси жрецы принимали от поклонников Перуну только животных и птицу. И опять-таки сие случилось благодаря великой княгине. Она запретила бросать на жертвенные камни людей, кто бы они ни были. Даже разбойников и убийц было запрещено приносить в жертву богам. И вот уже какой год на Руси никто не бунтовал, не горели города и селения, разве что от гроз. Русичи мирно занимались охотой, рыбной ловлей, кустарным промыслом, бортничали, бабы вели хозяйство, растили детей.

И словно боясь нарушить мирный труд на Руси, не тревожили её и внешние враги. На всех рубежах только звери и птицы вольно гуляли с земель кагана или царя, князя или короля на землю великой Руси. Даже дикие кочевники — хазары и печенеги — не совершали налетов на селения руссов. Когда же в той дикой Хазарии кто-то из воевод или вельмож приходил к кагану с советом идти войною на Русь, каган говорил советчику: «Иди и умри». И воевода или вельможа уходил к себе домой и предавал себя смерти. Никто из соседей не хотел воевать с великой княгиней Ольгой, мудрейшей из женщин той поры. К ней относились с почтительностью даже императоры Византии.

А в самом Киеве, в княжеских палатах, были, однако, воеводы и вельможи, которые под маской почтительности скрывали черные замыслы. Было так. Воевода Свенельд попросил у княгини Ольги позволения пополнить свою дружину молодыми воинами. Ольга дала Свенельду согласие и волю. Он же не стал искать воинов на Руси, но отправил своих людей собирать вольницу в варяжских землях.

Спустя год вербовщики привели из полуночного края сотен пять отчаянных голов. Свенельд принял их по — отечески, но не рискнул оставить в Киеве или в Вышгороде, но влил в ту часть великокняжеской дружины, коя стояла в Белгороде. Около года молодые варяги служили прилежно, вместе с другими воинами занимались сельским трудом. Еще с Олеговых времен повелось так, что в мирное время дружина занималась земледелием и скотоводством, сама себе добывала прокорм. Но вскоре такая жизнь варяжским воинам наскучила. И заявили они своим сотникам и тысяцким, что их позвали воевать, но не работать в поле иль в хлеву. Сотники и тысяцкие поначалу приструнили вольницу. Но варяги лишь на время утихли. А там вновь, уже большим числом, потребовали от воевод, чтобы те вели их завоевывать чужие земли. «Мечи наши коростой покрылись, боевые кони на коров стали похожи», — кричали они. Когда же их крику не вняли, тайно сбились в ватаги и покинули воинское становище.

Вскоре по Белгородской земле поползли слухи, что в лесных урочищах появились ночные тати, кои выходят на шляхи и грабят торговых людей, нападают на караваны судов по рекам, на обозы в степи. Не брезгают и у смердов отнять последнее.

Белгородцы собрались на площади и потребовали от воевод изловить татей. Те знали, что это их воины ведут разбой. И потому послали белгородского сотника Лося к Свенельду за повелением: что делать с воинами, впавшими в разбой. Знали же в дружине, что главный воевода нанимал тех воинов и без его слова волоса не смели тронуть на голове у варягов.

Главный воевода принял белгородца в своих палатах на Подоле. Он уже давно оправился от тяжелой раны, полученной под Искоростенем. Рука, рассеченная князем Малом, срослась, он владел ею и даже мог держать меч.

— Кланяюсь тебе, воевода — батюшка, — начал почтительно Лось, — И жду твоего совета.

Свенельд провел сотника в трапезную, усадил к столу, велел слуге принести мяса, хлеба, виноградного вина, кое привозили воеводе с острова Святого Еферия. Как выпили по чарке вина да сотник поел, так воевода спросил:

— Поди, теперь и поговорить можем?

— Можем, воевода — батюшка, — ответил поздний гость.

Молодого сотника Лося Свенельд запомнил по Искоро — стену. Там он не раз показывал силу и смелость, когда дружина пыталась одолеть крепостные стены. Еще Лось был молчалив и верен воеводе. Да Свенельд проверил: верен ли?

— Ты из Белгорода когда примчал?

— Токмо что из седла. Еще и конь не остыл.

— Какой же тебе совет нужен, сотник?

— Вольничают те воины, воевода — батюшка, кои недавно из норманов пришли.

— И как вольничают, с девами кураж ведут?

— То-то бы знатно было. Иную игру затеяли. Заявили, что мечи у них закоростели. Так они... — сотнику Лосю было трудно сказать правду. Знал он, что Свенельд не поверит. — Так они иные вольности взяли.

— Какие же? — нетерпеливо спросил Свенельд.

Сотник вина глотнул и выдохнул:

— Людишек по ночам тревожат.

Воевода понял, что, ежели не узнает правды, ему же хуже будет, потребовал:

— Говори, сотник, правду. Не подавлюсь же!

— В разбои пустились, грабят купцов, и наших и чужеземных, и даже смердов обирают, — выложил Лось все, что нужно, и чару схватил, жадно одним махом опорожнил, будто век не пил.

Свенельд никак не отозвался на услышанное. Он понимал, что ежели воин ударился в разбои, то это уже не воин, но тать. И его надо изловить, примерно наказать, а то и живота лишить. Но было у Свенельда тому воину и оправдание. Издавна варяги тем и промышляли, что по праву сильного отбирали имущество у слабого. За что же винить воина? Только за то, что он сильнее других людишек? Но волк убивает зайца или косяку, и его не винят за то.

Опять же великая княгиня Ольга, введя свои уставы, так притеснила воинов, что им дышать нечем стало. Запретив дружинам ходить осенью и зимой в полюдь за сбором дани, Ольга лишила воинов возможности взять у слабого то, что он мог по праву сильного. Не могли теперь воины погреть руки чужим добром, повольничать в погребях и кладовых, поиграть с девками и молодницами. Да мало ли

чего желанного лишила княгиня Ольга воинов и воевод, утвердив свои уставы. Петлю накинула княгиня на шею дружины, да и на его, Свенельдову. Как было просто и ладно жить при князе Игоре. Водил Свенельд своих воинов в полюдье, брал что нужно и сколько нужно у чуди, у мери, у вятичей и родимичей и многих других малых народов и племен Руси. И никто из них не возвышал голоса, все были покорны, потому как знали, что против сильного у них нет прав. А когда кто поднимался на бунт, тех он же, Свенельд, усмирят железной рукой. Весь порядок порушила княгиня одним махом, считал воевода. И все случилось после Искоростеня, после наказания древлян. О, как она была там хороша, истинная дочь бога войны Перуна.

А после поездки по державе с этим христианским попом Григорием её будто подменили. Свенельд был твердо убежден, что не своим умом Ольга повернулась к добродетельной жизни, а повел её в обитель добродетели и ханжества этот раб Божий Христов. Свенельд негодовал, но проявить свое недовольство открыто у него не хватало мужества. Он же не мог потребовать от великой княгини отменить уставы, угодные народу, и ввести новые, кои были бы во вред тому, ущемляли бы права русичей, делали их жизнь нищей. Нет, Ольга на сие не пойдет. Ей дороги мир и благоденствие, кои царили в державе уже более пяти лет.

Пытался Свенельд и другим путем добыть себе свободу действий. Многожды говорил на совете старейшин и воевод о том, что пора идти на покорение тех вятичей, кои ещё вольно живут в обширном северном крае, богатом пушным зверем, дичью, рыбой и многими иными лесными и речными дарами. Ольга и тут перекрыла Свенельду дорогу.

— Зачем нам покорять их, коль они мирны, — заявила Ольга с трона в гриднице. — Их торговые гости ходят к нам с пушниной, наши к ним с иными товарами, всем прибыль. А мир для державы дороже всего. Вот и будем его беречь.

Нет, не пошатнуть Свенельду порядок, установленный княгиней Ольгой на Руси. И нет у него вельмож — сторонников, кои бы оказались недовольны Ольгой. Те же воеводы Претич, Посвист и Блуд молились на Ольгу с большей страстью, нежели на Перуна. Бояре и прочие вельможи боготворили Ольгу. Даже старый друг, воевода Асмуд, на плечо которого не раз опирался Свенельд, стал отдаляться от него, как поставили кормильцем отрока Святослава. Тому причиной

была боярыня Павла, считал Свенельд, коя после смерти мужа Малка Любечанина пыталась погреться возле Асмуда да больше отвращала от него Свенельда.

И выходило, что нет у главного воеводы единомышленников ни среди воевод, ни среди вельмож. Только он один и был противником уставов Ольги. Он да его дружина, коя кормилась — богатела в пору полюдья. И получалось так, что накажи он раз — другой воинов, пустившихся в разбои, многие другие воины, кто ещё не промышлял по ночам, но помнил прошлую вольную жизнь, отвернутся от своего любимого воеводы. И тогда... О том, что может случиться после этого, Свенельд не хотел и помыслить.

И пришло время спросить сотника Лося, как это они там в Белгороде допустили, что его воины стали татями? Свенельд был хитер, он не желал своими руками наказывать преступивших закон. Чужие» руки он задумал превратить в руки катов.

Затянувшееся молчание главного воеводы, да ещё тяжелый, подобно осенней хмари, взгляд породили в груди молодого сотника холодок, и по мере того, как Свенельд продолжал молчать, сей холодок разрастался, заполнил всю грудь и прервал дыхание. И мелькнуло у Лося отчаянное: «Леший меня дернул донести сию весть до воеводы. Сказал бы при okazji, что ведать не ведал о проделках татей — варягов». И сорвался:

— Я, батюшка воевода, токмо к тебе пришел за советом! Твоя воля для нас, как от бога!

— Тому и быть, — наконец сказал воевода. — Вы их там переловите, кто бегаёт в ночи, и внушите по — отцовски. Моим именем пригрозите, а сор-то из избы не выносите. Помни, нам с дружиной ещё на ворогов ходить. Чтоб стрела в спину тебя не пронзила, ладить надо с воями.

— Верно речешь, батюшка воевода, — вздохнул с облегчением сотник. Да и подумал, что в Киеве ему делать нечего, не к чему попадать под ненужные расспросы. Встал он из-за стола, откланялся: — Так мне пора в обратный путь, батюшка воевода!

— Верно, — согласился Свенельд. — Да в Киеве нонче ничего путного нет. Я тебе и провожатых дам, все веселее.

Свенельд вывел Лося на двор, распорядился, чтобы три гридня проводили сотника до Белгорода. А как ускакали воины с подворья,

воевода вернулся в палаты и вновь задумался. Понял он, что мирная жизнь в державе погубит его. Да и всей княжеской дружине нужны походы, боевые схватки, сеча, считал Свенельд. И взмолился:

— Мой бог Перун, окажи милость, подними на крыло молодого князя! Уж он-то не будет сиднем сидеть возле матушки.

Но пока его все-таки тревожило более близкое. Знал он, что княгине будет ведомо о злодеяниях молодых варягов. Найдутся верные княгине посадники, тиуны, сами купцы, коих сграбили тати, дойдут до великой княгини, выложат все о бесчинствах воинов. И тогда не миновать ему опалы. И Свенельд решил, пока ещё не поздно, отвратить беду или хотя бы отодвинуть на время.

В тот же день он поднял в седло личную сотню отроков и гридней, наказал домоправителю сходить на теремной двор и передать воеводе Асмуду, что он, Свенельд, уехал на порубежные заставы, на коих несли службу русские воины. Но, покидая Киев, Свенельд не думал только подалее удалиться с глаз княгини, нет. Он знал, что ему делать. И даже если малая часть задуманного исполнится, никто в Киеве не упрекнет воеводу в том, что по его допущению молодые воины вольничали на дорогах.

Однако воевода — варяг плохо знал характер русичей. Они всегда верили в доброго вождя племени, в доброго князя, царя. Так было и при княгине Ольге. Народ верил в нее, считал своей заступницей. А заслужила она сие всеми своими делами после подавления бунта древлян. Еще и следы не высохли на шляхе после налета ночных татей на обоз купцов под Белгородом, как княгине Ольге было уже ведомо о разбое. Но она пока не знала, кто такие разбойники, откуда они явились. Бывало же в голодные годы и смерды сбивались в ватаги.

Молодой купец, который сумел умчаться на своем скакуне от татей, прояснил, однако, суть, когда его привели в княжеские хоромы.

— Кто же на вас напал? — спросила княгиня купца. — Может, смерды или беглые из иных земель?

— Нет, матушка княгиня, то не смерды, не беглые и не лесные тати, а воины, — ответил купец с поклоном.

— Почему так считаешь? — спросила Ольга.

— Кони у них одной масти, серые, хвосты и гривы под гребень обрезаны. В Белгороде мне довелось видеть таких у воинов.

Княгиня улыбнулась. Понравился ей молодой, сметливый купец.

— Ишь ты, какой дотошный! Откуда сам-то?

— Смоленский я. Домой и иду. С хазарами торг вел и ничего. А тут — свои...

— Куда уж как худо, — согласилась княгиня. — Ладно, татей мы изловим, товар и деньги взыщем с них. Теперь иди, гость, и своим передай то, что сказала.

Лишь только купец ушел, княгиня Ольга позвала Павлу и велела ей позвать Асмуда. Он был рядом, в детской, явился тотчас.

— Слушаю, матушка княгиня.

— Не помнишь ли ты, кормилец, в какую дружину угнали табун серых лошадей по весне?

— В Белгороде они, матушка княгиня, — ответил Асмуд, не ведая, к чему княгиня спрашивает.

— Ты бы послал за воеводой Свенельдом. Хочу видеть его.

Воевода Асмуд поклонился и ушел. Он уже знал, что Свенельд покинул Киев, но мог на время остановиться в Вышгороде, где стояла часть его воинов. Что-то вещало Асмуду: лучше бы Свенельду не являться к княгине. Но Асмуд не мог не исполнить повеление княгини. И умчалась десятка воинов во главе с Дамором следом за сотней Свенельда. Он ещё и за крепостную стену Вышгорода не поднялся, как к нему подскакали посланцы княгини и Дамор сказал:

— Батюшка воевода, велено тебе быть в теремах у великой княгини. И не мешкая, ноне же.

От Вышгорода до Киева семь верст. На рысях меньше получаса езды. Но как Свенельду хотелось, чтобы эти семь верст растянулись на тысячи. Знал воевода, что гонцы примчали не по пустяковому поводу. А по той же причине, коя выгнала Свенельда из Киева. Он не стал искушать судьбу, не захомотал десятку Дамора, как хотел сделать в миг их появления, не дерзнул тотчас покинуть Вышгород и умчать на юг, в степные просторы, туда, где пасут свои табуны печенег. Он поднялся в седло, склонил голову и медленно тронулся в обратный путь, уповая на то, что повинную голову меч не сечет.

Княгиня Ольга и впрямь не была намерена «отсечь» Свенельду голову. Лишь только он явился в княжеские палаты, она встретила его в приемном покое и сказала так, что у него не нашлось возражений.

— Иди, воевода, в Белгород, найди тех, кто на серых конях ходил в разбой, и накажи той же мерой, коей они обидели купцов. Да все

верни им, что ограбили. Как исполнишь сие, выгони татей за рубеж державы. И бойся не исполнить повеление, воевода. Вот и весь мой сказ, — И Ольга властно показала на дверь: — Иди же!

Никогда в жизни воевода не испытывал такого унижения, какое проявила к нему великая княгиня, указав на дверь. Ни от кого бы он не стерпел подобного. Но ещё довлел над ним позор Искоростеня. Он, лучший воевода державы, споткнулся о трухлявый пень и почти полгода не мог выкорчевать, сжечь его. А в добавление к этому упустил из своих рук мятежного князя и был им ранен.

Стыд ожег лицо Свенельда, но он вел себя покорно, учтиво откланялся и покинул княжеские палаты. А вскоре все с той же сотней отроков и гридней умчал в Белгород, латать свою продырявленную честь.

Глава четырнадцатая

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Зима в этом году пришла на Русь ранняя и суровая. Еще ноябрь шел, а от морозов малые птицы в полете замерзали. Декабрь вовсе был лют. Да миновал Спиридон, с коего солнце на лето пошло, полегче дышать стало. А тут Коляды приблизились, по Киеву все загудело, зашумело от веселого зимнего праздника. На улицах толпы ряженных, резвые кони несут десятки саней, в коих девки и парни песни колядские поют, мужики, да и бабы на площади у княжеских теремов хмельной медовухой себя тешат, кою раздают — продают досужие торговые люди. Коляды что у язычников, то и у христиан — праздник удали молодецкой. На площади у храма Святого Илии столбов понаставили. Тут и «гигантские шаги», и качели с сафьяновыми сапожками на вершине. Достанешь — твои. На этой площади нынче язычники и христиане в одном хороводе забавляются, плясками тешатся. Чего уж там, праздник Коляды и языческий, и христианский, для всех одну радость приносит.

Лишь княгиня Ольга не отдала чести Колядам и богу Коляде, не праздновала ни с язычниками, ни с христианами... А чтобы не смущать своих подданных, укатила с малою свитой в село Берестово, что лежало среди лесов верстах в шестидесяти от Киева.

Перед тем как уехать, Ольга дала Павле поручение. И было оно тайным. Павла выполнила его в тот же день. Лишь только вечерние сумерки легли на заснеженный город, Павла отправилась в храм Святого Илии. Одежда на ней была мужская: треух и шуба нагольная. Сидели они на ней и впрямь как на дюжем мужике. Однако, придя в храм, она обмишулилась — не сняла треух. А мужей за то выпроваживают из храма. Тут же к ней служка Глеб подлетел, за рукав потянул.

— Поди, с нечистой силой в сговоре, вошел и лба не перекрестил, и треух не сбросил. Иди, иди прочь, пока клятву не наложил, — зачастил Глеб и потеснил Павлу к воротам храма.

Павла скинула треух, волосы рассыпались, бабой оказалась. Глеб опешил и крест на Павлу положил.

— Брысь, окаянная!

— Ох и суетной, — вздохнула Павла, ухватила Глеба за руку и к себе притянула. — Ты проводи меня к отцу Григорию, а то впереди понесу.

— Эко надумала. Он службу исполняет. А при службе токмо великая княгиня остановить может.

— Страсть говорливый ты. — И Павла отстранила с пути служку и приблизилась к амвону.

Шла вечерняя служба, и прихожан на ней было немного. Священник заметил Павлу и, продолжая читать псалом, направился к ней, спросил:

— Что тебя привело в храм, дочь моя? Или беда какая?

— Беды нет, да есть важная просьба княгини, — ответила Павла.

— Наберись терпения, дочь моя, я же скоро. — И отец Григорий поднялся на амвон, ушел в алтарь, а как вернулся оттуда, следом появился протоиерей Михаил. Отец Григорий увел Павлу в придел, где никого из верующих не было, спросил:

— Говори же, с чем пришла?

— Матушка княгиня тебя видеть желает.

Григорий не удивился, что он нужен Ольге. Еще в поездке по Руси, и особенно после Изборска, он понял, что между ними вновь народилось то, что они порвали сорок с лишним лет назад. Потому Григорий только спросил:

— Когда прийти?

— Она тебя не на час зовет, на многие дни, в отъезд. В Берестово матушка в ночь уезжает.

Григорий не ожидал такого приглашения. Приближалось Рождество Христово, и ему важно было отслужить торжественную литургию и весь праздник.

— Знает ли она, что я не могу оставить прихожан? Протоиерей Михаил стар и всю ночь ему не выстоять, коя в Рождество служится.

— Не ведаю твоей службы, родимый, ан прошу не отказать. Знаешь же хворь княгини, — умоляла Павла.

Отец Григорий лишь предполагал, чем мается Ольга, сочувствовал ей, но и радовался. Станным считал свое поведение

Григорий, но хотел, чтобы сия болезнь давала себя знать острее. Он понимал, что близок тот день, когда нужно будет протянуть Ольге руку помощи. Может статься, что сей случай явится единственным, а другому и не бывать. Он посмотрел в глаза Павле и увидел в них мольбу, но пока не дал согласия, сказал:

— Побудь здесь, дочь моя, я скоро вернусь.

Он позвал из ризницы дьячка, поручил ему завершить службу, сам увел в алтарь протоиерея Михаила и закрылся там.

— Преподобный отец, мне нужно отлучиться из города на несколько дней, — сказал отец Григорий.

— Ежели кто-то ждет твоей помощи, я отпускаю тебя, веруя в богоугодность твоего дела.

Григорий знал, что протоиерею Михаилу можно во всем довериться. И на сей раз счел тем более нужным сказать о самом важном.

— Меня зовет великая княгиня Ольга. Вижу, что она на распутье.

— Тем паче, брат мой. Последние её деяния открывают нам новый лик княгини. Помогите же ей возлюбить Творца Вселенной и Его Сына Иисуса Христа. Иди с Богом. Аминь, — И протоиерей осенил Григория крестным знаменем.

— Спасибо, преподобный отец. Да хранит тебя Всевышний.

Григорий вернулся к Павле.

— Господь благоволит к вам. Я готов за тобой идти, дочь моя, куда поведешь.

— Родимый, в ноги тебе поклонюсь! — воскликнула Павла радостно. — Тебе же пока нужно идти домой и собраться в путь. Скоро же за тобой придут сани. А ехать нам в Берестово.

Григорий слышал об этом селе, знал, что оно, как и Вышгород, принадлежит княгине. Подумал: «Господи, там и помолиться-то негде». Но своего разочарования не высказал.

— Иду, дочь моя. Да знаешь ли ты, где мой дом?

— Ведаю, — отозвалась Павла и торопливо покинула храм.

Княгиня Ольга уезжала из Киева в ночь не случайно: не хотела никаких торжественных проводов. На теремной двор вышли её провожать лишь несколько вельмож. Когда княгиня уселась в крытые сани, воевода Асмуд подвел к ней полусонного Святослава. Князь

поднялся в сани и со словами: «Матушка, я хочу с тобой!» — уткнулся ей в грудь.

— Чадушко! — воскликнула Ольга. — Как вернусь, мы с тобой поскачем в Вышгород, там ждут нас военные забавы. Теперь же вернись к кормильцу.

— Скорее вернись, матушка, я покажу тебе, как держу меч и как сажу в седле.

Асмуд взял Святослава за руку, и он выпрыгнул из саней. Княгиня тотчас велела ехать. И двенадцать крытых саней в сопровождении тридцати воинов покинули теремной двор, а вскоре и Киев, взяли путь на село Берестово.

За отцом Григорием челядинцы Ольги заехали через два часа и повезли его не по пути Ольги, а выехали в противоположные ворота. И версты две гнали коней на восток.

Лишь там повернули на северо — запад. Григорий догадался об этой маленькой хитрости Ольги и принял её как должное. Все просто: Ольга не хотела, чтобы вельможи и воеводы, да и простые горожане знали, что она ищет знакомства с христианским священником. До сих пор никому из её окружения и в голову не могло прийти, что княгиня пошатнулась в вере отцов и готова изменить своим богам, своему Перуну. Ведь только так могли понять язычники присутствие отца Григория в княжеской свите. Понял Григорий и то, что пока Ольга не готова к открытому разрыву с идолопоклонничеством. Да и сама ещё не ведала, что вера отцов уже не её вера.

В село Берестово отец Григорий приехал спустя полсутки после приезда княгини. Село было окружено высоким частоколом и был даже ров, занесенный в эту пору снегом. С севера и востока к селу подступал вековой лес, на юг и на запад лежали поля, за ними, верстах в двух, тоже подни мался лес. Берестово походило на маленькую крепость, которую не всякий враг мог одолеть. Возникло село вскоре как Ольга стала женой князя Игоря. Она сама захотела построить здесь нечто похожее на селения Псковской земли. В селе не было курных изб, но в домах стояли печи с дымоходами и трубами. Строились дома высокие, на подклетах, с амбарами, сеновалами и хлевами — все под одной крышей. И жили в Берестове большей частью северяне из Псковской земли, коих Ольга позвала за собою. За полвека, что простояло село, здесь выросло уже не одно поколение берестовцев. И

хотя они почти все сохранили от родителей, да прежде всего северный говор, но приобрели уже нечто свое: были более смуглолицы, волосы имели темно — русые. Одно у них оставалось общее — языческая вера. И на небольшой сельской площади в открытом капище стояли высеченные из дуба Перун, Волос, Купава, Коляда и Ладо. И чтили их берестовцы, и жертвы приносили, только огня и жреца при них не держали.

Отец Григорий, как обходил село, пришел и к капищу, но никак не выразил своего отношения к идолам. Про себя же подумал: «Быть на сем месте храму Господню». Пришло сие не случайно. В пути Григорию было явление архангела Михаила, ангела — хранителя всех верующих во Христа. И сказал архангел Михаил так «Ты явишься в село русское. Тебе же там камень заложить, где бысть храму. Исполни сей урок твердо. Потому как в том храме покоиться нетленным мощам великой княгини Киевской и всея Руси Ольги». С тем и улетел архангел.

Отец Григорий после того чудесного явления провел всю ночь в бдении. И когда приехал в Берестово и осмотрел село, то увидел «то» место, «где бысть храму». Сие место было не там, где стояли идолы, а в самом сердце площади, где холм, на коем стояло село, как бы венчался с небом. Григорий ещё созерцал вершину холма, когда из своего терема вышла княгиня Ольга. Подивившись тому, с каким озабоченным видом стоял Григорий, спросила:

— Что ты там узрел?

Отец Григорий поклонился Ольге.

— Созерцаю место, матушка княгиня.

— Какое? Зачем? Ежели палаты надумал поставить, то ставь моим именем.

— Нет, палат мне не нужно. Да позволь пока умолчать о том, что созерцаю. Придет час, и поведаю.

— Власти над тобой не проявляю. Поведаешь, так хорошо.

— Устал я ноне, матушка княгиня. Где бы можно было голову преклонить?

— Горница тебе отведена почти такая же, как в Изборске. Отдохнешь, приходи в мой терем, жажду утолить мою. — И Ольга что-то сказала своей неизменной спутнице Павле. Та поклонилась

княгине и повела отца Григория в большой дом, который стоял рядом с теремам княгини Ольги.

Павлу и Григория встретили молодые муж и жена. Поклонившись, молча провели их в просторную) чистую и хорошо натопленную горницу.

— Дом гостевой. Фекла и Никанор услужители. Тебе тут вольно будет, — сказала Павла и распорядилась принести гостю ужин.

Встретились священник и княгиня только на другой день во время полуденной трапезы. За Григорием приходила Павла и отвела его в княжеский терем. В трапезной была одна княгиня. Павла тотчас ушла. Отец Григорий чувствовал себя неловко и был смущен тем вниманием, какое проявляла к нему великая княгиня. Но, повторяя про себя молитву, он избавился от неловкости и смущения, в сей миг вредных, и повел себя так, как должно духовному лицу: с достоинством и честью.

Княгиня пригласила Григория к столу. И сказала при этом так

— Садись, изборский друг, отведай пищи со мной. Прости, что так назвала, потому как не ведаю другого твоего величания.

Но Григорий знал, что Ольга ведала, как называют священнослужителей его чина в мирской жизни, однако вступил с княгиней в игру, кою она предложила.

— Откроюсь, — ответил Григорий, — Я для тебя, матушка княгиня, отец Григорий. Ты же есть моя дочь. Так ведется в христианском мире.

— Не могу возразить. Твоих уставов не знаю. Но просвети. Оттого и позвала тебя... отец Григорий. Да прежде отведай, что бог Ладо послал.

Окинув взглядом стол и увидев на нем блюда с мясом, дичью, сыры и многое другое скоромное, Григорий сказал:

— Это для тебя позаботился Ладо. Потому не прогневайся, дочь моя, матушка княгиня, сия трапеза не для меня. — И Григорий положил себе на блюдо кусок ржаного хлеба и яблоко.

— Прости, что вспомнила о Ладо. Но, может, ты страдаешь чем?

— Бог матовал. Ноне Рождественский пост. И мы, христиане, воздерживаемся от мяса, от дичи, рыбы, сыров и всего прочфо скоромного. Едим лишь постное, растительное, дабы снизошла на нас милость Господня и просветлила дух.

— Я твоих уставов не нарушу. Вижу, ты взял хлеб и яблоко. Достойная пища. Вот ещё сыта медовая и сама медовуха. Пожалуй, и я бы с тобой пригубила медовухи.

— Сие можно, греха в том нет.

И они выпили по кубку хмельной медовухи. И помолчали. И смотрели друг на друга пристально, изучающе, словно хотели знать доподлинно, какими стали, прожив на свете добрую половину жизни. Но молчание не затянулось. Ольга нарушила его первая, попросила:

— Ты бы, отец Григорий, поведал, как жил с того часу, когда ушел из родного гнезда.

— В молитвах прошла жизнь изборского Егорши, дочь моя. Теперь откроюсь: я любил тебя. «Да и теперь люблю», — прозвучало в груди. — А как понял, что для меня ты недоступна, ушел из мира в Инкерманский монастырь, там принял христианскую веру, а как стали приневоливать принять монашество, ушел в Царьград и отдал себя служению Господу Богу, — Григорию не хотелось рассказывать Ольге о своей жизни, о том, сколько невзгод выпало на его долю. — Молитвы же мои были всегда во славу тебе. Ты уж прости за похвалу себе. Но сие важно знать тебе, дабы могла легче открыть себя.

— Я признательна тебе, отец Григорий, — Ольга произносила «отец Григорий» уже без заминки и смотрела на него с благодарностью. И было в её взоре то, что привлекало его ещё в юности.

— Чего же ты ждешь от меня?

Ольга заговорила не сразу, видимо, трудно ей было начать свою первую исповедь. А ведь она для того и позвала священника в Берестово, дабы исповедаться ему, авось, легче на душе будет. Не страдая робостью, Ольга наконец заговорила:

— Болею, мучаюсь я, ночами кошмарами обуреваема от того, что содеяла в год гибели князя Игоря, супруга моего.

Сколько ни молюсь мироправителю, боль в груди не исстачается, кошмары не покидают горячей головы. Потому и прошу тебя, человеколюбец, выведи меня на иной путь, в иной мир, где есть милосердие, где любовь к ближнему превыше всего. Помогите же, не отторгайте меня, — В словах Ольги звучала мольба, и смотрела она на отца Григория глазами страдальницы, — Ох, как я устала, и нет сил моих нести бремя злочинств.

Облик княгини, её голос, сказанное ею — все это потрясло Григория. Он ведь знал твердость нрава княгини, силу её в одолении мирских тревог и напастей. Он мог представить себе, сколько мучений претерпела Ольга за сорок лет ожидания наследника престола. Сорок лет страданий — посильно ли сие простой смертной душе? И счел умудренный жизнью отец Григорий, что Ольга, не ведая того, проявляла в течение всех лет замужества отнюдь не языческую сущность духовности. И лишь потрясение, вызванное гибелью князя Игоря, выплеснуло из неё глубоко запрятанное языческое начало, и она проявила все худшее, что несло в себе идолопоклонничество. Теперь же, оказавшись на распутье, споткнулась, упала и просит о помощи. И уже не в первый раз отец Григорий спросил себя, может ли он пройти мимо и не подать Ольге руку помощи, мог ли пройти мимо страждущего, ползущего во тьму? Наконец, мог ли отказать в помощи великой княгине, матушке великой Руси, матери подданного ей народа? Да, такого ещё не бывало, когда бы государыня — язычница искала опору в христианском священнике, дабы опереться на него, встать твердо на ноги и повести свой народ в горнее царство.

Княгиня Ольга не прерывала молчания Григория терпеливо. Ольга ждала откровения умудренного жизнью человека. И услышала. Григорий заговорил страстно, каким-то глубинным или неземным голосом.

— Мы с тобой, матушка княгиня, возрастали под крылом одного бога, мы были с тобой детьми Перуновыми. Но сей бог ложный, за ним только тление и тьма, он кровожаден и воинствен. Как жить с таким богом?! Я осознал сие раньше, чем ты. Я ушел на поиски истинного Бога, Миротворца, Человеколюбца, Создателя вселенной и всего сущего на земле. Я был спасен Его Сыном Иисусом Христом и познал земное блаженство духа. Встань и ты, дочь моя, на путь истинной веры. И ты обретешь все, что отпущено тебе по делам твоим.

Ольга слушала внимательно, но что-то её беспокоило, чего-то, как ей казалось, не хватало в горячей проповеди священника. И она сказала:

— Ты, отец Григорий, говоришь мне о своем, о том, чего ты достиг разумом и сердцем. Я же хочу услышать от тебя, где камни вечности, на коих покоится христианская вера. Ведомо мне, что в

подлунном мире есть многие другие религии, может быть, лучшие, чем христианская. Докажи мне, что твоя вера истинная.

Отец Григорий улыбнулся и посмотрел на княгиню с некоторым удивлением. «Нет, ей не откажешь в глубине мудрости и тонкости ума». И решился испытать ее.

— Готов к тому, дочь моя, но на это уйдет не один час и день. Наберешься ли терпения?

— Ты же вызвался меня испытать.

— Верно сказано. И о камнях вечности тобою мудро сказано. У нас же они называются Символами веры, — Отец Григорий встал, отошел от стола к стене, — Слушай же со вниманием, — И продолжал ровно, спокойно, словно откуда-то издали, сверху: — Более шести веков назад, спустя три века после Воскресения Иисуса Христа, великие умы, святые отцы христианства, сказывают, увидели на ночных небесах письма. И прочитали их, и запомнили, да принесли на Вселенский Собор в Nikeю, ещё в Царьград, и там сии письма услышали многие святители церкви и записали их, назвали Символом веры. В этом Символе веры и покоится божественная истина, кою во все века никакие хулители православия не могли опровергнуть.

— Поведай же тот Символ веры, — попросила Ольга и тоже встала из-за стола, прислонилась к печи.

— К сему готов. Внимай с усердием, — начал отец Григорий, — потому как верую во единого Бога Отца, Вседержителя, творца неба и земли, видимым же всем и невидимым. Сие есть первая истина.

— Так и поняла.

— Верую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного. Иже от Отца рожденного прежде всех век Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворенна, единосущна Отцу. Имже вся быша.

Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийском Пилате, и страдавша и погребенна.

И воскресшего в третий день по Писанием.

И возшедшего на небеса, и сидяща одесную Отца.

И паки грядущаго со славой судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца...

Лицо Ольги в эти минуты изменилось, в нем не было привычного спокойствия, коим обладала княгиня, оно порозовело от волнения, глаза сверкали, а рука теребила жемчужную нить ожерелья.

Отец Григорий все так же ровно и вдохновенно доносил до Ольги истину за истиной.

— И в Духа Святого, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже с Отцом и Сыном споклоняема глаголашаго пророки.

Во едину Святую, Соборную и Апостольскую церковь...

Исповедую едино крещение во оставление грехов...

Чаю воскресения мертвых...

И жизни будущего века. Аминь.

Отец Григорий умолк. Он раз — другой прошелся по трапезной, остановился у окна, посмотрел сквозь слюдяную пластину на село, на заснеженную даль и тихо продолжал:

— Символ веры токмо первый камень православия. Но есть ещё Нагорная проповедь, есть десять заповедей Божиих. Есть семь Святых Таинств. Есть Провидение — и оно говорит нам, что миром правит Рука Божия.

— А что же молитва? — Ольга слышала, что для верующего во Христа главная духовная пища есть молитва. — Так ли молитвы важны? Сказывают, их надо помнить.

— Молитва есть наша беседа с Богом. Молитва есть возношение прошений наших к Богу. Истинная молитва есть голос истинного нашего покаяния. Ежели человек молится не как грешник, молитва его отвергается Богом. Нам сказано: будьте мудрыми в молитве своей, не просите в ней ничего суетного и тленного, помня заповедание Спасителя: ищите же прежде Царствия Божиего и правды Его, и все потребности для текущей жизни приложатся вам...

— Но как молиться?

— Когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в храмах и на углах улиц останавливаться и молиться, дабы показаться пред людьми. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говори лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны.

Не уподобляйся им, ибо знает Отец наш, в чем ты имеешь нужду, прежде твоего прошения у Него.

Зимний день догорал, в трапезную уже заползли сумерки. И Григорий прервал беседу

— Матушка княгиня, тебе пора отдохнуть. Да и для розмысла сегодня много посеяно. Дай-то Бог, чтобы проросло.

— Да хранит тебя твой Господь, отец Григорий. Нынче пробудилось во мне нечто. Но ещё не понимаю, что же сие, — ответила Ольга и с просьбой добавила: — Надеюсь, почтишь меня завтра беседой?

— Будет день и будет пища, дочь моя, — ответил отец Григорий, откланялся и покинул трапезную.

Глава пятнадцатая

ТАЙНОЕ СТАЛО ЯВНЫМ

Исполнив повеление княгини Ольги о наказании молодых воинов — варягов, пустившихся в разбой, воевода Свенельд вернулся в Киев. Он был недоволен тем, что ему довелось делать в Белгороде. Правда, он всего лишь изгнал провинившихся из пределов державы, но не было телесного наказания и купцам ничего не вернули из их достояния.

Однако и это, по его мнению, не спасало, а подрывало любовь к нему воинов, привыкших под его началом к вольной жизни во времена полюдья.

Да и мирная жизнь угнетала воеводу. Вот уже какой год на Руси стояла тишина, народы её и племена не бунтовали, не выказывали недовольства к стольному граду. Уставы великой княгини, казалось, навсегда положили конец смутам и волнениям. Теперь многие народы и племена везли дань в Киев сами. Важно им было увидеть стольный град своей державы и великую княгиню Ольгу, любезную им. Только за минувшую зиму, шестую после утверждения княжеских уставов, в Киеве побывали кривичи и полочане, наведались меря и мурома. Им, в свое время наказанным, непременно нужно было увидеть княгиню Ольгу и поклониться ей ценными мехами за то, что её милостью народы меря и мурома живут в мире и достатке. Даже древляне отправили дань в Киев своими силами. За пять лет, кои не платили дань, они окрепли, град Искоростень возвели вновь, и больше не помышляли уйти из-под руки Киева.

И потому воевода Свенельд и его дружина страдали от безделия, от скупого княжеского довольствия, уставали от сельской работы, кою тянули словно смерды. Потому Свенельд искал пути, как всколыхнуть, взбудоражить тишину и покой на Руси или на её рубежах. Но пока воевода не находил повода, оттого и был недоволен и своей скучной жизнью, и княгиней Ольгой, всю власть подмявшей под себя.

В Киеве воевода не сидел и не задерживался, ему больше был мил Вышгород. Там, волею княгини Ольги, постоянно пребывал князь — отрок Святослав, коего воевода — кормилец учил военному искусству.

Одиннадцатилетний князь удивлял Свенельда. Был он не по годам зрел и силен. И на сей раз, когда Свенельд вернулся из долгой отлучки, увидел Святослава и Асмуда с обнаженными мечами. Было видно, что их поединок длился долго, потому как у воеводы взмокла рубаха на спине и по липу катился пот. А князь был свеж, словно только что начал бой, и в его ударах не чувствовалось никакой усталости, к тому же они походили на удары взрослого воина. Свенельд слез с коня, обнажил меч и двинулся к Святославу.

— Защищайся, князь! — крикнул он.

Но румянощекий князь только смахнул рукавом со лба пот и весело отозвался:

— Сам защищайся, воевода! — И налетел на Свенельда, словно молодой барс.

Зазвенели мечи, и опытный воевода вскоре понял, что князь уже многое умел в рукопашном бою, и была видна выучка искусного воина Асмуда. У Свенельда ещё хватало ловкости и изворотливости, но и он устал от того кружения, от резких выпадов, кои навязал ему Святослав. Вот он справа, вот — слева, там уже за спиной, а меч сверкает и сверкает, а глаза князя и того пуще. Свенельд едва успевал отражать удары, меч тяжелел, а у Святослава на лице лишь улыбка и никакой усталости. Наконец Свенельд воткнул меч в снег, скрестил на груди руки.

— Досталь! Сдаюсь на твою милость, добрый князь! — сказал воевода и был доволен, потому что восторг и радость Святослава не знали границ.

— Я победил! Я победил! — кричал князь, прыгая и вскинув меч. Да тут же повернулся к Асмуду: — Иду на вы! Защищайся!

Но Асмуд не взял в руки меча.

— Ты славно потрудился, Свят. Нынче батюшка Перун к тебе милостив. Ты заслужил отдых и пользуйся им. — Асмуд накинул на разгоряченные плечи князя кафтан, — Иди испей сыты, а я сейчас приду.

Князь Святослав отдал меч Асмуду и убежал в терем. Воевода — кормилец дождался, когда за князем захлопнулась дверь, и сказал:

— Лютый возрастает воин. Да и во благо.

— Верно заметил, старый друг: во благо, — согласился Свенельд и спросил: — А что матушка княгиня, здесь? Я приехал за милостью.

— Великой княгини в Вышгороде нет. А милость разве ты заслужил?

— Хочу надеяться. Я выгнал за рубеж двадцать семь воинов нашего с тобой роду — племени.

— Выгнать-то выгнал, а отнятое купцам не вернул.

— Как вернешь, ежели все с рук спустили, — с заминкой ответил Свенельд.

— Тогда не миновать тебе опалы. Слышал я, как матушка княгиня дала обещание купцам наказать грабителей и вернуть обиженным их добро.

— Экая оказия. Она и мне о том говорила, я же подумал, что забудет. Что же теперь делать? — расстроился Свенельд.

— Вот и я думаю. Да не впервые нам из ям выбираться, — обнадеживающе сказал старый воевода.

Свенельда и Асмуда связывало многое, приобретенное за долгие годы службы на Руси. И первым воеводой Свенельд стал радением Асмуда. Сам Асмуд не один год простоял рядом с правой рукой князя Игоря. Правда, на его долю не выпало громких побед, но и поражений он не испытал. А битвы — схватки с печенегами на восьмом году княжения Игоря показали, что Асмуд — умелый воевода. Когда на Руси появился молодой Свенельд, воевода Асмуд сразу отметил силу и крепость воина, взял его под свое крыло. И воспитал в нем достойного сотника, тысяцкого, а там и воеводу волею их покровителя Перуна. Когда же пришел час Асмуду оставить седло, он передал свой меч Свенельду и сказал князю Игорю: «Сей воевода достоин стоять рядом с тобой, великий князь». А позже уже Свенельд посоветовал князю поставить Асмуда воеводой — кормильцем к отроку Святославу. Их связывало не только военное ремесло, позже они и породнились. Свенельд был женат на племяннице Асмуда. Так и жили два варяга плечом к плечу, ничего не держали в тайне друг от друга. И когда два воеводы остались одни, Асмуд с горечью произнес:

— Для нас с тобой меняются времена. Случилось, кажется, то, чего я больше всего боялся.

— То-то ты эдакий расстроенный. Говори же.

— Язык холодеет. — И, помолчав, посмотрев по сторонам, тихо произнес: — Уходит княгиня Ольга от нас, да скорее мы будем от неё отторгнуты. Поди, случится последнее.

— А ежели первое, то в чем поруха для нас?

— И уход Ольги блага не принесет ни мне, ни тебе.

— Скажи, наконец, ясно, что случилось? — потребовал Свенельд.

— Как ты умчал в Белгород, княгиня тоже недолго в Киеве сидела, укатила в свою вотчину в Берестово. Двумя часами позже туда же, тайно в ночь, увезли священника церкви Святого Илии. Тут и гадать не нужно, зачем ей понадобился слуга Христов.

— А мне все-таки неведомо, отчего ты пугаешься.

— Молод, оттого и не понимаешь, — рассердился Асмуд. — Укатила нашей с тобой веры, а вернется христианкой. Что тогда будем делать? — со злостью спросил Асмуд.

Воевода Свенельд покачал головой, в глазах сверкнуло удивление.

— Теперь понимаю и тревогу твою разделяю — не напрасна. Но что делать, ты знаешь? Она же вольна в своем выборе.

— Как это так, вольна? — возразил Асмуд, — А что же нам, язычникам, при назареевой дочери делать? А рать воинов — идолян куда деть? В Киеве есть таровитые христиане, позовет их, нас же вытурит за пределы державы, как ты своих вытурил.

— Вот и спрашиваю тебя, княжеский вельможа, что мне, что тебе делать? — Свенельд тоже потерял спокойствие, голос возвысил, — Ты же думал об этом или должен был думать. Так говори!

Асмуд обошел Свенельда, словно рассматривал нечто диковинное.

— Все к одному сводится, — начал тихо Асмуд, — Тебе нужно возвращаться в Киев, идти на Священный холм к верховному жрецу Богомилу, забрать его и отвезти в Берестово. Пусть своей властью остановит княгиню.

— Я один не поеду к Богомилу. Собирайся и ты!

— Куда же я уеду от князя — отрока? — вспыхнул Асмуд.

— Выходит, мне и в Берестово ехать с Богомиллом?

— Верно. Без тебя Богомил ничего не сделает. И ты поможешь Богомиллу военной силой, ежели потребуется.

— Полно, дядя, одумайся! Как можно к княгине с военной силой подойти. Ежели кто и может её остановить, так сие есть градские

старцы, бояре. Мы же только под топор поставим свои головы. — И Свенельд направился в терем.

— Может, ты и прав, — согласился Асмуд, шагая следом, — Я же потерял свою голову. Мне и жалеть не о чем.

— Приди в себя, воевода, приди! — остановился близ дверей Свенельд. — Да идем на кухню, накормишь меня, и я отправлюсь в путь, сделаю все, что смогу. А смогу я одно: ежели попадетсЯ тот дьявол в черной ризе, снесу ему голову. — И Свенельд скрылся в тереме.

Асмуд совсем расстроился. Он не мог представить себя близ княгини — христианки, которая таковой явится из Берестова. Правда, у Асмуда было два утешения. Он мог позволить себе не появляться в Киеве, а сидеть в Вышгороде. И ещё надеялся, что великий князь Святослав возьмет его и Свенельда под свое крыло и сохранит веру отца. Юный князь чтит Перуна превыше всего, потому как знал, что он бог войны, грома и молнии и приносит удачу в битвах тем, кто верит в него, не изменяет ему и кто не скупится на жертвы. Все это шло от Асмуда. Он так воспитывал Святослава. И благодаря Асмуду князь лет с восьми начал бредить военными походами и с той же поры не скупился на жертвоприношения своему богу.

Свенельд задержался в Вышгороде недолго. Наскоро перекусив вместе с воинами, он поднял их в седло и умчался с ними в Киев. Прискакав в город уже в сумерках, поднялся на Священный холм, в капище, надеясь найти там верховного жреца. Но Свенельду не повезло: Богомил не выносил зимнего холода, а в капище тепло хранилось лишь близ жертвенного огня. К тому же, сказали его помощники, в последнее время он редко появлялся на Священном холме ещё и потому, что писал сочинение о вреде христианства. Он считал православную веру уделом помешанных, а религиозные догмы — блужданием по воздуху.

Воевода Свенельд действовал решительно. Он отправил нескольких воинов к боярам и воеводам из тех, что были варягами: Карлу, Триглову, Стемиду, Родиму и другим с тем, чтобы они шли на совет в гридницу. Сам помчал к верховному жрецу, надеясь и его привести на княжеское подворье. Свенельд рисковал, зная, что Богомил живет затворником и никого не принимает. Так и случилось. Услужители-жрецы остановили Свенельда в воротах. И сколько он их

ни уговаривал, они не пустили его даже на двор. И тогда Свенельд приказал своим воинам:

— Возьмите их в хомут, отроки!

Тем сие потеха — ринулись оравой. И хотя услужители оказались крепкими мужиками, всех троих в один миг смяли, на снег уложили, коленами прижали, расчистили дорогу Свенельду.

— Иди, батюшка воевода, — позвал Свенельда десятский Макош.

Однако воевода послал десятского с воинами впереди себя. И не ошибся. Им в палатах Богомила пришлось потеснить ещё трех дюжих жрецов. Хорошо, что до оружия дело не дошло. Когда же Свенельд вошел в полутемный покой, где лишь в дальнем углу горел сальник, Богомил даже не повернул головы к непрошеному гостю. И воевода подумал, что сей Перунов слуга не пойдет спасать княгиню от насилия назаря. Сказал в сердцах, громко:

— Вот ты тут чахнешь над словесами, а у нас княгиню Ольгу умыкают христиане! Назареевой дочкой скоро будет!

Богомила будто огнем обожгло. Он вскочил, словно молодой, подбежал к воеводе, ткнул перстом в грудь и крикнул:

— Оговариваешь мать нашу! Не верю!

— Поверишь, когда увидишь в храме молящейся доскам!

— Того не может быть! Княгиня верная дочь мироправителя Перуна!

— Ишь ты! В наше время все случается. Похоже, веру сменить — все равно что переобуться, — ярился Свенельд.

— Откуда сие принес? Княгини нет в Киеве! — возвысил голос жрец.

— Сорока на хвосте принесла! — не уступал ему воевода. — Да велела тебе в путь собираться. Поедешь в село Берестово и во всем сам убедишься. А мы спросим с тебя, коль упустишь княгиню!

— Что она делает в Берестово?

— С попом из церкви Илии молится образинам малеванным!

— Клятву клади! Там Перуново капище есть! Может, мироправителю...

— Клянусь Перуном и Волосом, моими богами!

— Ишь, как смело! Но ежели сие навет на княгиню, несдобровать тебе, воевода! Обожгу гневом!

— Обжигай, ан собирайся в княжеские палаты. Там нас ждут бояре и иншие вельможи.

— Огнищанин, не понукай! Токмо моя воля здесь царствует, — зыкнул Богомил. В свои пятьдесят лет он был силен и властен. Суровый взгляд черных глаз и впрямь готов был испепелить Свенельда.

Да нашла коса на камень. Воевода подступил к жрецу.

— Не поедешь, силой отведу. Да помни, для твоей же пользы! Явится из Берестова христианка — и не быть тебе верховным жрецом! Сие запомни.

И до Богомила наконец дошло, что воевода прав. Чуть позже жрец заглянет в свое будущее и увидит, как будут рушить его идолов, бросать их на костер и в бурные воды Днепра. Но это случится тридцать четыре года спустя. А пока он полон сил и власти и сможет постоять за себя, за веру отцов, которой не находил равных. О том он и писал в своем сочинении, о тысячелетнем торжестве язычества славянских племен.

— Ты могуч, воевода Свенельд. Ценю! Ты моя опора истинная. Не держу гнева на тебя, — сменил Богомил тон. — Идем же в княжеские палаты. Голос возвышу, повелю назаря — смутьяна в железа заковать!

Той порой воины Свенельда хорошо постарались, вызвали, вытянули многих бояр из теплых палат на рождественский мороз. Еще воевода Претич помог им, как узнал, чье повеление исполняют воины. Он понял, что случилось нечто важное, а то бы на ночь глядя воевода Свенельд не рискнул тревожить больших вельмож. И Претич позаботился, чтобы совет имел силу, чтобы на нем были градские старцы — славяне, все старейшины, без коих на Руси ничто не утверждалось. Он разослал своих воинов по городу, и те помогли старцам собраться и прийти в гридницу. И скоро в княжеских палатах все пришло в движение. Княжии мужи, бояре тоже хотели знать, зачем собрался совет старейшин. Пока никто и ничего не знал. Кто-то высказал предположение, что на Русь ворвались орды печенегов. Другие оспаривали это, потому как знали, что печенеги зимой не ходят на разбой, а сидят в теплых юртах. В гриднице было холодно, в очагах огонь лишь разгорался, и старцы жались к нему.

Но вот появился верховный жрец Богомил, которого сопровождал Свенельд. Они поднялись на помост. И к его краю, с которого всегда

разговаривала княгиня Ольга, подошел Свенельд. Он на сей раз был отчаянный и дерзкий и решил взять на себя всю ответственность. Однако перед лицом совета старейшин в груди у него возник холод, а чей-то голос предупреждал: «Не зарывайся, воевода, не зарывайся! Побереги голову». Но отступить было некуда. И он нашел такие слова, какие показывали, что Свенельд озабочен только одним: защитить честь и достоинство великой княгини.

— Слушайте, старцы, слушайте, бояре и воеводы, все, кто любит и чтит нашу матушку княгиню Ольгу. Ноне она в великой беде, и мы позвали вас с верховным жрецом Богомилом на скорый совет. Потому спрашиваю: готовы ли вы защитить честь великой княгини?

— Готовы! — прозвучало в зале единодушно.

— Говорю же вам суть! — продолжал Свенельд, — Вы помните, когда она уехала в Берестово? Сказывают, сие было пять дней назад вечером. А ночью, следом за княгиней, тайно покинул город священник Григорий из церкви Илии, кого однажды княгиня изгоняла из гридницы. И сие вы должны помнить, — В зале прозвучало несколько голосов: «Помним! Помним!» — Ну так вот, сей Григорий не есть истинный слуга церкви. Он волхв и оборотень от дьявола. С чем он умчал в Берестово? Токмо с одной целью: околдовать великую княгиню чарами и заставить её отречься от веры отцов и дедов, от нашей с вами веры, окунуться в назареевскую дьявольщину!

И в гриднице все взорвалось. Даже сам Свенельд не предполагал, какую бурю негодования вызовут его слова по поводу священника Григория.

— Огню, огню предать злодея! — кричал на весь зал старый воевода Карл.

— Веди нас в Берестово, воевода!

— Богомил, готовь кострище! — неистово поддерживали воеводу старцы и бояре.

Свенельд попытался утихомирить вельмож и старцев, но ему не удалось. И тогда вышел вперед Богомил и зычно крикнул:

— Дети бога разящего! Дети мироправителя! Слушайте мое слово, вашего пастыря! — В покое воцарилась тишина. — Еще конунг великий Олег пострадал от христианского колдуна Чура и пал жертвою. С той поры назареи проникли в наши города и именем Христа, сына безвестного плотника Иосифа, разрушают нашу

многовековую веру. От их зловонного дыхания темнеет золото на голове мироправителя Перуна. От их гнусных слов скудеет воинский дух славян. Скоро на Руси не останется воинов, но только бабы да слуги назареевы. Потерпим ли сие нашествие назареев?! Седлайте коней, дети Перуновы, мчите в Берестово, схватите главного назарея Григория и бросьте его на жертвенник там же, в селе! Спасите великую княгиню от змеиного жала, коим был сражен конунг Олег!

Слово верховного жреца Богомила ещё больше распалило боевой дух вельмож, старцев и воевод. Они как будто помолодели или проснулись от долгого сна, в коем пребывали уже несколько лет за отсутствием жертвоприношений на Перунов огонь. Язычники жаждали крови. В гриднице были и те, кто помнил Олега, который не запрещал жрецам после своих побед бросать на жертвенный огонь рабов и рабынь, приведенных в Киев из военных походов.

Гридница бушевала. Почтенные бояре кричали, как молодые безусые воины. Убеленные сединами старцы поднимали к потолку сухие и дрожащие от немочи кулачки, требовали покончить с назареями в Киеве. В помещение набились воины — сотня Свенельда и десятки гридней Претича, которых водил в походы князь Игорь. Отроки и гридни тоже поддались страстям, бушующим в зале и на дворе. Многие обнажили мечи и кричали, чтобы воевода Свенельд вел их в христианские кварталы. По всему было видно, что эта предрождественская ночь может стать последней для многих ни в чем не повинных киедлян.

И в самый высокий всплеск ярости, гнева, ненависти и жажды крови прозрел воевода Претич. Он понял, что этой ночью может случиться непоправимое, повторится то, чему он был свидетелем в Древлянской земле. Он отрезвел от угара, ум его прояснился и побудил к действию. Он крикнул своим воинам:

— Игоревы дети, за мной! Все за мной! — И выбежал из гридницы. Он побежал к казармам Игоровой дружины, и воины бежали следом. Возле казарм Претич увидел тысяцкого Блуда и приказал ему поднять своих воинов.

— Велю тебе встать заслоном вокруг кварталов, где живут христиане. Останавливай всех именем княгини, всех, кто вздумает туда ворваться! Повторяю, все делай именем княгини Ольги! Помни сие. И

даже Свенельду закрой туда путь! Надеюсь на тебя, побратим. Я же иду с сотней к храму Святого Или.

Не прошло и нескольких минут, как тысяцкий Блуд поднял своих воинов в седло, сотские получили задание и сотни одна за другой умчали в город. Покинул со своей сотней теремной двор и воевода Претич. Уже близ храма он позвал десятского Дамора и приказал:

— Скачи со своими в село Берестово, передай матушке княгине, чтобы береглась, а пуще священника защитила от людей Свенельда и Богомила.

— Сделаю, как велено, батюшка воевода, — ответил Дамор. Он позвал своих воинов и ушел с ними на рысях из Киева в морозную степь.

Ночь перед Рождеством расколола Русь на два лагеря. Но под рукой главного воеводы Свенельда оказалась лишь личная сотня воинов, с которыми воевода не расставался. Дружина его зимовала в Белгороде и не могла помочь идолянам в погроме киевских христиан. Однако в это время Свенельд и Богомил ещё бушевали в гриднице и не знали расклада сил. Правда, воеводе Свенельду вскоре передали, что воины воеводы Претича уже умчались в христианские кварталы. И он был уверен, что Претич выполнит волю старейшин. Потому решал другое: кому и какими силами мчать в Берестово, дабы взять там назаря Григория. И было одно мнение у вельмож — только верховному жрецу дано выразить недовольство подданных княгине Ольге. Она хотя и назвала себя правительницей при Святославе, на самом деле её по — прежнему величали великой княгиней. Да она и вела себя, как положено вести государыне.

Лишь Богомил хорошо помнил, как Ольга отказалась от титула великой княгини. И теперь он считал, что может проявить над нею всю полноту власти, ибо он по воле Перуна наречен верховным жрецом над всеми язычниками великой Руси и другому быть не дано.

На княжеском дворе нашлись теплые сани. Богомила посадили в них, укрыли медвежьими шкурами. Свенельд выделил Богомилу пятьдесят воинов. Он же прихватил ещё троих услужителей. И вскоре, с разницей в один час после отъезда в Берестово Дамора, верховный жрец покинул Киев, окунулся в искрящуюся снегами под светом полной луны степь.

Исполнив свой долг на теремном дворе, воевода Свенельд поблагодарил старцев и бояр за участие в спасении великой княгини, поднялся в седло и повел оставшуюся полусотню в город, намереваясь принять участие в погроме христианских кварталов. Однако уже на подходе к площади храма Святого Илии Свенельд наткнулся на заслон из сотни воинов, выставленных Претичем. Знал Претич, что Свенельд явится на «потеху». Вот и решил остановить его от безрассудного шага.

— Прочь с дороги! — крикнул Свенельд, подъехав к воинам.

— Не велено пускать! — ответил тысяцкий Блуд.

— Ты что, ослеп, Блуд? Я же главный воевода! — тесня грудью своего коня тысяцкого, кричал Свенельд.

— Не велено пускать! — повторил Блуд и дернул поводья своего коня. Кони захрапели, оскалились.

— Чьим именем стоите? Где воевода Претич? Отвечай, — потребовал Свенельд.

— Стоим именем великой княгини. И потому будем стоять насмерть, — ответил Блуд.

Сей ответ охладил пыл Свенельда. Он понял, что ежели рваться вперед, то начнется междоусобная брань, чего он никак не хотел.

— Позови Претича, — велел Свенельд Блуду.

— Никак не могу. Я не знаю, где он, — Блуд, однако, знал, где Претич, но не хотел, чтобы Свенельд давил на него своей властью.

Главного воеводу задело самолюбие: как посмел Претич остановить его? Он сказал своим воинам:

— Ждите меня здесь, — Сам же рванул коня, наехал на Блуда.

— Прочь с пути! Я найду этого Претича под землей!

Молодой тысяцкий оказался разумен, он пропустил воеводу и вновь замкнул строй.

Воевода Свенельд и впрямь очень быстро нашел Претича. Тот мирно сидел в седле близ храма Святого Илии. Подскакав к нему, Свенельд осадил коня, зло спросил:

— Как ты осмелился встать у меня на пути?!

Претич ответил почтительно:

— Воевода батюшка, творю тебе же во благо.

— Но я выполняю волю совета старейшин. Сказано же выгнать всех назареев из Киева, дабы не мутили нашу веру!

— Слышал я сказанное на совете старцев. Однако есть ещё устав великой княгини о терпимости к иноверцам и о почитании нравов и обычаев других племен и народов. Они же славяне, потому братья по крови.

— Я забыл Ольгин устав ей же на пользу, потому как иноверцы — назареи посягнули на нашу веру. Они хотят отнять у нас великую княгиню. Вижу, что ты ослеп, воевода Претич. Тебе не место быть во главе дружины. И об этом я скажу великой княгине.

— Великая княгиня знает, чего я стою. И моя судьба в её руках, как и твоя, воевода — батюшка.

— Ну вот что, воевода Претич, не сносить тебе головы. Свенельд не прощает обид.

Претич же оставался почтителен и сдержан.

— Я же говорю, батюшка воевода, что о тебе пекусь. А своей головы мне не жаль. Тебе же пора отдохнуть. Того и гляди, из седла упадешь. — И Претич с места послал коня рысью.

За ним последовали его воины. Свенельд остался на площади один. И впервые в жизни Свенельд почувствовал растерянность и колебание земли под ногами. Она будто уплывала куда-то в сторону. Он дернул поводья, и конь медленно побрел неведомо куда.

В христианских кварталах Киева в эту предрождественскую ночь ничто не нарушило покоя. И хотя православные видели вокруг большое движение войска, воины, похоже, не были намерены врывать в их жилища. Сегодня они защищали эти жилища. От кого? В ту ночь киевляне не узнали этого.

Глава шестнадцатая

СИДЕНИЕ В БЕРЕСТОВЕ

Великая княгиня Ольга отдыхала, но не телом — оно ещё редко знало усталость, — а душой. Душой! Сие было откровением. Ведь до сих пор она не ведала, что у неё есть душа. У язычников нет понятия о душе. А тут, благодаря отцу Григорию, она открыла в себе душу — чуткую и добрую. И все теперь принимало для Ольги новое значение.

Она узнала, что такое душевная радость, душевное умиротворение, покой, печаль и многое другое, что прежде считала грудной болью, грудным движением.

В дни берестовского сидения в её душе медленно, но уверенно разгорался и набирал силу новый, неведомый ранее свет. Долгие часы, проведенные Ольгой с Григорием за чтением Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа, позволили ей узнать совершенно иной мир, отличный от того, в каком она жила. Она верила и не верила в то, о чем читал отец Григорий. История жизни Иисуса Христа потрясла ее. Она упросила Григория прочесть все четыре святыя благовествования от Матфея и Марка, Иоанна и Луки. И каждый раз глаза её наполнялись слезами, когда воины Понтия Пилата вели Христа на Голгофу, дабы распять. Иногда Ольга просила прекратить чтение, но, успокоившись, говорила:

— Читай же, святой отец!

И Григорий продолжал читать:

— Тогда отпустил им Пилат Варавву, а Иисуса бив предал на распятие. Тогда воины правителя, взявши Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк, и, раздевши Его, надели на Него багряницу, и сплести венок из терна, возложили Ему на голову, и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, царь Иудейский! И плевали на Него и, взявши трость, били Его по голове.

И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу и одели Его в одежды Его и повели Его на распятие...

— Остановись, святой отец! — вновь воскликнула Ольга, — Не могу видеть, как Его истязают.

Так и шло чтение святых благовествований с перерывами, вопросами, ответами и размышлениями над прочитанным. Чуткая душа Ольги все впитывала. Она словно присутствовала там, на горе Голгофе, видела, как враги срывают с Него одежды, как поднимают на крест и вбивают в Его тело гвозди. Ольга видела, как Он терпелив и не проклинал палачей, не грозил им вечной карой, но, вскинув глаза в горние выси, молил Отца Своего вселить в Него мужество и любовь к ближнему.

На пятый день берестовского сидения княгиня Ольга уже помнила многое из того, что услышала от священника Григория, и удивилась, как глубоко затрагивает душу человеческую великое христианское учение. Десять запове-

дей она запомнила, как молитву «Отче наш», за два прочтения. На Символ веры ушло времени побольше, потому как он требовал немалого напряжения ума. Зато Нагорная проповедь далась легче. Отец Григорий читал её по памяти, и каждое слово проповеди нанизывалось в памяти, как жемчужные зерна на нить. Акафист Пресвятой Богородице отец Григорий прочитал трижды, и трижды он вместе с Ольгой повторил его. И Ольга радовалась, сама похожая на Божью Матерь. В минуты тишины она повторяла про себя: «Бурю внутри имея помышлений сумнительных, целомудренной Иосиф смеется, к тебе зря небрачной и бракоокрадованную помышляя, непорочная, увидев же твое зачатие от Духа Свята, рече: Аллилуйя!»

Много радости получила Ольга от чтения молитв. Сколько их, и как они близки по сути жизни! И одну из них, молитву на исход души, выучила наизусть в знак благоговения пред памятью убиенного князя Игоря.

Священник Григорий торжествовал, что сумел донести до княгини Ольги силу и величие христианской религии. Он радовался успехам своей ученицы, его покоряла её прилежность и любознательность. Она уже хотела знать историю возникновения христианства. Увы, в этом отец Григорий и сам не был силен, хотя и знал многое из того, что касалось истории византийской православной церкви. Сказал, чтобы успокоить Ольгу:

— Мы с тобой ещё одолеем минувшее христианства. А пока приникнем к тому, что нам доступно.

— Я жду с желанием новых откровений.

Григория это вдохновляло. Он видел, что жажда познания христианских канонов становится в его ученице все сильнее. Вот он сказал:

— Дочь моя, матушка княгиня, готова ли ты послушать о сути семи Святых таинств?

И Ольга тут же попросила Григория раскрыть сию суть. И когда он донес до княгини тайну каждого, Ольга удивилась их мудрости. И особенно мудрым ей показалось таинство крещения. К нему она возвращалась многожды, примеряя на себя сие душевное одеяние.

Правда, отец Григорий не тешил себя надеждами на скорое прибавление своей паствы в лице княгини Ольги. Он осознавал, что движению её души будет мешать множество помех... Да и сама Ольга это понимала. Не случайно же приезд отца Григория в Берестово состоялся тайно. За спиною Ольги от края и до края стояла языческая Русь. Веру язычников в своих богов нельзя было пошатнуть никакими ударами. Даже тогда, считал отец Григорий, когда движение православной религии начнет свое шествие по Руси, придется ещё одолеть множество рубежей. А вспомнив о жрецах — фанатиках, таких, как Богомил, отец Григорий испытал страх. Какое сильное влияние тот оказал на Ольгу, когда она вступила на тропу кровной мести. И быть ещё жестокому поединку между княгиней и верховным жрецом, ежели вдруг придел час крещения Ольги.

Но отец Григорий пытался не давать воли мрачным размышлениям, помня, что добро всегда побеждает зло. Труднее было справиться с другим наваждением. В Григории проснулось все, что в пору падения Ольги на Древлянской земле пребывало в дреме. В свои годы, нет, не преклонные, как считал Григорий, он вновь познал сладость и мучительную боль неразделенной любви. Каждый раз, когда он встречался с Ольгой, сердце его билось сильнее, кровь прилиwała к лицу и глаза туманило от жара. Лишь огромным усилием воли и молитвой глушил он в себе юношеские чувства, подавлял метущиеся порочные мысли и призывал себя к рассудительности и строгому порядку. Иной раз он ловил себя на мысли, что ему было бы легче, ежели бы Ольга оставалась к нему равнодушной. Ан нет, память

ее, цепко держащая все детские забавы и события, все чаще подбрасывала ей такие картины, когда она, отроковица, смотрела на Егоршу восхищенными глазами. Где уж тут оставаться безразличной к тому, кто приносил ей так много блаженства в отрочестве, самой светлой поре жизни.

Все дни пребывания в Берестове Ольга и Григорий были предоставлены сами себе. Даже Павла им не мешала, потому как у неё своих хлопот было полно. Да и княгиня ей прибавила заботы, по просьбе Григория велела через Павлу берестовским мужикам найти большой камень — валун и привезти его в село, положить на холме близ Перунова капища. Павла исполнила эту просьбу, сама ходила с мужиками по заснеженным полям и оврагам. А как нашли камень, то пришлось делать волокушу, ибо сани не могли его выдержать. Тянули камень цугом пять лошадей. Как втащили на холм, княгиня Ольга и отец Григорий вышли из терема посмотреть на него. Княгиня недоумевала: зачем этот плоский, почти квадратный камень? А отец Григорий был доволен им, ходил вокруг, поглаживал. Ольга заметила сие и, чтобы удовлетворить женское любопытство, спросила:

— Для какой нужды тебе сия глыба?

Священник счел, что время для ответа удачное, сказал:

— Ты, матушка княгиня, не посетуй на меня. Как ехал в Берестово ночной порой, было мне явление архангела Михаила. Он же сказал, чтобы я побудил тебя поставить здесь Божий храм. И потому попросил добыть сей камень, дабы на нем утвердить твою волю, ежели ты примешь пожелание архангела Михаила.

— Ишь ты, что возомнили с этим архангелом Михаилом. Это как же я должна утвердить? Ведь я есть идолопоклонница. Вон их сколько, богов-то моих.

— Ты уже не идолопоклонница, ты на пути к иной вере. И потому твоя забота о храме явится благой.

— Что же я должна сделать теперь?

— Позови берестовских селян и вознеси при них всего четыре слова. Способна ли ты на сей подвиг? — Глаза Григория сверкали задором и лукавством, словно вызывали Ольгу на поединок.

Она же, озорством с детства одержимая, приняла вызов.

— Какие же это чудодейные слова мне должно вознести?

— Достойные великих людей. Сказать, дабы ты изрекла их? Или сомневаешься в себе?

— Велю сказать.

— Смотри же, матушка княгиня, потом их тебе принародно возвысить.

— Не мешкай, святой отец, не испытывай мое терпение, — голос Ольги прозвучал властно, глаза полны решимости, лицо помолодело.

Величава, красива под лучами низкого зимнего солнца стояла перед Григорием Ольга. Ну только бы под венец! И мелькнуло у него такое, от чего похолодело сердце: «Господи, она же вечная, она и отроковицей была такой, как ноне!» Но пора было отвечать Ольге, дабы и впрямь не испытывать её терпения. Григорий сказал:

— Вознесешь пред берестовцами так «Бысть здесь храму Божьему!» — И Григорий показал на вершину холма.

Ольга поняла, что сей изборский жилец и учитель толкает её на невозвратный путь. Скажет она принародно эти слова — и сожжет за собой последний мост, явится отступ ницей веры отцов уже открыто. Да надо было знать Ольгу: она не только была озорна в отрочестве, но и дерзка, смела, решительна в зрелом возрасте. Теперь же, когда уже виднелась заснеженная вершина её жизни, тем паче её ничто не пугало. И она позвала старшего из телохранителей, светловолосого синеглазого воина в кожаных доспехах, и повелела:

— Ступай, Брячислав, пусти воинов по селу, пусть зовут народ на площадь. Хочу видеть всех, от малого до старого.

— Исполним, матушка княгиня, — ответил Брячислав и побежал к своим воинам, послал их по улицам села.

И они бежали с криками: «Все на площадь, все на площадь! Стар и мал! Стар и мал!»

Село Берестово невелико, улицы — крестом, дабы кучнее стоять домам за частоколом. И потому все берестовские вскоре же собрались на площади. Бабы держали на руках малых детишек, а кои побольше держались за подолы матерей. Шли старики и старухи, опираясь на плечи внуков или постукивая о землю батогами. Как собрались берестовские, тиун Роман, крепкий мужик с русой бородой, поклонился Ольге:

— Все мы тут, матушка княгиня. Повелевай! — Роман повел рукой над односельчанами, и стало тихо, как в безветрие в зимнем

лесу.

— Слушайте все! — начала Ольга. — Вот перед вами священник отец Григорий. Видит он на этом холме, где стоим, храм Божий — обитель христианскую. Когда он встанет, не ведаю. Но говорю вам: быть здесь храму Божьему!

Тишина так и не нарушилась. Не понимали берестовские сказанного. Лишь удивление отражалось на лицах сельчан, да у какой-то бабы заплакал ребенок Тиун Роман цыкнул на ту бабу и спросил Ольгу:

— Матушка княгиня, что же нам теперь делать?

— По избам идите и помните сказанное. Придет час, и все уразумеете. Тогда сойдемся здесь для дела.

Тиун распорядился, и берестовские разошлись. Хотел и Роман уйти, но отец Григорий, обхаживая камень, позвал его:

— Сын мой, подойди ко мне. — Тиун подошел, поклонился. — Есть ли у тебя коваль?

— Знамо. Наумом зовут.

— Так ты пришли его сюда.

— Сей миг и спворюю.

— И сам вернись.

Как ушел Роман, отец Григорий пояснил Ольге:

— С твоего позволения, матушка княгиня, четыре заветных слова будут вырублены на камне.

— Выруби, — согласилась Ольга.

— И год — от сотворения мира... — Григорий достал из кармана сутаны завернутый в тряпицу кусок белгородского мела и старательно вывел на гладкой поверхности камня: «Бысть здесь храму Божьему. Год 6462».

На большее, однако, ни у кого в сей день не хватило времени. К воротам крепостного тына прискакал в этот час отряд Дамора. В дубовые плахи раздался настойчивый стук рукоятью меча. И конные отроки княгини в мгновение оказались близ ворот. Брячислав поднялся на карниз, что тянулся вдоль тына, и выглянул за него.

— Эй, кого нужно? — крикнул он.

— Брячислав, открывай, — послышалось снизу, — Я десятский Дамор из дружины воеводы Претича.

Брячислав узнал Дамора, крикнул своим:

— Открывай ворота! Там наши!

Вскоре отряд спешил на площади, и Дамор поспешил к княгине, поклонившись, сказал:

— Матушка княгиня, тебе весть от воеводы Претича.

— Говори, — повелела Ольга.

— Одной велено передать, — ответил Дамор.

— Иди за мной. — И Ольга покинула площадь, увела воина в терем.

Из терема долго никто не появлялся. Воины держались в стороне от Григория. Он стоял возле камня, ждал коваля. Но в сердце закралось беспокойство. Он заметил, что воины присматривались к нему с каким-то пристрастием. И он подумал, что у них есть тому причина. Их появление в Берестове связано каким-то образом с ним. Не случайно же он ехал сюда тайно. Очевидно, тайное стало явным и повлекло за собой какие-то события. Григория что-то толкнуло стереть с камня надпись. Он взял горсть снега и тщательно убрал следы мела.

В это время на площадь вышла боярыня Павла, подошла к Григорию и, увидев, что он делает, сказала:

— Я за тем и пришла. В Киеве бушуют страсти. Да княгиня — матушка сама тебе расскажет. Идем же в терем, отец Григорий.

Он внимательно осмотрел камень, остался доволен тем, что следов надписи не видно, и ушел следом за Павлой. Как вошел в трапезную, княгиня сказала ему:

— Завтра утром мы уезжаем в Киев. Теперь же, отец Григорий, иди к себе, отдохни и никого не пускай в горницу. Мои воины будут тебя охранять. — Ольга была строга, спокойна, на лице ни следа растерянности. И, несмотря на это, Григорий понял, что случилось нечто важное — державное.

— Да хранит тебя Всевышний, матушка княгиня, — тихо сказал Григорий и незаметно для Дамора осенил её крестным знаменем. С тем и покинул терем.

Ольга же, как всегда в минуты приближения больших событий и опасности, нашла в себе силы быть деятельной и попыталась разобраться в том кратком сообщении, какое привез Дамор. Главное Ольга знала: она осуждена советом старейшин за то, что тайно уехала с отцом Григорием в Берестово. Ее подозревали в отступничестве от веры отцов. Верховный жрец Богомил призывал киевлян изгнать или

уничтожить всех христиан. Узнала она и то, что в Берестово мчат воины и жрецы, дабы учинить расправу над священником Григорием. Но какой силой они идут? Хватит ли у неё воинов защитить Григория и свою честь? Сие Ольга не ведала, Дамор — тоже.

Между тем при Ольге было всего тридцать воинов. Теперь вот десять ещё прибыло. Она могла вооружить всех берестовских мужиков, кои умеют ходить на медведя и на волков, потому не всякий воин пред ними устоит. И крепкие стены помогут ей держаться против дерзнувших поднять на неё руку.

Но была в её скороспелых решениях одна преграда, которую Ольга, как ей показалось, не могла преодолеть. После той крови, какую по её воле пролили на Древлянской земле, её разум ввергался в ужас только от одной мысли о новом междоусобном кровопролитии. И она взялась искать иной путь, который привел бы к мирному подавлению бунта Богомила и Свенельда.

Княгиню Ольгу не назвали бы мудрой и хитрой, если бы её ум не был так изощрен в трудные минуты жизни... «Нет, крови не будет», — сказала она себе, оделась и покинула терем. Выйдя на сельскую площадь, она, в сопровождении Павлы и нескольких воинов во главе с Брючиславом, направилась в конец главной сельской улицы. Там виднелся амбар без окон, рубленный из толстых бревен. Лишь высоко под крышей виднелись малые, узкие вытяжные оконца. Пока шли к амбару, Ольгу догнал тиун.

— Матушка княгиня, Роман здесь, — произнес он.

— Ты мне нужен. Открой амбар.

Подбежав к воротам, Роман вытащил дубовый засов и распахнул створки.

— Нонче хлеб был хороший и закрома полны, — доложил тиун.

И правда, в амбаре было много зерна: овса, ржи, ячменя, полбы. Внутри амбар казался огромным, и в нем оставалось много свободного пространства. Ольга все внимательно осмотрела, обошла, за одним из закровов спустилась вниз по лестнице в подклет, там проверила потайную дверь. Она все знала здесь, потому как амбар строился лет пятнадцать назад под её присмотром. Проверив то, что ей было нужно, она поднялась наверх и наказала тиуну и боярыне Павле:

— Урок вам такой. Нонче гости приедут, поди, не меньше сотни. Так вы тут столы накройте, угощения поставьте, меду хмельного не

пожалейте, бочку — две поставьте, выкатите из моих погребов. Овчин да попон принесите, ещё сена под бок. Гости спать тут будут. Зерно же по избам разнесите. Всех поднимите, кто может ношу взять. Урок большой, а времени мало. Потому и ты, Роман, и ты, Павла, не отходите отсюда ни на шаг. И воины, числом двадцать, будут вам помогать. Вот и управляйтесь. Тебе, Павла, добавлю урок Как воины помогут Роману, проводи их в становище и накажи сидеть тихо, на двор не показываться.

— Все исполним, матушка, как велено, — ответила Павла.

— Ведаю, что исполните, — ответила Ольга и покинула амбар.

От него она прошла к главным воротам, велела Дамору поставить караульных на стене.

— Следите за дорогой, а как появятся, зовите меня.

Княгиня ушла в терем и началось ожидание «гостей».

Они появились в сумерках короткого зимнего дня. Дамор оказался проворнее и опередил их на шесть часов. Десятский спрыгнул со стены и помчался в терем, закричал с порога:

— Матушка княгиня, гости едут!

— Иду встречать их, — ответила Дамору княгиня — Ты же, Дамор, спрячь воинов в клуне близ моего терема.

Павла к этому времени управилась с уроком и шла сказать княгине, что к приему гостей все готово, что медов и бражки в амбаре много.

— То-то весело нонче будет, — улыбнулась Павла.

— Куда уж как весело, — согласилась княгиня. — Теперь же идем, боярыня, гостей встречать незваных. А незваные-то хуже печенегов.

— Да ублажим их, ублажим, — пропела непоборимая Павла, отправляясь следом за Ольгой к воротам. Там она сей же миг поднялась по лестнице на карниз, выглянула за частокол и охнула:

— Матушка княгиня, да как же открыть ворота, ежели за ними орда!

— Ничего, хлеба и медов на всех хватит.

Княгиня повелела распахнуть ворота и вышла навстречу конному отряду. Впереди отряда ехал сотник Сфагел, племянник Свенельда. Ольга его хорошо знала. Это был высокомерный, честолюбивый и жестокий молодой воин с бледным холодным лицом, с глазами,

полными презрения ко всем, кто был ниже его положением. Ему было поручено выразить княгине Ольге волю бояр, воевод и старейшин о выдаче колдуна и смутьяна Григория. И Сфагел гордился этим поручением. Увидев великую княгиню, он спешился, быстро пошел навстречу ей и с легким поклоном сказал:

— Государыня княгиня, я прибыл с отрядом по поручению вельмож, воевод и старцев.

— Что им нужно? — спросила Ольга.

— Со мною верховный жрец Богомил. Он все и скажет. Можно ли ввести отряд во двор?

— В крепость! Что ж, веди свой отряд, сотник Сфагел. — Ольга впервые назвала свое село крепостью. И не случайно. Ольга давала знать сотнику значение того места, в кое он прибыл.

Отряд в полсотни воинов и сани Богомила въехали в село и остановились на площади.

Княгиня Ольга не была намерена подходить к саням Богомила. Она прошла к своему терему и остановилась. Рядом с нею встали Павла и три воина.

Жрец Богомил, однако, ждал её в санях. Но прошло несколько минут, и он понял, что его ожидание напрасно.

В груди у него все вспыхнуло от гнева, он с трудом выбрался из саней. На нем были шуба и меховой шлык, из-под него торчали только хищный нос и вислые усы, наподобие Перуновых. Медленно ступая, он направился к Ольге, а сблизившись, высоко поднял руку и стремительно, словно рассекая княгиню пополам, опустил вниз и так же стремительно сделал движение рукой поперек княгини. Помнила Ольга, что сие есть знак высшего осуждения лица, на кого направлены жесты. И она спросила:

— В чем же ты, жрец Богомил, осуждаешь свою государыню? Я встречаю тебя как желанного гостя, а ты во гневе.

— Для чего ты пребываешь вдали от Киева?

— Я вольна в своих действиях. Но тебе отвечу: отдыхаю.

— Что побудило тебя позвать с собой назаря Григория?

— Вон что! А с ним приятно проводить время. Я же вдовая, — ответила Ольга и улыбнулась. Чем ещё больше прогневала Богомила.

— Над милостью бога мироправителя глумишься! Он дал тебе жизнь после князя Игоря не для того, чтобы ты нарушала устои веры,

но жила во благо детей своих! Русь за тобой! — все громче гремел голос Богомила.

Воины, сошедшие с коней, с любопытством слушали речи Богомила и Ольги. А в глазах Сфагела, который стоял за спиной Богомила, Ольга увидела презрение. Она готова была крикнуть, чтобы Сфагел убирался прочь. Но пока ей нужно было проявить выдержку, она проглотила оскорбление и по — прежнему миролюбиво сказала:

— Полно, хранитель богов, гневаться. Идем в палаты, вкусишь пищи, и мы продолжим беседу. Ведь ты так и не сказал, с чем прибыл.

— В твои палаты, оскверненные назареем, я не пойду. Здесь, близ Перунова капища, накормишь воинов и меня. Сюда приведешь назарея и будешь вольна, как птица.

И показалось Ольге, что Богомил разговаривает с нею не как с великой княгиней, а как с государыней, отторгнутой от власти и трона. Вновь у неё вспыхнуло желание дать почувствовать Богомилу, что не он здесь над нею властен. Однако Ольга опять подавила страсть, осталась сдержанной и гостеприимной.

— Воля твоя, хранитель богов. Я повелю накормить вас на площади. Но где ты проведешь морозную ночь, а она уже скоро наступит? Где отдохнут воины?

— Мы привычны к холоду и проведем ночь в амбаре, — ответил за Богомила Сфагел.

— Коль так, амбар найдется для воинов, — И Ольга показала на большое строение в глубине улицы, — Вон там можете спать. Ты же, хранитель богов, пойдешь в дом тиуна Романа и проведешь ночь у него, — Тотчас забыв о Богомиле, Ольга вместе с Павлой и воинами повела Сфагела к амбару.

Богомил был возмущен пренебрежением Ольги к своей особе, упрямо сказал, хотя княгиня и не могла уже слышать жреца:

— Нет, я пойду с воинами. И ты ещё пожалеешь о своей гордыне!

Воины Сфагела едва тянулись за Ольгой и Павлой. Они были усталые, голодные, позади — бессонная ночь и многие версты пути по морозной степи. Им хотелось поскорее приткнуться к месту, лишь бы оно было не на снегу. Однако, проходя по селу, воины отметили, что оно будто вымерло: нигде не видно ни души... Да, отупевшие от усталости, не придали сему значения. Когда же все пришли к амбару, Ольга сказала:

— Слушайте все! — наступила тишина, и Ольга продолжала: — Здесь, в этом амбаре, быть новому капищу богов. Потому мною введен устав: ни с конями, ни с оружием туда заходить нельзя. Видите коновязь под навесом? Поставьте туда коней, сложите мечи, копья и луки близ седел. Тогда входите за мной.

Но воины не двинулись с места. Они ждали слова Сфагела. Тот же, помня уставы великих князей, не смел нарушить повеление Ольги и первым отправился под навес, сложил там свое оружие. И воины последовали его примеру. Вернувшись к амбару без оружия, они чувствовали себя словно раздетыми, но, осмотревшись кругом и по — прежнему не увидев ни одного живого существа, успокоились.

Той минутой Павла распахнула тяжелые ворота, низко поклонилась и пригласила воинов:

— Гости дорогие, входите, да будьте как дома.

Воины вошли и удивились: из плах, что разделяли закрома, был сооружен большой стол, а на нем яства поставлены в достатке на сотню воинов. Две бочки медовухи, бочка браги манили хмельным. И куда делась осторожность воинов, они обступили стол, жадно набросились на говядину, на зайчатину, на птицу и мягкий хлеб, все запивая медовухой и бражкой, черпая хмельное из бочек большими ковшами. И пошло веселье.

Богомил продолжал стоять возле Ольги. Он лишь удивился, увидев, как его подручные жрецы накинулись на мясо, на хмельное. Понял, что они забыли о нем. Но княгиня не забыла о верховном жреце.

— Теперь, когда воины и твои услужители при деле, идем, хранитель богов, на площадь и поведем близ Перуна разговор начистоту, — И Ольга вышла из амбара.

Следом ушли Павла и телохранители Ольги. Богомила ещё что-то удерживало близ воинов, но они были поглощены своим делом, и жрец медленно, неохотно покинул амбар. Лишь только Богомил отошел на почтительное расстояние от ворот, как тут же из-за амбара появились воины Ольги, закрыли ворота, задвинули дубовый засов и встали близ амбара на караул с обнаженными мечами. Другие же воины собирали близ коновязи оружие и уносили его, уводили коней.

И только теперь Богомил понял, что хитрая Ольга — как же он забыл об этом — устроила воинам Свенельда ловушку. Он хотел было

бежать к амбару, но, повернувшись, увидел пред собой суровые лица воинов. И один из них сказал:

— Иди, отец, иди за великой княгиней.

Ольга ждала верховного жреца.

— Теперь скажу тебе, Богомил, вот ты один предо мной, оскорбленной тобою принародно. Ждешь ли ты от меня милости? Повторишь ли то, что кричал на площади при моих воинах? Не молчи. Молчание тебе же в урон.

Богомил зло сверкнул глазами. Страха в груди у него не было. Сказал медленно, громко:

— Я отлучаю тебя от веры отцов, назарянка!

— Вольно тебе бушевать, но в державе свою волю проявляют государи, но не их подданные.

— Надо мной один государь — мироправитель Перун! За мною же вся языческая Русь. Бойся, назарянка, моего гнева. Я преемник Перуновой власти на земле!

— Полно мнить в себе несусветное. Ты всего лишь хранитель богов и, ежели дашь слово тихо и исправно служить при них, прослужишь столько, на сколько у тебя хватит сил. А по — иному и не быть. Моею властью ты будешь отлучен от богов. Поправший великокняжескую власть заслуживает суровой кары. Ты попрал мою власть, ты задумал убить святого отца, несущего благо моему народу.

— Я исполняю волю совета старейшин! Ими осужден Григорий. И ты забыла, что старейшины выше тебя. Они выражают волю народа.

— Сие мне ведомо. Но я знаю, что они простят мое движение к новой вере. Простят! — И было это сказано с таким убеждением, что Богомил поверил. Он хотел все-таки возразить, но Ольга остановила его:

— Слушай, хранитель богов, последнее. Ноне же в ночь я покидаю Берестово. Воины Сфагела будут сидеть под стражей три дня. Ты тоже посидишь в избе тиуна Романа, сколько мне нужно. Там тебя отпустят, и ты вернешься в Киев. У тебя есть время подумать и прийти ко мне с покаянием.

Княгиня Ольга и Павла ушли. Богомил остался в окружении воинов. Он сделал попытку идти следом за княгиней, но воины удержали его и под руки повели в дом тиуна Романа.

На Берестово опускалась последняя предрождественская ночь.

Глава семнадцатая

ОПАЛЫ НЕ БУДЕТ

Великая княгиня покидала Берестово умиротворенная. Она не пролила крови и никому не позволила этого свершить. Заблудшие овцы наказаны. Три дня сидения воинов и жрецов в холодном амбаре пойдет им впрок. Да и Богомил остынет от своей ярости, разгулявшейся в нем, словно в диком звере. Ведомо Ольге, какую расправу он учинил бы над отцом Григорием, попади тот в его руки. Жертвенный камень в Берестове есть. Подручные жрецы — каты при Богомиле. И дай Богомилу волю, пасть бы невинному священнику жертвою язычников.

Перед тем как уехать из села, Ольга позвала к себе тиуна Романа и наказала ему:

— Ты здесь старший над всеми. Мои десять воинов во главе с Дамором тебе в помощь. Все оружие воинов Сфагела раздай берестовским мужикам, дабы смогли защитить себя и дома от всяких татей. Воинов выпускай на третий день по десять человек, отдавай коней и выпроваживай из села в Киев. Правь моим именем усердно, но по чести и совести.

— Все исполню, матушка княгиня, как велено, — откланялся Роман.

— И славно. Можно и в путь.

Вскоре из Берестова вытянулась вереница саней и легкой рысью, по накатанной дороге, кони ушли на Киев. В середине вереницы в одних санях сидели княгиня Ольга и боярыня Павла, а те, что шли за ними, занимал священник Григорий. Ольга знала, что ночь — не лучшее время быть в пути, тем более, когда воинов в охране немного. Но события в Киеве заставили Ольгу поступиться покоем и безопасностью и отправиться в путь ночной порой. Там, в Киеве, решалась, может быть, судьба её сына Святослава, её судьба.

В отличие от княгини Ольги, отцу Григорию эта ночь принесла страдания. Впервые за многие годы в эту торжественную ночь он был

вне храма, к тому же в окружении язычников. Умиротворяло одно: впереди ехала дорогая ему женщина. И она уже стояла на пороге нового мира — Христовой веры. Теперь сие было очевидно. И это примиряло Григория с дорогой, с морозной ночью в пустынной степи. И он читал по памяти Евангелие от Матфея, читал для Ольги, словно она сидела рядом с ним. Да так оно и вышло. Как остановились уже на рассвете в селении, лежащем на полпути, Ольга отправила Павлу в сани Григория, его же позвала в свои. Лишь только уселся он перед нею, княгиня спросила:

— Ведаю, отец Григорий, что сегодня у христиан большой праздник, но какой?

— Так оно и есть. Великий праздник, матушка княгиня. Рождество Христово.

— Поведай мне о нем.

— Боюсь, матушка княгиня. Как бы до Киева ты вовсе не стала невестой Спасителя нашего.

— А назарянкой я не стану? Так назвал меня Богомил, да с гневом. Что сие есть, назарянка?

— Не сомневайся, матушка, лишь Богомил сделал сие слово ругательным. Назареями в первые века христианства иудеи звали истинных детей Спасителя.

— Вон как! Да что же так зло твердил сие слово Богомил? На-за — реи!

— И полно, дочь моя, забудем о злом демоне.

— Верно, святой отец, — с легким сердцем согласилась Ольга. — Говори же о Рождестве Христовом. Откуда оно и что?

За слюдяным оконцем саней лежала холмистая степь, укрытая белыми снегами. Низко над окомоем светило солнце, искрились диамантами склоны холмов. Кони бежали ровно, поскрипывали полозья саней по снегу, цокот копыт доносился слабо, и в этой рождественской благодати тихо звучал голос отца Григория. Потом он не раз вспомнит эти часы, проведенные с княгиней в теплых санях лицом к лицу, кое озарялось солнечными бликами и казалось Григорию родным и близким.

— Рождество Иисуса Христа было так. Десять веков назад в городе Назарете Галилейском жила Дева Мария. И был послан туда от Бога Ангел Гавриил. Дева Мария в ту пору была обручена мужу,

именем Иосиф, плотнику из дома Давидова. Ангел вошел к Марии и сказал: «Радуйся, Благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами». Она же, увидевши его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал ей Ангел: «Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать от Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус». Мария же сказала Ангелу: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» Ангел сказал ей в ответ: «Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим, ибо у Бога не остается бессильным никакое слово». Тогда Мария сказала: «Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему». И отошел от неё Ангел.

Вскоре же Иосиф и Мария стали мужем и женой. Но прежде чем сочетаться, Иосиф узнал, что она имеет во чреве от Духа Святого дитя. Иосиф, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить Марию к родителям. Но когда он помыслил это, явился к нему во сне Ангел Господень Гавриил и сказал: «Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святаго. Родит же Сына и наречет Ему имя Иисус. Он спасет людей своих от грехов их».

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. И пошли все записываться. И Иосиф пошел из Галилеи в город Давидова рода, называемый Вифлеем. Когда же они были там с Марией, ей пришло время родить. Да рожать Марии негде было, и они пришли в овечий хлев, и там Мария родила Сына, спеленала Его и положила в ясли. Той порой прилетел на землю Ангел Господень Гавриил и предстал в поле пред пастухами и сказал им: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях». И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение.

Княгиня Ольга сидела зачарованная рассказом отца Григория. И лицо её было таким же отроческим, как в ту далекую пору, когда они сидели на берегу речки Ужи, протекающей близ деревни Выбутино, а Егорша рассказывал Прекрасе древние сказки.

Пути до Киева было ещё немало, и Григорий успел рассказать Ольге о многих мытарствах Иисуса Христа и о Его Крещении. Так и скоротали время священник и княгиня, благо дорога была гладкая и не встретили они на ней ни татя, ни зверя, ни злого духа.

В городе стояла непривычная тишина. Княгиню не встречали, потому как никто не знал, когда она вернется. Для придворных вельмож её приезд оказался полной неожиданностью. Кой-кто даже растерялся и ощутил страх. Но княгиня была со всеми ласкова, многих согрела добрым словом, будто не ведала, что без неё чуть было не рухнули опоры великокняжеского трона. Но Ольга сие знала и потому первым делом велела позвать воеводу Претича — мужа, достойного её внимания прежде всего.

Нашли Претича скоро. Он жил на теремном дворе вместе с отроками княжеской дружины. Спеша в терем, он не ждал, что княгиня Ольга будет воздавать ему без меры за его стойкость пред угрозой великокняжескому престолу. Однако все было по — иному. Лишь только воевода появился в тронном зале, Ольга встретила его словами:

— Благодарю тебя, отважный воевода. Ты уберег моих подданных от разбоя, меня же спас от позора. Завтра же на совете воздам тебе честь должную. Теперь же открой мне все, как было, с чего пошло, — попросила княгиня.

Претич потупил глаза. Не хотел он выставлять воеводу Свенельда в том виде, каким он был на самом деле в тот печальный вечер коляд. Но и ложь ему была противна.

И когда он почувствовал, что молчание пагубно, честно сказал:

— Матушка княгиня, не пытай меня, не умею красно говорить и хулу возводить — тоже.

— Но как же, славный воевода, ты же защитил великокняжеский дом, теперь не хочешь сказать, от кого защищал и почему хотели его разрушить.

— Я всего лишь увидел неверные шаги своего наставника и остановил его... Вот и все.

И тут Ольга весело засмеялась, прошла по залу и остановилась близ воеводы.

— Ой, Претич, пусть останется все так, как ты сказал. Не буду тебя принуждать. Что уж там! Я вижу сама, как все было. Ну а ты-то что думаешь обо мне? Вот ты ходил со мной по Древлянской земле и

видел, какая я там была. Что, тогда ты меня больше чтил, чем теперь? Говори вольно.

— Нет, матушка княгиня, прежде ты была жестокосердна и твои подданные боялись тебя. Теперь же ты истинная матушка своих детей.

— То-то. Но отчего же тогда я, нынешняя, Свенельду не по нраву? Ты не отвечай. Я сама знаю отчего. Сколько лет мы живем в мире с соседями и царит покой на нашей земле?

— Девять лет, матушка княгиня.

— Вот, девять лет. И все эти годы дружина Свенельда не ходит в полюдь, не грабит моих подданных, не умыкает и не насилует жен и дев, не угоняет скот, не разрушает уклада жизни, не обогащается, не унижает малые народы. Девять лет! — Ольга была возбуждена, говорила быстро. — Но у нас же горячая кровь! Над нами один бог — бог зла и насилия, один закон — сильного. Все принадлежит сильному, утверждает воевода Свенельд. Все принадлежит нам, вслед воеводе говорит его дружина. И разоряются народы, и продаются в рабство россиянки. Все по одному языческому закону сильного! — Ольга махнула рукой и с удивлением произнесла: — Господи, да что я тебе сие говорю?! Ты же все знаешь, Претич. Оттого ты и защищал княжеский дом и миролюбивых подданных его, кои христианами зовутся. — Ольга села в кресло, тихо закончила: — Вот как складно и красно я все тебе открыла. Завтра бы мне боярам и старцам все так сказать. А то ведь язык потеряю до времени.

— Скажешь, матушка княгиня, скажешь, потому как русичи верят в тебя.

— Вот и славно, и утешил. Да, скажу. Но где же Свенельд?

— Он в Вышгороде.

— Ишь ты, похоже, что спрятался за спину Святослава?

— Так.

— Ну пусть. Хотела ехать, сыночка увидеть, да не буду мешать Свенельду о судьбе своей попечаловаться. Завтра же пошлю туда Павлу, дабы позвала Святослава, Асмуда и Свенельда на совет старейшин. Тебе же велю в городе за порядком следить.

— Исполню, матушка княгиня.

— Иди же, честный Претич, — И Ольга ласково улыбнулась.

Воевода откланялся и ушел.

Ольга долго сидела одна. Мысли ее, как нити, свивались в клубок, все вокруг Григория и его веры. Она понимала, что скрывать от своих подданных свое духовное состояние уже нет нужды. Тайное стало явным. И пусть все услышат из её уст то, к чему она пришла, отступивши от веры отцов. Ольга не боялась осуждения. Оно ей уже воздано. Ее не страшило и отчуждение бояр, старцев, кои прежде были всегда к ней благосклонны. Она уже выразила свое отношение к язычеству: верховный жрец славян — идолопоклонников пребывает под стражей по её повелению, и об этом, считала Ольга, уже всем ведомо. У Богомила теперь есть повод призывать на голову княгини Перунов гнев. Что ж, Богомил и прежде не был с нею ласков. Да вот Перун уже немощен и не бросает молний с той силой, с какой они летали в дни её молодости.

Было у Ольги сожаление, что её дружина не останется той большой семьей, в которой ей и верной Павле бывало так хорошо во время дальних походов. Но и с этим можно смириться. Где уж ей в седло, в ее-то годы. Со всем, казалось бы, можно смириться, однако с потерей сыновней любви материнское существо Ольги не хотело примириться. Она, как ни утешала себя, видела укоризненное лицо сына, его чужой и упрекающе — тяжелый не по возрасту взгляд. И совсем уже будет плохо, считала Ольга, ежели Свенельд укоренится за спиной Святослава. Под защитой великого князя Свенельда не взять. Одно оставалось в этом противостоянии — положиться на ясный ум юного князя, на мудрость его кормильца Асмуда. Настораживало то, что и Асмуд станет теперь относиться к ней по — иному, чем прежде.

Устав наматывать бесконечную нить размышлений, Ольга позвала Павлу. Боярыня пришла не одна. За нею увязалась десятилетняя отроковица, дочь Павлы, Малуша. Ольга любила эту девочку и надеялась оставить её при себе, как вырастет. Малуша была застенчивая, сдержанная и трудолюбивая. Она уже рукодельничала, вышивала золотой нитью пояса. К тому же Малуша была очень ласковая и красивая. Она унаследовала от отца голубые глаза, льняные волосы и величавую статью, высокий стан, от матери же — ровный овал лица, чувственные губы и спокойный нрав. Любуясь Малушей, Ольга будто на себя, юную, смотрела. Позже княгиня Ольга сурово накажет эту славную отроковицу и сошлет её в далекую псковскую деревню

Будутино. Пока же Ольга не предвидела этого и была с Малушей ласкова и щедра.

Девочка подбежала к Ольге и прижалась к её колену.

— Я рада видеть тебя, зорька ясная, — сказала Ольга и погладила Малушу по голове. — Тебя же, Павла, прошу о милости. Встань завтра чуть свет и поезжай в Вышгород, уговори приехать домой Святослава. Истосковалась по нему, сердцем изошлась.

— Исполню, матушка. До свету и уеду.

— И Малушу с собой возьми. Святославу будет веселее в пути.

— А что ей, пусть погуляет.

— Еще накажи моим именем явиться в Киев Асмуду и Свенельду. И никаких им отговорок, — наказала княгиня.

— Так и передам.

— Теперь же проводи меня в опочивальню, отдохнуть хочу. Завтра день вельми тяжелый грядет.

Княгиня Ольга как в воду смотрела. Лишь только проснулась она, как вернулась из Вышгорода боярыня Павла. Приехала без Святослава. Не отозвались на повеление княгини Свенельд и Асмуд. Павла мучилась сознанием того, что не выполнила волю княгини, сгорала от стыда и ещё в пути думала не показываться ей на глаза. Как приехала она в Вышгород, сразу побежала искать Святослава. И не нашла. Свенельд сказал ей: «Пусть матушка княгиня не ждет Святослава. Говорит великий князь, что не скучает по до му». Павла попыталась выяснить сама причину, коя удерживала князя в Вышгороде. Но Свенельд сказал, что князь с отроками далеко в поле. Асмуд тоже был немногословен, но пообещал: «Ты, боярыня, поезжай в Киев, а я князя найду и ежели уговорю, то явимся к матушке княгине». И Павла, питая малую надежду на приезд Святослава, как вещало ей сердце, покинула Вышгород.

— Как я скажу матушке княгине о такой печали, — сетовала Павла.

— Так и скажи, что он плохой сын, — подсказала матери Малуша. Павла только тяжело вздохнула.

Однако Ольга не показала виду, что нежелание сына навестить её больно ударило по материнскому сердцу. У неё перехватило дыхание, закружилась голова, но она лишь закрыла глаза, недолго посидела так, и боль схлынула. Она спокойно сказала:

— Ладно, завтра увидимся, — и отпустила Павлу: — Умаялась, поди. Иди к себе.

Оставшись одна, Ольга пожалела, что нет с нею рядом отца Григория, кому так легко открывались душа и сердце. Но княгиня воздержалась позвать его. Пока ему должно быть в стороне от тех потрясений, кои близились в княжеских теремах. В этот же день Ольга привела все живое в движение в городе и на княжеском подворье. Во все концы города и за его пределы помчались гонцы. Княгиня Ольга повелела собрать всех вельмож и старцев градских, многих посадников и бояр из ближних к Киеву городов на большой совет, который иногда киевляне называли по-новгородски — вече.

Слух о предстоящем вече вызвал у киевлян на сей раз лишь праздное любопытство. Теперь уже многие знали, что княгиня Ольга взяла под стражу верховного жреца Богомила и приласкала священника из церкви Святого Илии. Язычникам — горожанам возмущаться бы, дескать, как это так, княгиня взялась притеснять верховного жреца и стакнулась с христианским попом. Они же остались к этому событию равнодушными. И в день, когда в гриднице собрался совет, лишь немногие киевляне пришли на площадь к княжеским теремам. А христиане и вовсе сидели по домам, потому как боялись, что идоляне вновь могут выплеснуть на них ненависть и ярость: теряли же те свою княгиню. Отец Григорий во время последних богослужений не раз призывал христиан, дабы вели себя смиренно и не давали повода идолянам творить православным гонения. Они выполняли наказ своего пастыря строго. Благословляя прихожан на мирный подвиг, он пел псалмы:

— Скорый в заступление и крепкий в помощь, предстани благодатью силы Твоя ныне, и, благословив, укрепи, и в совершение намерения благого дела рабов Твоих произведи...

Наполняя сердца прихожан мужеством, сам отец Григорий верил, что в Киеве скоро кончится время междоусобных браней, что христиане будут пребывать в покое от притеснений, что паства Господа Бога Иисуса Христа умножится. Верил он, что как только великая княгиня Ольга придет в лоно православной церкви, в жизни россиян наступит благодная пора. И отец Григорий в своих молитвах просил Всевышнего постоять за Ольгу в её нелегком борении на пути к христианству.

Путь великой княгини и впрямь был тернист.

В день совета в гриднице её ждали с нетерпением. Здесь стоял шум — гам, все говорили, и никто никого не слушал. Именитых людей собралось так много, что в покоях всем не хватило места. Они толпились на теремном дворе, заполонили княжеское красное крыльцо, теснились в сенях. Всех волновало одно: правда ли, что великая княгиня отступилась от веры отцов. Нетерпение собравшихся с каждой минутой нарастало. Они не помнили такого, чтобы князя не выходили на совет в назначенный час. Почему княгиня Ольга задерживалась? Почему не прискакал на теремной двор князь Святослав? Где верховный жрец Богомил и главный воевода Свенельд? Одни говорили, что великая княгиня Ольга в немочи, другие — что она выехала навстречу сыну Святославу, который был с дружиной в пути, где-то из Тмутаракани в Киев. Но толком никто ничего не знал.

Ольга же в эти часы пребывала у себя в тереме и страдала от нерешительности, никогда ранее ей не ведомой. И камнем преткновения был Святослав. Она ждала его с нетерпением, дабы покончить с неопределенностью отношений между ними. Она готова была отдать ему все бразды правления державой, соглашалась на то, чтобы рядом с ним встал правителем любой достойный сего муж. От князя Святослава же хотела получить лишь малую уступку: признание её права сменить веру отцов на новую, мило сердную, человеколюбивую и светлую. Она жаждала, чтобы Святослав по — сыновьи принародно сказал всего четыре слова: дарую матушке волю выбора. О, как жаждала Ольга услышать сие от любимого сына!

— Дарую матушке волю выбора, — шептала она, шагая по просторной опочивальне, словно надеясь, что они чудотворной силой долетят до слуха и сердца Святослава, а он донесет их до всех россиян.

Горя нетерпением, Ольга выходила в трапезную, в тронный покой, всюду смотрела в окна в надежде увидеть сына. Но Святослав не появлялся ни в Киеве, ни в теремах. И княгиня Ольга поняла, что сын не проявит к ней милости. Да и откуда ей быть у него, возвращенного в жестокой языческой вере. И Ольга пошла наперекор сыну. В ней проснулась жажда обрести свободу вероисповедания несмотря ни на что. И она избавилась от нерешительности и отправилась в гридницу.

Неизменная Павла, понимая состояние великой княгини, болея за неё всем сердцем, шла следом за Ольгой. И по их виду можно было сказать, что они идут на битву. Да так оно и было. Разве что с небольшим отклонением, потому как Ольга вначале хотела отдать себя на суд совета старейшин, а уж потом ринуться в бой.

Княгиня Ольга никогда не видела такого многолюдия на советах. Кинь яблоко — и оно не упадет на пол. гул зала она услышала ещё в тереме и поняла, что не должна проявить какую-либо робость. Она нашла силы выйти на помост, как выходила в прежние времена. Ольга появилась перед вельможами и старцами строгая, спокойная и величественная. На ней был великокняжеский золотой венец, плащ — корзно с золототканой сословной нашивкой, под плащом — бело — розовая туника с золотым шитьем, на ногах — красные сафьяновые полусапожки.

Ее приветствовали стоя, как повелось десятилетиями. Она опустила на трон, ставший близким, как живое существо. И все последовали её примеру, уселись, гул голосов стих, и наступила тишина. Все ждали слова великой княгини, надеялись, что она развеет все слухи и домыслы о ней. Собравшиеся хотели видеть Ольгу прежней матушкой, во всем им близкой и понятной. Она же была уже другая. И, сознавая это, Ольга уловила момент, когда ей нужно было встать и шагнуть навстречу своей новой судьбе. И она встала рядом с тронном, положила руку на подлокотник.

Она всегда разговаривала со своим народом только стоя. Обернувшись назад и увидев Павлу с высоко поднятой головой и ободряющим взглядом, Ольга вновь окинула взглядом переполненный зал и начала свою, как считала она, последнюю тронную речь. Но эта речь зазвучала в её устах твердо, уверенно, показывая правоту силу и убежденность сказанного, выстраданного и выношенного не за один час и день.

— Дети великой державы, русичи, слушайте все! В этом покое я встречалась с вами более сорока лет. Нынче эта встреча последняя, если так вам будет угодно. Знаю, несколько дней назад вы собирались здесь без меня, дабы осудить за отступничество от веры отцов и дедов. Откроюсь. После древлянской печали я потеряла веру в наших богов — кумиров. Я долго блуждала во тьме, источилась разумом и телом. Теперь же увидела неопалимый свет. Еще не ведаю, выйду ли к нему,

чтобы он осветил меня, но я пойду к нему так же упорно, как шла ко всему в жизни.

Я не зову вас за собою. Как придет время, пойдете сами. Я прошу у вас с низким поклоном только одного, и у сына своего, великого князя Святослава, прошу того же: дайте мне вольно идти к новой вере. Теперь же не говорю вам: не судите меня, да не будете сами судимы! Говорю твердо: судите меня, ежели есть в чем моя вина перед вами. Я готова принять от вас все справедливые удары!

И ещё не было ведомо собравшимся, сказала ли княгиня Ольга свое последнее слово, но поднялся из первого ряда молодой черниговский жрец Световид, страстный в вере и, сказывали, достойный ученик Богомила, такой же непримиримый и беспощадный к иноверцам и отступникам от веры. Сказал:

— Дочь Перунова, княгиня — матушка, ответь детям мироправителя, где есть верховный жрец Богомил? Сие первая вина твоя, что нет нашего вождя на судилище.

Княгиня Ольга приняла вызов, ответила:

— Тебе, Световид, рано похваляться дерзостью. Пусть старцы скажут свое слово, пусть бояре и воеводы упрекнут меня. Но отвечаю: куда умчал из Киева Богомил, спросите у воеводы Свенельда, ежели явится на совет. И свое скажу: завтра в сей час хранитель богов явится на Священный холм. Сие вижу! Слово за старцами.

И поднялся престарелый боярин Ингелот, который ещё сорок три года назад ходил с вещим Олегом на Царьград и там прикладывал руку к договору Руси с Византией. Это был всеми уважаемый старец. Он сказал, вскинув руку:

— Да не судима великая княгиня Ольга. Над нею один судья, бог Перун. Увидит вину её и поразит гневом. А ежели нет той вины и Перун не поразит ее, нам не взыскивать с княгини — матушки. С Олеговых времен при Игоре и Ольге Русь знает лишь одну битву, посрамившую нас. Сам был опален огнем греческим и бежал с поля брани. В иные годы Русь не знала позора. И ныне не ведает, и все благодаря вещей Ольге. Потому не судима она. Я первым палицу подниму на того, кто обвинит её в отступничестве от своих детей.

— Верно! Верно! — зашумели воеводы и бояре Олеговой поры — почтенные старцы при Ольге. Их поддержали сыновья, тоже бояре уже почтенного возраста.

И только те, кто по родству и свойству был близок с воеводой Свенельдом, кто шел от рода Синеуса, брата Рюрика, только те продолжали настаивать на осуждении Ольги.

— Вера отцов превыше всего! Ольга — отступница! — послышался крик из глубины гридницы.

Но и иной твердый голос прозвучал:

— Благо народа — венец невинности!

Княгиня Ольга все ещё стояла близ трона и следила за перепалкой с прежним спокойствием. Тех, кто выступал против нее, было мало. И вскоре все противники Ольги поняли тщетность своих усилий и согласились, что великая княгиня Ольга неподсудна.

Однако сама Ольга была строже к себе. И осудила бы себя за то, что так поздно прозрела, что так долго носила в себе жажду кровной мести, мирилась с теми, кто во имя веры отцов предавал смерти невинные жертвы, с тем, что не обличала язычества — великое зло и бедствие славян. Сколько их, невинных, по всей Руси, обливаясь кровью, падали на жертвенные камни, к ногам идолищ. За многое она осудила бы себя. Народ же видел в великой княгине иное начало и любил и берег её во благо Руси. Ольгины уставы продолжали жить. Ольгино миротворчество торжествовало на Руси.

Видел ли сие народное обожание великой княгини её сын Святослав? И теперь, когда в гриднице все склонялось к тому, чтобы дать княгине волю выбора веры, её обуревало одно желание — услышать слово сына Святослава. Ей казалось, что слово великого князя будет самым весомым в том многословии, которое звенело — перекачивалось на совете.

Но великий князь Святослав, отрок по тринадцатому году от рождения^ так и не нашел в столь важный для матери день свободного часу и не появился в Киеве, дабы защитить свою матушку.

Да в том он не был виновен.

Глава восемнадцатая

СВЯТОСЛАВ

Тысячу проклятий обрушил воевода Свенельд на голову Претича, когда тот оставил его на площади пред храмом Святого Илии. В короткие минуты он понял, что в Киеве ему ничего не приобрести, кроме позора, что с полусотней преданных ему воинов он сможет защитить только свою честь, но не жизнь. И он понял, что ему немедленно надо покинуть стольный град. Он дернул за поводья коня, примчал к заслону, выставленному Претичем, и с ярОСТЬЮ крикнул:

— Дорогу, отступники!

Воины Претича с неохотой уступили ему путь. Он же готов был выхватить меч и порубить всех, кто бы попытался его задержать. Но, приберегая силу и ярость на более важный час жизни, Свенельд только ругался. Воины Претича, наконец, посторонились, и главный воевода ускакал к своим отрокам и гридням и повел их к теремному двору. Он ещё не знал, что делать. Первое побуждение — покинуть город — отступило перед иным желанием — послать немедленно гонцов в Белгород, дабы подняли там в седло дружину и привели в Киев.

О, имея под рукой пять тысяч воинов, он бы навел порядок в стольном граде, защитил бы капище богов от новоявленной назарянки. Он был уверен, что княгиня Ольга, едва сменив веру, разрушит капище, сбросит на землю Перуна и других богов, предаст их огню. Он готов был поклясться, что Ольга начнет гонения на бояр, воевод, на всех, кто станет для неё иноверцем. Как тут не позвать дружину?

Но над жаждой встать стеной, подняться с дружиной против великой княгини довлело более здоровое желание скакать в Вышгород и искать защиты под крылом, правда ещё слабым, великого князя Святослава. Как сожалел Свенельд, что князю Святославу всего тринадцать лет, что он ещё не наделен всей полнотой великокняжеской власти. Она в руках у его матушки — правительницы державы.

Окончательное решение созрело у Свенельда на пустынном теремном дворе. Он не увидел здесь никого, кто какой-то час назад

осуждал Ольгу и слал на её голову проклятья. Таких в гриднице было немного, но и они были нужны Свенельду. Теперь же они поспешили убраться в свои палаты, спрятаться за крепкими тынами. Оставались в княжеских теремах лишь те, кто чтит княгиню Ольгу и готов был защищать её честь. С ними Свенельду не о чем было разговаривать, и он пришел к выводу, что его судьба уже там, в Вышгороде. Встанет он твердо за спиной великого князя — оставаться ему первым воеводой на Руси, не успеет или не сумеет встать — можно отправляться вслед за теми воинами, коих изгнал он из Руси.

Ни зимняя ночь, ни крепкий рождественский мороз не явились помехой для закаленного в походах Свенельда. И он помчался туда, где было у него место для отдыха, сугрева и размышлений.

Появившись в городе, который принадлежал княгине Ольге и был всего лишь отдан сыну для военных потех, Свенельд почувствовал себя как дома. Была уже полночь. Лишь стражи не спали. Свенельд отправил воинов в казармы отдыхать, сам поднялся в терем, разбудил Асмуда. Старый воевода был легок на подъем. Он повел Свенельда на кухню, там накормил его, напоил, согрел. И они ещё долго просидели за чашей хмельного, пока Свенельд не рассказал о событиях минувшего дня.

— Все шло, как задумали, — начал рассказывать Свенельд, — пока не предал нас воевода Претич. На совете мы решили послать в Берестово Богомила с воинами, там взять назарея Григория в хомут и предать его смерти на жертвенном камне за колдовство над великой княгиней. И я отправил с Богомилом пятьдесят воинов. А мы двинулись изгонять из Киева всех прочих назареев. Мы думали сровнять с землей их жилища, разрушить храмы, дабы духу их не было на Руси. Но Претич опередил нас. Он встал со своей дружиной на нашем пути и остановил нас числом. Я был оскорблен и унижен Претичем и его тысяцким Блу дом. Да Свенельд обид не прощает. — И воевода сжал крепкий, большой кулак и потряс им.

— Но что же ты не послал за дружиной в Белгород? — спросил Асмуд, — Там у тебя такая сила!

— Сие безрассудно. Сеча, коя возникла бы, ни тебе, ни мне блага не принесла бы. Даже если бы мы побиили Претича.

— То так У Претича под рукой великокняжеская дружина. Хорошо, что об этом не забыл, — заметил Асмуд.

— Потому и отпал Белгород, потому и сюда прискакал.

— И что же теперь? — Асмуд налил из енды вина в чаши, медленно пил из своей и ждал, когда Свенельд ответит.

Но главный воевода не торопился с ответом. Даже Асмуду, близкому человеку, он не мог сказать того, чего желал добиться. Одно дело — осудить княгиню Ольгу за отступничество от веры предков, попытаться образумить её и вернуть под крыло Перуна. И совсем другое дело — избавить её от тягот правления державой. А уж если быть правдивым, то втайне Свенельд вынашивал желание встать самому правителем великой Руси при малолетнем князе. Но для этого, как считал Свенельд, нужен другой расклад сил. А то ведь все для него может кончиться потерей живота. Асмуд ждал ответа, покашливал. И изворотливый ум Свенельда нашел ответ. И был он прост, как льдина на плаву. И в то же время скрытен: поди разгляди, что у той льдинки под водой, а там немалая толща скрывается.

— А ничего. Вот приехал в Вышгород, буду ждать Богомила, мечами звенеть с молодым князем да на зайцев ходить. Еще князя будем с тобой учить, чем сильны в военной справе.

Асмуд одобрительно покивал головой, согласился:

— Иного и я не вижу. Да помни: словом не вольничай с князем. Он хотя и отрок, но цепок матушкиным умом. Зорко видит лесть и лицемерие. Норовом крут, поднимается и силу свою осознает. Да и что говорить, великий князь в нем уже высветился.

— Верю, воеводушка — кормилец. Токмо при нашем старании слепим из молодого норовистого скакуна и для себя что-нибудь полезное. Ты да я, мы тоже — сила.

Ночь давно покатила к рассвету, а два воеводы сидели в теплой кухне и вели тихую беседу, — коей и конца не виднелось. Да все пытались угадать, удастся ли Богомилу исполнить волю старейшин и покарать назаря Григория.

— Отдаст ли княгиня сего утешителя Богомилу? Как бы не обожгла она жреца, — выразил сомнение Асмуд.

— Возьмет силой. Богомил на то способен. К тому же с ним Сфагел, воин беспощадный, а за спиной у них пятьдесят воинов.

— Оно так. Да пойдут ли они против княгини?

— Знамо, не пойдут, но её воинов разметают. Богомил больше нас с тобой ведает и видит, чем грозит державе отступничество Ольги. Он

знает, что она уйдет не одна. Восемнадцать боярынь при ней стоят, восемнадцать бояр по каморам в теремах княжеских сидят. Не поведет ли она их всех за собой? Им ой как трудно расстаться с теплыми-то княжескими палатами. А за теми боярами и боярынями их дети, зятья, невестки, тещи, свекрови стоят. Вон они куда корни-то тянутся, под весь Киев. А там ещё челядь, дворня, смерды, приписанные к княгине и боярам, — прорва, тьма. Сей камнепад Богомил зрит. И потому решится на крайности, лишь бы не остаться единственным язычником на всей Руси. Он и Ольгу заставит отступить от Григория. Верю в то!

Но пока Свенельд мог только опереться на свою веру, на свое желание и видел ход берестовских событий так, как ему хотелось их узреть. Наконец затянувшаяся беседа завершилась. Асмуд и Свенельд ушли спать. Да сон их оказался коротким.

Юный князь Святослав просыпался в любое время года очень рано. Даже в зимнюю пору вставал ещё при звездах. И едва он покидал теплую постель, как все в княжеском тереме приходило в движение, потому как было правило: князь проснулся, встал — и всем быть на ногах. В любой мороз, в метель, в иную непогоду князь бежал на двор и там, скинув исподнюю рубаху, купался в снегу, растирал грудь и спину докрасна, бегал, прыгал, с мечом кружил, дворовую челядь пугая, и румянолицый, возбужденный, возвращался в терем, шел в трапезную. Там его ждал прямо-таки скупой завтрак: блюдо горячей полбы, холодное мясо, сухие лепешки, кубок сыты. Иногда все это разнообразилось немного, на стол подавали зайчатину или птицу. Но сам князь к переменам блюд относился неодобрительно. Он питался как воин в походе — не больше. И никакие уговоры, примеры не помогали придворным изменить принятый князем образ жизни. Он поднимался истинным воином. И все отроки, кои стояли при нем, не знали иной жизни, иной пищи, иного поведения, нежели князь. А кто позволял себе лишнее или пытался избавиться себя от тягот воинского быта, тот изгонялся из княжеского окружения.

— Уезжай в Киев, живи при кормилице, — говорил Святослав нарушившему принятый порядок. Потому при нем оставались мужественные, стойкие отроки, не требовательные к пище и быту будущие воины.

После утренней трапезы вся княжеская молодая орава бежала на конюшню. Святослав холил — лелеял своего боевого коня. И все

отроки старались не отстать в прилежности от князя. Шерсть на его гнедом жеребце Быстром лоснилась, переливалась и сверкала под лучами зимнего солнца. Конь был некрупного сложения, сухощавый, горячий, но послушный, потому как знал властный нрав своего хозяина.

В рубленых конюшнях, где стояли кони Святославовой дружины, было чисто, тепло. Упряжь, седла — все лежало на раз отведенных местах.

Закончив чистку коня, князь задавал ему овса, и отроки то же делали, и пока кони хрумкали овес, князь собирал отроков в центре конюшни и вместе с ними обсуждал занятия на текущий день. Спустя час или больше князь брал свое боевое оружие, выводил Быстрого из конюшни, легко поднимался в седло, ждал, когда дружина встанет за спиной, и со словами «Князь пошел, дружина за мной!» покидал теремной двор и Вышгород. Пять — семь верст проходили молодые воины легкой рысью. Достигнув зимнего леса, князь останавливал полусотню и на опушке начинались военные игры. Воины пускали стрелы в цель, копьа — кто дальше.

Князь мало кому уступал в ловкости и силе, в меткости, а его копьё летело дальше, чем у других его сверстников. Святослав помнил Древлянскую землю и свой первый бросок копьа под Искоростенем, когда оно упало в ноги коня. Того уже больше не повторялось. Выездка коней, метание копий и стрел завершалось где-то к полуденной трапезе, а случалось и позже, уже в сумерках короткого зимнего дня. Возвращались отроки в город румяные, веселые, усталые и голодные. Тут уж и Святослав забывал порой о своей сдержанности, съедал полное блюдо кулеша и дичи всякой зимней не чурался, ел и многое другое отведывал, запивая полными кубками сыты. Все закусывал яблоками, виноградом, привезенными по осени с острова Святого Еферия, что лежал в устье Днепра.

Завершив сытную трапезу, князь уходил в опочивальню и спал не более двух часов. Так уж было заведено в княжеских теремах, что после полуденной трапезы все спали. Вечерами же Святослав, в какой раз неведомо, просил Асмуда рассказывать о военных походах, да прежде всего о походах князя Олега на Царьград и на хазар, потому как сам мечтал повторить то, что сделал князь Олег и чего не удалось отцу, князю Игорю. Святослав наделял вещего Олега богатырской

силой, смелостью и былинной неустрашимостью. Юный князь без сомнения верил в то, что Олеговой дружине было посильно поставить ладьи на колеса, поднять паруса и с помощью ветра двигаться всем флотом к Царьграду, повергая в ужас врагов. Как юный Святослав завидовал князю Олегу, который приводил в священный трепет самих гордых и бесстрашных греков. И щит Олегов на воротах Царьграда князь Святослав видел воочию, словно сам его прибывал.

Но не только былинное повествование Асмуда покоряло воображение юного князя. Многожды ему были прочитаны договора князя Олега с греческими царями Леоном, Александром и Константином. За каждой строкой этих договоров Святослав видел мощь Олеговой Руси. Сие утверждалось уже в первом договоре, где было сказано: «Греки дают по 12 гривен на человека, сверх того уклады на города Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск, Ростов, Любеч и другие, где властвуют князья, Олеговы подданные». Святослав помнил Олеговы договора от первого и до последнего слова и гордился своим прадедом.

К отцу же, великому князю Игорю, у сына было более чем прохладное отношение. Не мог Святослав понять того, как это дружина взяла верх над князем, заставила его собирать дань сверх всякой меры. «Знать, татей в дружине было много», — считал Святослав. Повзрослев, князь в полной мере осознал попустительство отца. Оно стоило ему жизни. Но и не только ему, пали сотни воинов дружины, погибли тысячи древлян. И все лишь потому, что князь Игорь дал волю дружине утолить волчий аппетит. Да и не всей, а только части алчных.

Чистый помыслами и делами отрок Святослав, узнав истинное течение событий в последние годы жизни князя Игоря, невзлюбил не только отца. У него родилась неприязнь к воеводе Свенельду. Дошли же до Святослава через многие уста слова воинов, кои сказали князю Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы». И послушался их Игорь — пошел к древлянам за новой данью и прибавил к прежней вдвое, и «творили насилие над ними мужи его». Узнал Святослав ещё многую правду о походе отца в Древлянскую землю. И видел не только вину отца за причиненное древлянам горе, но и вину Свенельда, здравствующего ныне. Затаил князь — отрок

обиду на первого воеводу. Да напрасно, как сам скажет позже. Выплеснул бы её в лицо лиходею и легче было бы, и новое зло не свершилось бы по воле Свенельда. А быть ему через многие годы. Не придет Свенельд с дружиной на днепровские пороги, дабы спасти князя и его малую дружину от орды печенегов князя Кури. Не страдая совестью, но по злему умыслу, берегом Днепра, минуя орду, уйдет он в Киев и поступит на службу к князю Ярополку[9]*, сыну Святославу.

*[9]Ярополк Святославич (?—980) — Великий князь Киевский в 972-980гг. Погиб во время междоусобной войны со своим братом Владимиром Ярославичем.

Того князю Святославу не дано было знать. А пока он мирился с воеводой Свенельдом, потому как видел в нем лучшего воина своей державы, достойного милости за прежние промахи.

Ссора между князем и воеводой вскоре все-таки вспыхнула.

Утром, после Рождества Христова, в Вышгороде близ княжеского терема остановились крытые сани, запряженные парой белых, резвых коней. Не без труда из саней выбралась боярыня Павла, а следом выпорхнула Малуша. Павла знала, что в палатах уже никто не спит, и прошла в трапезную. Там сидели Асмуд и Свенельд.

— Вы-то мне и нужны, голуби, — сказала Павла.

— Вкуси с нами пищи, а потом уж и зови к ответу, — предложил Асмуд.

— Вот разве что Малушу чем попотчуете. А мне-то вроде бы и некуда. — Павла не обижалась на свою полноту, подсмеивалась над собой, — Эко меня вширь понесло. Те перь и в седло не могу подняться. Да то побасенки. Вам же, воеводы, в Киев пора. Матушка княгиня вече собирает. Совет держать. И вас, и князя Святослава требует.

— Великий князь уже в поле с дружиной, ратной справой занят, — сказал Асмуд.

— Так пошлите за ним. Срок вам малый отпущен на сборы, — потребовала Павла.

— Ладно, боярыня, не гони нас, успеем ко времени, — отозвался Свенельд и спросил: — Ты лучше скажи, когда княгиня вернулась из Берестова и зачем бояр, воевод, старцев зовет на совет?

— Эх, воевода, ты все лучше меня знаешь. А я по простоте бабьей ничего не ведаю. Велено позвать вас, вот и...

— Полно, боярыня! Никто, кроме тебя, не ведаёт, чем матушка княгиня дышит. Вот и открой, — настаивал Свенельд.

— Сам у неё спросишь, — строго сказала Павла, — а мне некогда воду в ступе толочь. Где там князь? Сама его найду. Малуша, за мной! — позвала Павла дочь, уходя из трапезной.

— Тебе не найти его, Павла, — крикнул вслед Асмуд, — Вот Свенельд готов за ним на коне отправиться. — И Асмуд побудил его: — Иди, воевода, за князем. Ноне он у дубовой роши.

Свенельд был рад этому поручению. Он понял, что в Киеве, а ещё раньше — в Берестове, случилось то, чего он никак не мог ожидать. И, судя по поведению Павлы, все шло там не в его, Свенельда, пользу. Похоже, что княгиня Ольга явилась в Киев на щите. Богомил же если и вернулся, то битый. А может быть, и того хуже, придавила его Ольга своей тяжелой рукой так, что не выползет из Берестова. И, знамо дело, Богомил не будет тонуть один, а его, Свенельда, ухватит за собой. И настал час постоять за себя. Не дожидаясь, пока приведут ему коня, сам поспешил на конюшню, оседлал своего скакуна и наметом умчал из крепости в чистое поле. Да по следам, по следам пустился к группе всадников, маячивших на окоеме. Хотя отроки и шли быстро, Свенельд догнал их.

И вот уже воевода бок о бок с князем Святославом.

— За тобой явился, князь — батюшка, — сказал воевода.

— В чем нужда? — спросил князь.

— Матушка в Киев зовет не мешкая.

— Мне вовсе туда неохота.

— Ты как выслушаешь меня, так поймешь, что неотложно там должен быть, князь — батюшка.

— Ну говори, — Кафтан на князе нараспашку, шапка чуть держится на макушке, смотрит задорно, лицо в румянце.

— А вот как повернешь в крепость да отроков оставишь здесь, так все и поведаю.

— Быть по — твоему, — ответил князь, повернулся к отрокам и приказал: — Рулав, веди полусотню на справу, а я — в крепость, — Князь взял путь на Вышгород и повел коня шагом.

Минуты две князь и воевода ехали молча.

— Говори же, мы одни! — потребовал Святослав.

— Трудно слово вымолвить, батюшка князь, сердце останавливается. А сказать вынужден. С матушкой твоей случилась беда.

Щеки князя медленно побледнели. Сорвавшимся голосом спросил:

— Какая беда? Она жива?

— Жива и здоровствует. Да уж лучше бы, чем так...

— Что — так? Зачем терзаешь, воевода? Зачем? — сорвался Святослав, — Говори прямо!

— Прямо и скажу, а там казни! Твоя матушка уходит от нас.

— Куда? Зачем?

— Она отреклась от нашей веры, князь — батюшка, и уходит к назареем.

— Кто такие назареи?

— Она уходит к христианам! К тем, что живут близ храма Илии! — закричал Свенельд в ярости.

— Ну и что? — не удивился и не возмутился князь, — Моя матушка уже стара, и ей вольно делать то, что влечет, — спокойно рассудил князь и даже усмехнулся, — Ну и перепугал же ты меня, воевода.

И разразилась в груди Свенельда буря брани и негодования. На себя, на князя — малое же дитя, который не понимал, что случилось непоправимое. И Свенельд взорвался, забыл, что рядом с ним великий князь. Он закричал, словно на смерда:

— Как ты можешь смеяться?! Она же продает веру твоего отца!!! Нашу с тобой веру! Веру твоей дружины! Да ты, я вижу, ещё дитя умом, хотя в седле хорошо сидишь! Надо мчать в Киев и всех назареев вон из города! И матушку ты должен обуздать своим великокняжеским словом! Тебе пора встать у кормила державы, а матушке твоей время идти за своим супругом! Время! За мной же, князь! За мной! — И воевода помчался к городу.

— Стой! — крикнул голосом мужа Святослав. Он пустил своего скакуна наметом и вскоре обогнал Свенельда, преградил ему путь. — Стой, воевода! — И для пущей важности Святослав обнажил меч.

Свенельд осадил коня.

— Убери меч, князь, не гневи бога!

— Слушай же, воевода! — Князь с силой послал меч в ножны, — Слушай! Я тебе долго верил и чтил, как отца. Теперь же конец сему. Ты оскорбил великого князя. Он уже не дитя ни умом, ни силой, но воин. Великий князь понимает, что ты, воевода, пытаешься подмять мою матушку под себя и встать за моей спиной правителем. Ждал ли ты сие услышать? Вижу, что не ждал! Слушай еще. Ни я, ни ты в Киев не поедем. Судить великую княгиню не будем. И сего я никому не позволю. Напомню тебе слова учителя мудрости Ингелота: простые смертные не судят великих князей, над ними один судья — мироправитель. Потому говорю: ежели не желаешь себе худа, седи в Вышгороде, служи исправно своему князю. Да будь исправен в ратном деле — урок тому в упрек тебе — невзятый Искоростень. Большого от тебя князь не требует, — Святослав рванул поводья, конь от неожиданности взвился на дыбы, заржал и галопом помчал князя к отрокам, кои кружили в полуверсте.

Свенельд ударил кулаком по луке седла, бросил на неё поводья, поплелся в Вышгород. Он чувствовал себя скверно и не было никаких желаний, разве что с досады выпить ендову хмельного. Он так и поступил. Вернувшись в княжеский терем, спустился в подвал и прямо у бочки выпил большой деревянный ковш вина, пробрался в свой покой, упал на ложе и уснул. И надо отдать должное этому варягу. Он надолго запомнил сей урок Святослава. И у великого князя многие годы не будет повода упрекнуть Свенельда в нерадивой службе. Он оставался наемником и помнил, за что государи платили ему деньги.

Глава девятнадцатая

ВЫБОР СДЕЛАН

На другой день после бурного совета в гриднице княгиня Ольга отправилась в Вышгород. Павла накануне так и не узнала причины, по которой князь Святослав не приехал на зов матери. Теперь она сама ехала к сыну. Семь верст от Киева до Вышгорода птица изок пролетает за два взмаха крыла. Но и кони у княгини не уступали в быстроте той сказочной птице. Однако Ольге эти семь верст все равно показались длинными. И волнение её нарастало с каждой минутой, потому как она мчалась к сыну на исповедь. Сие слово, ранее незнакомое, пришло к Ольге от священника Григория. И видела она за этим словом не только признание в содеянном, но и убеждение в том, что сделанное ею есть осмысленный шаг на невозвратном пути. Как нельзя вернуться во вчерашний день, так и ей невозможно подняться на Священный холм и преклонить колени перед идолами. Они для неё уже чужие. Она уже на пути к новой вере, и только исход жизни мог прервать её движение в христианское царство. И теперь молила она истинного Бога об одном — о том, чтобы Он вразумил её сына не отторгнуть свою мать, не разрывать узы, связывающие их, понять её и продолжать жить в согласии и мире, как подобает любящим друг друга матери и сыну.

Примчав в крепость, Ольга не зашла в палаты и послала отроков искать князя, сама же осталась в санях. Отроки нашли князя в самом дальнем конце города, у крепостной стены, где он со своими будущими воинами занимался стрельбой из лука. Ольгины воины не помешали ему в занятии, лишь уведомили княгиню. И она отправилась в санях к сыну.

Увидев сани матери, князь Святослав положил лук на снег и побежал к саням. Не по возрасту прозорливый и чуткий, Святослав понимал состояние матери, коя примчала к нему и вышла из саней взволнованная и бледная. Он же знал, что лучшего утешения не найдет, да и слов для этого много не надо, как подойти к матери с улыбкой и сказать ей коротко самое главное — о своем отношении к

ней. Святослав так и сделал. Когда Ольга была уже близко, он подбежал к ней с улыбкой на лице, опустил на колени и, подняв улыбающееся лицо, сказал:

— Матушка, я все знаю. Иди, дерзай, а я люблю тебя!

Княгиня Ольга вздохнула, наконец, с таким облегчением и так ей стало хорошо, что она прослезилась. И опустилась рядом с сыном, на колени, и взяла его руки и прижала ладонями к своему лицу.

— Ты уже не отрок, великий князь, ты мудрый муж. Как я рада, как благодарна тебе за то, что снял с моей груди тяжкий груз сомнений. — И прижала голову сына к себе. — Спасибо, родимый.

Потом они встали и медленно пошли к княжеским палатам. Ни Ольге, ни Святославу некуда было спешить. Им встречались горожане и низко кланялись, а они никого не видели, и княгиня Ольга рассказывала о поездке в Берестово. Он же спросил, озабоченный чем-то другим:

— Матушка, а что в Киеве, спокойно ли?

— Наступил покой. Вчера же как в грозу бушевал с утра. Благо, что Богомила не было.

— Где же он?

— Был под надзором в Берестове. Ныне вернется. Потому, сын мой, прошу тебя побыть в Киеве со мной. Боюсь Богомила, страстью обуреваемого. Он же бунт может поднять.

— Богомил не смеет возвысить голос, — спокойно, но твердо сказал Святослав. — Но что вынесли старейшины? Разное слышал.

— Они благословили меня и дали волю.

— То так и должно быть. Ты заслужила сию волю, матушка. Но я еду с тобой, и никто не нарушит твоего покоя.

Княгиня и князь подошли к палатам. У входа их ждал воевода Асмуд.

— Ведомо мне, что Свенельд был в Вышгороде. Где он? — спросила Ольга Асмуда.

Но за него ответил Святослав:

— Я повелел ему быть в Белгороде, и вчера в ночь он уехал. Поведали мне, что там вновь тати шалят. Пусть укоротит их.

— Сие верно. Но почему Свенельд вчера на совет не явился? — обращаясь опять-таки к Асмуду, спросила Ольга.

Старый воевода понял, чего добивается Ольга, и опустил голову, молчал. Вновь за него ответил Святослав:

— Матушка, ты ни кормильца, ни воеводу не вини. Моя воля на то была не ходить им в Киев.

И снова в груди у Ольги проплыла волна радости, и подумала княгиня, что Свенельд все-таки дал промашку при встрече с её сыном, о коей её уведомила Павла. Потому-то и был ему запрет являться в Киев. И она сказала:

— И во благо, что не пустил Свенельда и Асмуда.

Святослав и Ольга вошли в терем, поднялись в трапезную. Там их ждала боярыня Павла возле накрытого стола. Княгиня и юный князь вымыли руки и сели к столу ря дышком. И снова Ольга порадовалась: давно она так не сиживала, с Игоревых времен. Началась трапеза. Но Ольга мало прикасалась к пище, все больше смотрела на сына. И было ей сладостно от мысли, что на Руси встает мудрый и сильный великий князь. И она поняла, что теперь самое время сказать ещё об одном очень важном своем желании.

— Я вот смотрю на тебя, сын мой, и думаю, что бы я тебе ни сказала, все ты понимаешь правильно. Открою тебе ещё одно мое желание и прошу не осудить. Вот как сойдут снега, Днепр отбушует вешними водами, так пойду в Царьград. Как ты на сие смотришь?

— Не пытаю, матушка, зачем тебе нужно быть в Царь-граде, но коль есть такая жажда, иди без сомнений. Мы же проводим тебя через печенегов.

— Я буду спокойна в пути: держава остается в крепких руках.

Однако здравые мысли приглушили радужное состояние Ольги. Ее продолжал беспокоить воевода Свенельд. Святослав неспроста придержал его в Вышгороде, пока в Киеве шел совет. Что там говорить, Свенельд мог бы учинить смуту в городе, проскакал бы со своими воинами по улицам с криками о том, что княгиня предала веру отцов, и город вздыбился бы. Теперь он от Киева удален, и вроде бы нет причин беспокоиться. Ан нет, в Белгороде при нем пять тысяч воинов. Вдруг дерзнет на междоусобную брань? Тем паче, что нынче в Киев вернется Богомил. С ним разговор ещё не завершен. Он вернется ещё более обуреваемый страстью наказать ее, княгиню, за отступничество.

И едва трапеза завершилась, Ольга сказала:

— Сын любимый, нам пора ехать. Много забот в Киеве. И вернусь я в город верхом на коне. Ты уж распорядись послать гонцов в Киев, собрать народ на площадях, да чтобы подали скакуна под седлом.

— Сможешь ли, матушка, в седле-то? — спросил обеспокоенно сын.

— Одолею путь. Да ноне в последний раз поднимусь на коня, — завершила Ольга.

Это не было прихотью княгини — прокатиться — покрасоваться на коне, нет, это являлось острой необходимостью. Ибо только так она могла подняться над Богомилом и оказаться ближе, чем он, к горожанам. Теперь не он пойдет на совет с ними, как поступить с человеком, предавшим веру отцов. Теперь она, великая княгиня, спросит киевлян, нужна ли им матушка государыня с иной верой. Знала она, что многие её осудят, будут просить мироправителя или его мать, великую богиню судьбы Мокош, чтобы она вразумила Ольгу наказанием, отняла у неё речь или память. Дабы устрашить княгиню, волхвы и жрецы призовут на её голову гнев всех богов, хранителей и защитников язычества. Старые бабы будут звать на помощь себе лихо одноглазое, кое высушит её в капустный лист. Но преодолевая суеверные страхи, Ольга не пошатнулась в седле и скакала впереди Святослава, дабы скорее достичь Киева, влететь на его улицы, как прыгают в холодную воду. Ольга готовилась к встрече с Богомилом и хотела, чтобы сия встреча случилась на площади близ храма Святого Илии. Пусть там Богомил призывает на её голову гнев богов. Ей под защитой храма они не страшны.

С такими мыслями Ольга примчалась в Киев. К этому времени её гонцы уже побудили киевлян выйти на улицы и встретить великую княгиню. И на всем пути, от крепостных ворот до княжеских теремов, улицы заполнили горожане. И на площадях былолюдно. Киевляне недоумевали, зачем их позвали, из домов повыгнали. Лица их были злые, хмурые. Знали же все, что великая княгиня Ольга, их матушка, отказалась от своих детей, потому как уходит в другую веру. И отныне ей ближе те, кто жил возле храма Илии. Что же ей надо от них, покинутых, осиротевших?

И вот великая княгиня остановила коня на перекрестке улиц. Она уже не воин, не та, что вела дружину на Искоростень. В лице нет суровости, глаза не сверкают гневом и ненавистью, какие в ту пору она

питала к древлянам. В ней больше того, что называют материнскими чувствами. Она слышала ропот горожан, видела, что не тянутся к ней, не кричат: «Слава великой княгине!» Нет, они насторожены, лица почти враждебные. Сами жмутся поближе к домам, к заборам, к воротам, готовые в любой миг бежать, дабы скрыться от глаз княгини, от её воинов, вооруженных мечами, копьями и луками. Да ждут терпеливо, что скажет великая княгиня. Уж не позовет ли своих подданных к новой вере? И позовет, поди, вон как ласково смотрит, как приветливо машет рукой, дескать, здравствуйте, детушки. Ан нет, не отступятся они от своей веры, им милы деревянные боги, их и поругать можно безответно, и ударить палкой, ежели истукан в избе стоит. А коль насильно попытаются загнать их в храм назареев, так лучше смерть принять, чем родителей предать.

Княгиня Ольга, похоже, испытывала удовольствие, рассматривая горожан. Она подъезжала то к одной толпе, сбившейся у открытых ворот, то к другой, кружила по перекрестку. И наконец, выехала на площадь, где киевлян было больше всего, где они стояли плотной толпой. Остановившись, Ольга привстала в стременах и громко, не властно, но миролюбиво, крикнула:

— Слушайте все! Слушайте! Вот я пред вами, великая княгиня, исповедуюсь. Пришел час искупать грехи прошлого, коих за мною много, потому как жила в заблуждении веры. Говорю вам, вижу ноне не ложного, но истинного Господа Бога, вижу его Сына, Спасителя нашего Иисуса Христа. Потому расстанюсь с язычеством, дабы ступить в лоно Христовой церкви!

И людское море забушевало, заревело гневно, волны его все ближе подкатывались к княгине Ольге, к воинам, кои были рядом с нею. Казалось, толпа вот — вот обрушит свой гнев, свою ярость на княгиню, сомнет её вместе с конем, растопчет.

Но встал в стременах великий князь Святослав и звонким, СИЛЬНЫМ ГОЛОСОМ Крикнул:

— Остудитесь, кияне! И слушайте князя!

Киевляне насторожились, у них пробудилось любопытство: что же скажет князь — отрок, может, и он вместе с матушкой отступился от веры великого князя Игоря? То-то рядом с ним нет Свенельда, стойкого Перунова воина.

— Говори, князь! — крикнул кряжистый киевлянин с черной бородой, опираясь на березовую дубину.

— Говорю! — отозвался Святослав. — Великая княгиня сказала не все! Слушайте её и не галдите, как на торжище!

— Подданные князей киевских, я не уйду от вас, я с вами, но я не нарушу ваших обрядов, вы вольны оставаться в Перуновой вере. Вот мой сын, великий князь Святослав, я не зову его к христианам. Он остается с вами и в вере. Под его знаменем пойдете на врагов, ежели они посягнут на Русь! Пока же мы десять лет пребываем в мире. Сохраним же его на рубежах державы и дома. Я люблю вас, дети мои, я с вами и не судите меня за то, что познала Христову веру.

Над площадью возникла разноголосица, похоже, что одни ещё оставались непримиримы к Ольге, другие же приняли её искреннюю исповедь милосердно. Знали же они, что в Киеве уже немало христиан, их соплеменников, кои живут мирно и тихо в трудах праведных, в поте лица добывают свой хлеб и всем, кто отрицает их и предан другой вере, они не мешают жить, не досаждают, не обличают их в идолопоклонничестве. И нашелся среди киевлян смелый торговый гость, купец по имени Прокл, который многожды ходил с товарищами в Корсунь и Царьград. Он поднялся на забор и крикнул:

— Россы, кияне! Хаживал я за море в Царьград, видел там, как живут христиане, видел их храмы. Скажу одно: благочестивый народ. Отпустим и мы матушку княгиню с миром. Да пусть в Царьград сходит, увидит там, к истинной ли вере идет! Вот тогда и спросим.

Тут же рядом с Проклом возник другой киевлянин, в драном сермяжном кафтане.

— Ты сам в ту веру метишь переметнуться. Ведомо всем, что на Священный холм не носишь приношений.

— Носил. Да Проклу от того мало проку. Сколько раз грабили в пути на тебя схожие, а Перуну и дела мало.

В сей миг в толпе горожан произошло сильное движение, будто ураганным ветром зашатало их. И возгласы накатывались все мощнее. И услышала великая княгиня одно слово: «Богомил! Богомил! Богомил!» И чувствовались в этих возгласах киевлян почтительность и восхищение. И было ясно, что толпа пойдет за верховным жрецом туда, куда он её поведет, и сделает то, что он повелит. Опасность приближалась к Ольге, накатывалась. У Богомила было основание

посчитаться с княгиней. И как упустить сей случай, ежели силы его с каждым мгновением прирастали. Богомил восседал на высоких носилках, кои несли на плечах четверо дюжих жрецов. Они остановились на противоположном конце площади, и, когда Богомил поднял руку, толпа утихла. И донесся его голос:

— Спрашиваю вас, дети Перуна, когда видите змею, что надо делать?

Над площадью прокатился гул, подобный грому, но недолго торжествовал, а как осел, то воцарилась первозданная тишина, потому как задумались киевляне. Поняли они, на кого намекал Богомил, крикнув о змее. Поняли они и то, что их призывают поднять руку на великую княгиню, на ту, с кем держава вот уже сорок лет благоденствует. Ее уставы знали все киевляне, вся Русь, они, эти уставы, защищали русичей от буйного произвола не только варягов, но и своих жрецов, алчных, ненасытных. Уставы Ольги позволяли вольно торговать, вольно заниматься ремеслами, хлебопашеством, охотой, рыбной ловлей — всем тем, чем они жили. А как все было осмыслено киевлянами, так они отвернулись от Богомила, который увидел в их матушке змею и теперь призывал их убить кормилицу. Нет, тому не бывать, сказали горожане. Но не успели защитить свою княгиню.

Едва разразилась новая буря негодования, теперь уже навалившаяся на Богомила, на своего духовного правителя, как со стороны Священного холма, оттуда, где сгрудились слуги Богомила, прилетела стрела. Она пробила ухо коня и вонзилась в луку седла, всего в нескольких вершках ниже сердца княгини. Конь взвился на дыбы, княгиня не удержалась в седле и упала на снег. Князь Святослав крикнул телохранителям:

— Поднимите матушку! — Сам же обнажил меч и ринулся туда, откуда прилетела стрела.

Толпа отхлынула с пути князя и его воинов. Вырвавшись на простор улицы, князь увидел убегающего человека и преследующих его горожан. Они настигли убегающего, повалили на снег. Тут же скрутили руки, подняли и повели навстречу князю Святославу.

— Вот он, злодей! — крикнул князю молодой русич, по обличью ремесленник.

Святослав занес меч, чтобы убить злодея. Но в этот миг поскакал воевода Претич и встал перед князем.

— Князь — батюшка, остановись! Пусть его осудит твоя матушка!

— Как можно? Сие злодей! — крикнул Святослав и потеснил Претича.

Но воевода стоял непоколебимо.

— Не он злодей, но тот, кто направил его руку. Сие вы с княгиней должны знать.

— Смотри, Претич, что не так — на тебе вина, — отозвался князь и убрал меч.

Той порой княгиню Ольгу подняли с земли. Падение её было удачным, и она ничего не повредила себе.

— Ведите меня к Богомилу. Где он? — спросила Ольга телохранителей.

Верховный жрец продолжал сидеть на носилках. К нему приближались с одной стороны княгиня Ольга, с другой — князь Святослав.

Увидев княгиню, Святослав крикнул ей:

— Матушка, вот злодей, пославший в тебя стрелу. Повели, и мы убьем его.

— Пусть он подойдет ко мне, — попросила княгиня.

К Ольге подвели худого черноволосого человека со звероватым взглядом. Она узнала его, не раз видела на Священном холме, где он прислуживал жрецам.

— Знаю, тебя зовут Светомил. Зачем ты пустил в меня стрелу? — спросила княгиня.

Услужитель по — волчьи глянул на княгиню и зло произнес:

— Убейте меня! Хочу на алтарь!

— Зачем тебе умирать? Ты молод, и я прощаю тебя. Скажи лишь, кем послан, дабы лишить меня жизни, и я отпущу тебя с миром.

— На алтарь хочу! Убейте же! — снова крикнул услужитель.

— Воевода Асмуд, вели подойти сюда Богомилу, — попросила Ольга.

Асмуд добрался до Богомила, взялся за край носилок, потянул их на себя. Богомил отвернулся от Асмуда.

— Зреть не могу прислужников гремучей змеи. Уходи, пока не ожег гневом, — зло произнес Богомил.

Асмуд попытался уговорить Богомила поговорить с Ольгой, но вернулся к княгине ни с чем. Он передал ей все, что услышал от жреца. В душе у княгини Ольги вспыхнул гнев, и она уже готова была послать за Богомилом воинов, чтобы привели силой. Но в сей миг тьму, помутившую разум, прорезал солнечный луч, и она увидела лик Григория и услышала его слова: «Будь милосердна к врагу! И Бог воздаст тебе!»

— У него есть причина сердиться на меня, — ответила она Асмуду и сама направилась к Богомилу. Воины повели следом злодея.

— Поставьте носилки на землю, — повелела Ольга жрецам.

Те переглянулись и посмотрели на Богомила. Он дал знак опустить носилки. Ольга спросила Богомила:

— Ответь мне, жрец Богомил, почему он хотел убить меня?

— Я спрошу, — ответил Богомил, даже не подумав встать перед княгиней с носилок, кои стояли на невысоких ножках — Отвечай, Светомил, почему ты не убил княгиню Ольгу? Ты не исполнил волю Перуна.

— Хочу на алтарь! Убей же меня, верховный жрец! — стоял на своем услужитель с чуждым ему именем Светомил.

— Ты умрешь до полуночи сегодня же, — ответил Богомил и посмотрел на Ольгу. — Довольна ли, великая княгиня? Теперь ты знаешь, кто направлял руку Перунова слуги.

При ясном свете морозного дня Ольга увидела в глазах Богомила такую ненависть, какой даже в пору кровной мести не испытывала к врагам. Она поняла, что, бросив открытый вызов ей, государыне, верховный жрец не думал о последствиях, потому как не страшился смерти. Увидев на своем веку тысячи смертей, он давно уже не страдал чувством жалости ни к людям, ни к себе. Знал же он твердо и другое: посягнув на его жизнь, Ольга восстанавливала против себя всю языческую Русь. И найдутся тысячи и тысячи сынов мироправителя Перуна, подобных Светомилу, которые, не дрогнув, отдадут свою жизнь за веру и пошлют более меткие стрелы в отступницу. И Ольга поняла все, чего добивался Богомил. Снова в её груди всколыхнулся гнев. О, она сумеет наказать этого супротивного ей человека за то, что возомнил себя и вознес выше великокняжеского чина. Она скажет сейчас подданным доброе слово и уйдет в терема. Богомилу же после

сего жить до полуночи. Ибо никому не дано безнаказанно поднимать руку на государей.

Но вновь усмирила свой гнев великая княгиня. Она вспомнила, как молитву, слова Нагорной проповеди, которую многожды повторял ей отец Григорий и заставлял запомнить: «Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» И Ольга сказала Богомилу:

— Всевышний защитил меня от твоей стрелы. И ты прощен. Иди с Богом на свой холм и сохрани жизнь служителю Светомилу, — Ольга возвысила голос и говорила не только Богомилу, но всем, кто стоял близ неё и поодаль: — Я хочу мира в Киеве и в державе, хочу благоденствия моих детей, Перуновых ли поклонников, христиан ли. Потому слушайте, дети мои, последнее. Вы вольны в своих чувствах, в своей вере. Дайте и мне волю!

И всколыхнулась площадь, и покатилося над ней волнами. И вылилась в улицы, в переулки полуденного Киева, все волнами, волнами: «Волю княгине! Волю княгине!» Ольга смотрела на горожан, на площадь, кою заполонили киевляне, и куда-то дальше, в неведомую даль, и по её лицу катились слезы. Она вольна! Русь благословила ее, утолила жажду страдающей души. «Господи милостивый, Тебе мое благодарение!» — воскликнула она в душе.

Княгине помогли сесть на коня, и она медленно поехала к своему подворью, до самых теремных ворот сопровождаемая людским морем, над которым, как прибой, звучали два слова: «Волю княгине! Волю княгине!»

Удивленный всем увиденным и услышанным, князь Святослав молча и почтительно ехал за матушкой. Такой сильной и такой мудрой он ещё не видывал ее.

Глава двадцатая

ИДУ В ГРЕКИ

Все, что случилось в Киеве на сплошной седмице перед Крещением Господним, было ведомо отцу Григорию из рассказов прихожан, кои побывали на городских улицах в день встречи Ольги с киевлянами и жрецом Богомилом. И первым побывал у него купец Прокл, который был очевидцем тех событий. Он рассказывал с жаром и восхищением:

— Матушка княгиня не дрогнула и в тот миг, когда стрела ударила в коня и поразила животину. Ольга упала на снег и тут же поднялась, пошла на Богомила, токмо меча не успела взять в руки.

Восхитился её подвигом и отец Григорий, но не тем, о каком рассказывал Прокл, а иным, более значительным: она завоевала сердца россиян, она заслужила благословение народа и теперь путь к новой вере для неё открыт. Григорию было отрадно, что княгиня Ольга сожгла за собой мосты, связывающие её с язычеством. И теперь его долг стать пастырем ринувшейся в неведомое. Он знал, что такому большому кораблю, как великая княгиня Ольга, плавание в море неведомого не страшно. И все же он хотел быть рядом. Он удивился тому, что Ольга не наложила опалы на Богомила, и был уверен, что верховный жрец скоро забудет сию милость и вновь восстанет против Ольги. Наверное, он тайно будет собирать свою языческую рать и ждать часа, когда можно будет нанести ей удар — открыто ли, тайно ли, — но всегда коварно. Богомил не будет с этим считаться, ему неведомы законы справедливости, нравственности.

Отец Григорий счел себя ответственным за жизнь княгини Ольги, потому как был уверен, что благодаря ему в ней открылась жажда припасть к чистому источнику христианской веры. Защитить Ольгу от внешних напастей — вот его святой долг. И ещё он должен дать ей очень важный совет. Григорий хотел, чтобы великая княгиня приняла православную веру от руки первосвященителя христианства патриарха Византийского Полиевкта.

Размышляя о судьбе великой княгини, отец Григорий ощутил острое желание немедленно идти в княжеские терема. В нем пробудилась уверенность, что его там ждут. Еще сомнения закрадывались в душу, но он не дал им воли, не мешкая оделся и покинул храм, наказав у ворот службе Микуле быть в бдении:

— Ноне тати в угаре, сын мой.

Предчувствия не обманули отца Григория. На красном крыльце он был встречен боярыней Павлой. Поклонившись, она повела его в приемный покой.

— Токмо что говорили о тебе, святой отец. И матушка княгиня желает видеть тебя, — сказала Павла, пока поднимались по лестнице.

Как всегда, в княжеских палатах былолюдно, а с появлением князя Святослава даже тесно. Отца Григория одни приветствовали поклонами, другие смотрели на него, словно на диковинку. Он шел мимо вельмож с ласковым взором и плавно покачивал головой. Наконец боярыня Павла привела Григория в покой, где не было ни души. Не успел он осмотреться и отмегить, что в этом покое царил византийский дух — он был обставлен мебелью диковинного для Руси вида князем Олегом, — как открылась малая боковая дверь и появилась княгиня Ольга. И вновь, как в дни пребывания в Берестове, Григорий почувствовал волнение.

По мнению священника, Ольга день ото дня преображалась, словно время не было властно над нею. Казалось бы, следы происшедшего за последние дни должны были отразиться на ней. Ведь столько было тревог, переживаний. И даже смерть угрожала ей. Однако ничто не оставило на лице Ольги следа. Она была жизнерадостна, деятельна и прекрасна. Такой видел её отец Григорий. Да так оно и было.

— Здравствуй, матушка княгиня. Многие лета тебе благости, — сказал отец Григорий, поклонившись.

— И тебе бодрости и здоровья, святой отец. Минувшей ночью я думала о тебе, вспоминала Берестово. Утром же сердце вещало, что ты придешь. Потому как надобность в тебе великая.

— Вещун оно у тебя, сердце-то.

— Да и ты, поди, ведаешь о моих желаниях, ежели знаешь, что случилось в Киеве два дня назад и вчера.

— Истинно знаю.

— И что ты думаешь?

— Пока молился за исход благополучный. Да вот пришел к тебе с советом.

— Говори, я внимаю.

— Ведомо мне, что ты побуждаешься принять крещение в Киеве да идти христианкой в Царьград.

— Верно.

— Но так не должно быть. Великой княгине иная честь написана.

— Того не ведаю. Но мне показалось, что сие доступно и в Киеве.

— Все так и есть, как говоришь. Протоиерей Михаил мог бы тебя крестить, как принимает в нашу веру горожан. Ты же великая княгиня великой державы. Император германский Оттон[10]*, короли польские шлют тебе послов, Византия тебя чтит.

*[10]Оттон I Великий (912-973) — немецкий король в 936-973гг., германский император с 962г. Вел многочисленные войны за сохранение и расширение империи, считался первым монархом в Европе. Короновавшись в 962г. в Риме императорской короной, сосредоточил в своих руках всю высшую светскую и духовную власть. За время своего правления низложил двух Римских Пап.

И потому тебе должно подняться на самый высокий амвон, где ведет службу первосвященник православной веры.

— В Царьграде? Я уже думала о том, да боязно.

— Ну полно, дочь моя! Тебе ли пугаться равных.

— Ежели судьбе угодно и Всевышний не против, я поеду туда. Но и тебя возьму.

— Верой и правдой послужу.

— Мне будет спокойно с тобой. Ты знаешь нравы и обычаи той великой державы.

— Они просты и доступны для понимания.

— Я же была в Царьграде и Святую Софию посещала, но ничего не помню, словно слепая была. Меня так озаботил договор, что я ничего не видела вокруг.

— Сие мне ведомо. Я же видел тебя в том храме, — признался в сокровенном Григорий, чем удивил Ольгу.

— Да было ли сие? Что же ты ко мне не подошел?

Григорий улыбнулся и со вздохом ответил:

— Эх, матушка княгиня, ты была для меня в ту пору как сказочный сон. Да и сама ты пребывала в горниле горячих дел.

— Что верно, то верно, — согласилась Ольга.

В сей миг в покой вошел князь Святослав. Он собрался в путь и был препоясан мечом.

— Матушка, прости, что помешал беседе. Дозволь уйти в Вышгород. Здесь мне тесно и душно.

— Ведаю твою нелюбовь к стольному граду, да не корю. Иди, сын мой. Но Претича с собой не зови.

— Исполню твою волю. Еще сказываю: скоро уйду со Свенельдом и дружиной белгородской в Тмутаракань.

— Удачного тебе похода, сын мой. Да помни обо мне, вернись до ледохода. Мне же в те дни собираться в Царь-град.

— Я вернусь и провожу тебя до Еферия. — Князь приблизился к матери, ткнулся лицом ей в плечо и покинул покой.

— Беспokoюсь за него. Неугомонный поднимается и все подвигами дяди Олега бредит.

— Достойный великой державы муж, — отозвался отец Григорий.

После ухода Святослава княгиня Ольга ещё долго расспрашивала Григория о Царьграде, о его храмах и церковных службах. Григорий охотно рассказывал Ольге о том, что знал о Царьграде и видел в нем за годы жизни в Византии. Но последним вопросом Ольги был озадачен. Она спросила не о Византии, а о Руси.

— Ты много повидал, отец Григорий, и, сказывают, ясновидящ. Ответь мне, что будет с Русью, придет ли она к Христовой вере?

Григорий смотрел на Ольгу с любовью. Теперь ему не было нужды скрывать свои чувства. Заговорил тихо:

— Мы сеем с тобой, матушка княгиня, благие зерна и получаем благие всходы и от благих всходов получаем благой урожай. И снова будем сеять только добрые зерна многожды. И земля пополнится добрыми плодами трудов наших. Так и с верой Христовой. В доолеговы времена на Руси были лишь подвижники — христиане. Ноне их сотни в общинах. А когда ты придешь к православной вере, внуки за тобой пойдут, а там и весь народ потянется. Вижу твоего внука освятованного, да не буду смущать тебя его именем. Сама увидишь в нем свое отражение.

Настал час полуденной трапезы. И когда Григорий хотел откланяться и уйти, то княгиня Ольга не отпустила его.

— Останься, отец Григорий. Сие на пользу моим людям. Пусть привыкают к тебе и твоему сану. Верю, скоро ты будешь им ближе, чем жрец Богомил. Он ведь никогда не жаловал своим вниманием ни князей, ни их вельмож.

Григорий не посмел отказаться. Да и сам почувствовал желание побыть среди вельмож какие они вокруг княгини? Сие было важно знать. И вскоре княгиня и священник спустились в трапезную, где уже собралось больше двадцати бояр, воеводы, многие боярыни.

При виде Григория близ княгини в зале возникла напряженная тишина. Все лишь кланялись княгине, пытаясь не замечать священнослужителя. И Ольга поняла, что присутствие христианского священника в княжеских теремах многим нежелательно, что вельможи чувствуют к нему неприязнь. И княгиня попыталась разрушить стену отчуждения, возникшую между Григорием и дворскими. Она прошла к своему креслу и велела стольнику поставить рядом со своим креслом стул для священника. И вот уже стул стоит по правую руку от Ольги. И она сказала:

— Садись, отец Григорий. Отныне быть тебе по правую руку от меня.

Когда же бояре и прочие вельможи заняли свои места, Ольга добавила к сказанному:

— Слушайте все! Отца Григория я помню и знаю с детства. Мы вместе росли в Изборске и расстались с ним, ког да мне было десять лет. Он многому меня научил. Да и теперь учит. Потому говорю вам: он есть мой духовный отец. А кто не ведает, что сие значит, должен узнать. На то мое повеление.

Вельможи ответили на слова великой княгини молчанием. И трапеза проходила в тишине, лишь звучали отдельные слова. Вельможи чувствовали себя скованно. Отец Григорий — тоже. Но он не был бы пастырем, если бы не нашелся, как повести за собой паству, даже если она из одних иноверцев. Едва все насытились и взялись за кубки, дабы выпить сыты, меду или греческих вин, как отец Григорий заговорил:

— Вот недавно во время коляд, кои справляли горожане, пришел к нам в храм сын Перунов и сказал: «Наша вера проста и доходчива. Мы

просим бога Перуна, чтобы даровал победу над врагом, а бога Волоса, чтобы умножил наш скот, хранил его от болезней. И иных богов просим то о веселье, то о хлебе, то о мире. И так живут все большие и малые народы Руси. А что вы просите у своего Бога? Вижу и днем, и по ночам все молитесь, и песни поете в храме, редкие дни служба не идет. А прирастают ли ваши богатства? Могут ли ваши доски малеванные утолить желания ваши?

Отвечу вам, как ответил ему: нам, христианам, мало одной ночи и тысячи ночей мало. У нас всегда есть, о чем просить Господа Бога. Он же говорит нам: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

В трапезной стояла тишина. Лишь голос отца Григория нарушал ее. Все слушали его с одинаковым вниманием, в коем было много от детского любопытства и удивления. И все отметили, что Бог отца Григория не жаждает ни крови, ни боли, ни богатства и озабочен лишь миротворчеством.

— Блаженны миротворцы, — как раз прозвучали слова отца Григория в сей миг, — ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. — И тут священник прямо сказал сидящим за столом: — Блаженны и вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески злословить за меня! Он же говорит нам: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят её под темным сосудом, но на подсвечнике и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного...»

Отец Григорий ещё хотел что-то сказать, но в трапезную вошел воевода Претич и что-то прошептал княгине на ухо. И Ольга сказала:

— Говори, воевода, всем, что за весть принес.

Претич выпрямился в полноту своего богатырского роста, громко сказал:

— Я передал матушке княгине то, что увидел на Священном холме. Жрец Богомил нарушил её повеление и лишил жизни услужителя Светомила. Жрецы пытались остановить его, он же сказал

им: «Пусть умрет. Слабые духом не нужны богу». Светомил сожжен на жертвенном огне.

В трапезной раздались голоса возмущения вольностью Богомила. Бояре потребовали предать его суду старейшин. И кто-то позвал всех идти на Священный холм и там наказать Богомила. Но последнее слово осталось за княгиней:

— Слушайте все: Светомил сам искал смерти, и Богомил токмо выполнил его волю.

— Но он нарушил твою волю, матушка княгиня, — крикнул старый воевода Карл.

— Вот ты с боярами и с воеводой Претичем и сходите на Священный холм, спросите Богомила, что толкнуло его перечить моей воле.

Княгиня Ольга встала. И все поднялись из-за стола, покидая трапезную. Отца Григория потянуло следом за всеми. Он чувствовал, что там, на Священном холме, узнает нечто важное, что не дано узнать ни Карлу, ни другим вельможам. Но княгиня Ольга остановила его:

— Отец Григорий, не уходи.

— Слушаю, матушка княгиня.

— Я вижу, что ты осуждаешь меня за то, что не наказываю Богомила. Знаю, что это по его наущению Светомил пустил в меня стрелу. И Богомил сознался бы в том, ежели бы привели его в подклети под гридницу.

— Нет у меня повода осуждать тебя, матушка княгиня, но есть повод печалиться. Богомил паки ехидна. На его руках кровь невинного кудесника Любомира. Он предан смерти за то, что спас тебя от падучей. Любомир был христианином.

— Помню Любомира. И ты хочешь сказать, что Богомил не утихомирится?

— Вера и боги к тому его побуждают.

— Но я же сказала, что от меня ни опалы не будет, ни ущерб.

— Будет ущерб, матушка. Сам твой уход от язычества — для Богомира суть невосполнимая.

— То так Но по — иному и не быть!

— На сие твоя воля, матушка. Но мы должны знать движение ехидны.

— Ежели тебе посильно. Я уповаю на твою помощь. А завтра приди, я буду ждать.

— Приду, матушка княгиня, — Григорий поклонился и покинул трапезную.

Ольга смотрела ему вслед, пока он не скрылся. И что-то беспокоило ее. Княгиня глянула на окна трапезной и увидела, что на дворе смеркается, наказала Павле, коя была рядом:

— Павлуша, пошли двух воинов, проводить отца Григория. Сердце что-то недоброе вещает.

— Бегу, матушка. — И Павла торопливо ушла.

Воины догнали отца Григория уже за теремным двором. Он шел в сторону Священного холма. Они шли поодаль, и отец Григорий не тяготился их соседством.

Той порой княжеские свитники уже пришли на Священный холм и скрылись в капище. В нем было смрадно. Пахло горелыми костями, мясом. Грозный Перун на железных ногах, освещенный пламенем снизу, смотрел на вельмож гневно. Так же гневно взирал на княжеских приспешников и верховный жрец Богомил. И никто, даже боярин — воевода Карл и воевода Претич, коим было велено исполнить дознание, не успели сказать слова, как Богомил их спросил властно и резко:

— Зачем пришли, неверные? Кто вас прислал?

— Мы явились повелением княгини, — собрался с духом Претич, — нам должно знать, почему ты нарушил её волю, предал смерти Светомила?

— Несчастные слуги назарянки, её поклеп несете на верховного жреца. Он сам нашел себе смерть. Вот очевидцы, — И Богомил показал на стоящих за его спиной жрецов, повелел им: — Говорите!

И выступил вперед самый старый жрец Световид. Это был благообразный старец. Телом он походил на подростка и сказал звонким и тонким голосом отрока:

— Сын наш Светомил исполнил волю мироправителя. Им же велено было лишиться живота за свой промах. Мы токмо исполнили волю Светомила и положили его тело на жертвенный огонь. Вот меч, коим поразил себя несчастный. — И Световид показал на оружие, стоящее у жертвенника. На нем были видны следы крови.

— Что скажете вы отступнице? — прогремел гневный вопрос Богомила.

Смрад в капище был удушлив, вельможи раскашлялись и, не удостоив Богомила ответом, покинули священное место. Претич шел впереди и на склоне холма встретился с Григорием, остановил его.

— Святой отец, ты идешь к Богомилу? Зачем? Он во гневе, и сие кончится для тебя худо.

Подошли вельможи, окружили священника. Боярин — воевода Карл взял Григория за руку и строго сказал:

— Не вторгайся в пределы нашей веры, слуга Христов. Не нарушай её законов. Ты достаточно успел, уведя от нас великую княгиню. Теперь же остановись.

— Я иду к Богомилу с миром. Мне только посмотреть ему в глаза, — ответил отец Григорий.

— И открыть в нем все тайное, не так ли? — воевода Карл силой повернул отца Григория и, не выпуская его руки, повел вниз.

Но священник не терпел над собой насилия и внушил боярину отпустить его.

— Ты упадешь, ежели не отпустишь меня. Упадешь! Упадешь!

Воевода Карл почувствовал, как под ногами ходуном заходила земля, он зашатался и отпустил Григория, дабы ухватиться за Претича. Земля под ногами больше не колыхалась.

— Ну наваждение! — выдохнул Карл.

— Полно, боярин, ничего и не было, — успокоил Карла Григорий и добавил: — Совет же твой принимаю. Сегодня не буду испытывать свою судьбу.

Григорий спустился с холма вместе с вельможами и покинул их. Шел медленно и думал о том, что Карл был прав: жрецы ревностно охраняют свое капище от иноверцев и способны на жестокость к тем, кто дерзнет нарушить покой их священного места.

Падал легкий снежок Мороз не давал себя знать. Григорий отметил, что крещенские морозы нынче слабые. Да и во благо — меньше топить печи в храме. Так, размышляя о мелочах жизни, он пришел к своему дому и скрылся за воротами.

Воины Ольги постояли недолго на противоположной стороне улицы и ушли на княжеское подворье.

Жил отец Григорий в небольшом деревянном доме вдвоем с пономарем Вахрамеем, пустым и легким на ногу мужичком лет пятидесяти. Всякий раз к возвращению отца Григория из храма он встречал его на пороге дома, торопливым говорком рассказывал, в чем преуспел. Потом они вместе сидели за вечерней трапезой, а позже читали Священное Писание. Но на сей раз Вахрамеем не встретил его, и в доме царила тишина. И не было никаких следов пребывания Вахрамея: печь оказалась холодной, ужин не приготовлен. Григорий попытался вспомнить, не отправился ли куда Вахрамеем. Но нет. Как обычно, ушел из храма в полдень, ещё сказал, что ноне кутью приготовит. Тщетно обойдя весь дом, все углы осмотрев, в амбар заглянув и в баню, Григорий отправился к соседям, православным же христианам. Спросил их о дьячке:

— Не видели вы его с полудня?

— Нет, батюшка, не зрели нонче Ахрамея, — с низким поклоном ответил Григорию глава семьи.

И у других соседей был тот же ответ. Обеспокоенный Григорий задумался: уж не суть ли сие происков жреца Богомила? Ясно же, что верховный ополчился на него, Григория, за то, что открыл глаза на новую веру великой княгине. Выходило, что для того и пономарь — добыча. Так, в размышлениях, отец Григорий дошел до храма, постучал в сторожку. В этот день сторожем при храме был дюжий молодец Микула.

— Есть ли кто в храме, сын мой? — спросил Григорий.

— Пусто, батюшка.

— А не был ли у тебя Вахрамеем?

— Я недавно сторожую. Да женка видела, как сани крытые у твоих ворот, батюшка, остановились, как трое там шастали, а к чему, ей невдомек Я же на торжище был.

Григорий благословил Микулу и устало побрел домой. Беспокойство в его душе сменилось предчувствием беды.

Было уже темно, снег падал все гуще, укрывая всякие следы. Дома Григорий не взялся ни за какие дела, встал на молитву, дабы привести себя в чувство и утихомирить в душе бушующие страсти. Он ещё по дороге от храма пришел к мысли о том, что Вахрамея украли люди Богомила. А вот с какой целью, сего пока Григорий не знал.

Молитва укрепила дух Григория. Он решил, что до утра никакие поиски ни к чему не приведут. Григорий истопил печь, перекусил, чем Бог послал, и прилег на ложе. Он долго пребывал без сна и уснул где-то за полночь. А в самую глухую пору ночи к его дому подкатили крытые белым холстом сани, запряженные парой белых лошадей. Из саней вышли трое в белых балахонах — то ли тени, то ли ночные тати — без шума проникли в дом. И в тот миг, когда Григорий проснулся от скрипа половиц, на него накинули холст, стащили на пол, закатали в тот же холст, связали веревками и понесли из дома. Григорий попытался кричать, но его стукнули по голове чем-то тяжелым, и он потерял сознание.

Вскоре же белые кони и сани под белым холстом — все словно призрачное — скрылись за густой пеленой снега. Утром близ дома отца Григория не было видно никаких следов. Только ослепительно белый полог и на нем — тонкая вязь загадочных знаков, оставленных пробежавшей из дома в сенной сарай маленькой мышкой.

Глава двадцать первая

ВЫЗОВ

Где-то около полудня, когда солнце поднялось на зимнюю вершину и небо сверкало чистыми просинями, на теремном дворе появилась княгиня Ольга. Она была в горностаевой шапке, в горностаевой же накидке и выглядела так, словно встречала лишь тридцатую весну. Она вышла из терема для того, чтобы вместе с отцом Григорием поехать в храм Святого Илии и там постоять на божественной литургии в честь крещения Господня.

Отец Григорий уже должен был прийти, но его все не было. Княгиня прохаживалась по двору все нетерпеливее. Боярыня Павла устала её догонять, отошла к крыльцу и любовалась княгиней. Рядом с Павлой стояла Малуша в беличьей шубке, румянолицая, синеглазая, манящая отроковица.

Наконец терпение княгини Ольги иссякло; ещё не веря, что отец Григорий мог позволить себе не явиться к назначенному времени, она велела Павле подать сани. И вскоре на теремной двор влетела четверка белоснежных скакунов. Следом появился конный отряд во главе с воеводой Претичем. Княгиня уселась в сани, и Павла велела возничим ехать к храму Святого Илии.

Кони пролетели до Соборной площади, миновали её и остановились возле дома отца Григория. Там же от улицы и до крыльца лежала нетронутая первозданная белая пелена. Даже птичьего следа не было видно, лишь малая зверюшка оставила ниточку своих следов. Двери в дом были распахнуты, и в нем — ни души, только стужа. Княгиня Ольга обошла горницу, остановилась перед киотом, подивилась на неведомые ей образы христианских небожителей и святых, спросила Павлу:

— Но где же отец Григорий, что с ним?

— Я послала Претича в храм. Поди, отец Григорий к службе ушел.

— Того не может быть. Он же сказал, что придет в терема, — Ольга подошла к незнакомой высокой тумбе. На ней лежала открытая рукописная книга греческого письма. Ольга ещё и строки не прочитала, как в дом вошел церковный сторож Микула. Воин, который привел Микулу, сказал Ольге:

— Матушка княгиня, вот он ведает, что сказать.

Богатырь поклонился княгине.

— Ноне отец Григорий в храме не был. Но вчера вечером приходил к сторожке, искал пропавшего дьячка — услужителя Вахрамея. Его же днем умыкнули. Да видела моя женка сани, крытые холстом, татей троих да пару белых коней.

— Но куда отец Григорий пошел от храма? — спросила Павла.

— Знамо, домой.

— Еще что тебе ведомо?

— Тех же коней в санях с белым холстом я видел ночью, как первым петухам пропеть. Они промчали через площадь из нашей улицы на Козару. Боле мне ничего не ведомо.

Микуле было лет тридцать пять, косая сажень в плечах и росту саженного, серые глаза пытливые, лицом пригож И напоминал он Павле мужа Малка Любечанина, рано погибшего.

— Ты в сторожке-то почему? Тебе бы воином на коня! — пытала Павла.

— Не берут. Я иной веры, чем все в дружине.

— Теперь возьмем, — пообещала Павла и спросила Ольгу: — Не так ли, матушка?

— Так, Павла. Возьми его к своему Добрыне, как из Новгорода вернется. А пока пусть с нами отца Григория ищет, — Ольга ещё раз прошлась по дому, заглянула в опочивальню, увидела разоренное ложе, сенник, одеяло и изголовник валялись на полу.

— Смотри, Павла, знать, сонного умыкнули.

В это время за спиной Ольги появился воевода Претич.

— Матушка княгиня, токмо что услужители храма нашли под кручей на Почайне тело убитого пономаря.

Глаза у Ольги потемнела от гнева. Она прикусила нижнюю губу.

— Это вызов, — тихо сказала княгиня, — Это мне вызов от Богомила, но не христианам. Они токмо жертвы, — Ольга повернулась к Претичу: — Велю тебе, воевода, поднять дружину, пустить её в город

и чтобы ноне же все белые кони вместе с владельцами были на теремном дворе. Спросим, кто из них был в разбое.

Княгиня Ольга понимала, что этой мерой она мало чего достигнет. Ежели нет улик, кто отважится признаться, что повинен в злом деянии. Она вышла из дома, покинула двор и, не садясь в сани, направилась к храму. Она размышляла, и никто не мешал ей в этом. Павла и воины шли поодаль. Ольга же искала путь, каким могла бы прийти к цели. А цель одна: найти священника Григория, который стал ей близок и дорог. Не случайно же она назвала его духовным отцом. Ее острый ум недолго блуждал в потемках. Было очевидно, что это дело рук верховного жреца Богомила. Он настойчиво добивался отторжения служителя христианской веры от великой княгини, которую считал ещё в лоне своей веры. «Ну нет, Богомил, так ты меня не удержишь. Ты выбрал самый неверный путь. Слышал же, что сказали русичи: «Волю княгине!» Волю в выборе веры! И потому... — Ольга глубоко вздохнула, словно собиралась прыгнуть в ледяную воду. — И потому ноне же повелю тебя и всех твоих жрецов взять под стражу. А там посмотрим, чья возьмет». Княгиня, однако, рисковала, и без согласия градских старцев, бояр и воевод — всех тех, на чью совесть опиралась великая княгиня, она не могла только своей властью взять под стражу Богомила и его слуг. Он носил титул верховного жреца державы, и за его спиной стояли сотни тысяч язычников. С этим нужно было считаться.

Но и на совете можно было допустить промашку, едва речь пойдет о взятии под стражу Богомила. Ему будет ведомо о том в сей же час. И он сумеет себя защитить. И потому Ольга подумала, что ей надо заручиться поддержкой лишь самых преданных ей и её сыну людей. И чтобы решение совета до поры оставалось в тайне.

Княгиня отвлеклась от размышлений только близ паперти храма. Тут собралось уже много христиан, кои ждали, когда откроются врата церкви. Но престарелый протоиерей Михаил вовсе не думал начинать службу, потому как страдал за отца Григория. И даже услышав о том, что к храму пришла великая княгиня, остался к этому безучастный. Весть об исчезновении отца Григория лишила его сил и желания исправлять службу.

Княгиня Ольга не посетовала на то, что ей не удалось войти в храм, постоять на богослужении. Она понимала священнослужителей

и покинула Соборную площадь. Но, уже подъезжая к теремному двору, она услышала звон церковного колокола, возвещающего о начале службы в храме, о праздновании Крещения Христова. И Ольга порадовалась тому, что протоиерей нашел в себе силы вести службу.

Едва переступив порог терема, Ольга распорядилась послать гонцов к градским старцам и вельможам, с коими могла бы найти понимание, а с этим получить благословение наложить опалу на Богомила. Еще велела послать сотню воинов к Священному холму.

— Возьми его в хомут, воевода Претич, и никого с холма не выпускай, — наказала Ольга.

Совет доверенных состоялся ближе к вечеру, и княгиня получила поддержку старцев и вельмож об аресте Богомила и его жрецов. А в это время на теремной двор прибежал Микула и, забыв о чинах, потребовал от бояр, чтобы его отвели к княгине.

— Ее волю я исполнял, ей все и выложу, — заявил он дворскому, когда тот попытался узнать, с чем явился Микула.

Как доложили княгине Ольге о Микуле, она вышла к нему навстречу не мешкая.

— Говори, с чем пришел, — потребовала Ольга.

Микула поклонился, но шапку забыл снять.

— Мой нетий, сын сестрин Акун, охотник за зверем. У него же собака добрая Гор. Она взяла след от дома батюшки Григория и привела нас с Акуном на Почайну к пещерам.

— И вы вошли в пещеры?

— Нет, матушка княгиня. Там власть демона. Куда же нам?

— Где твой племянник?

— На Почайне затаился. Ждет, как кто выйдет из пещер. С ним же прихожан трое.

— Позови Брячислава, — велела Ольга отроку, который привел Микулу.

Тот убежал, и вскоре появился телохранитель Ольги.

— Слушай, Брячислав, возьми двух десятских с воинами, седлайте коней и ему коня, — показала она на Микулу, — спешите за ним, куда он поведет. Ищите в пещерах отца Григория. Да смолянки не забудьте.

Брячислав, храбрый воин, бледнел на глазах у Ольги.

— Но, матушка княгиня, там царство демонов тьмы, и никто не выходил оттуда живым.

Княгиню опалило гневом, как он смел показать свой страх! И уже готова была обрушить на голову воина свой гнев, но вмешалась мужественная Павла:

— Матушка, не гневайся на сотского. Я поведу воинов. Многожды бывала в пещерах у кудесника Любомира, и сказал он мне слово против злой силы.

— Иди, любая сестра. Да хранит тебя архангел Михаил, — И княгиня проводила всех до крыльца, повторяя: — Токмо не мешкайте!

Теремной двор гудел словно улей. К этому часу из города пригнали уже несколько десятков белых коней. При них были и хозяева. Боярин Карл и с ним дотошные дети боярские искали подноготную пропажи отца Григория, допытывали владельцев белых коней, но пока безуспешно.

Тем временем отряд во главе с Брючиславом и Павлой, коя ехала в санях, примчал к берегу речки Почайны, где при впадении в Днепр были входы в пещеры, кои прятались за густыми зарослями терновника, под карнизом нависших каменных утесов. Неподалеку от одного из входов, затаившись в терновнике, сидел Акун. Он держал в руках лук, и на тетиве покоилась стрела. Рыжий охотничий пес напряженно всматривался в темноту.

Брючислав поднялся к Акуну, показал на собаку:

— Пусти ее, видишь, как рвется, — Поводок и правда был натянут.

— Не пуцу Пропадет зазря. Задушат её демоны, — отвечал Акун.

— А ежели их нет? — спросил Брючислав.

— Как это нет? — удивился Акун. — Иди испытай.

Подошли Павла и Микула.

— Ты дай Гора Павле, — сказал Микула племяннику.

— Ишь ты! Да ведь собака...

— Давай, давай, сынок, и не бойся за пса, — И Павла взялась за поводок

— Ладно уж, — Акун отпустил пса и подал Павле рукавицу— Возьми, так ловчее держать.

Павла надела рукавицу и едва успела как следует взяться за поводок, как Гор потянул её к входу в пещеру. Через миг они уже

скрылись в ней. Брячислав обнажил меч и поспешил следом. Воин догнал его и подал факел. Еще три воина с зажженными смолянками скрылись следом за сотским.

Гор так быстро тянул Павлу, что она едва поспевала за ним, хотя ни зги не видела впереди. Пес то рычал, то скулил, то повизгивал. Видимо, и ему было страшно в подземелье. Павла задыхалась от быстрой ходьбы, спотыкалась, билась о стены локтями. Но вот подземный ход расширился, и факел Брячислава осветил большую залу и три новых подземных хода. Гор потянул Павлу к правому из них, скрылся там. Павла поспешила за ним. Она задела за камень, который мешал ей пройти, сдвинула его, и в сей же миг сверху на Павлу обрушились камни. Она пронзительно крикнула, тявкнул Гор, и все стихло. Да вскоре заскулил пес.

Брячислав подбежал к завалу и в свете факела увидел только ноги Павлы. Сама же она была погребена под грудой камней. Сунув кому-то из воинов факел, Брячислав ухватился за ближний камень и попытался оттащить его.

Но сил не хватило. Подоспел Микула, в проходе стало тесно. Микула лишь бросил:

— Не мешай, воин, — ухватился за глыбу и стащил её с Павлы. Он расправился и с другими глыбами и вскоре вытащил Павлу. Лицо и голова её были в крови, но жизнь ещё теплилась в ней. Взяв её на руки, Микула понес Павлу к выходу из пещеры, и один из воинов освещал ему путь.

Брячислав нашел в себе силы одолеть суеверный страх и повел воинов за собой. Он нашел Гору под тяжелой глыбой. Подоспел Акун и помог Брячиславу снять камень с собаки. Акун опустился возле Гора на колени и увидел, что тело его до груди раздавлено. Поняв, что Гору нет спасения, Акун вытащил охотничий нож и прекратил муки своего друга.

Несколько минут воины и охотник шли в тишине. И вдруг подземелье потряс новый камнепад, а Брячислав, что шел впереди, упал на спину, и ему придавило глыбой ноги. С большим трудом воины вытащили из-под глыбы своего сотника. От боли он стонал, обе ноги его оказались неестественно вывернуты, а кости торчали из разорванных сапог.

— Надо уходить! Демоны во гневе, и мы все погибнем, — сказал Акун.

— Уходите! Все уходите! Меня же оставьте, меня не трогайте! — закричал Брячислав.

Но сотника подняли на руки и, как он ни бранился, понесли к выходу из пещеры. Микула той порой уже выбрался на свет Божий, положил Павлу на снег. Она же открыла глаза, глубоко вздохнула и испустила дух. Кровь из проломленной темени продолжала сочиться и стекала по густым волосам на снег.

На теремном дворе в это время нашлась та пара белых коней, кои унесли дьячка Вахрамея и священника Григория. Досужие люди узнали, что их хозяин, черниговский купец, пришел с товарами с пятью возами, сложил их на берегу Днепра в амбарах до водного пути и остановился на постоялом дворе. В ту же ночь его лучшую пару коней украли. Он и его два работника искали коней по всему городу два дня. Теперь же он нашел их на теремном дворе. Кто их увел у купца, досужим людям оставалось неизвестно, потому как их нашли в роще близ речки Почайны привязанными к дереву.

Княгиня Ольга сетовала: не могли они быть уликой против Богомила. И потому у неё не было повода призвать к ответу верховного жреца за исчезновение священника Григория. Да терпение великой княгини иссякло, когда на теремной двор привезли тело погибшей боярыни Павлы и искалеченного Брячислава. И хотя сие также не могло быть поставлено Богомилу в вину, преступив все сдерживающие начала, княгиня тут на дворе созвала бояр, воевод и немногих градских старцев и в их присутствии распорядилась:

— Слушайте все! Вот ещё две жертвы Богомила. Потому повелеваю воеводе Претичу идти с воинами на Священный холм, взять под стражу Богомила, всех жрецов и служителей.

Никто из вельмож не возразил княгине. Всем было очевидно, что боярыня Павла и сотник Брячислав — жертвы противостояния Богомила великой княгине. И теперь каждый, кто стоял рядом с нею, мог опасаться коварства верховного жреца. И воевода Карл ответил за всех:

— Мы согласны с твоей волей, матушка княгиня.

— На то и надеялась, — сказала Ольга и повелела Претичу: — Иди же, воевода, не мешкай.

Претич убежал, и вскоре сотня вооруженных воинов побежала от казарм к воротам и скрылась за ними. Княгиня Ольга проводила взглядом воинов и подошла к саням, где ещё лежали бок о бок искалеченный Брячислав и убитая Павла. Склонившись, Ольга сказала:

— Вы пострадали за великую княгиню, ещё за новую веру. Я того не забуду. — И повелела теремным услужителям: — Позовите врачей и накажите им, чтобы подняли Брячислава на ноги. Павле сделайте домовину и поставьте в тронном покое. Ее же отнесите туда сейчас. — И Ольга ушла в терем. Она поднялась в тронную залу. И когда принесли Павлу, велела укрыть византийским ковром стол, на котором утверждались Ольгины уставы и указы, и положить на него тело боярыни.

Исполнив все, что было велено княгиней, услужители покинули тронный покой, а Ольга опустилась рядом с Павлой на скамью и просидела возле неё до позднего вечера. Она не стенала, но слезы лились из глаз невольно и долго. После сына Святослава не было у неё на всем белом свете ни одного человека ближе, чем преданная боярыня

Павла. Большую часть жизни прошли они рядом бок о бок в душевном понимании. И вот славной, отважной Павлы нет, осиротели её дети, Добрыня и Малуша, осиротела и она, княгиня. Ольга не заметила, как в покой вошла Малуша и встала за спиной княгини, бледная и покорная судьбе. Она не плакала, лишь искусанные до крови губы говорили о её страдании.

Княгиня, наконец, встала и увидела Малушу, подошла к ней и прижала к себе. Они вместе постояли, Малуша тоже заплакала и уткнулась Ольге в грудь. Княгиня молча гладила девочку по спине, да так и увела из покоя. Оставив Павлу на попечение служилых и распорядившись отправить гонцов в Новгород за сыном Павлы Добрыней, она ушла в темницу под гридницу, дабы сойтись впритин с верховным жрецом Богомилом, которого уже привели со Священного холма и замкнули в каменный подвал.

Она нашла Богомила посаженным на цепь. Руки и ноги его были схвачены дубовыми колодами. Как привели, да стали сажать на цепь, он бушевал, слал на головы воинов проклятья, пытался вырваться. Да и теперь, когда увидел княгиню, пришел в ярость и бесстрашно кричал:

— Отступница, зачем посягнула на Перунова наместника?! Отчини двери и выпусти на волю сей же миг!

— Того не будет. Даже если ты сам бог. За гибель боярыни Павлы, псаломщика Вахрамея, за умыкание священника Григория, за бунт против великокняжеского престола ты ответишь сполна. Ты будешь здесь погребен заживо, и ничто тебя не спасет, — Ольга тоже пребывала в гневе и бросала в Богомила слова — камни, — И помни: каждое новое злодеяние твоих слуг токмо укрепит мой дух на пути к новой вере. Твоя же вера будет разрушена.

— Тебе сие не дано. И близок час, когда терпение мироправителя источится, он покарает тебя.

— Не тешься. Страх перед твоим божеством выгорел во мне ещё в Искоростени. Выгорел со слезами тех, кому я принесла по воле идола Перуна горе. Близится время отмаливания грехов, и я изопью чашу наказания за грехи до дна.

Богомил не был глуп, иначе не быть бы ему верховным жрецом. И гнев его не был слепым. Вступив на путь борьбы против княгини Ольги, он надеялся устрашить её и сломить, заставить отказаться принять чуждую ему веру. Но все его действия, все заклинания и проклятия не возымели на Ольгу влияния. Он удивлялся, как это низшее существо, имя коему женщина, а предназначение — быть рабыней мужчины, могло выстоять пред его духовной силой и властью. Он не понимал, что подняло Ольгу над ним, верховным жрецом всея Руси. И теперь он пленник этой женщины. Где гнев мироправителя, почему он не мечет молнии, не гремит громом? Она, а не он, Богомил, может свершить суд над ним, предать его смерти в этом каменном подклете, в коем оказался по её воле. И откуда у неё такая сила и властность, и уверенность в себе? Он знал, что в христианском мире есть личности, осветованные при жизни. Но то больше мужчины. Уж не из породы ли подобных Ольга? Но она — женщина, сопротивлялся Богомил. И тут с удивлением отметил, да не близка ли она Божьей матери христиан? И возопил на весь подвал: «О, Перун! О, бог мой, мироправитель! Ответь на мое стенание, порази громом врага моего, прояви власть свою великую! И тогда сам лягу на жертвенные камни, отдам свое брренное тело на радость тебе. Порази же ее, порази! Прояви величие! Верю, ты — всемогущ! Верю, ты —

горд и не потерпишь надругательства над собой!» Так стонал и ярился поверженный Богомил.

Но время шло, а Перун безмолвствовал, не сверкали молнии на дворе, не рушились каменные своды. И от его, Богомилова, вопля не упал с головы Ольги даже волос.

Она же, вещая, все видела, что творилось в груди у Богомила, в его воспаленной от гнева голове, и торжествовала победу над его немощью, над его жалкими потугами сломить ее, преградить ей путь к свету новой жизни, новой веры. Она была сильна, сильнее, чем верховный жрец, потому что всем своим существом была подвигнута к служению своему народу, во благо ему и торжеству мирной жизни. Она ведала начертанный путь своей жизни. Судьба благоволила ей, потому как знала её побуждения творить добро, быть милосердной и человеколюбивой.

И здесь, в каменной каморе, в борении со злом, она увидела в Богомиле не только верховного жреца державы, но и простого смертного русича, так и не познавшего радости бытия из-за своего человеконенавистничества. Он, и это княгиня знала хорошо, ненавидел не только врагов своих, но и всех, кто его окружал, он ненавидел детей просто за то, что они люди. Он, верховный жрец, не считал их своими детьми, но только жертвами мироправителя. Было же время, когда он и его жрецы отбирали у матерей девочек и тайно бросали на жертвенный огонь. А сколько рабов, рабынь при попустительстве князей — язычников и при её попустительстве было брошено на жертвенные камни по всем городам и весям великой языческой Руси! «О, язычество, когда иссякнут твоя сила, твоя жестокость, твое бездушие?!» — воскликнула в душе княгиня Ольга.

Ей захотелось увидеть в этом жестокосердном слуге идолищ что-то человеческое, побудить его к милосердию, к признанию своей черной сути. Может быть, и она бы смягчилась к нему, простила бы его преступления, грехи. «Господи, что же он упорствует, не слеп же?» — спрашивала себя Ольга.

Противостояние великой княгини и верховного жреца длилось долго. Каждый видел противника насквозь, каждый удивлялся силе, мощи, кои управляли их мыслями и чувствами. И первой увидела княгиня Ольга, что противник её надломлен. Потому как Перун не пришел на его зов, потому как понял, что она, славянка, идущая к

Христовой вере, сильнее его и милосерднее. И гнев в глазах Богомила потух, и гордыня исчезла, сломилась шея, голова поникла, и он, всегда стремящийся казаться величественным, стал жалок и убог. И Ольга подумала, что в сей час лучше всего оставить Богомила одного с его размышлениями, ни в чем не допытывать его, потому как сам дойдет до разумного действия. И Ольга покинула узника, сказав на прощание:

— Ты будешь помилован, Богомил, но прежде верни христианам их пастыря. — С тем и ушла.

Верховный жрец Богомил продержался три дня. На исходе их он потребовал, чтобы к нему пришла великая княгиня. Ей все эти дни было нелегко. Она боролась с искушением освободить Богомила и его жрецов. А бороться было трудно. Из всех ближних городов — из Чернигова, Белгорода, Любеча, Искоростеня, из многих селений — приехали языческие жрецы. Они пришли на теремной двор и потребовали от княгини дать волю их вождю. И не было у них почтительности к своей княгине, и в их криках прорывались угрозы. Ольга терпеливо сносила их, была с ними обходительна и заверяла, что скоро увидят Богомила. Но мирной беседы не получалось, потому как во двор набивались сотни киевских почитателей Богомила. Они вели себя ещё более несдержанно. И тогда воины Претича вытеснили их со двора и закрыли ворота.

На четвертый день у ворот теремного двора толпились уже тысячи идолян. И было похоже, что великокняжеский теремной двор вот — вот окажется в осаде. И тогда Ольга выехала со двора на высоких санях в самую гущу горожан и иногородних. Остановившись в самом центре людского моря, одна против неуправляемой толпы, она встала в санях, подняла руку и сказала:

— Русичи, слушайте! Мир и покой нам дороже всего. Потому говорю: священник Григорий, коего похитили люди Богомила, упрятан в пещерах, ему грозит голодная смерть. Освободите его и ноне же, здесь, на площади, вы увидите Богомила. Говорю вам и то, чтобы знали: вы мои дети, вы мне любы. Того и от вас жду!

После этих слов княгини толпа не взорвалась криками, лишь легкий говор волнами гулял над площадью.

В это время от теремного двора через толпу пробился отряд воинов во главе с Дамором. И он сказал Ольге:

— Матушка княгиня, воевода Карл говорит, что тебя ещё с вечера зовет верховный жрец.

— Скажи, что скоро приду к нему, — ответила Ольга.

— Но воевода Претич велел быть близ тебя, матушка княгиня.

— Ладно, жди, — И Ольга вновь обратилась к толпе: — Идите же с Богом искать священника Григория, а меня зовет ваш Богомил, — И Ольга опустила в сани, вернулась на теремной двор.

Там её встретил воевода Карл.

— Матушка княгиня, вот уже с вечера Богомил, стеная и плача, зовет тебя.

— Идем вместе, воевода, — сказала Ольга и покинула сани.

Спускаясь в подвал и ещё не зная, о какой милости просит Богомил, она поверила в свое предчувствие, что до захода солнца увидит священника Григория. И потому вошла в подклет милосердная. Она ещё не услышала от Богомила ни одного слова, но велела стражникам освободить его от колод, расковать цепь. Когда же стражники исполнили её волю, она сказала Богомилу:

— Ты волен идти на Священный холм, хранитель богов.

Богомил взялся за плечо одного из стражей и с трудом встал на ноги. Он прислонился к сырому камню стены и долго стоял с закрытыми глазами. Ольга смотрела на него с женской жалостью.

— Ты прости меня, Богомил. Мы токмо посчитались с тобой. Ведь долг платежом красен.

Верховный жрец открыл, наконец, глаза. Все долгие дни и ночи пребывания в каменном мешке он поносил Ольгу всякими бранными словами. А тут сказал просто и убедительно:

— Ладно, чего уж там, за милость твою я добром отплачу. Мы с тобою одного племени — славяне.

— Верно, — согласилась Ольга.

— И Григорий славянин. Потому ноне ты увидишь его.

И тут нервы у Ольги не выдержали, она воскликнула:

— Господи милостивый, хвала Тебе, что все разрешил мирно!

Но Богомил не согласился с Ольгой:

— Где уж там мирно. И боярыня Павла, и пономарь — жертвы невинные. Простят ли мне твои боги сей грех?

Боярыню Павлу ещё не предали земле, ждали сына Добрыню. А ему в пути быть не меньше недели. Павлу уложили в домовину и

вынесли из терема в амбар, на мороз. Ольга знала, что впереди её ждут стенания и слезы по убиенной. Но жизнь приучила её держаться мужественно. Она лишь сказала:

— Простят. Иди же, порадей за Григория.

На теремной двор Ольга и Богомил вышли вместе. По пути Ольга сказала:

— Жрецы тоже нонче увидят волю. Тебе же дам сани и будешь отвезен в свои палаты.

На том княгиня и верховный жрец расстались. Вскоре ему подали сани, он сел в них, укрылся меховым пологом и покинул теремной двор. А как оказался на площади, то увидел ещё сотни не ушедших по домам его почитателей. Но радости при виде их Богомил не испытал. Лишь два дюжих мужика всколыхнули его, он позвал их:

— Прохор, Лебеда, подойдите ко мне!

— Так ведь боязно, вдруг княжеские доглядчики заметят, — издали отозвался старший по возрасту Прохор.

— А послухов ты уж не боишься? Подходите, не пугайтесь, — Мужики подошли, — Вот говорю вам: ступайте на Почайну в пещеры и там моим именем возьмите Григория — попа, отведите домой. И не мешкайте, сей же миг исполните!

— К чему бы сие, отец? На холме давно огонь затухает и ждет, — возразил Прохор.

— Ступайте! И чтобы волос с головы его не упал. Всех живота лишу, ежели что! — пригрозил Богомил.

Прохор и Лебеда поклонились и скрылись в толпе, которая провожала своего вождя до самых палат.

Глава двадцать вторая

ВПЕРЕДИ — ЦАРЬГРАД

Едва запахло весной и на днепровских кручах появились первые проталины, а лед на Днепре стал в синих «окнах», в княжеских теремах началась суэта — двор готовился к походу в Византию. У княгини Ольги уже не было на пути преград, и вначале призрачная дума свершить крещение в стольном граде православия теперь приближалась и стала ощутимой. Вон на берегу Днепра высятся быстрокрылые ладьи, челны, насады — все суда, кои пойдут по первой воде к морю и дальше, за него. И в Киеве Ольгу уже ничто не удерживало. Сын Святослав вернулся из похода в Тмутаракань и снова встал с дружиной в Вышгороде. Добрыня, что приехал из Новгорода похоронить мать, остался при Ольге. И сестра его Малуша была при княгине. Росла она на удивление пригожая и рукодельница прилежная. Княгиня ей уже и место определила возле себя: быть Малуше ключницей. Того места и боярыни добивались. Все складывалось у Ольги удачно перед поездкой. А главное, отец Григорий находился неразлучно при княгине. И был в числе первых лиц, кого Ольга определила для поездки с нею в Царьград.

Княгиня Ольга так свыклась с мыслью, что священник Григорий есть истинный духовный отец ее, что по этой причине он теперь дневал и ночевал в княжеских теремах. Лишь изредка Ольга отпускала его в храм исполнять богослужение. Но княгиня Ольга не была бы мудрой, если бы держала при себе Григория только как духовного отца. Нет, он нужен был ей как советник во многих её светских делах. Ольга не пустилась бы в дальнейшее путешествие только ради крещения, ради удовлетворения самолюбия. Поездка в Византию носила и дипломатическую цель. Византия являлась великой державой, и это было ведомо всем в подлунном мире. А Русь? Какое место ей отводилось в западном мире? Считали ли её великой державой? А ежели не считали, то почему? Да и в чем кроется само величие? Ежели в пространстве, то Русь и есть великая держава. Равной ей по

просторам степей, лесов, гор среди европейских государств нет. А успехи разума? Тут Ольге мог открыть глаза только отец Григорий. Он лучше, чем кто-либо другой из киевлян, знал, что представляет собою Византия и что Русь. Даже в торговле и ремеслах державы ромеев он знал многое. И уж конечно Ольге не удалось бы обойтись без отца Григория, когда дело коснулось бы церковных книг. Они же, как считала Ольга, нужны на Руси, потому как без книг, без грамоты — пребывать державе во тьме язычества. Ольга не отделяла себя от тех, кто её окружал, от всех своих подданных. Она считала, что свет новой веры должен преобразить не только её жизнь, но и всех россиян.

Еще задолго до отбытия из Киева княгиня Ольга назвала всех, кто должен был ехать с нею. И первое место занимали послы великой Руси и послы от малых княжеств — от Древлянского, от Полоцкого, от больших городов — Чернигова, Новгорода, Смоленска, Ростова — всего числом двадцать два. Еще Ольга брала с собой близких Святославу воевод, и воевода Претич был первым из них. Но о Свенельде княгиня словно забыла. Он оставался на Руси при Святославовой дружине. Да больше всех брала Ольга купцов — торговых гостей — их было сорок два от разных городов Руси. Всем им было наказано везти в Царьград для торговли самое что ни есть на Руси бесценное — пушнину. Велено было взять соболей, горностаев, куниц, бобров, белок, лисиц. Да и крупного зверя шкуры собирали купцы — медвежьи, волчьи, рысьи: греки любили русские меха.

Знала Ольга из рассказов отца Григория о том, что Византия нуждается в меде и воске, что с готовностью купит лен — сырец на паруса, полотна ткань и конопляное волокно — на канаты. Да и сала разного наказала взять, без коего ни в одном флоте не обходятся. Еще кожи на седла, на упряжь и обувь. Все эти товары уже были свезены в Киев по санному пути и теперь хранились в амбарах близ Днепра, дабы лечь в трюмы судов, лишь только приспееет время и сойдет полая вода.

ч

Но товары товарами, а о княжеской свите все-таки забот больше. Надо отобрать из множества дворных боярынь самых надежных и умных, к тому же чтобы были помоложе — тяготы дальнего похода пожилым не по силам. И вошли в свиту Ольги восемь бояр, шестнадцать особ женского пола — боярынь, воеводш, ещё дочерей

боярских. С ними же восемнадцать человек женской челяди. Состояли при Ольге Добрыня и Малуша. Из боярынь же Ольга приблизила к себе подругу Павлы ещё по Новгороду — боярыню Аксиною, многим схожую с Павлой и преданную Ольге. Еще при ней были три переводчика и тридцать три телохранителя во главе с Дамором. Среди них были и Микула с Акуном — христиане. Да ужились с язычниками.

Всего же в свите Ольги было три христианина. Но верила княгиня Ольга и держала сие в тайне, что её великое посольство вернется на Русь из Византии не языческим, а хотя бы наполовину христианским. Говорили же князья дружине, вступая в битву: «Князь пошел, дружина — за князем!» И не было такого воина при князе, который не внял бы призыву. Так и Ольга скажет — позовет: «Княгиня пошла, и двор — за нею!» Верила она, что все примут крещение, когда воочию увидят величие христианской веры и её торжество в великой Византии. На все это Ольга надеялась, потому была больше озабочена ожиданием весны и судоходства на Днепре.

Весна в нынешнем году пришла ранняя, дружная. Ледоход на Днепре с громом и грохотом промчал за три дня. Большая вода, залившая до окоема низменные берега против Киева, держалась недолго. И когда Днепр начал входить в свои берега, княгиня Ольга повелела не мешкая выводить суда на Днепр, загружать их товарами, дабы по первому её зову уйти в плавание.

Но едва повргение княгини дошло до тех, кому следовало собираться в путь, как возникла серьезная преграда. С берегов Дона, от рубежей, за коими царствовали хазары, с русских сторожевых застав примчали в Киев гонцы, принесли весть о том, что к Саркелу — стольному граду Хазарии — стекаются орды. Купцы же новгородские, коим вовремя удалось уйти из Саркела, передали на заставах, что каган хазарский задумал идти войной на Киевскую Русь, дабы обложить её данью.

Княгиня Ольга вместе с гонцами отправилась в Вышгород к сыну. На сей раз она застала его в тереме вместе со Свенельдом и Асмудом. Подойдя к Святославу и поцеловав его, Ольга сказала:

— Сын мой, великий князь, козары угрожают нам. Вот гонцы с порубежья, — И Ольга заставила их повторить все, что уже слышала.

Князь Святослав задумался, на Свенельда посмотрел, спросил:

— Что скажешь, воевода?

Свенельд знал, что Хазарский каганат процветает, что у кагана очень большое и сильное войско, и идти на него войной было бы безрассудно. Да и обороняться тоже будет тяжело. Он так и сказал княгине Ольге и князю Святославу:

— Ноне нам козары не по зубам. Пойдем на них, токмо погубим себя. И на рубеже не устоим.

Княгиня Ольга согласилась со Свенельдом:

— Не готовы мы остановить козарскую рать. Надо собирать дружины со всей земли. И тогда уж...

— Но как же защитить от них Русь? — потребовал ответа князь Святослав.

— Мой ответ один, князь — батюшка и княгиня — матушка: надо везти кагану дары и слать послов, дабы выслушали кагана, что ему нужно.

— Сие разумно, — согласилась Ольга. — Но дары и послы — это одно, а нам нужно делать и другое. Надо слать по городам гонцов с наказом посадникам готовить дружины к походу, чтобы кони были под седлом, чтобы воины спали с мечами в руках. Тебе же, сын мой, вместе с воеводой Свенельдом один совет: скоро поднять дружину в седло и идти не мешкая на порубежные заставы. Но мечей не вынимать, сечу не затевать, а погулять по берегам Итиля, дабы знали козары, что Русь не дремлет.

И ушли в Саркел послы с богатыми дарами кагану, и помчались по державе гонцы, дабы поднять по всей Руси дружины, и выступила в поход большая княжеская дружина. Все делалось для того, чтобы остановить нашествие хазарской орды на Русь.

Переговоры с хазарами велись долго. Вся весна и почти половина лета ушли на то, чтобы умиротворить хазар. И Ольга со Святославом добились своего. И ещё около десяти лет две соседние державы жили в мире и покое.

И кланялись с глубоким почтением все народы великой Руси княжескому дому, да прежде всего великой княгине Ольге за то, что она остановила нашествие диких орд на мирную державу.

Только в середине лета Днепр близ Киева заполонил белокрылый караван судов. И тысячи киевлян вышли на берег Днепра провожать великую княгиню в путь к Византии. Горожане знали, зачем княгиня Ольга уходила к христианам, да провожали её любезно. И только

верховный жрец Богомил, коему со Священного холма был виден весь караван судов, горько размышлял о своей грядущей судьбе, не без оснований думая о том, что с возвращением Ольги на Руси наступит время гонений на язычников. Он ошибался, и во благо себе. Пройдет ещё более тридцати лет, и он будет древним старцем, когда над Русью взойдет звезда христианства.

Пока же над Киевом, над Днепром сияло яркое червенское солнце, и в полдень, после свершения благодарственного молебна отцом Григорием на ладье великой княгини, караван тронулся к берегам манящей своим величием Византии.

Путь лежал трудный и опасный. Конные сотни воинов уже ушли берегом к Днепровским порогам, дабы проверить, нет ли близ них коварных печенегов, кои, случалось, нападали на купеческие караваны. Но скалистые берега у порогов оказались пустынные. Не меньшей опасностью, чем печенеги, угрожали каравану судов сами пороги. Никто, даже мужественные воины не проходили через них без трепета в сердце. Семьдесят верст пересекали Днепр каменные гряды больших и малых порогов, тринадцать из которых — самые грозные — похоронили за прежние годы сотни судов отчаянных русичей.

Княгиня Ольга, отец Григорий, Малуша и Добрыня плыли на второй ладье. Впереди шла ладья с воинами. Вели ладьи бывалые речники и мореходы, кои уже много раз хаживали через гремучие скалы. Все клочкотало вокруг, громадные каменные глыбы вырастали из воды на самой стремнине реки, и, казалось, от них нет спасения и судно вот — вот всем телом врежется в чудовищного великана. Ан нет, какое-то неуловимое движение кормчего, и ладья проносилась мимо глыбы на расстоянии вытянутой руки. Не меньше подводных скал пугали путников и нависшие над рекой утесы. С судна казалось, что каменные карнизы в движении, что уже падают и ещё мгновение — рухнут с высоты сорока сажен на ладью. Но опять было похоже, что суда спасают мгновения. Вот они уже пролетели под утесом, а он, словно птица, летел следом.

Самый опасный порог на Днепре есть Неясытя. Сказывали Ольге, что близ него купцы останавливали суда, выгружали товары и шесть тысяч шагов невольники несли их берегом. То время миновало, и Неясытя стал милосерднее. Так и на сей раз он не поживился ни одним судном из каравана Ольги.

Напряжение, страх, как жара летнего дня, спали только к вечеру, когда караван миновал Крапийский перевоз, коим часто пользуются купцы Корсуни, возвращаясь на конях с торгов из Руси. А впереди уже остров Хортица. Путников ждал день отдыха и час благодарения и жертвоприношения богам за то, что защитили суда и путешественников от злых речных духов и от разбоя печенегов.

За островом Хортица начиналось благодатное и спокойное по летней поре плавание до самого устья, до первого дунайского рукава Селина. Благоприятный попутный ветер легко нес караван русичей мимо берегов Болгарии. Вот уже позади устья рек Конопы, Константин, Варны. А вскоре на окоме показались храмы первого византийского города со стороны Руси — Месимерии.

В бухту Золотой Рог, по берегам которой раскинулся Царьград, флотилия россос вошла к полудню. Древний город, освещенный ярким солнцем, открывался на всем видимом до окома пространстве и казался бесконечно огромным. Его улицы густой сетью сбегались с трех сторон бухты к воде.

Княгиня Ольга стояла на носу ладьи и неотрывно смотрела на загадочный вечный город. В голубой дымке она увидела то, к чему стремилась, — парящий купол Святой Софии, Премудрости Божьей. Конечно, на таком расстоянии он ещё не мог поразить воображение русичей, но Ольга все-таки почувствовала величие этого храма, вознесенного над городом.

Русские ладьи, челны, насады, наконец, подошли к гавани Суд, где издавна останавливались торговые гости из Руси. Флотилии Ольги едва хватило места в тесноте гавани. Казалось, в ней собрались суда со всего света. Отец Григорий, который стоял рядом с Ольгой и многое объяснял ей из того, что она видела, называл чужеземные, неведомые Ольге корабли и кораблики.

— Вон те, низкие, сие местные галеры, в море не ходят. Высокие есть греческие скедии, им море открыто. Дальше — кумбарии арабов, весельные, движимые рабами...

Ольга слушала вполуха. Ее уже одолевали разные мысли. Знала она от отца Григория, да и от купцов, что в Царьграде не спешат принимать даже самых высоких гостей. Сказывали, император Константин Багрянородный[11]* особенно отличался медлительностью.

*[11]Константин Багрянородный (905-959) — византийский император с 905г., фактически с 944г. Один из самых образованных людей своего времени, проводил мудрую внутреннюю политику, вел успешные войны; был отравлен собственным сыном Романом.

Ставил Багрянородный всех европейских государей ниже себя величием, потому мало считался с ними. Ольга была озабочена, какую честь ей окажут византийские государи. Не найдут ли чиновники императора тысячи причин, чтобы подольше подержать россов в гавани? Отец Григорий это предвидел, потому исподволь готовил Ольгу к терпению.

— Ты, матушка княгиня, не будешь скучать в ожидании приема императором. Мы с тобой побываем в городе, я покажу тебе многие чудеса, и мы посетим храм Иоанна Предтечи близ монастыря Святой Мамы, в котором я многие годы служил.

— Я понимаю, святой отец, ты призываешь меня быть терпеливой, и я постараюсь, потому как другого нам не дано, — согласилась Ольга.

Скучать русичам не пришлось. Как только портовые власти узнали, что в бухту вошла флотилия россов, тут же появились юркие суденышки с чиновниками. И начались разные процедуры. С купцами оказалось все просто. Им без проволочек разрешили доставлять все товары на берег или звать местных купцов на суда и торговать всем, что привезли. К тому же всех купцов — русичей разместили для проживания на подворье монастыря Святой Мамы.

Однако весть о том, что на судах россов кроме купцов с товарами прибыли в Царьград ещё послы великой державы и сама великая княгиня с придворными, ни в первый день прибытия, ни на другой день, похоже, не дошла до императорского двора. Княгиня Ольга знала, что такого не могло быть. А было, скорей всего, по — другому. Лишь только русская флотилия вошла в воды Византии, в правительстве Царьграда уже знали, кто и с чем к ним пожаловал.

И императору Константину было доложено. Потому Ольга поняла, что всякие проволочки — суть византийской дипломатии. Великая княгиня смирилась с пренебрежением к ней императорского двора с трудом. Если бы цель её посещения Царьграда была иной, а не

крещение, она бы дала о себе знать наверняка. Ее гонцы не раз постучали бы в ворота Царьграда, что заставило бы Багрянородного поклониться русичам.

Лишь на третий день в гавани появились чиновники императорского двора. Ольга приняла их сдержанно. Они же, многожды извиняясь, с немалой лестью и очень вежливо заявили, что пока их император Константин Багрянородный не в состоянии принять архонтису россов по причине чрезвычайных дел. Княгиня Ольга недоумевала: какие там дела чрезвычайной важности могли быть у императора, ежели держава жила в мире и покое. Зная неписаный придворный устав, княгиня Ольга поняла, что все сводилось к тому, чтобы приросла почтительность гостей к императорскому дому. Да ведь так можно и унижить ее, великую княгиню. Возможно ли подобное терпеть?

Однако благодаря присутствию рядом с нею отца Григория она провела две недели ожидания без особой скуки и душевной сумятицы. Каждое утро княгиня Ольга и священник Григорий отправлялись в город. Рядом с ними шагали молодой богатырь Добрыня и его сестра Малуша. За спиной княгини два десятка воинов во главе с Дамором. И шла Ольга по Царьграду за священником Григорием куда им было угодно. А чтобы на неё не обращали внимания, она одевалась в простые одежды греческих горожанок

Царьград очаровал ее. Она не могла оставаться равнодушной к этому великому городу. Ее поражали громады храмов, казалось, все они пытались соперничать с собором Святой Софии. И как же много было этих храмов, церквей, церквушек, часовен. И все в камне, в камне. И много каменной резьбы, и золоченых куполов с крестами над ними, может быть, из чистого золота. Немало подивилась Ольга каменным дворцам и палатам царьградских вельмож, сановников, царедворцев, военачальников и торговых людей. Казалось, они были озабочены одним: как перещегоолять друг друга в красоте своих покоев, дворцов. И всюду камень, гранит, мрамор и ни одной деревянной постройки. Ольга удивлялась мощи и неприступности сло женных на века крепостных стен с высокими боевыми башнями.

Отец Григорий сводил княгиню и в те кварталы, где жили ремесленники, мастера ювелирного дела, чеканщики, иконописцы, оружейники. Многих из ремесел Ольга не знала, потому как их не

было на Руси. Но надеялась, что будут в державе и каменщики, и иконописцы, и ткачи шелковых тканей.

После внешнего осмотра города отец Григорий повел княгиню Ольгу в храмы. И она поражалась великолепному внутреннему убранству святых обителей. Посещение Византии княгиней Ольгой совпало с последним периодом расцвета христианства. В храмах было налицо все богатство, накопленное церковью почти за десять веков торжества православной Христовой веры. Иконы, фрески, росписи стен, сводов, алтари, иконостасы, церковная утварь — все сверкало красотой и высоким искусством исполнения. Золото и драгоценные камни виднелись всюду, будто были главным материалом украшения церквей. Все ласкало взор совершенством.

Но вот, наконец, отец Григорий привел Ольгу в храм Святой Софии. Едва переступив порог храма, Ольга застыла от изумления и упрекнула отца Григория:

— Зачем же ты так долго не приводил меня в сей храм?

— Прости, матушка княгиня. Я помню, что ты была в нем.

— Но я же сказала, что сонная пребывала.

— Оно и похоже, — усмехнулся священник, — Да теперь, матушка, ты можешь оценить его по достоинству, потому как у тебя есть с чем сравнивать.

Ольга не ответила. Да и не время было. Она пыталась впитать в себя все, что видела, все запечатлеть в памяти. Но сие давалось трудно, потому что не укладывалось в привычные представления Ольги о красоте и величии. В первые мгновения, когда она подняла голову и обозревала огромный, ни с чем не сравнимый, купол храма, ей показалось, что он плывет в небе, возносится ввысь и вместе с куполом летит в пространстве и она. В куполе было сорок два окна. Пронизанные солнечным светом, они-то и создавали видимость полета купола. Казалось, он жил сам по себе, устремляясь в неведомое пространство, движимый в сверкающих в лучах солнца и потоках воздуха. Лишь большим усилием воли Ольге удалось «опуститься на землю», но опять-таки ненадолго. Сам храм, освещенный шестью тысячами золотых светильников, был настолько огромен, что в нем свободно мог уместиться киевский теремной двор. И все это пространство, заключенное в стены и своды, было украшено громадными сияющими мозаиками, иконами в окладах из золота и

серебра, украшенных тысячами драгоценных камней. Колонны храма были вытесаны из цельных глыб мрамора, изумительного по красоте, пилястры отделаны полудрагоценными камнями и украшены слоновой костью.

— Кто же творец сего храма? — спросила Ольга Григория. — Это же неподвластно простому смертному.

— Ведомо мне, что собор возведен четыре столетия назад по воле императора Юстиниана[12]*.

*[12]Юстиниан I (482-565) — император Восточной Римской империи с 527г. Стремясь к восстановлению Римской империи в её прежних границах, отвоевал Северную Африку, Италию, часть Юго — Восточной Испании, постоянно вел войны с персами. Огромное значение имели проведенные по инициативе Юстиниана собрание и кодификация (Кодекс Юстиниана) действовавшего римского права. При нем процветали литература и искусство. Однако постоянные войны истощили ресурсы государства, и при его преемниках держава вновь распалась.

Сказывают, он повелел главным создателям — зодчим Исидору и Анфимию так «Возведите храм, которому нет и не будет равного в мире». Да ведомо теперь и то, что Исидор и Анфимий превзошли в красоте и величии Иерусалимский храм Воскресения Христова.

Княгиня Ольга провела в Святой Софии весь день, но, уходя, сожалела, что увидела не все. А на другой день Ольга пожелала, чтобы Григорий показал ей такие храмы, кои доступно будет поставить в Киеве и по другим городам Руси. И он привел её в храм Хора, который возвышался в бедной части Царьграда, однако же был украшен мозаиками из земной жизни Иисуса Христа. Он показал ей церкви Сергия и Вакха, Святой Ирины и Святого Андрея, которые были построены из белого камня, просты по зодческому замыслу и в то же время могли бы украсить любой город на Руси.

— Мы у себя можем возвести такие храмы. Токмо каменных дел мастера нужны, а их на Руси нет.

— Будут мастера, и много, — уверенно ответила Ольга.

Увлеченная осмотром храмов, княгиня Ольга так и не догадалась узнать, что за чудо тянется через весь город от синеющих вдали гор до

самого залива на высоких каменных колоннах. И лишь Григорий просветил её в том, как огромный город Царьград получает питьевую воду.

— Тебе, матушка княгиня, нужно знать, о чем я поведаю. Сие над нами акведук Валента, идущий от горных озер с чистой водой, — показывая двухъярусный водовод, рассказывал Григорий, — Вода из него стекает в огромные каменные цистерны Фалантену и Базилику, а оттуда идет к горожанам в дома по трубам.

— То хорошо. Но наша днепровская вода доступнее и, поди, лучше, — заметила без особого интереса к акведуку Ольга. И спросила священника о том, что волновало её больше всего: — Можешь ли ты, отец Григорий, добыть святые образы в Киев? Храмы наши убоги.

— Сие можно. Но токмо вклады нужно сделать в церкви, где есть святые и чудотворные иконы. Я же другое мыслю. Будет на то твоя воля, матушка княгиня, найду достойных иконописцев, кои сочтут за благо писать иконы на Руси.

— Волю на то даю, — ответила Ольга.

Так и было, что все сделанное в Царьграде, казалось бы, самое пустяковое, оборачивалось для державы русичей большим благом. Ольга и купцам, которые уже продали свои товары, наказала купить все возможное из церковной утвари, из церковных одежд для священнослужителей. Купцам такие покупки были по карману. Знали они и то, что княгиня расплатится сполна. И, продав свои меха, воск и мед, все другие товары, за кои греческие купцы устраивали потасовки, русичи — язычники, на удивление христианам, покупали церковную утварь и все необходимое для храмов.

И прошли две недели пребывания великой княгини в Царьграде, когда, наконец, послы Ольги доложили ей, что на среду 9 сентября 957 года по византийскому календарю архонтиса россов и её двор приглашаются в императорский тронный зал Магнавр на торжественный прием. И только в этот час Ольга почувствовала, что она оскорблена императором Византии. Как он смел держать её в гавани на судах долгих две недели и не соизволил принять? Но, вспомнив поговорку, бытовавшую на Изборской земле, «как аукнется, так и откликнется», княгиня Ольга стерпела укол. Пора было готовиться к встрече с императором Константином Багрянородным.

Глава двадцать третья

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ

Великая княгиня Ольга волею судьбы выбрала удачное время для посещения Византии. В эту пору в императорском доме входила в зрелую силу новая македонская династия. Император Константин Багрянородный был внуком основателя династии Василия Македонского[13]*.

*[13]Василий I (?—886) — византийский император с 866г.

Василий сменил на троне ничтожного умом и нравом императора Михаила. Василий правил девятнадцать лет. И уже при нем Византия вступила в полосу расцвета. Будучи сам далек от наук и изящных искусств, но известный своими государственными способностями, Василий покровительствовал наукам, просвещению и литературе. Он пользовался большим уважением первосвященника Византийской церкви патриарха Фотия, который много способствовал его образованию.

Империя в годы правления Василия Македонянина не знала войн и внутренних потрясений.

На долю его сына императора Льва VI выпала более трудная судьба. Его правление было омрачено победоносным вторжением в Византию русских дружин, ведомых великим князем Олегом. Третий император династии македонян Константин Багрянородный, как и его дед, правил империей в благодатное время, ежели не считать различных мелких потрясений. Это при нем был изобретен таинственный и устрашающий, наводящий ужас на врагов греческий огонь. Его испытала на себе дружина князя Игоря. Первые годы царствования Константин правил империей вместе с отцом Романом Лакапином и братом Стефаном. Летом 944 года неблагодарные дети, Константин и Стефан, свергли отца с престола. Когда миновали смуты внутри государства и стало мирно на его рубежах, Константин усердно

занился распространением просвещения, устройством библиотек, открывал новые школы. И сам в свободное время занимался науками, любил историю. Он по крупицам собрал все, что было связано с Русью, видя в ней будущего могущественного соседа.

При Константине Багрянородном поощрялось развитие медицины и было написано руководство по хирургии, многие другие лечебники и энциклопедические справочники. Великой княгине Ольге было с чем сравнивать развитие разума на Руси. Ей должно было благодарить Константина за то, что в Киеве появилась на языке русичей «Повесть о Варлааме и Иосафе». Багрянородный прислал эту повесть в подарок великому князю Игорю в пору заключения мирного договора с Русью. Константин и сам сочинял книги и написал трактат «Об управлении империей». Он был большой политик. А культ личности благодаря ему был возведен в империи на небывало высокую ступень. Император — это земное солнце, утверждал Константин. Власть императора божественна по своему происхождению, говорилось в уставе византийского двора, написанном Багрянородным. Утверждалось в уставе и что свое императорское одеяние и корону Константин получил из рук самого ангела — хранителя.

Не потому ли так долго пришлось сидеть на ладье великой княгине Ольге и ждать, когда «земное солнце» Константин Багрянородный соизволит принять архонтису россов?

Политика Багрянородного была нацелена не только на внутреннее устройство империи, но и на внешние связи, на влияние Византии на соседние и даже несоседние государства. Константин Багрянородный «приветствовал» прибытие великой княгини Ольги прежде всего как политик. Он знал, что в её задачи входит наладить с Византией взаимовыгодные торговые связи. Но если бы только это привело Ольгу в Византию, Константин уже давно принял бы ее. Однако, получив сведения о тайной цели архонтисы, зная гордый и самолюбивый характер славянки, император испытывал её терпение и прибегал к разного рода мелким покушениям на княжеское достоинство, заведомо создавал ей трудные условия пребывания в Константинополе, заставив две недели жить на судах и княгиню, и весь её двор. К удовольствию Константина, Ольга выдержала испытание с честью. Ее смирение пред уставами чужой страны было достойно похвалы, счел Багрянородный, и потому прервал время проволочек, кои для других государей и их

послов тянулись месяцами: сановники императора умели затягивать ожидание высоких особ и послов блестяще.

И наступил день торжественного приема императором Константином Багрянородным и его двором великой княгини Киевской и всея Руси Ольги с послами и вельможами. Этот прием был специально приурочен к послепраздничным дням православной церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Огромная свита княгини Ольги, более ста человек, пришла к императорскому дворцу ещё до полудня. Вначале княгиню Ольгу проводили во дворец одну. Ее встретил логофет, или императорский канцлер, с переводчиком и спросил о цели приезда. Ольга ответила лукаво:

— Русичи пришли поклониться земному солнцу Константину Багрянородному, императору великой державы.

Канцлер был удовлетворен ответом и дал знак военному чиновнику впустить во дворец послов и свиту Ольги. Их разместили за балясами, поясом охватывающими огромную залу для гостей, или посольскую залу. Константин Багрянородный сидел в отдалении на зеленом троне, который стоял на возвышении. За спиной императора стояло не меньше сотни сановников.

Княгиня Ольга поклонилась императору, но не земным поклоном, как предписывалось уставом двора, а как равная с равным. С минуту Ольга и Константин рассматривали друг друга. Пред Ольгой сидел на троне уже усыхающий старей, преклонного возраста. Лицо под короной в окружении белых вьющихся волос и белой бороды казалось запеченной репой. Но глаза Константина были ясные, зоркие и умные... У Ольги мелькнуло: «Благо хоть в сием не обмишулилась».

Император Константин был лучшего мнения о великой княгине, чем она о его особе. По рассказам своих послов, он давно знал, что архонтиса россос необыкновенно красива, к тому же умна, а еще, судя по её действиям, коварна и хитра. Но вот что удивляло императора. Знал же он, что архонтиса моложе его на каких-то несколько лет, но все в ней пленяло молодостью, силой и статью. Она стояла пред императором с гордо поднятой головой, прямая, как свеча. Серо — голубые глаза сияли приветливостью и почтением. Неожиданно император обернулся назад и посмотрел на своих придворных, прежде всего на женщин, коих было совсем немного. Многие из них были красивы, но такого благородства, такой осанки не было ни у одной из

них. Может быть, императрица Елена и была более яркой красоты, чем Ольга. Так ему, седому старцу, важна не красота девичья, а душа человеческая, вздохнул император, такая, как у Ольги. Нет, тут Константин не мог обмануться.

И умом она затмевала всех близких к императорскому двору женщин.

Да, умом и прозорливостью, а ещё ясновидением, кое подспудно пробивалось в ней и о чем сама Ольга пока смутно догадывалась. И то, что видела Ольга, никому в зале Магнавр не дано было видеть. Она же сказала бы, что Константину Багрянородному через два года судьба откажет в благосклонности и милости и уведет его из бренного мира.

Между тем созерцательный ритуал был завершён, и император счёл необходимым спросить Ольгу, с чем она пожаловала. Ольга бросила быстрый взгляд вправо, там стоял отец Григорий, её переводчик, он слегка кивнул головой. И она ответила императору теми словами, какие, по мнению Григория, нужно было сказать и кои она уже произносила логофету.

— На Руси ведомо, государь император, что ты есть земное солнце. И увидеть тебя смертному — великое счастье. Потому я здесь.

— Ответ, достойный великой княгини, — улыбнулся польщенный император, — Но есть ли другие причины?

— Есть, Багрянородный. Русь очень богатая держава. И мы хотим, чтобы наши купцы вольно торговали в твоей великой державе. Наши товары очень нужны твоему народу. Мы же готовы покупать у вас изделия всех ремесленников и мастеров. И ежели ты, великий император, сочтешь возможным, мы бы поговорили о торговле, сойдясь лицом к лицу. Из бухты я не могла с тобой разговаривать. Да и здесь можно токмо перекликаться.

И было сказано сие так, что Константин Багрянородный почувствовал выраженный ему упрею так с государями великих держав не поступают, не держат неделями без внимания, не заставляют стоять пред своей персоной неведомо сколько. Ольга не пощадила самолюбия императора. Быть может, она и нарушила дворцовый этикет Византии, но добивалась тем одного: уважения достоинства великих князей, великой державы.

И Ольга достигла своего. Император встал с трона, сошел с возвышения, подал Ольге руку и повел через многие дворцовые залы в

Августеон, большое круглое здание, от которого на четыре стороны уходили крытые переходы. Император и княгиня сели в золотые кресла и, когда за их спинами встали переводчики, повели беседу. И Ольге ни чего другого не оставалось, как поведать Константину искренне о том, зачем она прибыла в Царьград лично. Ведь о торговле могли договориться и послы. А вот о личных причинах, а их две, княгине Ольге желательно было побеседовать с императором самой.

— У меня есть сын, — начала Ольга, — отроку четырнадцать лет. И пора думать о невесте. Покидая Русь, я питала надежду, что ты, великий император, найдешь в своем царском роду достойную деву моему сыну Святославу.

Император слушал Ольгу с застывшей ласковой улыбкой, но сказал такое, что огорчило княгиню.

— Теперь я убежден, что россы относятся к моей империи с большим уважением, — повел речь Константин. — Мы запомним твоё откровение, великая княгиня. Знаю, сын твой отменный воин, хотя и отрок. Но знай преграду на пути твоего сына. Закон запрещает нам отдавать особ царского рода претендентам иной веры, паче язычникам.

— Но ты, Багрянородный, дай согласие на брак И считай, что Святослав будет христианином. К тому же в твоей державе есть примеры, когда язычники берут в супруги христианок

И в царском роду такое было, — дала понять Ольга императору, что ей известно больше о его дворе, чем он думает.

Константин понял, на что намекала Ольга. Было такое, когда император Константин Великий[14]*, будучи язычником, женился на христианке.

*[14]Константин I Великий (274-337) — римский император с 306г. Сделал столицей империи Византию, переименовав её в Константинополь. Прозвище Великий получил за возведение христианства в государственную религию. В 325г. созвал I Вселенский Собор.

Сам же принял христианство незадолго до смерти. Однако отвечать на Ольгино замечание император не стал, он лишь попросил:

— Подожди, великая княгиня, к разговору о твоем сыне мы ещё вернемся. А теперь скажи о том сокровенном, что привело тебя к нам.

— Откроюсь, великий император. Потому как, зажегши свечу, не надо ставить её под сосуд, но на подсвечник, чтобы входящие видели свет. — Ольга смотрела на Константина с лукавством: знает ли он, откуда сия истина.

Он отплатил ей той же монетой. Ясные глаза были озорны. И сказал то, что Ольгу порадовало:

— Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Говори же, архонтиса россов, слушаю.

— Тебе, поди, ведомо, великий император, как я наказала древлян за убийство великого князя Игоря?

— Я скорбел и ужасался, когда узнал от твоих подданных христиан.

— И я ужасаюсь до сей поры, потому как творила зло не сама по себе, а именем моей веры. Бог Перун — кровавый довлел надо мной.

— И сие мне ведомо.

— Теперь же, благодаря священнику Григорию, который принял православие на твоей земле, я увидела свет новой веры. Буду ли крещена в Царьграде, государь?

— У моих святителей не найдется причин отказать тебе, — чистосердечно ответил император.

Но сказано им было не все. И сие Ольга узнает потом, когда отцы Византийской церкви будут добиваться согласия Ольги на то, чтобы крестить всю Русь и сделать её вассалом Византийской церкви. Ольга, однако, добилась своего и была крещена без посягательств на свободу русичей. Но это будет несколько позже. А пока мирная беседа государей продолжалась. И завершилась благополучно. После чего Константин повел Ольгу на прием к императрице Елене. Она приняла архонтису россов в Золотой зале.

В пути к Ольге присоединили всех сопровождающих её боярынь. Так попросила представить Ольгу сама императрица Елена. Она сидела в золотом кресле, в сверкающем золотом и драгоценными камнями платье ало — голубого цвета, была довольно молода и красива жгучей красотой.

Бояре и боярыни Ольги, как вошли в Золотую залу, так и начали делать земные поклоны. Ольга же сочла это неуместным, лишь слегка поклонилась. Этот прием императрицей она находила для себя

ненужным. Лишь волею обстоятельств и неписаных канонов императорского двора Ольга терпеливо выстояла пред лицом императрицы и учтиво ответила на вопросы Елены, которые задавались опять-таки для соблюдения дворцовых правил и были никчемны и пусты, чем раздражали Ольгу.

Император во время беседы Елены и Ольги сидел в кресле рядом с супругой и не спускал с неё глаз, кивал в знак согласия головой, когда она задавала Ольге вопросы, но в то же время ерзал в кресле и, казалось, вот — вот вскочит на ноги и убежит, покинет свою говорливую супругу. Константин, однако, нашел повод прервать потоки слов Елены: он что-то шепнул ей и подал руку. Она встала, сделала какой-то неопределенный знак Ольге и удалилась следом за супругом. Это случилось так неожиданно, что Ольга растерялась. Но появился канцлер и повел княгиню и её придворных в Юстинианову храмину на торжественный обед.

К столу русичей позвали не сразу, все ждали императорскую чету. Наконец-то Константин и Елена появились. Они уселись за столом на возвышении, отдаленном от гостей и придворных. Ольгу же посадили отдельно от её свиты, но среди дам, приближенных императрицы. И вновь самолюбие Ольги было задето. К тому же огорчило её и то, что священнику Григорию вовсе не предложили места. На правах переводчика он стоял за спиной Ольги. Не было рядом с нею ни бояр, ни воевод, ни послов. Все они обедали в другой зале.

Ольга спросила негромко отца Григория, почему так поступили. Он лишь пожал плечами, но ответил:

— Во дворце считают, что их держава стоит над миром. Потому и поступают соответственно.

Ольга проглотила эту горькую пилюлю, а отец Григорий, понимая её состояние, пытался утешить:

— Наберись терпения, матушка княгиня. Здесь все не так, как у нас на Руси.

В это время в огромную Юстинианову храмину, где уже сидело за столами более двухсот человек, были приглашены музыканты. Они вошли тихо, словно тени. Заиграла музыка, в центре залы появились певцы и запели, восхваляя в своей песне величие здравствующего царского дома. Едва они закончили пение, как в зал вбежали танцовщицы. Их было много, полуобнаженных нимф. Их танец был

полон загадочной прелести, манящей и многообещающей, будоражащей плотские чувства. Нет, Русь, по мнению княгини, была другой, вовсе молодой, не испорченной нравственно державой. Да, на Руси девы тоже не путались появляться обнаженными, но сие случалось раз в году, в ночь на Ивана Купала.

Конечно, и таких дворцов, как императорский, на Руси не было, и блеска золота и драгоценных камней в таком обилии Русь не знала. Одних только золотых кресел для императоров и царей Ольга насчитала десять. И все яства подавались за трапезой только на золотой и серебряной посуде, и вино разливалось в золотые кубки. Ольга же сумела привезти из Киева лишь большое золотое блюдо, отделанное диамантами, которое намеревалась пожертвовать в храм Святой Софии. После согласия императора крестить её в Царьграде она захотела, чтобы крещение состоялось в первом храме державы. Потому и вклад она думала сделать в Святую Софию.

И золотых денег в киевской казне ещё мало водилось. А тут, о чем отец Григорий предупреждал, приспело новое испытание Ольгиного самолюбия. В конце обеда по воле императора всех россос одарили золотыми деньгами. И первому из русичей, богатырю Добрыне, императорские чиновники преподнесли тридцать милиаризиев — два с половиной червонца золотом. Еще слуги императора преподнесли по двадцать милиаризиев всем боярыням и двадцати княжеским послам, а также сорока трем купцам. Не забыли и отца Григория, и Святославовых воевод, и всех других, кто был приглашен на обед в императорский дворец.

В эти же минуты, когда чиновники одаривали россос золотыми монетами, Ольгу позвали к императорскому столу и там на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке преподнесли ей в дар пятьсот милиаризиев. Зачем Константин Багрянородный одарил её золотыми монетами, Ольга не догадывалась, но чувствовала, что сие не от души, а есть некая державная игра. Ольга подумала, что она с большей радостью приняла бы изделие какого-либо мастера, может быть, даже икону, нежели деньги. Они её оскорбляли. Но Ольга вынуждена была принять дар и поблагодарила императорскую чету. А чуть позже спросила отца Григория:

— Может, нас считают убогими, даря деньги?

— Нет, матушка княгиня, так всех гостей одаривает император. И когда встречает, и когда провожает. О сути расскажу потом.

Торжественная трапеза продолжалась долго. Танцоров сменили фокусники, за ними выходили укротители диких зверей. Перед гостями провели на поводке огромного свирепого тигра. Сей бенгальский тигр был кровожаден. Укротители вели его на цепях в растяжку. Он рычал так, что гости от страха закрывали глаза. Ольга в это время сидела близ императорской четы, и Константин рассказывал, как ему подарили бенгальского тигра.

— Его привезли на корабле в железной клетке, и никто не мог к нему подойти. Лишь один раб осмелился войти в клетку — и был разорван на куски. Тигр просидел в клетке, пока из Индии не прибыли укротители.

Индия оставалась для Ольги страной волшебных сказок. Но тигру она не удивилась, и страх не сковал её души. Однако то, что последовало за тем, как увели тигра, Ольгу сильно потрясло. В Юстинианову храмину под бой барабанов вошли тридцать три воина, все на подбор высокие, статные, сильные, с голубыми глазами и волосами цвета спелой соломы. При виде их у Ольги защемило сердце: «Господи, так ведь это же русичи! Как же они попали в Византию? Ведь это же ровесники Добрыни, это же при мне...» Знала Ольга, что в Олеговы времена русичи служили у византийских императоров, но не ведала того, что греки тайно вывезли в ту пору сотни дев для воинов — россос. И они стали их женами. А вот их сыновья — русичи. «Господи, как они прекрасны!» — воскликнула про себя Ольга.

Вооруженные мечами, в позолоченных латах, воины сделали по залу круг и остановились против императорской четы и Ольги. И вначале хором произнесли здравицу Константину и Елене на греческом языке, а потом так же четко на родном Ольге языке вознесли здравицу ей:

— Здравствуй, великая княгиня Киевская и всея Руси Ольга!

У неё прихлынули слезы, ей было жалко этих русичей, потерявших родину и служивших чужому царю.

Константин Багрянородный, увидев смятение и слезы Ольги, пояснил ей:

— Не пугайся, архонтиса россов, это не рабы, а свободные дети тех россов, которые живут в Константинополе многие годы.

У Ольги отлегло от сердца. И вспомнила она рассказ отца Григория о том, что ещё до Олеговых времен близ монастыря Святой Мамы вырос большой поселок, где жили русичи, кои оставались в Византии по разным причинам.

— Я люблю этих воинов. Они — гордость моей гвардии, — добавил император.

Воины взмахнули мечами, и сверкнула молния, вскинули их вверх — и снова молния. Опустив мечи в ножны, воины поклонились Ольге и торжественным шагом покинули залу. И тут княгиня Ольга поняла, почему Багрянородные государи так ценят русских воинов: они воочию убедились, чего стоят богатыри земли русской, и знают, что с великой Русью лучше любой худой мир, чем добрая ссора. И время показало, что в Византии всегда по достоинству оценивали Русь и её могущество.

Наконец-то долгий торжественный день завершился. На сей раз император и его супруга проводили Ольгу до выхода из Юстиниановой храмины, ведущего на север. Далее княгиню Ольгу и её свиту провожал канцлер. Он привел россов в большой особняк, отведенный для Ольги и её свиты. Им предстояло прожить в этом особняке месяц и десять дней. У княгини Ольги и её свиты оставалось много времени хорошо узнать быт и нравы народа великой Византии, проникнуться почтительностью к её трудолюбивому народу, к христианской вере, которая в эту пору достигла в Византии вершины своего расцвета в милосердии, человеколюбии и благочестии.

Глава двадцать четвертая

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДОБРЫНИ

И прошло три недели пребывания великого посольства Руси в Византии. И никто из русичей не мог бы ответить, чем будет богат грядущий день, какие события всколыхнут бездеятельные часы, от которых вельможи уставали больше, чем от повседневных дел и забот на Руси. Лишь послы и купцы Ольги были заняты порученным им делом. Продав свои товары, купцы закупали греческие. Да и не только, потому как на рынках вечного города можно было купить все, что шло на продажу в подлунном мире. Даже верблюдов из аравийских пустынь, даже слонов из знойной Африки продавали на рынках Царьграда. Но такие диковинные животные русичам ни к чему. А вот шелковые ткани они покупали охотно и в большом количестве. И обувь для женщин, и упряжь для боевых коней. Еще проявляли интерес к различной мебели. Что уж там говорить, на Руси пока не умели делать изящные кресла, столы, столики, стулья, диваны, шкафы, зеркала. Не жалели купцы денег и на греческие вина. Они хоть убойной силой и не шли в сравнение с русской медовухой, но ласкали нежными вкусами и ароматными запахами. А как узнали купцы, что обратно в Киев Ольга пойдет по земным дорогам, то не поскупились купить арабских скакунов. Правда, они не всем купцам оказались по карману, но хороши!

У послов были свои интересы в Византии. Им предстояло узнать, насколько точно греки соблюдали договор, заключенный с Русью одиннадцать лет назад при великом князе Игоре. И растекались русские послы по городу, искали соотечественников, проверяли, нет ли среди них тех, кто бы не имел утвержденной князем для убывающих из Руси серебряной печати. А ежели россияне вы/га вал и себя за послов, то имели ли они золотую княжескую печать. Да чтобы у всех торговых людей из Руси имелись грамоты, в коих перечислялись бы люди и корабли, убывающие из державы. Русским послам пришлось туш. Греческие чиновники слабо соблюдали многое из договора, что

касалось пребывания россов в Византии. Старший посол Гудвин каждый день докладывал Ольге о нарушениях греков. А послы под началом Гудвина работали не за страх, а за совесть и сделали немало. Они выловили много русичей, кто жил в Византии, торговал, занимался ремеслом, не имея на то права, ни печатей, ни грамот. Да ведь знали русичи, какое жестокое наказание их ждет за нарушение уставов. И убегали, и сопротивлялись. А всякое сопротивление каралось смертью.

Послам было велено узнать, как охраняют императорские чиновники торговых людей из Руси, как разбирают их ссоры с греками, не покупают ли русичи ткани тайно. Ведомо, что всякая ткань, купленная торговым россиянином по цене дороже пятидесяти червонцев, должна быть показана рыночным чиновникам. Они же прикладывали к ткани свою печать.

Работы у послов была пропасть. Они разбирались и с беглыми из Руси. И в этом деле послам много помогали русичи, живущие в поселке у монастыря Святой Мамы. Они называли греческих вельмож, у коих находились в рабстве русичи. И тогда послы звали императорского чиновника и вместе с ним шли отбирать невольников. Случалось, те сами хотели остаться у грека, и тогда хозяин платил послам Руси по две ткани или по два кафтана за каждого невольника.

По вечерам в особняке княгини Ольги послы обсуждали сделанное за день, рассказывали, что с ними случилось. При этом часто, где-нибудь в сторонке, сидел молодец Добрыня и с интересом слушал послов. Нравилось ему их дело. И как-то в середине сентября он попросил у княгини Ольги позволения идти в город вместе с послами. В эти дни старший посол Гудвин ходил со своими помощниками на невольничий рынок. Искали они по повелению княгини русичей, коих продавали в неволю грекам печенеги. Ольга наказала послам:

— Как найдете хоть девицу добрую, хоть вьюношу середовича, старца или дитя из Руси, выкупайте их моим именем и деньгами.

И Добрыня напросился к Гудвину, потому как более рьяного освободителя русичей из неволи богатырь не знал. Позже и сам он оказался дотошным искателем. Да слишком усердным. Он пытался освободить от цепей румын и немцев, болгар и чехов, хорватов и сербов. За всех невольников он переживал, как за русичей. И шептал

Добрыня про себя: «Мой бог, Перун, убереги меня от рабства, от цепей и колодок». Ан нет, Перун подвел его. И если бы не сила и отвага Добрыни, быть бы сему богатырю проданным в рабство.

На четвертый день походов на рынок рабов, когда над головой палило беспощадное солнце, Добрыня отлучился от послов в таверну испить воды. За ним увязались два подозрительных грека. Таверна располагалась в полуподвале. Добрыня спустился в нее, сел к столу и попросил принести ему воды. Греки вошли следом за Добрыней, и один из них о чем-то поговорил со слугой, который подходил к русичу.

Спустя минуту — другую к Добрыне подошла молодая и красивая гречанка и подала медную кружку. Сама же стала наливать из медного кувшина холодную и прозрачную воду. Пока Добрыня пил, гречанка мило улыбалась ему. Черные глаза её сверкали маняще и загадочно. Добрыня попросил налить ещё воды, пил медленно, любясь девушкой, и даже тронул её за талию. Она словно ждала этого и сама взяла Добрыню за руку, привлекла к себе. Семнадцатилетний богатырь послушно встал. В груди у него все ликовало, грязная харчевня — таверна показалась ему волшебной красивой. Всюду благоухали цветы, пели певчие птицы, журчала вода из фонтанов. И он не шел за прекрасной девой, а словно парил в воздухе, и она парила с ним рядом. Его сердце разрывалось от нежности и доброты. И он притянул деву к себе. Теперь она показалась ему золотоволосой и голубоглазой. Он хотел поцеловать ее, она же приложила к его лицу прохладную и ласковую руку и повела Добрыню светлым коридором. И сколько они так шли, Добрыня не ведал, но пришли, наконец, в волшебный зал, и дева усадила его на диван, сама опустилась ему на колени, обняла его за шею, и они прижались друг к другу губами.

Послы как-то вначале и не заметили исчезновения Добрыни. Лишь к вечеру старший посол Гудвин спросил Рулава — младшего, сына Олегова воеводы Рулава:

— Был ли нынче с нами Добрыня?

— Да, был, — ответил Рулав.

— До полудня кружил по рынку, — добавил посол по имени Акрим, — Ему чего, он вольный сокол.

— Ан нет, здесь не Русь, а чужая держава. Ему должно было отпроситься у меня, — строго заметил Гудвин. — Теперь же ищите его, и пока не сыщем, нет нам возвратного пути.

Послы не возразили и молча разошлись по рынку. Они долго бродили по громадной рыночной площади, заглядывали во все питейные заведения, и в то заходили, где побывал Добрыня, но вернулись ни с чем к тому месту, откуда разошлись. Наступили сумерки, и рынок уже закрывался.

— Что же вы без Добрыни? — спросил расстроенный Гудвин.

— Он не дитя несмышленое и не мог потеряться. Поди, давно близ княгини, — сердито ответил Рулав.

— Дай-то бог, — согласился Гудвин и молча отправился в резиденцию, кою послы звали меж собой подворьем русичей. Спутники Гудвина шагали следом, понуро опустив головы. Придя в посольский особняк, Гудвин сказал своим помощникам:

— Ищите Добрыню по всем покоям и углам. Но пока никому ни слова.

Рулав и Акрим снова ушли на поиски пропавшего, а Гудвин пустился в печальные размышления: что будет, ежели Добрыни нет в посольском особняке? И нужно ли бес покоить княгиню до утра? Вдруг он утром вернется? С другой стороны, ежели не сказать и ежели Добрыня впрямь пропал, то вся вина ляжет на него, Гудвина, и тогда не сносить ему головы. Зная строгий нрав княгини Ольги, Гудвин молил Перуна защитить Добрыню, где бы он ни был, привести его, как заблудшую овцу, в их стадо. Рулав и Акрим долго не появлялись. Гудвин сам отправился на поиски, но встретил своих помощников и по их кислому виду догадался, что Добрыни в особняке нет.

— Нет Добрыни на подворье. Токмо в щели не заглядывали, — сказал Рулав.

И понял Гудвин: чтобы не навлечь на себя весь гнев великой княгини, ему надо идти к ней сей же час и обо всем рассказать. Знал он, что в коварной Византии с человеком, который не вернулся к вечеру домой, может случиться все что угодно. И Гудвин отправился в покои, в которых располагалась княгиня Ольга.

Она в этот вечер занималась с отцом Григорием греческим языком.

— Хочу знать греческую речь, — сказала она Григорию на другой же день после торжественного приема императором.

— Сие токмо во славу тебе, матушка княгиня, — ответил отец Григорий, — Нонче и начнем, потому как времени у нас мало.

И вот священник и княгиня какой уже вечер упражнялись в греческой речи. В это время и появился Гудвин. Он знал, что княгиня Ольга воспримет его весть болезненно. Сын боярыни Павлы был близок ей, как и родной Святослав. Собравшись с духом, Гудвин сказал:

— Матушка великая княгиня, у нас приключилась беда.

— Говори, боярин, какая? — потребовала Ольга.

— Утром сын Никитич ушел с нами на невольничий рынок, на коем мы искали твоим повелением русичей. До полудня он был с нами, а в полдень отлучился и пропал.

— Искали?

— Все доступное нам осмотрели близ рынка и вернулись ни с чем токмо что.

— А греческих чиновников спрашивали?

— Нет. Переполох не хотели поднимать.

— И хорошо сделали, — Ольга не прогневалась на послов, не видела их вины. Сама деятельная, тут же спросила отца Григория: — Что нам делать, святой отец?

— Лучше бы уведомить канцлера — логофета. Токмо он может поднять своих людей на поиски и сделает сие тихо. Он же знает, где искать.

— Но мы-то не должны сидеть и ждать, — заявила Ольга.

— И нам придется ноне не спать, — ответил Григорий. Он знал, что в самой Византии рабство было запрещено. Но те, кто хотел иметь рабов, охотился за ними. Большинство греков считали невольников товаром, и если кто-то попадал в их руки, то вскоре же оказывался на невольничьих рынках, тайно вывозился морем из страны в арабские государства, где особо ценили рабов — славян. И потому Григорий дал единственный и верный совет: — Ты, матушка княгиня, повели своим людям — воинам, послам, купцам — не мешкая идти в гавань и встать там на страже у всех причалов и лодок близ рынка, дабы похитители не увели Добрыню на какое-либо судно. Уведут — будет худо.

— Так и поступим, отец Григорий. — И повелела Гудвину: — Иди ищи Претича и пусть моим словом поднимет всех воинов, всю челядь, и послов, и бояр, и купцов, и ведет их в город к заливу близ невольничьего рынка.

— Бегу, матушка княгиня, — ответил Гудвин и покинул покой.

— Ты, отец Григорий, проводи меня к логофету. Без его слова нас из пределов двора не выпустят.

Княгиня Ольга и отец Григорий тотчас ушли в покои канцлера. И, зная дворцовые порядки, что к канцлеру не так легко пробиться, Григорий взял крест, поднял над головой и так подошел ко дворцу, где их встретили первые стражи. Он сказал им по — гречески:

— Именем царя Константина Багрянородного идем к логофету. Откройте путь.

И два стража разомкнули алебарды, а третий распахнул перед Ольгой и Григорием дверь. Так и шли мимо многих стражей княгиня и священник, пока, наконец, не оказались перед покоями канцлера. Но здесь даже слово императора не помогло. Однако канцлеру доложили, и он вышел к Ольге. Он привел их в приемную залу, предложил кресла и спросил:

— Что заставило вас прийти в столь поздний час?

— Говори, отец Григорий, — побудила княгиня Ольга. И тот изложил суть постигшей их беды.

Канцлер легко кивал головой, шевелил пухлыми губами и затруднялся что-либо ответить россам. Он понимал, что должен немедленно оказать им помощь. Но, с другой стороны, он должен был уведомить императора. К тому, однако, до утра всякий доступ был закрыт. Не любил Константин, чтобы ночью ему досаждали и волновали. И первый императорский чиновник отказал в помощи Ольге. Сделав поклон, он сладким, певучим голосом заявил:

— Великая архонтиса россов, завтра утром мы поднимем на ноги всю армию и найдем вашего человека. Мы не выпустим из гавани ни одного судна, не проверив. А пока отдыхайте свободно и ни о чем не волнуйтесь.

Григорий не стал переводить Ольге того, что сказал канцлер, — она сама догадалась о сути. Он спросил вельможу:

— Но будешь ли ты, логофет, отвечать, ежели ноне ночью исчезнет из Константинополя племянник великой княгини?

— О, племянник! — удивился логофет. И тут же спокойно ответил:

— Но моей вины в том нет.

Однако Григорий сказал то, что испугало канцлера больше, чем если бы выразил свое неудовольствие император.

— Так оно и будет, ежели ты поможешь нам найти богатыря Добрыню. Мы же тебя просим о помощи. Но ты и глазом не моргнешь, как у стен Царьграда окажутся дружины русичей и потребуют своего брата.

Логофет в это время вроде бы дремал, но удивленно
ВОСКЛИКНУЛ:

— Господи Боже мой! Уж не ты ли тот русин, который в Романово время прибывал щит на наших воротах?

— Считай, что так оно и было, — ответил Григорий, — Потому не жди второго раза, иди к царю батюшке за позволением. Но прежде дай повеление стражам пропустить всех, кто при великой княгине, в город.

— Да, да, я сейчас распоряжусь открыть ворота, — засуетился канцлер.

А отец Григорий для острастки добавил:

— И помни, логофет, мы ничего не просим сверх договора двух великих держав, мы токмо требуем его исполнения.

Канцлер почтительно поклонился Ольге, она приняла это как должное. Ее взгляд, полный достоинства, говорил о том, что все сказанное Григорием дозволено ею. И канцлер понял это, позвал одного из своих стражей и распорядился. После сказал Ольге:

— Великая архонтиса россов, твоим людям путь открыт. Да пусть они будут осторожны: ночной Константинополь коварен и нами не управляем.

Ночь уже накрыла черным пологом великий город, когда из дворцовых ворот в полной темноте вышли человек восемьдесят воинов, послов, купцов, челяди и, ведомые Претичем и Григорием, направились в сторону невольничьего рынка. Другим путем спешили к тому же рынку купцы и челядь с подворья монастыря Святой Мамы, коих поднял на ноги Рулав. Еще двигались к заливу, словно тени, русичи из посада от монастыря Святой Мамы. Они хорошо знали близ рынка все ходы и выходы к гавани, а также в северную часть города. Они заняли улицы, дворы, и если бы кто-то захотел ночью покинуть район рынка, не остался бы незамеченным.

Купцы и воины Ольги затаились на берегу гавани, перекрыли все подходы к судам и лодкам. Тишина темной и душной ночи ничем не нарушалась: ни голосов, ни шагов — все замерло. И никто из тех, кто пришел выручать Добрыню, не знали определенно, когда, где, в

сопровождении кого появится Добрыня. Да есть ли он в городе, жив ли? Тьма вопросов, и ни одного ответа.

А Добрыня был жив. В полночь зелье, коим его опоили, потеряло свою силу, и он пришел в себя. И исчезли сказочные залы, не было благоухания цветов, не пели птицы. В полутьме подвала, освещаемого тусклым светом факела, он увидел, что руки его скованы цепью. Эта цепь справа и слева была прикована к цепям ещё двух узников. И с одной стороны он увидел молодую девицу, а с другой — чуть постарше себя вьюношу. Поодаль Добрыня увидел за столом четверых мужчин. Они громко спорили и пили вино. Добрыня дернул за цепь вьюношу, приблизил к нему голову и спросил:

— Кто ты есть?

И парень понял.

— Я есть болгарин Иван.

— А она? — спросил Добрыня и кивнул на соседку.

— То из Моравы, Ганна.

— А эти, за столом?

— То пираты. Они купили нас у греков и теперь ждут часа, когда можно будет вывести из подземелья, а ещё когда ты очнешься, — И тут же болгарин дернул Добрыню: — Замри!

Добрыня мгновенно расслабился, откинул голову к стене. Он услышал шаги по каменным плитам, ему наступили на ногу, стали бить по щекам, пытаясь привести в чувство. Он же, прикинувшись бесчувственным, терпеливо сносил побои.

Араб что-то лопотал, ругался и, наконец, оставив Добрыню в покое, вернулся к своим сотоварищам. Спор за столом разгорелся с новой силой. И Добрыня понял, что из-за него. Им нужно было, чтобы он пришел в себя, у них нет времени ждать.

Понимал свое положение и Добрыня: его никто не придет выручать. Вот помогут ли сотоварищи по беде? Надо думать, что помогут, решил богатырь. И, наклонившись к Ганне, сказал ей, дергая за цепь:

— Дашь мне свободу рукам? — И он показал, какая ему нужна свобода.

Моравка поняла Добрыню. Понял и болгарин. И вовремя. Спор за столом прекратился, и пират, который подходил к Добрыне, опять направился к нему. Теперь он был вооружен ножом и шел,

нацелившись на грудь русича. И вспыхнуло пред взором богатыря совсем недавнее. Ушел он с охотниками в заснеженную тайгу на медведя. И нашли они первую берлогу зверя. А как подняли его, да как он ринулся на Добрыню, тут молодой охотник и забыл, зачем у него в руках рогатина, отбросил её и сошелся с матерым зверем впритин. Медведь пасть разинул, вот — вот схватит Добрыню, разорвет. А Добрыня ухватил зверя за челюсти, да и свернул ему шею так, что медведь рухнул бездыханный к ногам богатыря.

И мгновенное озарение спасло Добрыню. Руки у него оказались подлиннее, чем у пирата. Он выкинул их вперед, словно стрелу из лука, и схватил пирата за горло, стиснул его будто клещами. Пират и пикнуть не успел, как осел на каменные плиты. Добрыня вырвал из руки мертвого пирата нож и отдал его болгарину. Торговцы рабами ещё поспорили меж собой, потом, очевидно старший, крикнул тому, что лежал под ногами у Добрыни, встал и направился к скованным цепью. Он шел, ничего не подозревая, и рука его вольно лежала на кинжале. Приблизившись к пленникам вплотную, он наткнулся в темноте на болгарина, и тот распорол ему живот. Пират упал с криком.

Оставшиеся за столом переполошились и растерялись. А когда схватились за оружие, было уже поздно. Русич, болгарин и моравка нависли над ними, и два точных удара ножом и кинжалом уложили пиратов на месте. Добрыня бросил кинжал на стол, но предусмотрительный болгарин сказал:

— Возьми, русич, он ещё послужит тебе, — Сам взял факел и первым двинулся искать выход из подвала, потянул за собой Добрыню и Ганну. Они прошли весь подвал, но выхода не нашли. Лишь над головой, на полуторасаженной высоте увидели люк. В одном углу были навалены бочки, всякий хлам, они раскидали все и там обнаружили в полу ещё один люк и лестницу, круто уходящую вниз.

— Иван, тебя по этой лестнице привели? — спросил Добрыня.

— Я пришел сюда по волшебному саду.

Добрыня понял, по какому саду, и сказал:

— Веди тогда вниз.

Но скованным цепью спуститься по крутой лестнице оказалось непросто. И тогда Добрыня посадил Ивана на спину, Ганну взял на руки, держась другой рукой за поручень, осторожно спустился вниз на двадцать ступеней. Они оказались в каменном жерле, по дну которого

стекали грязные воды, и пошли вниз по течению воды. Жерло, сложенное из камня, было высокое и узкое — двоим не разойтись. И теперь Добрыня понял, почему торговцы рабами добивались, чтобы он пришел в себя. Очевидно, они должны были выйти в гавань этим жерлом, а в нем Добрыню было бы невозможно вынести. К счастью, жерло оказалось коротким, вскоре беглецы услышали плеск воды, потянуло свежим воздухом, но стоки под ногами становились все глубже. Вот они по колено, по пояс, по грудь.

— Да будет ли конец? — взмолился болгарин, который был ниже всех ростом.

И судьба проявила к скованным благосклонность. Еще несколько шагов — и они оказались под звездным небом, стоя по грудь в воде гавани.

Их факел был кем-то замечен на берегу. Послышались крики:

— Вот они! Вот! Хватайте их!

Добрыня и Иван приготовились защищаться. Богатырь вспомнил про кинжал. Но тут раздался знакомый Добрыне голос Рулава:

— Ратуйте! Се наш пропавший! — И Рулав прыгнул в воду, ринулся вперед, да, к своему удивлению, наткнулся на цепь, потянул за нее.

— О Добрыня, ты в железах? — крикнул Рулав.

Купцы и послы помогли Добрыне и его спутникам выбраться на берег. Нашлись ещё факелы, их зажгли. Тут же взялись разбивать камнями цепи, но оказалось это не так просто. И Гудвин сказал:

— Не трогайте цепи, пусть идут в них, покажем царским людям.

И, громко разговаривая, расспрашивая Добрыню, русичи направились в императорскую резиденцию.

А на воде, покачиваясь на волнах, в десяти сажнях от жерла, из которого вышли Добрыня и его спутники, ждала своих хозяев и будущих невольников парусная арабская скедия. Да так никого и не дождалась. Единственный её обитатель, пятый торговец рабами, спал в эту пору и не ведал, что теперь он — единоличный хозяин разбойного судна.

Глава двадцать пятая

КРЕЩЕНИЕ ОЛЬГИ

Похищение Добрыни заставило великую княгиню строго внушить своим послам и служилым, чтобы не вольничали в городе и никуда в одиночку не отлучались. И Добрыне от княгини досталось. Да он был герой, и похвалы ему выпало больше.

Император Константин тоже беспокоился случившимся и приказал канцлеру усилить охрану послов россов, кои выполняли в городе уроки Ольги. И жизнь в посольском особняке вновь потекла тихо и мирно. Однако эта благодать без какого-либо действия была не по душе Ольге. К тому же её тянуло домой, и однажды она сказала Григорию:

— Ох, батюшка Григорий, были бы у меня крылья, улетела бы в Киев. Господи, как я устала от ожидания.

— Э — э, матушка, наберись терпения. Оно никогда не бывает во вред, но токмо во благо. Нам с тобой и вовсе скучать некогда. Пора нам, матушка княгиня, повторять урок. Открывай книгу, читай заданное и перекладай на родную речь.

— Ох, отец Григорий, ты строг ко мне чрез меру! Како же можно так, чтобы за месяц выучить чужой язык?

— Э — э, матушка, и жизни на то мало. Да мы с тобой пока азы твердим.

Но спустя месяц после того, как русичи поселились в императорской резиденции, княгиня Ольга уже читала церковные книги греческого письма и переводила их на свой язык. Правда, пока это ей стоило огромных усилий. Однако Григорий и тому радовался. Велик ли срок — месяц! Их беспокоило лишь одно: проволочки, кои был хорошим умельцем создавать император Константин. Поскольку Ольга стояла на том, чтобы её крестили в Святой Софии, то разрешить это мог только Константин Багрянородный. И хотя в сентябре Ольга трижды напоминала ему о своей просьбе, император отказывал по всяким, порою смешным, поводам. Он был суеверен. Увидев

народившуюся луну от себя справа, счел, что сентябрь будет неудачным месяцем в его жизни.

— Потому говорю тебе, архонтиса россов, не могу быть твоим крестным отцом в сентябре. Он неласков ко мне.

— Но у меня нет сил больше ждать. И я приму крещение в любом из твоих градских храмов. И крестным отцом моим будет угорский князь Такшоня, который прибыл к тебе с визитом.

— Ну нет, тому не бывать! — возмутился Константин, — К тому же он язычник. Говорю тебе — назначай день крещения в октябре сама. И да будет на то воля Господня, я встану возле твоей купели крестным отцом.

— Спасибо, государь, я всегда знала о твоём человеколюбии. Нонче же за вечерней трапезой я назову тот благодатный день.

Вернувшись от императора в свои покои, Ольга позвала отца Григория и попросила его:

— Ты мой духовный отец, потому прошу тебя найти в первых числах октября благодатный день для принятия святого таинства.

— Он предо мной в сиянии свечей. Это день святого апостола Филиппа. Воскресение одиннадцатого октября.

— Хочу знать, кто же был сей апостол, чем праведна его жизнь? Ведь это будет мой день, не так ли?

— Твой, матушка княгиня, и ты узнаешь о святом Филиппе все, что о нем ведомо. Да, был он подвижником и по воле Ангела Господня проповедовал слово Божие в аравийских землях Востока. Большого я о нем не ведаю, да нам и не надо. Теперь же нам с тобой нужно позаботиться о том, чтобы ты не одна уехала из Царьграда христианкой. К тому побудить нужно ближних.

— Я думала о том, отец Григорий. Но было же мое слово никого не влечь за собой силой, — ответила княгиня.

— Зачем же силой! Есть слово убеждения. Тебе, матушка княгиня, должно быть ведомо, что недостойно будет возвращаться на Русь без единоверцев. Осудят тебя по всей державе за то, что не подвигнула к новой вере своих вельмож, свою челядь.

Ольга была недовольна такой откровенностью своего духовного отца. Самолюбие её было задето. Выходило, что она должна нарушить свое слово и принуждать кого-то. С другой стороны, было бы неверно

и даже нелепо отказаться обратить в новую веру тех, кто искренне предан ей. И, довольная тем, что нашла достойный выход, она сказала:

— Твои доводы крепки, отец Григорий, но не мне же идти к моим вельможам и послам со словами убеждения.

— Верно, матушка, не тебе. То слово скажу я. Да помнила ли ты, как мы согласились на том, чтобы вознести слово ко всем, кто за тобой: «Княгиня пошла, и мы за нею!»

— На то даю тебе мою волю. Крикни в нужный час мое слово.

Отец Григорий был доволен достигнутым. Княгиня согласна с тем, чтобы её двор стал христианским. И теперь, считал он, все будет зависеть от него: найдет ли он сильное слово убеждения, сумеет ли открыть величие православной веры сонму язычников, кои окружали княгиню.

Оставалось надеяться на то, что люди близ княгини истинно преданы ей и потому не захотят бросить тень на княжеский двор, будто бы в нем есть раскол. Но священник понимал, что достичь цели можно только действием. И Григорий попросил КНЯГИНЮ:

— Ты мне дозвожь, матушка, в эти дни до воскресенья побыть среди вельмож, послов и купцов.

— Дозволяю, отец Григорий.

— Еще дозвожь позвать их в храмы. Они же не видели, что есть дом Господень внутри, не слышали слова Божия с амвона.

— Да пустят ли их в храмы, язычников?

— Сие моя забота.

Получив свободу действий, отец Григорий перво — наперво отправился в ближайšie от собора Святой Софии храмы, дабы договориться с протоиереями о том, чтобы при надобности исполнили обряды крещения над русичами. Он знал эти храмы, бывал в них в годы жизни в Царьграде. И первой на его пути оказалась церковь Святой Ирины. У привратника отец Григорий узнал имя протоиерея. Его звали Ираклий. Псаломщик привел Григория в ризницкую, где он и встретился с Ираклием. Григорий хорошо разговаривал по — гречески, и потому их общение было приятным.

— Я служил в Царьграде в прежние годы в монастыре Святого Мамонта и в церкви близ монастыря Святой Мамы. Ноне же пришел просить о крещении руссов.

— Не из тех ли, что при дворе великой архонтисы? — спросил Ираклий.

— Да, то люди, близкие к княгине Ольге, — ответил Григорий.

Ираклий улыбнулся, черные глаза его засветились радостью.

— Сие почетно для нашего храма. Приходите утром в воскресенье, и мы исполним таинство крещения, — заверил протоиерей Ираклий.

— Да воздаст тебе Всевышний за доброту к руссам, — поблагодарил отец Григорий.

Так и в других церквах встречали отца Григория приветливо и были готовы окрестить все посольство Ольги. К вечеру того же дня у Григория осталась одна нерешенная задача: побудить вельмож и челядь княгини расстаться с идолами, прийти в лоно православной веры. Вернувшись в посольство, ободренный удачей в храмах, отец Григорий зашел во флигель, где жили воины из дружины Святослава и среди них находился его бывший служка, сторож храма Святого Илии Микула — христианин. И надеялся Григорий легко увлечь Святославовых воинов принять крещение. Но все получилось не так, как он предполагал.

Воины встретили отца Григория приветливо, зная, кто он при княгине Ольге. Но почтительности к его сану проявили мало. И когда отец Григорий завел речь о Христовой вере и позвал их принять христианство, они засмеялись и откровенно сказали:

— У нас князь сын бога войны Перуна, а мы дети князя. Потому, отец, иди зови ст арцев за собой, а нас не мани. Мы уж своему богу войны, грома и молнии вместе с князем послужим.

— Но, дети мои, — продолжал убеждать священник, — вы же пребываете в сердце православия, вы видите его величие и торжество в сей державе, так порадейте за Русь, подвигните ее, как воины, к победе над тьмой язычества. Ваш князь останется доволен вами.

— Как бы не так! Ты, святой отец, не знаешь нашего князя. Бог войны у него на знамени. Как же он будет мириться с вами, отступниками? Нет, нет, оставь нас в покое!

— Но ежели матушка князя войдет в храм Господень, останется ли за порогом её сын Святослав? Вот о чем подумайте. Потому и зову к подвигу.

Но воины Святослава оказались правы, а священник Григорий ошибался. Он плохо знал Святослава. Ничто не могло отторгнуть его от веры великого князя Олега, его кумира. И сказали воины Григорию твердо:

— Полно, отец, не трать напрасно время, мы не изменим ни нашему князю, ни вере отцов.

Отец Григорий был смущен. Не хотелось ему уходить несолоно хлебавши. Но и лезть на рожон, как понял, было бесполезно. Твердости характера воинам Святослава не надо было занимать. И он ушел, чтобы на досуге поразмыслить над случившейся с ним досадой. А вечером, за трапезой, пред лицом вельмож и послов он повел себя осторожнее. Не хотелось ему ещё раз попасть впросак. Испросив у княгини Ольги позволения говорить, он начал издалека.

— Говорю вам, русичи, нет среди нас ни одного, кто бы не любил красоты, не тянулся бы к ней, кто не хотел бы видеть мир гармонии, коя есть основа красоты. И вам есть чем величаться, что поведать детям и внукам. Вы прикоснулись к источнику истинной красоты и гармонии, коя всюду окружает нас в Византии. Но видели вы лишь маленькую толику, лишь внешнюю сторону жизни великой державы. А есть ещё внутренняя сторона красот и гармонии. И я зову вас увидеть ее, дабы взоры ваши приласкала, сердца приголубила, дабы вы приобщились к прекрасному. Говорю вам: мы испросили позволения патриарха Вселенской церкви Полиевкта войти в храм Святой Софии, дабы вы воочию увидели рай земной, дабы услышали боже ственное пение и благочестие богослужения. Не пугайтесь. Ежели в вас крепка вера отцов, вы покинете храм такими же, какими вошли. Там нет чародейства.

Вельможи и послы великой княгини Ольги были не так глупы и близоруки, чтобы не понимать, не видеть, куда клонил свою беседу священник Григорий. Многие знали его судьбу. Теперь видели, к чему привело его подвижничество. Встать рядом с великой княгиней и быть её духовным отцом — такое и верховному жрецу Богомилу не снилось.

Достойный похвалы воевода Претич размышлял просто: язычество — религия доморощенная, а Перун — выдумка волхвов и колдунов себе на пользу, дабы дурманить дикие лесные племена и народы необъятной Руси. Потому Перуну можно поклоняться до той поры, пока не узнаешь суть других религий, коих в мире много. Они

все разные. Но та религия, коя царствует многие века в Византии, наилучшая из прочих. Претич уже побывал в Святой Софии и в других храмах. Он же сопровождал Ольгу во всех её походах по Царьграду. Какие храмы! — удивлялся Претич. Какая благодать пения — слушал бы полными днями. Да ведь самое-то главное в Византийской церкви и у её пастырей — это милосердие. Тут не сжигают грешников на жертвенных камнях пред идолами и на уличных кострах на виду у толпы. Тут не проповедают убийство, грабеж, прелюбодеяние, насилие, измену, предательство, коварство. Ему ли, воину, не знать, сколько страдают люди от всех тех зол, кои у Перуновых детей в чести. Нет, он, воевода Претич, за миролюбивую, человеколюбивую и достойную по чести веру. И потому пора попросить отца Григория, чтобы он не только рассказывал о торжестве православной христианской веры, но и позвал их, язычников, в её лоно. И Претич с присущей ему смелостью сказал:

— Ты, отец Григорий, погоди нас увещевать и звать к любованию красным ликом здешней церкви. Ты скажи нам прямо...

И в сей миг отец Григорий поднял руку. Он испугался, хотя никогда не считал себя человеком робкого десятка. Он вспомнил свой конфуз среди воинов Святослава и подумал, что сейчас все повторится. Нет, допустить сего нельзя и будет лучше, ежели Претич уйдет к своим воинам. Просить, просить великую княгиню о том, чтобы услала воеводу.

Но и княгиня Ольга не была безучастной к беседе и к вторжению в неё воеводы Претича. Она увидела в глазах Претича вовсе иное, а не то, что священник Григорий. Она поняла, что Претич давно порывался сказать открыто о своей тяге к христианской вере. Да все что-то сдерживало его. К тому же там, на Руси, возникало много чреватого для самовыражения. А тут... И Ольга сказала Григорию:

— Святой отец, пусть воевода Претич скажет о наболевшем.

Григорий посмотрел на Ольгу внимательно. Ее спокойное, уверенное лицо помогло ему понять. Она верила в своего воеводу — он умен и хорошо понимал, куда клонится судьба не только его государыни, но и всей державы. Русь, по его мнению, пойдет по пути тех держав, кои были в своей зрелости и во всем достигли совершенства. Да, Византия была именно такой державой. Священник согласно кивнул головой и спросил Претича:

— О чем ты хотел узнать, достойный воевода?

— Времени у нас мало, святой отец, засиделись мы в Византии. Потому думаю, как великая княгиня примет новую веру, так домой тронемся. Вот и хочу знать, когда ты, святой отец, благословишь нас, вот здесь собравшихся, пойти в греческие храмы и там встать под знамена Христовой веры? Слушаю тебя, святой отец!

— Слушаем! Слушаем! — донеслось из разных концов трапезной.

Отец Григорий почувствовал, как что-то екнуло в груди, как ком подступил к горлу, на глазах выступили слезы. А вельможи продолжали требовать:

— Веди нас к святой купели!

Григорий справился с волнением.

— Славные мои русичи, вы всегда были дерзки, смелы и благородны. Нынче утром я так и думал, что все вы, как в битву, пойдете за великой княгиней. Потом было сомнение и разочарование: молодые меня не поняли. Теперь же я счастлив, потому как надежда моя оправдалась. Оттого говорю: вас ждут в храмах Святой Ирины, Святого Андрея, в церкви Хора и в храме Сергия и Вакха. И ежели матушка княгиня не возражает, то мы завтра же побываем во всех этих храмах, дабы вы знали, где вас будут ждать святители.

И княгиня Ольга сказала свое:

— Говорю вам, дети мои, нет у меня супротивности, вы вольны. Да и зачем возражать, ежели силы мои прибывают с каждым новым христианином на Руси. И ещё говорю принародно: тебе, святой отец, земной поклон от меня и от всех русичей, кои за моей спиной, за то, что ты подвигнул нас к свершению святого таинства Господня! — И в порыве благодарности Ольга подошла к отцу Григорию и трижды поцеловала его. — Так-то вот, от нашей щедрости.

На другой день после откровения в трапезной император Константин Багрянородный дал знать княгине Ольге, что он согласен на исполнение обряда крещения в воскресенье одиннадцатого октября и готов стать её крестным отцом.

И закружилось все в русском стане, будто люди спешили на пожар. Теперь оказалось, что вельможам и послам важно опередить друг друга на пути к купели. Но священник Григорий распорядился мудро. Он установил очередь, и первыми шли те, кто почтеннее возрастом, но не чином. И по этой причине суетиться никому не

пришлось. С утра отец Григорий собрал нескольких старейших россиян и повел их в храм Святой Ирины. Возвратившись на подворье, он повел другую группу в храм Святого Андрея. Правда, те, кто был помоложе, проявили смущение. Ведь шли вместе креститься мужчины и женщины. Там же они входили в купели в своем естестве. Но смущение скоро прошло, потому как крещаемые забыли о нем за торжественностью и величием свершаемого таинства. И когда священники надевали на грудь крещаемого золотой нательный крест на золотой цепочке, то все смотрели на него, а прочего не замечали. Крещение большей частью проходило при Григории. И он переводил русичам слова священников: «Ежели кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». Трижды погружались новообращаемые в святую воду, а как выходили из воды, им и надевали золотые кресты. И пел хор величальные псалмы, и под куполом храма, казалось всем, кружили Ангелы. И каждый из русичей становился иным человеком — христианином и получал новое имя от крещения. И появились на Руси незнакомые ранее имена: Андрей, Анна, Василий, Ирина, Надежда, Павел, София и Мария.

Получив наставления от священников, вельможи, послы и челядь покидали храмы степенно, полные достоинства и гордости: отныне они в духовном родстве с великой Византией. Особенно же этим были довольны купцы, кои часто приезжали торговать в Царьград, да были ущемляе мы — язычники. При крещении торговые гости делали в храмы богатые вклады. Нашелся у них в тайных запасах и воск на свечи. Они ставили на подсвечники фунтовые и даже пятифунтовые свечи, чем удивляли царьградских священнослужителей. Три дня по случаю крещения в посольском особняке и на подворье монастыря Святой Мамы звенели серебряные кубки, лилось вино. Всех принявших крещение княгиня Ольга поздравляла и одаривала милостью.

Однако главное событие для россиян пришло в воскресенье. И тут оказалось, что раннее крещение вельмож, послов и челяди пошло им во благо, потому как они были допущены на богослужение в честь великой княгини в собор Святой Софии, куда язычникам вход был заказан.

По совету отца Григория княгиня Ольга пришла в храм со свитой к утрне, коя посвящалась земной жизни Иисуса Христа. Ольга поняла

значение утрени. Пение хора на клиросе напоминало ей о бренности земного бытия, о вечном блаженстве в Царстве Небесном.

Но вот утренняя литургия закончилась. В храме появились император Константин Багрянородный и патриарх Полиевкт. Близился обряд крещения. Мужественная и смелая Ольга испытывала душевный трепет. Понимая её состояние, отец Григорий посоветовал:

— Матушка княгиня, вспомни святые слова канона Ангелу Хранителю. Ольга и не поняла сразу, чего от неё хочет отец Григорий. Но, подумав, уразумела, и тихо потекли слова молитвы:

— Ангеле Божий, хранителю мой святой, живот мой соблюди во страхе Христа Бога, ум мой утверди во истинном пути, и к любви горней уязви душу мою, да Тобою направляема, получу от Христа Бога великую милость, — Еще не завершив молитву Ангелу Хранителю, Ольга почувствовала, как сердце её успокоилось, как трепет в груди исчез и на душе стало спокойно, все воспринималось отрешенно, словно и не с нею происходило.

В сей миг Григорий взял Ольгу под руку и повел в правый придел храма, где стояла золотая царская купель. Император и патриарх оказывали великой княгине небывалую почесть, допустив исполнение обряда крещения в купели, коя служила императорскому дому. К Ольге подошел патриарх Полиевкт и спросил:

— Дочь моя, известны ли тебе святые таинства?

— Да, святейший, — ответила Ольга.

— Сочти их, — попросил патриарх.

— Святых таинств семь: крещение, миропомазание, причащение, покаяние, брак, елеосвящение и... — тут Ольга замялась, пытаясь вспомнить седьмое таинство.

— Не тщишь, дочь моя, — выручил Ольгу патриарх. — Ты усвоила нужное. Да ведомо ли тебе, что действие таинства совершается Самим Господом Иисусом Христом, а священнослужитель лишь исполняет Его веления?

— Сие ведаю, святейший.

— Помни и то, что святые таинства есть средства общения между собою верующих, составляющих единое Христово тело — церковь. И благодать таинства сообщается в зависимости от веры. Сие тоже помни. Знай и то, дочь моя, что великое таинство крещения установлено Самим Господом нашим Иисусом Христом, наказующим

ученикам своим: итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Беседуя с Ольгой, Полиевкт спросил ее, знает ли она десять Божиих заповедей и Символ веры, слышала ли о Нагорной проповеди.

Григорий все переводил Ольге. Она же отвечала по — гречески утвердительно, и патриарх остался доволен обращаемой в христианскую веру. Полиевкт приступил к обряду крещения. Он взял Ольгу за руку и обвел её вокруг купели. Потом к ней подошли две услужительницы и сняли с неё одежды. Патриарх же снова взял её за руку и привел к ступеням купели, побудил войти в воду. И Ольга вошла, и воды ей было по грудь. Патриарх положил на голову Ольги руку и побудил трижды окунуться, а после третьего раза спросил:

— Что ты узрела, дочь моя?

И Ольга, сверкая радостными глазами, ответила:

— Я узрела архангела Михаила, защитника всех верующих христиан.

— Отныне тебе наречено имя Елены. Храни честь этого святого имени. Аминь, — сказал патриарх, взял Ольгу за руку и вывел её из купели.

Тут подошли к ней услужительницы и накинули ей на плечи белое покрывало. А подошедший Константин надел ей золотой крест в бриллиантах и обвел её трижды вокруг купели, говоря при ТОМ:

— Ты вошла в лоно христианской церкви, ты умерла для жизни грешной и возродилась в жизнь духовную, святую.

Сама Ольга чувствовала себя народившейся заново, будто вновь явилась миру отроковица Прекраса. Но нет, Прекраса уже далеко, она — Елена. И новое имя её возносит, у неё крылья, вот она поднялась на луговой берег из прозрачной реки Рось и готова лететь дальше, над Русью, над Византией.

Грезы были короткими. Константин подвел её к образу Пресвятой Богоматери. Икона была выше человеческого роста. Богородица Мария сидела в кресле, а её сын Иисус Христос стоял у неё на колене. Константин Багрянородный встал справа, а патриарх Полиевкт — слева от Ольги, и они все трое опустили на колени пред образом и стали креститься. Ольга осенила себя крестным знаменем и сделала земной поклон впервые и удивилась, какой благостью это отозвалось в

душе. После она вместе с императором и патриархом зачала канон молебный к Пресвятой Деве Марии:

— К Богородице прилежно ноне притецем грешными и смиренными.

Когда же все трое встали, патриарх ещё раз напомнил Ольге, что ей дано носить ещё одно имя, да суть того пояснил:

— Ты наречена в святом крещении Еленою не случайно. Помни, что сие имя дано в честь матери императора Константина Великого. Помни и то, что святая Елена много радела об укреплении христианства в нашем государстве. Того и тебе желаю. Радей за веру и обретешь Царство Небесное.

По завершении обряда княгиня Ольга сделала свой вклад в храм Святой Софии, преподнесла патриарху Полиевкту большое золотое блюдо, в отделке «камень драгий».

Возвращалась княгиня Ольга — христианка в посольский особняк в сопровождении всего своего двора. Вельможи, послы, купцы, челядь — все они были свидетелями крещения Ольги. И по обычаю христианства в этот славный день княгиня Ольга устроила праздничный пир.

Глава двадцать шестая

РАЗМОЛВКА

До самого крещения Ольги и после исполнения обряда ещё два дня император Константин был очень благосклонен к княгине Ольге. По её просьбе он запретил чиновникам нарушать договор Византии и Руси, он не принимал послов других держав за время присутствия Ольги в Царьграде. Послы и свита Ольги не испытывали ни в чем нужды, их хорошо кормили, охраняли, и они были вольны бывать где им вздумается.

Но за пять дней до того, как россам покинуть Константинополь, у Константина и Ольги состоялась тайная встреча. При них не было даже переводчика. Им было о чем поговорить наедине. В тот день, вскоре же после утренней трапезы, за Ольгой пришел логофет.

— Великая княгиня Киевская и всея Руси, — торжественно начал распорядитель дворцового церемониала, — тебя желает видеть василевс Константин Багрянородный.

Княгиня Ольга ждала этого приглашения. Она ещё надеялась, что теперь, после крещения, он проявит к ней милость и выдаст за её сына Святослава одну из принцесс императорского дома. Еще она надеялась, что император повлияет на патриарха, который упорно добивался сделать русскую церковь зависимой от византийской. Втайне Ольга думала сделать на Руси христианство государственной религией, как это есть в Византии. Вот и хотела посоветоваться с василевсом о своих тайных побуждениях. Что он скажет, спрашивала себя Ольга. Да ясно было, как божий день: одобрит. Потому как от языческой-то Руси можно ожидать каких угодно угроз и обид. Сколько уже претерпела Византия от русичей — язычников. И её Святослав, поди, попытается добыть славу под стенами Царьграда, коль будет пребывать в язычестве. Мудрая Ольга рассуждала здраво. Однако же наткнулась на препону. А ну как, одоббив её деяния, греки все-таки поставят над Русью свою церковную власть? Византийский патриарх,

митрополиты, епископы — сильны. И как хлынут на Русь утверждать свою веру, прижмут — придавят ее, сделают своим вассалом.

Княгиня Ольга пыталась погасить свои мрачные мысли. Она же знала, что ни Русь, ни её саму княгиню, голыми руками не возьмешь. Стоит только русичам шевельнуть плечами, как от той зависимости лишь пыль на плечах останется, как после победного похода. И будь что будет, но свое тайное желание она выложит василевсу Константину, решила Ольга. И про невесту для Святослава вновь подумала: «Уж коль назвал ты, василевс, меня своей дочерью, то и сына моего за внука сочти».

О многом подумала княгиня Ольга, пока шла за важным и надменным канцлером. Он привел княгиню в малую залу, отделанную зеленым шелком с вышитыми на нем золотой нитью райскими цветами и птицами. В зале стояли лишь два кресла и стол, отделанные слоновой костью. На столе в огромной вазе из ярко — красного с белыми и голубыми прожилками камня плавали две белые и три алые розы.

Логофет предложил Ольге сесть в кресло и покинул ее.

Тишину залы нарушали лишь журчание воды за окнами и дуновение легкого ветра, вольно проникавшего в помещение. Сидеть сложа руки Ольге не хотелось, и она встала, подошла к окну. За ним раскинулся сад с диковинными деревьями и цветами. Ольга залюбовалась чудесным зрелищем и не слышала, как в зале появился император Константин. Он кашлянул, и Ольга обернулась. Император сидел в кресле и улыбался. Несмотря на преклонный возраст, он был жизнелюбив. Ольга не раз замечала, что он часто улыбался и в глазах жил постоянный интерес к окружающему миру Константин пришел без толмача. Он счел, что Ольга уже достаточно хорошо понимала его речь, и потому не хотел лишних ушей.

Вначале они поговорили о пустяках. Константин спрашивал, как Ольга — Елена чувствовала себя после крещения, хорошо ли спала, не потеряла ли вкус к пище, гуляла ли в саду, что видела. Ольга отвечала на все вопросы правильной греческой речью. И Константин похвалил ее:

— Ты хорошо преуспела в нашем говоре. Потому, думаю, мы можем вольно поделиться тем, что волнует нас с тобой, государей двух великих держав.

— Спасибо, василевс Багрянородный. Как мне было не познать твою речь, ежели она так благородна.

— Ах, Ольга — Елена, я теперь об одном сожалею, что стал при крещении твоим крестным отцом.

— Сие почему же, великий государь? Мне лестно быть твоей дочерью.

— Для тебя отрада, а мне... Мне бы хотелось иного. Достойна ты царствовать со мною в столице моей.

Ольга весело засмеялась. Она и впрямь была так красива и величественна для своих лет, что хоть под венец веди.

— Полно, василевс. Что нам делать в супружестве? Разве что в ладушки играть. Да и жена у тебя ой как молода.

— А не будь жены? Пошла бы царствовать со мной? Ты ведь вдовая.

Про себя Ольга подумала: «Пошла бы». Константинову же ответила:

— Не ведаю. Как бы сердце что-то вещало...

— Обманываешь ты меня! — переключиваешь. Подумала же: пошла бы. Ой, хитра! — И василевс махнул рукой — Да и я хорош, при живой-то жене тебя ласкать надумал. — И засмеялся император, смотря на загадочную северянку с интересом, словно пытался разгадать её таинственную душу.

На лице Ольги блуждала улыбка, голубые глаза смотрели на Константина спокойно, почти ласково. На белом нежном лице играл легкий румянец. И ни одной морщинки — ни у глаз, ни в уголках красиво очерченных губ, ни на мраморной высокой шее. «Чудо, чудо, — твердил про себя Константин. — И как тебя приласкать, божественная женщина?» — И невольно из его груди вырвался горестный вздох.

Вещая Ольга сказала на то:

— Полно, батюшка Константин, ты видишь во мне только женские прелести, а худое не желаешь видеть. Я же норовом коварна и зла.

— Чего не может быть, того не может! — И Константин стукнул сухоньким кулачком по подлокотнику кресла. — И не должно. Ты умерла для грешной жизни, сказано было мною, но возродилась для духовной святости.

— Что же мне теперь делать, славный василевс?

— Да ничего. Так и будем повелевать далее. Вот сейчас мы с тобой и к размолвке подойдем, потому как знаю, что заведешь речь о сыне своем Святославе. Еще о христианстве, коему хочешь открыть дорогу на Руси. Или не так я сказал, Еленушка?

«О, мы стоим друг друга, — удивилась Ольга, — он во мне все читает, словно в открытой книге, а я в нем, как следы на снегу».

— Обидно, государь. И почему у вас такие жесткие уставы? Сынт-то у меня красавец и богатырь, и воин славный. Да помни, василевс, как не отдашь за него свою принцессу, так ещё жалеть будешь.

— Жалел бы, да не дано мне сие видеть. Другое зрю на горизонте — заснеженный пик моей брэнной сути. А вот устав нарушить не могу. Прошлым летом император Германский Оттон навестил наш Константинополь и просил руки для своего сына.

— И что же?

— Отказал. Уж какие он громаы — молнии метал. А я — пленник уставов, мной же написанных. Да ты не печалься, архонтиса россов. Сын твой ещё молод и пусть погуляет.

— Зачем так говоришь, государь? Знаешь ведь, что о династии нужно радеть с появлением на свет наследника. Мне было пять лет, когда князь Олег сговорил меня за князя Игоря.

— Сие мне ведомо. Но не обессудь, великая княгиня, не простят мне потомки, ежели нарушу устав, — Император глубоко вздохнул, голову склонил набок, в глазах печаль тусклая появилась. — Теперь вот и не знаю, как дальше вести с тобой разговор, а для меня он жизненно важен.

— Говори, государь, выслушаю, — ответила миролюбиво Ольга, хотя в душе миролюбия оставалось на донышке.

Но император уже не нацеливал на неё своего ясновидящего взора и потому не «прочел» её внутреннее состояние.

— Помощь моей державе нужна военная. Стаи коршунов летят к Византии, вот — вот терзать её начнут. С юга арабы замахнулись, а с севера болгары тянут руки в мои пределы. С моря Средиземного норманны подступают. Знаешь же, какие они свирепые, как коварно совершают свои набеги, все опустошают и уводят моих подданных в рабство. А сил для защиты мало. Вот и...

— Я тебе сочувствую, государь. И как вернусь в Киев, постараюсь помочь твоей беде.

— Помоги, Христом Богом прошу, — смиренно произнес Константин, — Потому как не к кому больше идти. Сколько лет никто не тревожил мою страну, а тут словно гибель мою почувствовали, — Император страдал искренне. Да, может быть, ясновидящий взор его пронизывал пласт грядущего времени, и ему открывались все беды и несчастья, кои обрушатся с годами на одну из самых могущественных империй Средневековья.

— Сколько же тебе потребуется воинов? — спросила Ольга.

— Не ведаю. Да придут мои послы следом за тобою, так скажут.

Заверив императора ещё раз в том, что военная помощь ему будет оказана, Ольга, полная отчаянной решимости, открыла Константину сокровенное.

— Ты, государь, сделал для меня многое. В твоей державе, полной торжества христианской веры, я увидела истинного Бога — Иисуса Христа и Его мать Пресвятую Богородицу. Теперь же мне пришло время порадеть за своих детей. И я хочу добиться согласия восточных патриархов на крещение Руси. Потому слово твое патриархам может положить конец моим сомнениям: достойна ли Русь крещения? Ты её знаешь лучше, чем многие.

Император Константин долго молчал. Он и порадовался порыву великой княгини, и опечалился. Он готов был призвать восточных патриархов к подвигу во имя Христовой веры, побудить их на крещение великого народа россов. Но испугался, что молодой народ россы, объединившись под знаменами христианской веры, достигнет в скором времени небывалого могущества и, как это бывало в истории, подомнет под себя породившую его Византию. Он знал, что сие может произойти не вдруг, пройдут, может быть, многие годы, когда Византия вовсе одряхлеет. И тогда великая северная держава, сильная единой религией, продиктует Византийской империи свои условия.

Станным образом, но Константин Багрянородный увидел нечто сходное в том, чего добивалась княгиня Ольга и чего добился в далекие времена император Константин Великий. Он был язычником, когда сблизился с христианами, служившими при его дворе. Он воочию убедился в превосходстве христианства над язычеством. И в противоположность своим императорам — предшественникам видел в замене язычества христианством не падение империи, а обновление её жизни новыми началами. Он знал, каким сильным братством

соединены между собой христиане, какими верными подданными они могут быть и какую прочную опору они составляют для государства. Так оно и было в пору правления империей Константина Великого. Именно этого и испугался Багрянородный, представив себе расцвет христианства на Руси. Не желал он видеть Русь могущественной державой ни ныне, ни в грядущие века. Сам того не ведая, он вбивал клин в наметившиеся дружеские отношения с великим северным соседом.

Чуткая и легкоранимая Ольга поняла ещё до того, как Константин ответил на её душевное откровение, что император ничего не пожелает делать для того, чтобы при нем на Руси родилось христианское государство. И улетучи лось из россиянки благочестие, будто сдуло его холодным ветром. И чтобы не испытать ещё большую горечь, можно было уже не слушать императора о том, что он скажет, а просто встать и уйти. Но, приученная отцом Григорием к терпению, она дождалась, когда Константин выплыл из своих мрачных раздумий и выразил свое закутанное в лесть мнение. И вещая Ольга ни в чем не ошиблась, разве что сказанное состояло из таких слов, какие она не ожидала услышать.

— Ты, дочь моя ласковая, великая княгиня Киевская и всяя Руси, мать великого народа, прости меня, грешного, я не властен побуждать слуг Вседержителя, патриархов и митрополитов, к действиям, кои им не по духу. Только Господь Бог может их надоумить. Потому наберись терпения и жди со смирением того часа. Да не печалуйся, народ твой молод и у него много времени впереди обрести Христову веру. — Сказав горькое медовым голосом, Константин потянулся сухонькой рукой к руке Ольги, которая лежала на подлокотнике кресла, но не успел до неё дотянуться и погладить, как желал.

В сей миг Ольга встала, сдерживая негодование, тихо сказала:

— Да хранит тебя Всевышний, император Багрянородный, — поклонилась слегка и направилась к двери.

Константин попытался остановить ее, вскинул было вслед руку, но нужного слова не нашел, и рука упала на колени. Он так и остался сидеть молча и неподвижно.

Вернувшись в посольский особняк, Ольга собрала в трапезной свиту и сказала:

— Досталь нам пребывать здесь. На сборы вам даю три дня.

Вельможи и послы давно ждали слова княгини, и все-таки оно прозвучало для них неожиданно. Знали же послы, что по обычаям императорского дома Византии должен состояться прощальный обед и о нем извещают заранее. Пока приглашения не было. И доки — послы пришли к мысли, что между императором и великой княгиней пробежала черная кошка. Да и вид княгини говорил о том. Глаза её горели недобрым огнем, лицо было бледнее обычного, движения резкие. Да и сказала она об отъезде слишком резко. Но никому и в голову не пришло спросить у княгини, какая беда приключилась во время тайных переговоров.

Она же откровенничать не думала и, выразив волю о сборах в путь, ушла в свой покой. Спустя некоторое время княгиня позвала отца Григория. Он ждал её приглашения, явился тотчас. Еще в трапезной он заметил неуравновешенное состояние Ольги и теперь, едва вошел в покой, заговорил, не позволяя раздражению Ольги разрастаться и выплескиваться.

— Матушка княгиня, помнишь ли ты наши вольные беседы в Берестове?

Ольга была озадачена неожиданным вопросом, и, пока недоумевала, отец Григорий подсказал ей в чем дело:

— Мы тогда говорили о храме, коему стоять, где ноне лежит камень.

— Да, помню сие. Но... — хотела возразить Ольга, все ещё пребывая под впечатлением беседы с императором.

— Я хотел сказать вот о чем, матушка княгиня. Нам бы следовало сей же час написать список всего, что можно купить для храма здесь, в Царьграде.

— Господи, а я-то думала — уж не с пустяками ли ты спешишь, — вздохнула с облегчением Ольга и даже заметила, как в груди у неё погас огонь раздражения. Она забыла о Константине, и у неё появилось желание вновь окунуться в светлые берестовские дни, проведенные в тишине леса вдвоем с Григорием.

— Давай присядем, отец Григорий, и ты запишешь то, что следует купить.

— Так и будет. Да вот я о чем прежде хотел просить, матушка княгиня. Дозволь мне найти хорошего мастера каменных дел,

способного храм поставить. И возьмешь ли ты его с собой, как найду? Положишь ли плату ему достойную?

— Ищи отменного мастера, отец Григорий, а в прочем не сомневайся, обиды ему не будет.

— Вот и славно. Верю, что быть храму в Берестове. Теперь же ещё одним озадачу тебя. Мнение мое таково, матушка княгиня, что при закладке первого камня храма должен быть священник, коему служить в том храме. В согласии ли ты со мной?

— В согласии. И что же?

— А то, что, когда я служил в храме Святой Мамы, был там послушником отрок семи лет. Ноне это зрелый муж, священник. Да бедствует, потому как безместный. А уж славный-то какой божий человек, умом светел, голосом речист, книжен, именем Михаил.

— Да ты бы и сказал сразу, что тебе нужно, — улыбнулась Ольга. — Коль говоришь, что человек хорош, верю тебе.

— Так я и говорю, что взять его нужно с собой. Ноне же попрошу наших купцов влить его в свою свиту.

— Вот и славно. Ишь, как скоро мы во всем пришли к согласию. — И тут Ольга горестно вздохнула и призналась: — А вот я нынче с василевсом поссорилась. Норов мой взял верх над разумом. Молитву в тот миг забыла сотворить. — Говорила Ольга уже без раздражения и, похоже, готова была просить у Константина прощения за вспышку характера, но отмахнулась от своего желания, лишь заметив легко и беззлобно: — Да и он хорош, старый лис.

Беседа с отцом Григорием пошла ей на пользу. Потом она все-таки принесла извинения Багрянородному. Но размолвка так и осталась между ними и ещё принесет свои горькие плоды.

А в посольстве все завертелось, закружилось да приняло неожиданный оборот. Бывалые люди из купцов сказали, что в конце листопада на Черном море слишком опасно плавать из-за частых бурь. Потому настоятельно просили княгиню идти на Киев по суше через Болгарию, Угорскую землю и русские степи.

Ольга, прежде чем решить, как быть, посоветовалась с воеводой Претичем и отцом Григорием. Они согласились с купцами.

— Русское море осенью просто свирепое, — сказал Претич, помня поход князя Игоря к Царьграду двенадцать лет назад.

— И мне оно памятно таким, — добавил отец Григорий.

— Сушей я не хаживал, но у нас есть проводники: Иван из Болгарии и Ганна из Моравии. Друзья Добрыни, — пояснил Претич.

— Тому быть, идем сушей, — утвердила княгиня Ольга.

И все-таки от прощального обеда Ольге не удалось избавиться. Его назначили на воскресенье. По замыслу Константина он должен был пройти весело. На самом деле оказался грустным. Княгиня Ольга так и не смогла одолеть овладевшего ею отчуждения к императору. Извинилась она перед ним только из приличия. Он же пытался задобрить архонтису россов богатыми дарами. Вновь раздавались золотые милиаризии. И Ольга приняла сей дар. Да в тот же день купцы Ольги оставили их на рынках Царьграда, накупив всякой церковной утвари.

Прощание княгини Ольги с императором Константином было коротким. Он ещё раз попытался добиться её расположения, напомнил, что он все-таки её крестный отец. Ольга сумела отшутиться:

— Мы с тобой, великий государь, будем ласковы друг к другу в Киеве. Жду тебя. И ежели приедешь, на речке Почайне не будешь стоять две недели.

На другой же день после прощального обеда княгиня Ольга и её свита покинули Царьград. Конный поезд — все для него было закуплено в Царьграде — растянулся на полверсты. Уходил из бухты Золотой Рог и караван судов, многие из которых были загружены мраморными плитами и другими материалами для храма в селе Берестове.

Глава двадцать седьмая

УТЕШЕНИЕ

Путь посольства Ольги из Византии был трудный и долгий. Караван преодолевал горы и реки, шел дикими лесами и пустынными дорогами. Кони выбивались из сил на размытых дождями полевых шляхах. Да и люди устали. Болгары, в ту пору дружественные русичам, помогали Ольге как могли: и корм для коней продавали, и брашно для княгини и её свиты вдоволь выносили к каравану. Болгарин Иван рассказывал землякам, как богатырь Добрыня спас его и моравку Ганну от рабства. Эта весть катилась впереди русичей, и им оказывали ещё больший почет.

Вскоре княгиня Ольга достигла Угорского княжества. Порубежные воины угры вначале никак не хотели пускать караван Ольги на свою землю. Больше суток простояли русичи табором на рубеже Угорского княжества. И больше бы простояли, если бы, на их счастье, не оказался близ южных рубежей сам угорский князь Такшоня. В Царьграде Такшоня слышал, что княгиня Ольга гостит у императора Константина, но увидеть её не смог. И когда Такшоне доложили, что к рубежу его земли приехала княгиня Ольга со свитой, он не мешкая помчал со своими охотниками к месту стоянки княгини русичей.

Такшоня многожды был наслышан о ней в пору подавления древлянского бунта и представлял себе Ольгу страшилищем, злой кикиморой, потому как только такая могла так жестоко покарать своих подданных. Каково же было его удивление, когда он увидел вовсе не пожилую женщину, хорошо сохранившую свою красоту. Огромного роста, полный, но подвижный Такшоня, с медно — красным лицом, бесом закружил близ Ольги, забыв о том, что сам уже густо убелен сединами. В свите Такшони оказалась его дочь в охотничьем костюме, отроковица тринадцати лет. И князь в первую очередь представил её Ольге:

— То княжна Ильдеко, уже невестится. И потому спрашиваю тебя, великая княгиня, нет ли в твоём роду знатного жениха моей красавице? — смеясь и хлопая себя по толстым ляжкам, спросил Такшоня.

Ольга присмотрелась к отроковице пристально. Понравилась ей крепкая и рослая не по возрасту княжна, нраву веселого, как и батюшка, и лицом пригожая, но не красавица. «Да ведь с лица-то воду не пить, — подумала княгиня, примеряя Ильдеко для Святослава, — Что ж, Угорское княжество — не Византийская империя. Однако угры древний и богатый преданиями народ». И сказала Ольга:

— Что ж князь Такшоня, на скатерти нас трапеза ждет. Идем, присядем, чару вина выпьем да и поговорим.

Такшоня выпить и закусить не прочь. Голоден, как дикий вепрь. Когда присели на ковер под раскидистым буком и чаши вином наполнили, Ольга и порадовала угорского государя.

— А что, князь Такшоня, мы с тобой в счастливый час встретились. Хочу видеть твою Ильдеко своей невесткой. Вот только имя пусть она возьмет наше, да будет Предславой.

— Да кто бы возражал! Предслава — доброе имя! — воскликнул Такшоня.

— Слышал ты, поди, что у меня есть сын Святослав, великий князь Киевский и всея Руси. Потому, думаю, на попятный не пойдешь?

— Да как же пойти-то?! Ведь такая судьба раз в сто лет приходит, — засуетился Такшоня и от радости полный ковш вина выпил, — Ух, даже не верится!

— Ну поверь, поверь. Это сказала я, мать Святослава.

Свершивши сговор, княгиня Ольга и князь Такшоня прошли вместе всю его землю и достигли русских рубежей. Там и расстались. Да рано. Через два дня Святослав и Ильдеко встретились бы, потому как гонцы Ольги давно уже примчали в Киев, и теперь князь Святослав шел с дружиной навстречу матери. И не напрасно. По юго — западным землям Руси, где ещё не было застав, вольно гуляли печенеги. Они приходили на правобережье Днепра из Молдавии. В пути воины Святослава не раз видели на окоме конных печенегов. Ближе к дружине Святослава они не осмеливались подходить.

Встреча Ольги и Святослава случилась в степи. И была радостной. Мать, как и в прежние встречи, удивилась возмужанию

сына. В свои шестнадцать лет он был уже не отроком, но мужем.

— Вот и дождалась денечка, когда все державные дела отдам в твои крепкие руки, — обнимая сына, радовалась Ольга.

— Матушка, мы ещё поговорим о том, а пока укройся в кибитке. Вон как порошу метет, — беспокоился сын.

Стояла середина ноября. Степь уже укрыл снег, было морозно, ветрено. Все предвещало раннюю зиму. Но Днепр ещё не замерз. И Ольга, увидев могучую реку Руси, подумала, что караван судов из Царьграда, может быть, пробьется в Киев до ледостава. Ее деятельной натуре хотелось уже в зиму завезти в Берестово все материалы для храма, а ранней весной начать его возводить.

В Киев княгиня Ольга вернулась накануне христианского праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. На площади перед княжескими теремами княгиню Ольгу встречали тысячи горожан. И было миролюбие между язычниками и христианами. Они смешались в толпе и вместе кричали: «Слава великой княгине! Слава!» В трех храмах города в сей час трезвонили колокола. Священники встретили княгиню Ольгу с иконой Иисуса Христа. А жрецов княгиня на всем пути до княжеского двора не встретила ни одного. Даже верховный жрец Богомил не вышел встречать княгиню. Но Ольгу сие не огорчило и не взволновало. Ее радовал народ, заполнивший площадь и приветствующий её радостными возгласами. И вельмож и послов, кои следовали за Ольгой, горожане встретили приветливо. И священники их осеняли крестами, словно уже знали — да так и было, — что перед ними не язычники, а христиане. И княгине Ольге было хорошо от этого. Она не спешила скрыться за теремными воротами, ей хотелось побыть с киевлянами, кои, несмотря на плохую погоду, не спешили покинуть площадь. Знать, помнили они все, что сделала Ольга для них. И новая вера её не была для россиян помехой в добрых чувствах к своей матушке княгине. Так, под радостные возгласы горожан Ольга добралась, наконец, до своих теремов. А на теремном дворе её ожидало такое же множество россиян.

Тут собрались все старцы градские, вельможи из Киева и из ближних городов, посадники, воеводы не у дел, отроки и отроковицы из знатных родов. Все они выражали свое почтение к великой княгине более сдержанно, но благожелательно. И это тоже радовало Ольгу, потому как видела она, что даже самые ярые противники её крещения

пришли на встречу с нею. «Что ж, я вам тоже воздам добротой. Я позову вас на пир и расскажу о всем, что видела в Царьграде».

А свита Ольги в сей час уже вся растаяла за её спиной. Послы и вельможи смешались с толпой, обнимались, целовались с близкими, с друзьями, знакомыми. И было сие чудом, потому как встречались язычники и христиане. И, с одной стороны, это были отцы, матери, жены, сестры, братья, ещё преданные Перуну; с другой — вельможи, послы, челядь, вернувшиеся из Царьграда и принявшие там новую веру.

И пришло к великой княгине утешение, что не напрасно она дерзала и шла через тернии. Верила она теперь, стоя пред лицом своего народа, что её шаги за черту язычества к светлой Христовой вере не явились тленными, но послужили примером уже многим и послужат во сто крат большему числу россиян в будущем.

Ольга была названа своим народом вещей. Однажды старцы, не те, что в сей час стояли пред нею, а нынешние мужи зрелые, скажут через тридцать с лишним лет: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшая из всех людей». Так говорили россияне великому князю Владимиру накануне крещения Руси.

А пока, забыв об отдыхе, Ольга уже думала о том, как и с чего начать державные дела. Княгиня больше не настаивала на том, чтобы Святослав взял в свои руки все бразды правления державой. Она сама решила постоять ещё у кормила государственной власти. Великая Русь ещё нуждалась в новых уставах и уроках. Впрочем, загадывать Ольга не стала. Доверилась естественному ходу жизни. И не ошиблась.

Князь Святослав ещё в степи был озадачен предложением матушки встать во главе державы. И как только у него выдался свободный час, он пришел к ней и спросил:

— Матушка, я смущен тем, что услышал от тебя в степи. Перескажи, может, не так понял.

Ольга задумалась. Вроде бы уже решила стоять у кормила державы. Однако же сочла нужным посмотреть на сына поближе, узнать, чем он жил последнее время. Потому сказала:

— Перескажу. Поведу разговор начистоту. Готов ли ты, сын мой, взять бразды государевы в свои руки, чувствуешь ли ты силу управлять державой? А я бы отошла от дел.

Святослав был вдумчивым юношей и ответил не сразу но, как перед вступлением в битву, взвесил свои силы. И понял, что ещё молод единолично взять кормило великой державы, что не обнимает умом и сердцем беспредельные просторы Руси, не поймет населяющие её народы, коими должен управлять с высоты великокняжеского трона. Но главное, что удерживало его от единовластия, это личные желания. Он хотел пока оставаться только князем — вождем дружины. Он думал силой оружия расширить пределы Руси и потеснить кочевые племена на их извечные земли за Итиль, за Хвалынское море. Он смотрел по вечерам туда, где садилось солнце, и ему хотелось лететь к нему и достичь берегов Дуная, где раскинулись неоглядные просторы славянской земли. И он понял, что ежели встанет на великокняжеский трон, то окажется птицей со связанными крыльями. А как он мечтал покорить все области по Дунаю, все восемьдесят славянских городов! И о том сказал:

— Не обессудь, матушка, но ежели есть в тебе силы постоять ещё у кормила, прошу, стой. Твои уставы и уроки принесли в державу добрую жизнь. А я боюсь, мне то богатство не сохранить. Ты подняла Русь выше всех держав во внутреннем устройстве. Зачем же мне, несмышленому, урон твоим делам наносить?

— Но когда-то надо отважиться. Ноне самое время, пока я жива, — испытывала Ольга сына.

— Нет, матушка, не кличь на себя худа. Живи долго во славу. А придег час, и я встану у кормила, твоей мудростью питаемый. Пока же позволь мне с дружиной рубежи державы защищать да земли её приумножать.

Доводы сына показались Ольге по — взрослому убедительными и сильными. Она с легким сердцем благословила его на ратные дела. Сама же решила блюсти свои уставы, писать новые, пока не затуманится разум. «Господи, да сколько же дел впереди державных. Еще не везде погосты и становища устроены, ещё ловы по многим землям не обозначены. И тиуны кой — где мздоимничать начали, менять надо. И в порубежные державы послов пора отправлять. Пусть знают, что великая княгиня Руси отныне христианка. К тому же крестная дочь императора Константина Багрянородного. Сие важно потому, что германский император Отгон тщится вывести свою державу вперед пред Византией. Русь же оттеснить в хвосты». Мысли

взбудоражили Ольгу. Дабы успокоить себя, ей нужно было что-то делать немедленно.

— Ладно, сын мой, сколько даст Бог, постою у кормила. А там не взыщи. Пока же поднимай щит Олеговой славы, живи походами.

— Земной поклон тебе, матушка, — И Святослав низко поклонился, — Теперь же позволь удалиться, воеводы ждут.

— Подожди чуть, сын мой, главного я не сказала, как родительница твоя. Присмотрела я тебе невесту, не простую, а знатную. Княжну народа вольного и могучего.

— Матушка, да зачем она мне, невеста-то?! — воскликнул, как несмышленьш, Святослав. — В седло она со мной не поднимется, в походы не пойдет, дабы на снегу спать. В теремах сидеть будет, меня на поводу держать. А я в тех теремах раз в год бываю, дабы тебя почтить да себя показать.

— Вот зачастил, непутевый! Ты же великий князь, а не какой-то боярский сын. Тебе о наследнике престола надо думать.

— Но всему свой час, матушка.

— Верно. Так ведь и тебя не сегодня женят. Достигнешь возраста и... Да и Предславе нужно девичества достичь. Ей пока тринадцать лет.

— Так бы и сказала, матушка. Там ещё много воды в Днепре угечет.

— Так и сказала. Теперь же иди к воеводам. Да пришли ко мне Добрыню.

— Здравия тебе, матушка. — Князь поклонился и ушел.

Добрыня куда-то запропастился, сказывали, в кузню, что на Почайне стояла, умчал. Но Ольга о нем помнила. И че рез два дня отправила его в Берестово. Он был за старшего над двумя десятками горожан. С ним же Микула и Акун ушли. И было велено Добрыне найти белого камня на стены храма и серого на опоры и подвалы. Уехал в Берестово и каменных дел мастер Ираклий, крепкий сорокалетний грек, способный построить храм. И Добрыне было наказано во всем исполнять волю мастера Ираклия. Он же ещё в Киеве проявил заботу о будущем храме, узнал у бывалых людей, где можно добыть известковый камень. Ещё попросил княгиню Ольгу распорядиться к лету приготовить десять тысяч куриных яиц. Ковалям

велел ковать железные полосы, квадраты, хомуты, скобы — все по рисункам, кои вручил им. Да мешкать не велел.

Не успела княгиня Ольга проводить Ираклия и Добрыню в Берестово, как пришел отец Григорий выразить просьбу горожан. Просили они великую княгиню разрешить им построить каменный храм. Речь о новом храме шла в трапезной, в присутствии многих вельмож, кои побывали в Царьграде. Услышав сие, они не поскупились и сделали большие вклады на возведение храма.

Зимние дни в том году летели быстро, словно корова их слизывала. А по первой весенней воде под Киев пришли суда под греческими флагами. Явились послы, коих обещал прислать Константин Багрянородный. Весть о прибытии послов принес княгине Ольге посольский чиновник Гудвин.

— Матушка княгиня, что передать послам царьградским, когда их примут? — спросил он.

Обида на Багрянородного у Ольги ещё не выветрилась. Цепко её держала память великой княгини. Да чтобы избавиться от неё навсегда, Ольга решила все-таки досадить послам василевса.

— То и передай греческим людям. Я дам императору все, что обещала. Только пусть прежде послы его постоят у меня на Почайне столько, сколько я стояла у него в гавани Суд.

Княгиня Ольга сдержала свое слово. Через две недели она приняла послов и было им сказано, что дары, кои обещала, и дружина в две тысячи воинов уйдут в Царьград летней порою. Пока же Ольга озаботила себя иным важным делом, снаряжала послов в Германскую империю, к высокомерному императору Оттону Первому. Когда семь послов во главе с Гудвином предстали перед княгиней Ольгой, она наказала им:

— Как примет вас император, скажите ему, что великая Русь хотела бы обмениваться послами с Германской империей. Мы ищем мира и дружбы и хотим, чтобы наши торговые гости вольно продавали свои товары германцам, а чтобы их купцы то же самое делали на Руси. Еще передайте императору, что великая княгиня отныне пребывает в лоне христианской церкви и есть крестная дочь императора Константина Багрянородного, потому как от его рук крещена

А чтобы чванливый Оттон был сговорчивее, Ольга сказала послам, что она дает согласие пускать на Русь германских

миссионеров. Но сей шаг Ольги обернулся для неё большой досадой.

Император Оттон вскоре же прислал на Русь своего епископа по имени Адальберт. Княгиня Ольга приняла его с подобающей ему почестью. Но с первого же часа встречи с Адальбертом у Ольги закралось в душу сомнение в благих намерениях епископа. Он был высокомерен и резок в суждениях. Он говорил, что только католицизм есть высшая форма христианства.

— Вам, великая княгиня, не надо было идти в Византию и там принимать крещение в православную веру. Истинная вера у католиков. Только они познали истинного Бога. Только католикам Господь Бог шлет откровение и призывает защищать от неверных и правоверных гроб Господень и Святую землю.

Княгиня не пустилась в споры с епископом о том, чья религия ближе к Богу. Она лишь пожалела о том, что рядом с нею нет отца Григория. Да вскоре священник появился в княжеском тереме, примчал из Берестова, как только узнал, что в Киев прибыл епископ Адальберт.

— Ты, матушка княгиня, выпроводи его поскорее за пределы Руси. Проповеди его вельми вредны для православия, — заявил отец Григорий, — Он чернит её уставы и каноны, считает, что наше милосердие наносит только вред христианству. Еще он утверждает, что россияне недостойны высшей религии, их удел — язычество.

— Но, может быть, он не священнослужитель? — спросила Ольга, — Как может он возводить хулу на церковь, кою почитают во всем мире?

— Сего не ведаю, матушка княгиня. Но вряд ли ему следует быть священнослужителем. О том нужно отписать тому, кто послал его на Русь.

Тем же летом княгиня Ольга выпроводила Адальберта из Киева и из пределов своей державы. А как избавилась княгиня от германского миссионера, так укатила с отцом Григорием в Берестово. Диву далась Ольга, как ходко шли дела в селе по возведению храма. Уже выкопали котлован, возвели фундамент под стены и под опоры. Подвал был поделен на каморы, и в одной из них устроили усыпальницу.

Ольга пробыла в Берестове несколько дней. И при ней пришел обоз с мраморными плитами и церковной утварью, закупленными в Царьграде. Да в те же дни белгородцы начали привозить белый камень

для стен храма, который добывали на своей земле под присмотром Добрыни.

Осмотрев первые возы с камнем, мастер Ираклий похвалил:

— Искусно вырезан камень, хорошо ляжет в стены.

— И что, он крепок? Долго ли будет стоять храм из этого камня? — спросила княгиня Ольга.

— О, многие века. Я знаю такие храмы в Константинополе, — ответил Ираклий.

— И мне ведомы подобные церкви, — отозвался отец Григорий, — Храм в монастыре Святой Мамы, где я служил, возведен пятьсот лет назад.

— Но почему ты про камень раньше не говорил? — упрекнула Григория Ольга.

— Да прежде времени не хотел тебя, матушка, в заблуждение вводить. Теперь вот хорошо бы побудить белгородцев побольше сего камня добывать.

— И побудим, — заявила княгиня. Она давно не навещала белгородцев и потому не мешкая собралась в путь, — И ты со мной, отец Григорий, поедешь. Дело-то ведь единое у нас, — утвердила Ольга сказанное.

Единое для многих россиян дело побудило Ольгу побывать не только в Белгороде, но и в других местах, где можно было добыть белый камень на храмы. Поездка княгини и священника по городам Руси затянулась до глубокой осени. А за время отсутствия Ольги в Киеве произошло событие, кое никому не было ведомо, кроме Святослава и Малуши, но которое потом долгих два года не давало покоя княгине Ольге.

Глава двадцать восьмая

СВЯТОСЛАВ И МАЛУША

Когда солнечным весенним утром в княжеских теремах появилась на свет девочка, кою потом называли Малушей, Святославу было два годика. В ту пору эти несмышлелыши не могли знать, что им суждено полюбить друг друга и пронести свою чистую любовь через всю жизнь. У Малуши после князя Святослава уже не будет мужчины, и она, ещё молодая и красивая, до конца дней останется вдовой. Он же, волею матушки женатый на нелюбимой, до последнего часа, наступившего в двадцать девять лет, будет грезить и жить Малушей и умрет с её образом в сердце. Но это случится ещё не скоро, а пока они подрастали вместе под крышей княжеского терема. И мать Малуши боярыня Павла была кормилицей и нянькой Святослава. Потому Малуша и Святослав, с детских лет узнавая друг друга, не могли не почувствовать привязанности сердец. Но их разлучили рано. В три года к Святославу был приставлен кормилец, отходивший свое в походах удалой воевода Асмуд, воевавший с великим князем Олегом Царьград.

Асмуд только считался кормильцем. На самом деле был наставником князя — отрока, его учителем военного искусства. Он учил его верховой езде и метанию копья, стрельбе из лука и владению мечом, палицей и даже простой дубиной — воину все должно уметь.

Взрослея, Святослав все реже видел Малушу и все меньше общался с нею, потому как военное ремесло поглощало все его время. Когда же князю — отроку исполнилось девять лет, матушка его, княгиня Ольга, вовсе поселила Святослава за пределами Киева в своем маленьком городке Вышгороде. К четырнадцати годам, когда неумная страсть Святослава к подвигам влекла его в дальние походы на поиски врага и в схватку с ним, он не то чтобы не хотел общаться с Малушей, но считал сие для себя зазорным и даже не смотрел в её сторону. Он есть воин. И какое ему дело до отроковицы, с коей рос в детстве и коя не по годам была обворожительна девичьей красой и статью?

Святослав мог не заметить ее, даже столкнувшись нос к носу. И когда он, бывало, примчит на боевом коне из Вышгорода в Киев и влетит в великокняжеские терема, покажись ему Малуша сто раз кряду, все равно он будет смотреть на неё как на пустое место.

А кончилось такое стоическое пренебрежение к Малуше на семнадцатом году жизни князя, и случилось сие в одночасье. В жаркий летний полдень, когда матушка была в Берестове, примчал князь Святослав из Вышгорода, соскочил с коня на теремном дворе, побежал к красному крыльцу и вдруг увидел, как из распахнутых дверей вышла несказанно красивая девица. В легком шелковом сарафане, с золотистой косой на высокой груди, с глазами небесной голубизны, с ямочками на розовых щеках и высоким чистым лбом, шла навстречу Святославу ключница его матушки Малуша. «Мой бог Перун, это же лебедь из ясных вод! Какая шея-то у неё величественная, а как идет-то она гордо, как голову держит с достоинством, как стан её тонок! — словно молнией озарило Святослава. — Да это же Малуша! Как я раньше-то не заметил ее?!»

Но Малуша не только красой удивила князя, но и тем, что не заметила его, словно в тумане он промчал мимо нее. Да и не смела она смотреть на него, потому как было ей сказано, когда княгиня Ольга вручала ей ключи: «Отныне ты моя рабыня, Малуша». Могла ли рабыня смотреть на великого князя? Потом Святослав разберется и докажет матушке, что она наложила на Малушу мнимое рабство. Но это будет потом, а пока, опаленный красотой девушки, близкой ему с детских лет, он застыл в оцепенении и долго смотрел ей вслед, пока Малуша, позванивая ключами, привязанными к поясу сарафана, не скрылась в амбаре.

В этот день Святослав ещё раз встретил Малушу в трапезной. Она в те минуты протирала от Пыли и переставляла на полках вдоль стен серебряные кубки. Сей раз и Малуша увидела князя. Да и как ей не увидеть его, ежели они одни в трапезной и ежели она его давно «видит», желанного, любого, единственного на всей Руси, видит наяву, во сне и в грезах. Малуша была впечатлительная, верила в сновидения и приметы. Так было и сегодня. Как пришла она на птичий двор по делу, так первым к ней подлетел большой и важный красный петух, обошел её по кругу, крыло до земли опустив, кокотанием одарил, захлопал крыльями да и прокукарекал. Царь птичьего двора ещё гордо

смотрел на Малушу, а она уже увидела за ним лик желанного. Да вот он пред нею. На дворе-то она глаз не смела поднять на него. А тут чего ж, смотри вволю. И распахнула Малуша два нежных синих озера, в которых Святослав и утонул.

Но следом за Святославом в трапезную вскоре вошел грозный воевода Свенельд. И день для Малуши погас, потому как воевода увел князя. Вновь перед Малушей были только кубки, кои она протираала.

Однако той минуты вольного созерцания им хватило, чтобы у Святослава и Малуши засияли глаза от озарения: они же любили друг друга с незапамятных времен. Да тут же туман на них наплыл: куда идти, где искать Святославу Малушу, как показаться Малуше Святославу? Туман, туман в ясный-то июньский день. Так и бродили они в тумане, пока не наступила ночь.

А ночью Малуше и Святославу пришли видения. Или их страстное желание видеть глаза любимого, глаза любимой породило грезы, кои походили на явь. Сами они того не понимали, да суть в другом. Было так в полночь в опочивальню юного князя прилетела белая лебедь, опустилась перед ложем и сказала: «Приди на днепровский луг в ночь на Ивана Купала и там, близ костра, узришь свою ладу». К Малуше, однако, прилетел гордый сокол. Сам окно отчинил, все по — хозяйски делал, свечу зажег, воды напился и повелел: «Явись к кострам в ночь на Ивана Купала, там жди с девицами, и придет к тебе твой суженый».

На другой день после угренной трапезы, как Святославу умчаться в Вышгород, встретил он Малушу в сених и перекинулись они, словно золотыми монетками, признаниями.

— Было мне явление нынче ночью, — признался Святослав.

— И меня озарило, — открылась Малуша.

— Придешь?

— Прилечу лебедушкой, ясный сокол.

И разлетелись в разные стороны две счастливые птицы.

Ночь на Ивана Купала, до коей было ещё две ночи, они ждали с таким нетерпением, что места себе не находили и сон потеряли. У Малуши все из рук валилось. Боярыня Аксинья, занявшая при Ольге место Павлы, даже заметила:

— Ты, Малушка, охладись ключевой водой, а не то сгоришь.

Малуша засмеялась и озорно ответила:

— Да уж сгорю! И что с того?!

Аксинья ничего на то не ответила, но подумала, что новгородские все такие отчаянные. Пример тому боярыня

Павла, мать Малушки. Павла в девках-то на кулачные бои хаживала на реку Волхов.

И пришла ночь на Ивана Купала. В Киеве в эту теплую ночь, похоже, никто не спал. Так уж повелось, что сей языческий праздник справляли и дети Перуна, и дети Христовы. Ворота теремного двора в эту ночь не закрывались. И стражей не было, лишь у княжеского терема стояли. Да Малуше они нипочем. Ближе к полуночи она покинула свою камору — опочивальню и ушла навстречу судьбе, а та за порогом взяла девицу за руку и повела вниз по Зборичеву взвозу на берег Днепра и дальше, вверх по течению реки, где пылали костры.

Князь Святослав уже давно там был, но не близ костров, а под берегом, в тени куста терновника таился, дабы Малушу сразу узреть, как берегом пойдет. Верил, что Малушу ничто не остановит, ежели слово дала. И вот появилась, в руках у неё ветка березы. Шла она легко, будто летела. А в мыслях-то и впрямь летела. Да и то сказать, ведь ждала этого часа не один год. Как не поспешить в последние-то минуты?

Святослав над кустом вырос, руки протянул к Малуше. Она же не мешкая прильнула к нему всем телом, и затрепетало оно под сильными руками Святослава. Он и сам ответно вздрогнул. Но воин взял над минутной слабостью верх, князь легко подхватил Малушу на руки да и понес, а куда — сам не ведал. Тут Малуша подала голос:

— Неси меня, любый, вон на ту гору. — И показала на высокий холм, темневший громадой на полуночном небосклоне.

Святослав понес Малушу туда, где никто не смог нарушить их праздника, их торжества. Она молчала. Да и не нужны были слова, потому как каждая частица их тел говорила меж собой и так складно, что они сами вовсе бы не придумали таких нежных знаков внимания. Но вот и вершина холма, выше — только небо. Святослав поставил Малушу на землю. Она же с его шеи рук не сняла, прошептала:

— Любый, Бог свидетель, мне больше ничего не надо на всю жизнь, потому как ты сегодня со мной, — И уверенно, не сомневаясь, что все делает верно, она взялась снимать со Святослава одежду, —

Зачем нам помеха, — шептала Малуша, — мы же дети земли и приникнем к ней ласково. —

И с себя Малуша скинула легкий сарафан в мгновение ока. И оказалась пред Святославом в ослепительно ярком сиянии юного естества. И ослепила князя, потому как он ничего подобного в жизни не видывал. Да и не то это было бы, ибо только его несравненная Малуша могла так сиять.

— Нам земля будет ложем, — продолжала Малуша, — а небо покрывалом. Оно укроет нас от глаз всех, кому не надо того видеть, — И Малуша медленно опустилась в густую, по пояс траву и увлекла за собой Святослава, который, наконец, обрел дар речи.

— Ты послана мне богом Купалой. Земной поклон тебе, моя лада. — И князь встал на колени и поклонился Малуше. Да тут же она потянула его за руку, ухватила другой рукой за шею и привлекла к себе могучего, но податливого, летящего ей навстречу ясного сокола.

И мир растворился в поцелуях, и все уплыло в невозвратные дали, и остались на всем белом свете только они двое, два любящих существа, готовые в сей миг умереть в объятиях друг друга, оба чистые и непорочные, несмышленные в любви дети природы. Они, однако, знали, зачем им нужно испытать близость. Волею Всевышнего эти двое, созданные друг для друга, обречены были дать Руси человека, имя которого переживет века и станет святыней Отечества. Они не выразили сие словами, и в мыслях не возникло у них торжества по поводу того, что они творили, но плоть естества вела их к исполнению предназначенного Судьбой уверенно, и они отдали себя в её власть. Малуша приняла тайный уд во чрево свое, испытала мгновение боли и в сей же миг забыла о ней. И сами они уплыли в заоблачные выси блаженства, вспыхнули, да так и горели на костре любви до рассвета. Потом же, усталые и чуть отрешенные, вернулись на грешную землю, одели друг друга и покинули холм, который стал для них более чем священным.

Добираясь к княжеским теремам, они ничего друг другу не обещали, ни в чем не клялись. Они знали, что впереди у них одни разлуки, одни мимолетные встречи, короткие уединения тайно от мира сего, утоление страсти, коей хватило бы на две жизни. Их ещё посетит радость, рождаемая близостью. Но постепенно все светлое вытеснит не на один год печаль разлуки.

Малуша знала, что Святослава скоро оженят, потому как и невеста у него уже есть. Знал и Святослав, что матушка страшно прогневается, когда донесут ей дворовые боярыни о том, что он и Малуша связали себя неземными узами. Но сие было где-то ещё далеко, за гранью текущих дней, до самого возвращения княгини из поездки по державе. И потому любящие оставались ими и шли, прижавшись друг к другу, сроднившись за минувшую ночь. Да всему бывает конец. Вот и теремной двор. И стражи уже видят их. Они же не прячутся — суда не избежать, да бранное слово в них не бросят. Они любили друг друга открыто. Так Святослав и Малуша прошли теремной двор, поднялись на крыльцо, и лишь за дверью терема их встретил воевода Асмуд и разлучил.

И ещё многие дни, больше двух месяцев, встречались в лугах Малуша и Святослав, а жизнь в теремах текла тихо и мирно. А кончилась сия благодать, когда в октябре вернулась из поездки по державе княгиня Ольга. Святослав только встретил матушку, успел час провести с нею за трапезой да в тот же день умчал в Вышгород. Ведал он, что прозорливая матушка заметит в нем перемены. Он и сам их замечал. Любовь к Малуше, ночи, проведенные с нею наедине, преобразили князя. Это был уже не юноша, похожий ростом, силой и статью на мужа, но мужчина, познавший тайны любви, близости, женской ласки, познавший свою мужскую силу. В нем окрепло чувство личного достоинства, проявились сдержанность и хладнокровие северянина, доброта и чуткость. Все это пришло к нему от Малуши. Ведь только северянки умеют исподволь пробудить в любимом человеке все лучшие черты его нрава. Не могла же матушка не заметить всех этих перемен в своем сыне. Потому-то он и умчал в Вышгород от пронзительных, порою жалящих глаз матушки.

Ей же было в первые дни возвращения в княжеские терема не до сына. Другие страсти её обуревали. Подвигнув к возведению церковей многие города, где были общины христиан, княгиня Ольга воспылала жаждой украсить каменным собором и стольный град. Ей мало было той церкви, которую возводили из белого камня горожане. И на другой же день, как вернулась из поездки, попросила отца Григория собрать на площади пред храмом Святого Илии верующих во Христа киевлян, дабы посоветоваться с ними.

— Хочу спросить горожан, не тяжело ли им возводить церковь и не помогут ли поднять соборный храм? — сказала княгиня Ольга своему духовному пастырю.

— И слов нету, матушка, помогут. Живою силой отзовутся, вклады посильные сделают. Скажи день, и встретят тебя всей общиною, — заверил отец Григорий.

— Зачем ждать? Завтра и собери после полудни, — сказала Ольга.

Однако встреча княгини с христианами не случилась ни на другой день, ни через многие дни и месяцы. Чередою пошли события, кои мешали тому. Ранним утром на другой день преставился протоиерей церкви Святого Илии престарелый Михаил. И три дня верующие во Христа киевляне пребывали в печали, потому как высоко чтили добросердечного, человеколюбивого грека из Византии, обретшего вторую родину на Руси.

Княгиня Ольга тоже попечалилась и отстояла панихиду, бросила горсть земли в могилу, которую выкопали в ограде храма. Вернувшись с похорон в терема, княгиня Ольга вынуждена была принимать послов из Угорского княжества от князя Такшони. Встреча с послами у Ольги была тайной, но вскоре все придворные знали, что князь Такшоня прислал своих людей спросить княгиню Ольгу, не забыла ли она о том, что засватала его дочь, княжну Ильдеко. Повинилась перед послами княгиня Ольга, ибо не то чтобы забыла, а в круговерти дел отложила сватовские заботы. Повинившись, сказала послам:

— Напрасно князь Такшоня волнуется. Сговор был, и я слову верна. К тому же, нашим детям нужно повзрослеть.

— Оно так, — ответил старший посол. — Да княжна Ильдеко многих королевичей волнует. Были сваты из Богемии и Польши. Князь Такшоня может не устоять.

— Ишь ты, приткий! Пусть не желает себе худа князь Такшоня. Так и передайте господину.

Послы поняли намек великой княгини и, зная её гордый нрав, крепко запомнили сие предупреждение. А Ольга, дабы смягчить намек, дала слово прислать Святослава к невесте.

— Как месяц студеный пройдет, так и явится князь Святослав пред ликом Предславы.

И опять-таки все повернулось по — другому. И случилось сие вскоре же после отъезда послов. Как-то поздним вечером пришла в

опочивальню боярыня Акси́нья. Будто бы проверяла, чисто ли в покое, да рассказала теремные новости и среди прочих поведала княгине о том, что было тайным, но стало явным.

— Ты уж, матушка княгиня, не взыщи с меня строго за то, что услышишь. Да правду сию тебе нужно знать.

— Коль правда, за что же взыскивать? — спросила Ольга.

— Так ведь тебя сия правда больно ударит, — предупредила боярыня Акси́нья.

— Коль нужно, стерплю ту боль, — ответила княгиня.

— Тогда уж не прогневайся и слушай. Твоя ключница, а моя помощница, Малушка дитя понесла.

— Ах, блудница! — воскликнула Ольга без гнева, — Пришла бы, открылась, кто ей люб, авось и оженила бы. А тут сраму не оберешься, — все-таки рассердилась княгиня.

— То, матушка княгиня, малая боль тебе. А с больной-то справишься ли? Ты спроси у Малуши, от кого она понесла, кто отцом робича явится, — настаивала боярыня.

— Знаешь, так открой, — потребовала Ольга.

— Подозреваю токмо и грех на душу не возьму. Потому спроси у Малушки сама. Да к сердцу-то близко не принимай, зачем тебе хворобы.

— И то, — согласилась княгиня. — Ладно, иди, а я попробую уснуть. — И посетовала: — И зачем ты все это на сон грядущий сказала?

— Каюсь, матушка княгиня. Да ты к Господу Богу с молитвой подойди, оно и полегчает, — посоветовала Акси́нья и ушла.

Оставшись одна, княгиня и впрямь вняла совету боярыни, встала пред образом Иисуса Христа и помолилась. Ум её пришел в равновесие, она опустилась в греческое кресло и задумалась над тем, что услышала от боярыни Акси́ньи. «И кому она приглянулась — поддалась? Да и то сказать, ликом-то и статью многих боярышень обошла. Поди, какой отрок именитый и польстился, охоту сбил. Ан не уйдет от меня, коль визнаю имя, властью своей оженю да отправлю куда подальше, дабы сраму не иметь». И о боярыне Акси́нье подумала княгиня: «Скрытна, всего, что ведает, не открыла. А с чего бы? — И вспомнила о сыне: уж не он ли заметил Малушку? Ан нет, ему, воину, любви конь и меч». Но, зацепившись за мысли о сыне, Ольга ощутила в

душе холодок, будто окно открылось и сквозняком потянуло. Ведь в тот день, когда Святослав встречал ее, в нем что-то было непривычное. Он показался ей чужим. Нет, это был не Святослав, ещё вчера ходивший в отроках. Плечи — ещё шире, голова на крепкой шее — гордо вскинута, а в гла зах — огонь этакий Перунов. И все ему нипочем. Тогда у Ольги и в мыслях не было связать новую статью сына с влиянием на него женщины. А уж о Малушке... Ну посмеялась бы. «Да так и сделаю, посмеюсь, — решила Ольга, — потому как Святослав воин, а не гулена». С этими мыслями княгиня легла в постель, надеясь утром во всем разобраться.

Спала княгиня плохо. Часто просыпалась от каких-то наваждений. А под утро увидела сон, будто стоит она на днепровской круче, а к ней от солнца летят белые орел и орлица. Но не долетели, а, сложив крылья, упали близ самой воды на песок и обернулись Святославом и Малушей. И обнялись у княгини на глазах и целоваться затеяли. Ольга камень под ногами схватила, бросила в бесстыжих, крикнула: «Как смеете?!» И проснулась.

Знала княгиня Ольга за собой такую беду: все сны к ней приходили вещими. Как увидела, так и будет. «Будет?! Ан нет, было уже. Вещий-то сон с невозвратной дороги пришел».

И княгиня Ольга позвала челядинку:

— Песьяна!

Сенная девка явилась сей же миг, потому как давно уже не спала и сидела за дверью, слушала маяту княгини во сне и охала да ахала. Поклонившись в пояс княгине, Песьяна спросила:

— Матушка княгиня, что надобно?

— Найди Малушку! Пусть явится!

— Она близко, в трапезной. Счас и позову! — ответила Песьяна и скрылась за дверью.

Княгиня Ольга волновалась очень редко. А тут почувствовала даже неведомую ей ранее робость, словно не Малушка будет держать пред ней ответ, а она перед своей ключницей. И надо же быть такому! Сия робость княгини больно ударит по Малуше, и от этого удара Ольга не на один год потеряет преданную и ласковую служительницу, дочь любимой Ольгой боярыни Павлы.

Малуша явилась по первому зову. Вошла почтительно, но без страха, как всегда появлялась перед княгиней. Ольга посмотрела на

неё пристально: лицо свежее, будто родниковой водой умытое, глаза живые и смотрит на Ольгу, как на мать. «Ишь, какая смелая», — мелькнуло у княгини. Спросила:

— К тебе белая орлица и белый орел не прилетали во сне? Говори правду.

Малуша потупила голову, не смея посмотреть на княгиню, боясь, что она догадается, почему щеки у неё запламенели. «Но ведь ни орла, ни орлицы не было», — подумала Малуша.

— Матушка княгиня, зачем же этим птицам показываться мне?

— Кто же тебе являлся во сне или наяву?

«Силы небесные! — воскликнула Малуша в душе, — Откуда ей ведомо!»

Ключница княгини ни разу в свои шестнадцать лет не осквернила себя ложью. Теперь она христианка и помнит заповеди Господни. Вот они высветились: «Не говори ложь. Не прелюбодействуй!» Да себя ей не жалко, и о себе Малуша не пеклась. За дитя, кое несла под сердцем, готова была любое страдание вынести: княжеское дитя!

— Ну что молчишь? В глаза мне смотри да говори не мешкая!

Малуша голову подняла и посмотрела на княгиню Ольгу так, что та поняла: не будет у неё милости просить. И не попросила.

— Являлся ко мне ясный сокол и во сне и наяву. Я его позвала, я смутила его девичьей статью. Потому, матушка княгиня, никакой вины на князя не клади — нет ее, а с меня спроси, что уж..

В сей миг княгиня Ольга забыла, что повинную голову меч не сечет, что она христианка. В ней проснулось все худшее, что было в язычнице, и она гневно закричала:

— Рабыня, как смела подойти к князю! Под батогами рудой изойдешь, негодница! — И Ольга позвала Аксиныю. Та явилась сей же миг. Но Ольга упрекнула ее: — Долго ли мне кричать?

— Повелевай, матушка княгиня, — с низким поклоном отозвалась Аксиныя.

— Отведи её на скотный двор да спусти шкуру!

С лица Аксиныи румянец как ледяной водой смыло, блее полотна стало. Ан новгородские женщины особого складу народ. Хотя и побледнела Аксиныя, да разума Бог не лишил и смелости не убавил. Крикнула Малуше:

— Ну-ка вон, негодница! За дверью жди свою судьбу!

Малуша лишь поклонилась боярыне и скрылась за дверью. Аксинья же к Ольге близко подошла и прошептала:

— Грех на душу не бери, матушка княгиня. Дитя у неё княжеского рода, от твоей кровушки!

Ольга и на боярыню хотела выплеснуть свой гнев. Да молитва спасла, кою как покаяние что-то подвигнуло её прошептать: «Милостивый Боже, прости рабу Твою грешную! Человеколюбце, сама не ведаю, что творю. Покарай меня за побуждения окаянные, Господи». Всевышний же не простил Ольгу, но образумил. И она повинилась:

— Что уж тут, бес попутал, Аксиньюшка.

Аксинья служила первой боярыней при Ольге уже более двух лет, с той зимы, как погибла в пещерах боярыня Павла. Она была умна и сдержанна, как и её прежняя подруга. Сказала Ольге нужное:

— Жаждаешь наказать, так сие не уйдет от Малушки. Как родит дитя, так справляй свое. А пока ушли её подальше с глаз, да под строгий надзор.

— И то, — согласилась Ольга. — Нонче же и отправь её на Рось, в Будутино.

— Так и сделаю. И людей верных пошлю досматривать. А ты, матушка княгиня, позови её и накажи дитя беречь, и прощение покажи ей свое. Без него проку не будет. Страху-то в ней нет, токмо совесть одна.

— Ишь ты, пересилила меня, новгородская, спасибо, — улыбнулась княгиня, — Чего уж, и впрямь повинную голову меч не сечет. Скажи, пусть войдет. Да в путь её собирай тотчас. Мне же коней подай, в Вышгород еду.

Аксинья скрылась, но вошла Малуша. Остановилась у двери.

— Подойди поближе, — позвала княгиня.

— Слушаюсь, матушка, — Малуша подошла к Ольге, на колени опустилась близ кресла.

— Тебя ноне увезут в Будутино. Живи там мирно, не вольничай, дитя береги, тем и прощение обретешь. Теперь иди.

Но Малуша не встала, не ушла, а припала к коленям княгини и заплакала. Ольга подняла руку, чтобы погладить по голове, однако сдержалась. Да у самой слезы на глазах появились.

— Иди же, — строго сказала Ольга.

Малуша поднялась на ноги и, смотря на княгиню глазами чистыми, омытыми слезами благодарности, так и не поворачиваясь к двери, вышла из покая.

Пока Малушу собирали в дальний путь, к красному крыльцу подали кибитку, запряженную парой гнедых лошадей, из терема появилась княгиня Ольга в сопровождении Аксины. Они уселись в сани, и резвые кони унесли их с теремного двора, а следом ускакали тридцать воинов-телохранителей.

В Вышгороде у княжеского терема Ольгу встретил воевода Асмуд. Помог ей выбраться из кибитки. Заметив, что Ольга чем-то обеспокоена, спросил:

— Матушка княгиня, какая беда приспела?

— Да уж накатилась. Где Святослав?

— В путь собирается. Любеч надумал посетить.

— Я ему покажу Любеч! Все с глаз моих пытается сбежать! —

Ольга решительно вошла в терем. Асмуд едва поспевал за ней, дабы открыть двери. Святослав в сей час сидел в трапезной. Яств перед ним было немного, как в походе: холодная говядина, жареная рыба, ржаные лепешки, жбан с сытой — вот и все украшения княжеского стола.

— В путь собираешься? — спросила княгиня.

— Да, матушка. В Любече воевода с боярами свару затеяли.

— Со мной поедешь!

— Далеко ли, матушка?

— Далеко. От проказы избавить тебя хочу.

— Нет у меня такой напасти.

— Коль говорю, значит, есть, — Ольга повернулась к Асмуду: — Воевода, иди-ка собирай князя в дальний путь. Да лучшие кафтаны не забудь взять.

Асмуд поклонился и ушел, зная, что переспрашивать княгиню или задавать ей вопросы чревато осуждением.

Лишь только Асмуд скрылся за дверью, княгиня спросила сына:

— Белую орлицу видел во сне или наяву?

Князь догадался, о ком матушка спрашивает, потупил голову и ответил угрюмо:

— Такого не приходило ни во сне, ни в яви.

«Язычник, — гневно мелькнуло у Ольги, — Вижу, что было и во сне и наяву. Да у них же ничего святого нет. Ложь для них —

утешение».

— Пусть так Но я знаю, что ты извратничаешь. И потому слово мое материнское твердое и невозвратное. Мы едем в Угорское княжество за невестой, княжной Предславой.

— Матушка, я не поеду. Волю твою нарушаю, потому как любя мне Малуша.

— Как смеешь мне возражать?! — крикнула Ольга, — Подумал бы: Малушка рабыня, а ты — великий князь!

— Нет, матушка, Малуша не рабыня. Она дочь новгородского боярина и твоей товарки Павлы. Еще сестра богатыря Добрыни. А рабыней она стала по твоей воле. Твои уставы плохи.

Ольга недолго сетовала на слова сына. И гнев свой погасила. Вспомнила она тот час, когда после нескольких месяцев разлуки с сыном он поразил её тем, что стал другой. Вот оно откуда: князь Святослав не только её сын, но он ещё и мужчина. «Что ж, тому пришло время, да, может, и во благо», — решила Ольга и сказала миролюбиво:

— Ладно, сын, не будем ссориться. Наверное, я не права. Годы дают себя знать...

Помня о крутом нраве великой княгини, Святослав нашел в себе смелости спросить:

— Матушка, а что с Малушей?

— Ничего с ней не случилось. В деревню удалилась, дитя рожать.

— Но куда?

— А вот сего тебе не скажу. Ни к чему тебе это знать. — И поняла, что пора говорить о том, зачем приехала: — ВЛюбеч пошли Свенельда. Да накажи быть твердым. Сам же собирайся в Угорское княжество. И не перечь, сынок, прошу Христом Богом.

Святослав подумал, что нет у него права идти против воли матушки. Еще продумал о том, что вера его дает ему право при нелюбимой жене быть верным Малуше. Он надеялся, что Малушу не потеряет. Потому хоть и не с легким сердцем, но сказал то, что окончательно их примирило:

— Мне ли тебя, матушка, не почитать, мне ли тебе перечить? Ты и так дала мне много воли, потому поступлюсь ею малость, а с меня не убудет.

— Вот и славно. Завтра же до полуденной трапезы выезжай в Киев. О чем не договорили, в пути время будет.

Святослав проводил матушку до кибитки, посадил её и пожелал доброго пути. Они расстались миролюбиво. Святослав — с надеждой на то, что матушка не будет притеснять и наказывать Малушу, а княгиня Ольга — с убеждением, что княгиня Предслава вытеснит из сердца сына недостойную чести быть женою великого князя всея Руси ключницу Малушку.

Глава двадцать девятая

ТРЕВОГА

Великая княгиня Ольга радовалась тому состоянию жизни на Руси, которое укрепилось в державе за последние годы. Русь продолжала жить мирно и после того, как она приняла христианство. Да и прочнее стал мир. Княжеские дружины в эти годы не нападали на соседей, не жаждали покорять чужие народы. Князь Святослав со своими воинами по — прежнему большую часть времени проводил в походах, но это были походы ради укрепления рубежей державы.

Ольга осталась довольна тем, что Святослав женился на угорской княжне Ильдеко — Предславе. Пир горой прокатился от Угорского княжества до Киева. Угры сумели показать на пиру удаль во всем, а хмельное пили, куда там против них русичам. Удивлялась Ольга, как утробы принимали, когда видела, как ендова за ендовой выпивались. В Киеве-то пир был скромнее. Да все равно три дня теремной двор гудел. И потехи были: силу угры да русичи показывали. О Добрыне и говорить нечего, он как орешки пощелкал: пяток угров уложил на землю одного за другим. А воевода Претич князю Такшоне не поддался. Погуляли и разъехались.

У Святослава и Предславы наступил медовый месяц. Да короче, чем должно, оказался. Всего три недели провел близ своей супруги Святослав. Нашелся повод умчаться из киевских теремов в Вышгород. Там поднял в седло дружину и ушел с нею на Тмутаракань. Донесли до Киева слух, будто бы в тех краях Руси некие кавказские племена разоряют заставы, русичей в полон уводят. И сама Ольга побудила сына навести там порядок. А вскоре и покаялась в том, что допустила Святославу возглавить поход. И Свенельд бы справился. Ему же должно быть при жене. Теперь же Предслава осталась при Ольге, да радости княгине не принесла. Там, на Угорской земле, княжна показалась Ольге душевной и ласковой. Однако сие была игра умысла: Ильдеко выполняла волю отца. А в Киеве она вскоре же показала свой истинный нрав. И проявился он, как только Ильдеко понесла дитя от

Святослава. В ней все словно переродилось. То она жестоко обошлась с сенной девкой, избила её своим сафьяновым сапожком, то плеснула горячей водой в лицо челядинке, коя замешкалась. Многожды она унизила Аксинью, называя её толстой свиньей. Со всеми прочими боярынями повела себя высокомерно, чванливо. И в довершение всего начала пререкаться с Ольгой, забыла о всякой почтительности, за глаза величала старой бабой и каждый день требовала, чтобы Ольга вернула Святослава в Киев.

— Зачем ты позволила ему сбежать из теремов и оставить меня одну? — спрашивала Ильдеко, — Что это за муж — месяца с женой не провел, умчал невесть куда, — кричала она. Ее большие карие глаза становились злыми, нос ещё больше заострялся, а губы, казалось, синели. — Шли не мешкая за ним гонцов!

Вначале Ольга терпеливо и ласково пыталась убедить Ильдеко, что жене великого князя надо быть сдержанной и терпеливой. Наконец, княгиня Ольга уступила невестке.

— Я пошлю за Святославом гонцов, но ты, доченька, привыкай к разлукам. У нас на Руси великие князья дома не сидят. Они — воины, и их место в ратном поле, на коне.

— Не хочу знать ваших уставов, не желаю быть соломенной вдовой. Потому иди и распорядись сейчас же!

И Ольга распорядилась, отправила на юго — восток державы гонцов с наказом оставить дружину при Свенельде, самому же Святославу быть в Киеве не мешкая. Дабы угодить невестке, через два дня она послала ещё двух сеунчей, а потом и еще. Но не прошло и двух недель, как они стали возвращаться ни с чем. Их ответ был один: «Великий князь преследует касогов». И каждый раз, как только на теремном дворе появлялся усталый воин и приносил отказ князя вернуться в Киев, Ильдеко влетала в покой княгини Ольги и требовала:

— Моему терпению конец! Распорядись собрать меня в дорогу, я сегодня же уеду к батюшке!

Ольга, как могла, пыталась успокоить молодую женщину:

— Ты носишь дитя, тебе нельзя терять покой. Ради ребенка будь мужественной.

— Полно меня уговаривать. И зачем я только согласилась жить в этой варварской стране, — причитала Ильдеко и в довершение ко

всему пускалась плакать.

Святослав появился в Киеве только весной следующего года. Ильдеко уже родила сына и ещё чувствовала себя слабой, больше лежала в постели и возвращению князя, похоже, не порадовалась. В ней к этому времени пробудилась ревность. Она уже знала, что где-то в далекой Псковской земле есть молодая женщина, родившая сына от князя Святослава. Весть об этом больно уязвила самолюбие княгини, и она не преминула свалить на голову Святослава множество упреков. После родов она похорошела, но злость искажала её лицо.

— Может, ты был в той Псковской земле, ублажался своей рабыней? — в первую же ночь заявила Ильдеко и не позволила Святославу даже прикоснуться к ней.

Князь не оправдывался. А когда узнал, что Малуша родила сына, не сумел скрыть своей радости и вызвал у молодой супруги бурю гнева.

— Ты мне чужой и не смей пальцем меня тронуть! — кричала Ильдеко. — О, бог мой, и почему я отказала польскому королевичу?

Святослав и в первые дни супружества не испытывал теплоты к Ильдеко. Теперь он стал вовсе холоден к ней. Он и к сыну относился равнодушно, зная, что в далекой деревне Будутино у него уже растёт сын, родившийся от любимой женщины. В первые же дни по возвращении из похода он тайно отправил в Будутино десять воинов, и они повезли Малуше несколько тюков подарков.

Пробыв недели три в Киеве, князь Святослав вновь стал собираться в поход. На сей раз он решил сходить с дружиной на Дунай, посмотреть со своего порубежья, как живут народы на дунайской земле. Собирался он тайно от матери и жены. Сам был в Киеве, а в Вышгороде воины укладывали переметные сумы. Да такое утаить трудно. Вскоре и княгиня Ольга, и невестка знали о намерениях Святослава. Княгиня Ольга позвала сына к себе, спросила:

— Какая нужда тебе покидать Киев, жену, мать, сына?

— Тесно и душно мне в теремах, матушка, — ответил князь, не поднимая на мать глаза.

— Что же, и сын и жена не удерживают?

— Мы с ней в ссоре. Она про Малушу узнала и костит меня и ее.

— Тут чего скажешь? Ей, может, и обидно. Да ты лаской согрей, и простит она тебе Малушку.

— Слов не нахожу, матушка, холоден я к ней.

— Ради меня, сынок, побори тот холод. Она ведь и норов свой неумный показывает потому, как тебя ей недостает.

— Она сама о том говорит и требует жажду её утолять. Да тут же отталкивает, спросив, любя ли она мне. Я же молчу.

— Да не молчи, не молчи, скажи, что любя, с тебя не убудет, — наставляла Ольга сына.

— Претит мне сие. Будто во блуд впадаю.

— О, Господи, — горестно вздыхала Ольга. Выслушав исповедь сына, она и свою вину пред ним начала сознавать острее. Как она любила своего Игоря, как была ему мила. Сорок с лишним лет душа в душу прожили. А тут и впрямь изломала жизнь любимому сыну. Вернуть — бы Малуше свободу, хотя бы ради Павлы. Там бы и в жены можно было отдать Святославу боярскую дочь. Ан нет, иноземную княжну захотела, родства с соседними государями решила добиться. И в Византии искала невесту сыну. Ну, с Византией можно было породниться, великая держава. А что Угорская земля? Заплата на кафтане.

Святослав стоял пред матерью с поникшей головой. Ее молчание угнетало его. И спросил с вызовом:

— Зачем ты меня с Малушей разлучила?

— Что уж теперь? Грешна пред тобой, сын. Не по — христиански поступила. Да живи впредь, как сердце подсказывает. Нет моей власти больше над тобой.

Святослав поклонился матери и, не произнеся больше ни слова, покинул покои.

Через неделю великий князь ушел с дружиной на Дунай. Ильдеко он сказал, что навестит её отца, а своего тестя князя Такшоню.

— Скажи ему, что он теперь дедушка и внука зовут Ярополком, — наказала Ильдеко перед дорогой.

И все же пребывание князя Святослава в Киеве оставило свой след. Княгиня Ильдеко понесла от него второе дитя.

Деятельная княгиня Ольга недолго пребывала в унынии по поводу неудачной семейной жизни сына. Вновь у неё появилось множество забот. Во второй раз она отправила послов в Германскую империю к императору Отгону. Им же наказала заглянуть в Угорское княжество, потому как была уверена, что сын не навестит князя Такшоню. Тут

она, однако, ошиблась. Да было бы лучше, ежели бы не ошиблась. Едва проводив своих послов к Оттону, княгиня Ольга узнала, что вернулись из Царьграда белгородские христиане — паломники и остановились на отдых в Киеве. И Ольга позвала их к себе, встретила как дорогих гостей, для них истопила баню, отвела им палаты. Потом приняла их и долго беседовала, расспрашивала о том, как живет нынче Византия.

Сидели в трапезной. Стол ломился от яств и питья, но все семь паломников были сдержанны в пище, зато охотно поведали княгине много печального, постигшего Византию за последние годы.

— Ежели ты помнишь, матушка княгиня, в свою бытность в Царьграде, сына императора Константина Багрянородного Романа, то с него и начались все беды в императорском дворе, — начал свой рассказ старший из паломников, белгородский боярин Подага, крепкий худощавый мужчина с карими умными глазами. Вел он беседу вольно и складно. И княгиня слушала его, затаив дыхание, — Отец женил его рано, а случилось сие сразу же после твоего отбытия из Византии. Он сам выбрал ему невесту, а поскольку Багрянородным позволено все, то нашел сыну жену в семье простого царьградского лавочника и трактирщика. Звали будущую царицу Анастасе. Константину сие имя не понравилось, и он назвал её иным именем. По — нашему звучит как посланная Богом, а по — ихнему — Феофано[15]*.

*[15]Феофано, византийская царица — супруга двух императоров: Романа II Молодого (959-963) и Никифора II Фоки (963-969), мать императоров Василия II Болгаробойцы (976—1025) и Константина VIII (1025-1028) и Анны, жены князя Владимира Святого.

Да обмишулился, не от Бога она пришла, но от сатаны. Сказывают, была она редкой красоты и редкого коварного ума.

— Уж не себе ли Константин выбрал ее? — спросила Ольга Подагу. Вспомнила она, как Константин ухаживал за нею, добивался её руки. Со временем она поняла, что император делал сие серьезно в силу своего чрезвычайного женолюбия, — Я тогда в шутку подумала: уж не магометанин ли он?

— Нет, матушка княгиня, у царя была иная мета. Он взял Феофано в жены своему сыну за её ум. Он надеялся, что она защитит

его сына от происков вельмож. Да все обернулось против Константина и Романа. Она считала, что ей мало быть царицей. Феофано бредила титулом императрицы. Но на её пути стоял сам Багрянородный. И она свершила злодеяние.

— Одна и ринулась? — удивилась Ольга.

— Ан нет, одна бы она не решилась. Она вошла в сговор с Никифором Фокой[16]*.

*[16]Никифор Фока (912-969) — византийский император (с 963г.), полководец.

Сей полководец встречался с Феофано давно. Им было для чего сходиться — Феофано была любя ему. Когда же она стала женой Романа, тут-то и вошел в раж Никифор. С его помощью Феофано получила отравное зелье, редкое по силе и, сказывают, убивающее крокодила. Во дворце императора был торжественный прием гостей из Германской империи. Там пили много вина. Выпил и Константин свою чару. Сказывают, Феофано сама подала императору кубок с ядом.

— Господи милостивый, покарай злодейку! — воскликнула Ольга и перекрестилась.

— Смерть Константина была быстрой и легкой. Вскоре же императором стал его сын Роман, а Феофано — императрицей. Казалось бы, достигнув своего, ей надо было вести скромную жизнь. Ан нет. Ее супружество с Романом было недолгим. В Царьград вернулся из удачных военных походов Никифор Фока. В эти дни он был героем. Ему поклонялась вся держава за то, что он победил арабов и отвоевал у них остров Крит. В стольный град Фока вернулся на щите. Горожане встречали его с восторгом и от городской заставы до ворот дворца несли на руках.

В первую же ночь после возвращения Фока встретился с Феофано. О чем они говорили, то осталось тайной. А через несколько дней Феофано своей рукой подала мужу кубок с отравой. И посмотри, матушка княгиня, какое коварство проявила сия женщина, — с волнением говорил Подага. — Весь день была с ним ласкова, привела к нему детей, царевичей Василия и Константина. После полуденного отдыха, когда они тешились, Феофано пообещала Роману принести дочь. И, кощунственно говоря: «Твоя дочь будет первой красавицей

Византии», — подала ему питье с ядом. И сама взяла золотой сосуд, сказала: «Выпьем во благо семьи нашей и детей наших». Роман же воскликнул: «Я пью за тебя, Феофано, посланная Богом. Не было бы у меня ни таких прекрасных детей, ни короны, если бы не ты, императрица!»

Он умер без мук, со счастливой улыбкой на лице. А спустя день после похорон Никифор Фока надел красные сапоги, знак императорского отличия, выступил перед народом на площади — и мы там были — и назвал себя императором, — закончил рассказ боярин Подага.

Княгиня Ольга сидела печальная, думала о своих семейных делах, но спросила опять же о Византии:

— А что же патриарх Полиевкт? Как он допустил злодеяние?

— Да простит его Всевышний, недостало у патриарха чести, — тихо произнес боярин Подага, — патриарх знал жестокий характер Никифора и не посмел возвысить голос. Нынешним августом он короновал Фоку в соборе Святой Софии. И слышали мы, что через месяц Полиевкт венчал Никифора и Феофано. Вот какие вести, матушка княгиня, привезли мы из святой державы, где молились.

Великой княгине было от чего прийти в расстройство.

— Не приведи Господь, чтобы у нас подобное случилось, — сказала она и простилась с паломниками. — Пойду помолюсь Всевышнему за упокой души безвинных помазанников Божиих.

Наступившую ночь княгиня Ольга провела без сна. Рассказ боярина Подаги вселил в её душу беспокойство и страх. Ей показалось, что и в её теремах есть люди, способные ради корысти напоить кого угодно отравным зельем. Давно уже не внушала доверия невестка Ильдеко. Тут было над чем задуматься. Княжеский двор Угорской земли никогда не отличался спокойной жизнью. Интриги, коварство, кровная месть — все это было в языческом стане угров. Ольга поняла давно, что Ильдеко знает прошлое своего народа и впитала в себя не все лучшее из придворных обычаев княжеского двора. В киевских княжеских теремах она уже успела окружить себя противниками Ольги по вере, нашла среди вельмож города единоверцев — идолян, позвала их служить ей в теремах. А после рождения сына Олега она вызвала из княжеского окружения отца нескольких вельмож с женами и с их появлением вела себя ещё более

вызывающе. Теперь она не встречалась с Ольгой за трапезой. Ильдеко и её окружение нашли более удобным трапезничать в своем зале. Она открыто стала проявлять к своему приближенному молодому боярину Карну благосклонность. Ольге же показалось поведение Ильдеко непристойным: она уединялась с Карном, и однажды ночью боярыня Аксинья видела, как боярин Карн покидал опочивальню молодой княгини.

Аксинья хотела смолчать о виденном, но, поразмыслив и видя в том урон княжескому дому поведала о связи Ильдеко с боярином Карном.

— Ты, матушка княгиня, отправь его куда ни то посадником.

— Да уж отправлю! Отдам в ежовые рукавицы, — разгневалась княгиня. — Пошли кого-нибудь за ним! Я покажу, как охаживать жену великого князя.

Дело было утром. Карна скоро нашли, велели идти к княгине. Она говорила с ним мало, больше наказывала воеводе Претичу.

— Сей боярин покрыл позором княжеские терема, чего мы не ведали раньше. Приставь к нему воинов и сей же час пусть гонят его пешего в Муром, под надзор воеводы и посадника Федора Волка. — И после сказала Карну: — Вину свою знаешь. Быть тебе в Муроме год. Теперь иди с моих глаз.

Потом был разговор с Ильдеко. Ольга сказала ей:

— Ты в моих теремах не устраивай языческих гульбищ, живи скромно, как подобает супруге великого князя.

Ильдеко нервно ходила по покою, который заботами Ольги все больше становился похож на библиотеку и молельню, и, не скрывая своего негодования, ответила:

— Ты, матушка княгиня, сама виновата в том, что случилось. Зачем сына притесняешь в его вере, гонишь в веру назареев? Вот он и убегает из теремов в походы и меня осуждает на холодное ложе, на горькую вдовью жизнь. Ты во всем виновата, уйдя от сына к назареем.

Ольге показалось, что Ильдеко поет не со своего голоса. Пришло к ней что-то от Богомила. И эти слова «гонишь в веру назареев» были ранее знакомы Ольге, она их слышала от верховного жреца. Ольга подумала, что Ильдеко встречалась с Богомилом. Ведь только его вера так благотворно влияла на проявление пороков в идолянах. Позже Ольга узнает, что её невестка ходила на Священный холм в капище

богов, встречалась там с верховным жрецом Богомилом. И тот, поди, подстрекал её к чему угодно, считала княгиня. Кто знал, что у неё на уме. И Ольге показалось, что события в Византии, о коих рассказал боярин Подага, могут повториться здесь, в Киеве.

У Ольги появился страх. За трапезой она боялась принимать пищу, напитки. И боярыня — стольница теперь сидела рядом с нею за трапезой и все, что подавали княгине, пробовала.

А кончилось все тем, что нервы у княгини Ольги не выдержали и она надумала уехать из Киева до возвращения из похода Святослава. Ее давно влекло в родные изборские места. Ей захотелось увидеть Малушу, ласковую и преданную душу да и внука приласкать.

Было предзимье, самое время собираться в дальний путь, в северные земли. Там уже легла зима, открыла санный путь. Оно и под Киевом вот — вот землю укроет снегом, считала княгиня Ольга. И реки закует в лед, пока сборы завершатся, пока в Берестове несколько деньков побудет, помолится Господу Богу в новом храме, с отцом Григорием встретится, душу в беседах отведет. В последнее время Ольга редко встречалась с отцом Григорием, потому как он по её воле присматривал за возведением церквей, кои заложили в нескольких городах.

Перед отъездом Ольга собрала на совет градских старцев, бояр, воевод, наказала им:

— Вы тут в согласии пребывайте, скопом дела вершите, воеводе Претичу советом помогайте, дабы в городе мир и покой царили. Не допускайте раздоров между идолянами и христианами. Вижу, вот нет Богомила, а звала. Что он там таится в капище? — спросила Ольга, но, не дождавшись ответа, закончила свое: — Мне же Господь Бог велит родной Изборской земле поклониться, туда и еду.

Санный обоз в семь упряжек и две сотни воинов личной дружины княгини Ольги во главе с Дамором покинули Киев пасмурным ноябрьским утром и взяли путь на Берестово.

Село Берестово за последние годы похорошело. Как вознесся каменный храм, мужики избы обновили. По совету мастера Ираклия резные наличники на окна поставили, карнизы, тоже резные, протянули, крыльца вигыми столбами украсили. Еще мастер Ираклий научил берестовских мужиков разные печи класть, которые и тепла много давали, и хату украшали. Жизнь в селе посветлела, потому что

многие берестовские мужики и бабы приняли христианскую веру, и крестил их в новой церкви молодой священник Михаил. Знали теперь берестовские о Царстве Небесном, о преисподней и о вечном блаженстве после безгрешной жизни.

Появление великой княгини в Берестове обрадовало всех от мала до велика. Любили её берестовские. До полуночи они не расходились от княжеского терема. Девушки водили хоровод, парни, как всегда, в удали искали себя, балагурили. И отец Григорий ощутил душевную благодать с появлением княгини Ольги. При встрече, едва покинув сани, Ольга обняла отца Григория, как родного человека, и они трижды облобызались. Ольга ещё хлеб — соль от старосты Романа принимала, а Григорий уже велел священнику Михаилу приготовить храм к богослужению. Княгиня была благодарна Григорию за ревностное служение ей и, не заходя в терем, отправилась в церковь, отстояла молебен. После богослужения Ольга в какой раз осмотрела храм и опять нашла в нем нечто новое. Стараниями отца Григория в церкви появилась чудотворная икона Спаса Нерукотворного. Иконостас пополнился иконами архангела Михаила и Николая Чудотворца. Но больше всего порадовало Ольгу, что был расписан купол храма ангелами и херувимами, которые окружали Пресвятую Богородицу с младенцем Иисусом Христом.

— Спасибо тебе, отец Григорий, за радение к храму и ко всей нашей церкви, — сказала Ольга после молебна.

— Как не радеть, матушка! Кто же, если не мы, откроет верующим окно, дабы они увидели Горние Выси, — ответил Григорий.

Они покинули храм последними, ушли в княжеский терем. Да посидели за беседой недолго. Отец Григорий только и успел рассказать о том, как возводят церкви в Белгороде и Любече.

— Белгородцы прилежны. И мастер у них из Корсуни прилежен. Анастасом зовут. Купол уже свели, фрески по сырой штукатурке евангелисты расписывают. На Пасху освятим храм и службу исполним.

— Побываю на освящении храма, даст Бог. А что в Любече?

— Свара идет, матушка. Дети Перуновы вельми яростны и не дают возводить храм.

— Там же было все мирно, — удивилась Ольга.

— То пришлые идоляне чинят зло. Сказывают, из Угорской земли пришедшие. В Любече обживаются.

Княгиня Ольга ещё пуще удивилась. Как могли люди земли Угорской, чужой земли, прийти на Русь и вольно обживаться на её земле, вольно чинить препоны христианам?

— Отец Григорий, говори все, что ведомо тебе об угорских людях, — попросила Ольга. — Чувствую, ты что-то таишь.

— Верно, матушка, таю, чего не должен бы. Да сомнения одолевают. Не твоим ли повелением идут на Русь угры — язычники? Они-то утверждают, что вольно живут словом княгини Ильдеко. Но тому поверить трудно.

В груди у княгини вспыхнул гнев: «Вот оно что, эта угорская вольница по вине Предславы хлынула на Русь! Того и я не могла бы позволить ей, не токмо Святослав». Но Ольга не выплеснула гнев, спросила без надрыва:

— И как угры мешают строить храмы?

— Они выгнали христиан из каменоломен, где те кололи камень.

— Что же ты раньше не уведомил меня? — упрекнула Ольга Григория.

— Грешен, матушка. Был намерен явиться к тебе в Киев из Любеча, так мне люди Богомила дорогу перекрыли.

— Они что, заодно с угорскими идолянами?

— Выходит так, — ответил Григорий, — Да вижу теперь, что должен был обойти преграду уведомить тебя о беспорядках в Любече. Ты уж прости грешного.

— Что уж... Тут есть отчего голову потерять. Чувствовала, что Ильдеко замышляет против меня некое зло. Да все сомневалась. Теперь понимаю. Ее козни могут принести вред не токмо мне, но и державе. Выходит, не ко времени моя поездка в изначальную землю мою, — рассуждала княгиня.

— Мыслию тако же, — заметил отец Григорий. — Угры есть народ коварный и дерзкий.

— Ладно, святой отец, утро вечера мудренее. Иди на покой, а я тут подумаю, как поступить, — сказала княгиня.

На том они и расстались, потому как было не до приятных воспоминаний о прошлом. Вечер княгиня провела беспокойно. Все думала, не вернуться ли в Киев и обо всем откровенно поговорить с невесткой. Но некое подспудное чувство подсказывало ей, что того не следует делать. И пусть лучше та проявит свой норов до конца,

сотворит против Руси то, к чему идет, а там можно будет и пресечь её злые деяния. Однако же и стольный град без княжеского ока надолго оставить нельзя. И княгиня Ольга решила немедленно послать гонцов к князю Святославу и велеть ему мчать в Киев и не покидать княжеских теремов, пока она не вернется. И воеводу Претича решила предупредить, дабы не пускал в Киев торговых людей из Угорской земли. Утром княгиня Ольга позвала сотника Дамора и сказала:

— Тебе, славный воин, велю взять десять лучших отроков и нонче же отправиться в придунайские земли на поиски князя Святослава. Ему скажешь моим именем немедленно возвращаться в Киев. Скажешь: стольному граду угроза от угров. Еще передай мое слово досматривать за княгиней Ильдеко. Других слов у тебя не будет.

— Запомню, матушка княгиня. Да все исполню, как сказано, — ответил Дамор.

— Киев тебе не миновать. Передай мое повеление воеводе Претичу, дабы закрыл ворота от угров — торговых людей.

— И сие исполню.

Ольга помнила Дамора десятским, теперь он сотский. Возмужал. Взгляд серых умных глаз стал более пытлив. И был Дамор в расцвете своей воинской силы. «Такому можно доверить любое поручение», — подумала княгиня.

— Тогда с Богом, собирайся. Возьми припасов для людей и для коней — и в путь.

Дамор поклонился и покинул терем. Не задержалась в нем и княгиня Ольга. За утренней трапезой она распорядилась собираться в дальнюю дорогу.

— До полудня и выезжаем.

Ольга не изменила своего решения. Больше того, она горела желанием как можно скорее добраться до Псковщины.

В ночной тишине она все продумала и теперь твердо знала, что собирается свершить благое дело. Потому-то с рассвета и до позднего вечера Ольга и её небольшая свита были в пути. Заснеженные степные равнины сменились лесами. Северные дороги уже были наезжены, первопутком прошли обозы из Новгорода и Пскова.

Как-то, уже близко к Полоцку, при полной луне княгиня Ольга отважилась продолжать путь всю ночь. Уснула она в крытых санях под медвежьим пологом и приснился ей чудный сон. Будто встал перед

нею город сказочный, весь в огнях, терема до неба. И идут ей навстречу горожане, все нарядные, красивые, а впереди на белом коне князь полоцкий Рогволод, и на руках у него девочка сидит, личи ко, как у ангелочка, красивое, большеглазое. Князь и говорит с ПОКЛОНОМ:

— Матушка княгиня, милости просим к нам на свадьбу. Вот княжну замуж выдаю за твоего внука, коего навестить едешь. Он же в моих теремах отдыхает.

Княгиня Ольга проснулась оттого, что слова князя Рогволода прозвучали так явственно, будто он произнес их над самым ухом. Знала княгиня, что в последнее время ей перестали являться вещие сны. Да и как может быть сон чудодейным, ежели в жизни тому и повода нет. Она знала, что у князя Рогволода нет пятилетней дочери. А её внуку вовсе от роду три с половиной года. Однако Полоцк был близко, потому у Ольги не было нужды миновать стороной город. Княгиня распорядилась держать путь на Полоцк. Еще день силы не набрал, а поезд киевлян уже был под стенами города. Но полочане не враз открыли ворота крепости. И князь Рогволод не вышел встречать княгиню. Она увидела его лишь в полдень. Он был возбужденный — то смеялся, то хмурился.

— Милости твоей прошу, великая княгиня. Нынче утром у меня родилась дочь, а её матушка от родов умирает, — Мужество покинуло князя, и он, извиняясь и стеноя, попросил воли у княгини и убежал к умирающей жене.

Ольга покинула Полоцк на другой день. Она так и не увидела больше князя Рогволода. Он не отходил от жены, которая страдала послеродовой горячкой. Княгиню Ольгу провожали бояре и три отрока — княжича, сыновья полоцкого князя. Уже в пути от Полоцка Ольга посетовала на то, что в том её сне нет ничего вещего. Но она ошиблась. Просто ей не дано было знать, что спустя шестнадцать лет её внук князь Владимир возьмет в жены дочь Рогволода Рогнеду и она родит ему сыновей Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей. Да случится за Рогнеду смертельная борьба до её замужества между князем Владимиром и его братом князем Ярополком. Но все это будет потом.

А пока княгиня спешила в деревню Будутино, чтобы увидеть внука, который по непонятным Ольге причинам стал ей дорог. И ещё не увидев внука, она его полюбила.

И было за что. Когда княгиня Ольга подкатила к избе, где коротала изгнание Малуша, и из сеней выбежал трехлетний мальчуган, сердце её замерло. Волна нежности подступила к горлу, и она прослезилась. Судьбе было угодно, чтобы сын Малуши и Святослава был похож на свою бабушку: те же светло — золотистые волосы, те же большие темно — голубые глаза под длинными темными ресницами. Мягкий овал лица, полные губы, прямой нос, а как улыбнулся, так на щеках появились две ямочки. Ну точно, как у нее, Прекрасы, в детстве и отрочестве.

Княгиня забыла окружающий мир, склонилась к внуку, обняла его и прижала к груди. Да так и замерла надолго, лишь шепча:

— Внучек мой любимый, соколик ясный.

Малуша стояла неподалеку, в дверях избы. Она улыбалась, а по щекам текли слезы. Она была в бедной крестьянской одежде — подарки Святослава до неё не дошли, на плечах натянута свитка из веретя, на голове льняной изношенный платок. Но вопреки всему стать и краса её так и кричали о себе. Что ж, была самая пора расцвета молодой женщины — ей шел двадцатый год.

Наконец княгиня отпустила внука, встала и внимательно, со страданием в глазах посмотрела на Малушу и сказала несколько слов, кои приготовила ещё в Берестове и привезла на родную землю как покаяние. Они и были покаянием.

— Ты уж прости меня, доченька, старую грешницу. Виновата пред тобой. Отмолить бы вину. Ты вольная боярская дочь и отныне жить тебе по чину.

— Спасибо, матушка княгиня. Милость твоя велика. Я же всегда любила тебя, матушку моего суженого.

— Ты собирайся в путь. В Киеве, близ Святослава, твое место.

Не поднимая зардевшегося лица, Малуша промолвила:

— Слышала, он в супружестве.

— Страсти одни, а не супружество. Скажу одно: вы вольны со Святославом строить свою судьбу. Он же тобою бредит и души в тебе не чает.

Малуша взяла княгиню под руку и провела через сени в избу. А за порогом княгиня остановилась, осмотрелась. В избе было чисто: ни соринки, ни пылинки, но бедность светилась из всех пустых углов печальными глазами опальной души. Лишь матерая баба Увара, кою

отправили вместе с Малушей, являла собой — и ликом и телесами — полное довольство жизнью в опальной избе. Знать, не в тягость ей была служба стражницы при Малуше. Баба стояла близ печи, потупив голову. Ольга посмотрела на Увару осуждающе, сказала строго:

— Иди, Увара, к себе. Да помни: мы нынче уезжаем, тебе оставаться здесь. Изба твоя, все на дворе и земля близ двора. Живи отныне своим трудом.

Увара не промолвила ни слова, лишь, низко поклонившись, покинула избу.

Княгиня Ольга присела на лавку, внука посадила рядом, привлекла к себе.

— Я твоя бабушка, княжич Владимир. Ты люб мне. И матушка твоя — тоже. А другой бабушки у тебя нет, горюю без нее. — Княгиня вроде бы разговаривала с внуком, но все сказанное касалось прежде всего Малуши. И она слушала со старанием, — А батюшка твой воин мужественный и все в походах, все страдает по твоей матушке. Господи, и зачем я тогда их разлучила?

— Не казись, матушка княгиня, — промолвила Малуша. — Недавно кудесник побывал в моей избе, сказал, что скоро мы с ясным соколом избавимся от душевных мук, неразлучны будем.

— Дай-то Бог, — отозвалась княгиня.

В избу вошла боярыня Аксинья, сказала:

— Матушка княгиня, час трапезы настал, — Да тут же Малушу добрым словом согрела: — Вот и теплынь наступила для тебя.

Ольга согласилась с Аксиньей, улыбнулась.

— Стол накрой здесь. Да скажи всем, что после трапезы уедем в Изборск Матушку с батюшкой хочу навестить на жальнике.

В Изборске и Пскове уже знали, что в родные места приехала великая княгиня. Теперь ждали её приезда из Будутина. И княгиня Ольга побывала в Изборске, но недолго гостевала. Она встретилась с горожанами, проверила, как её уставы соблюдаются, да погоревала, что жизнь в Изборске затухает, что горожане живут в язычестве.

— Почему у вас все так худо? — спросила княгиня, — Говорю вашему посаднику Нилу, что отныне на пять лет от дани и оброков избавляетесь. Живите вольно, ремеслами занимайтесь, торгуйте, везите в Киев все, сама куплю товары.

Изборские не ведали, как отблагодарить княгиню. Посадник Нил спросил Ольгу, да громко, дабы все на площади слышали:

— Матушка княгиня, повели нам, какое услужение сделать тебе за великую милость.

Ольга лишь на миг задумалась, и озарило ее: ведь это тот случай, когда что ни попросишь, исполнят, и сказала:

— Вот я христианка и в новой вере обрела покой и радость. К тому и вас зову — повелеваю: идите ко Христу Спасителю. Детей своих обращайтесь в православную веру. Все вам во благо обернется. Я же помолюсь за вас, верных моих детей. И священника пришлю послужить вам.

Изборские были верны слову. Да и как не заплатить за милость — за пять лет без оброков — малым пустяком: не идолу лоб бить, а Христу Спасителю молиться. И опять же посадник Нил сказал:

— Шли нам, матушка княгиня, священника, а мы пойдем за тобой, как за Божьей матерью, в Христову веру.

Проведя ночь в своем родовом доме, Ольга уехала в Псков. Спешила, потому как жила уже не тем, чем жила Псковщина, а тем, что там, в Киеве, творилось.

Псков жил лучше, чем Изборск: шумно, размашисто. Торговали псковские купцы с югом и западом. По реке Великой куда не уплывешь! Многие горожане ремеслами занимались. Ладьи, кошевы, долбленки, сани на продажу отменные мастерили. И в Киеве псковских мастеров знали, потому как каждый раз по весенней воде они появлялись со своим товаром на Днепре под стольным градом. Дань горожане платили исправно; благодарили княгиню за то, что избавила от полюдья, от нашествия дружины, в коей много алчных варягов.

Горожане подарили княгине резные — расписные сани. Она же им свои оставила в подарок. Да после трех дней пребывания в Пскове поспешила в Киев, отказавшись от побуждения побывать в Новгороде. А чтобы не обиделись новгородцы на нее, дескать, пренебрегла, отправила гонца с наказом:

— Передай посаднику Путяте, что за Киев тревога одолела, чтобы сам был готов прийти мне на помощь. И угров в город чтобы не пускал, кто бы они ни были.

Беспокойство княгини Ольги прирастало с каждым днем. Ежели Святослав не вернулся из похода, рассуждала она, то княгиня Ильдеко вольно творит свои злые деяния. И только Господу Богу ведомо, как далеко она зашла в них. Потому в начале декабря Ольга покинула Псковщину и с короткими передышками помчала в стольный град. И ко времени.

Глава тридцатая

ИЗГНАНИЕ

Ильдеко и впрямь чувствовала себя в княжеских теремах полновластной хозяйкой. Едва поезд Ольги скрылся за крепостными воротами, как молодая княгиня отправила гонца в Любеч и наказала ему собрать всех, кто пришел туда из Угорской земли, и велеть им идти в Киев. Тут ей, однако, не удалось привести ораву угров в город. Воевода Претич крепко запомнил наказ великой княгини не пускать угров в стольный град. Неудача не остановила Ильдеко. Она сама поехала в Любеч и собрала там своих земляков, дала им тайное поручение:

— Летите птицами на берега Дуная по городам и наказывайте всем торговым людям, всей вольнице идти на Русь во все города, там жить и ждать моего слова. И к князю Такшоне явитесь, ему скажите: пусть шлет в Белгород, Любеч, Чернигов и Искоростень верных людей, да больше воинов, но с товарами, как торговых. И кто ремеслами владеет — тоже пусть шлет. И жрецов и женщин — всем тут дело найдется. Пусть будут при них командиры и тайно оружие.

— Матушка княгиня, знать бы нам надо, ради чего все, — сказал сивобородый угр.

— Говорите всем на берегах Дуная — и уграм и болгарам, что настало время вернуть земли предков. Они жили здесь веками и занимали пространство на восход солнца до реки Атель и на юг до Хвалисского моря. Это и ваши земли, помните, купцы.

— Мы-то знаем, — ответил молодой черноусый купец. — И ты, вельможная княгиня, жди нас, придем тьмою.

— И печенегов позовем, — добавил хмурый худощавый угр.

Отправив гонцов в родные края и возвращаясь в Киев, Ильдеко пустила слух, что дружина великого князя Святослава вышла из пределов Руси далеко в Черкасские горы и там на неё напали орды косогов и других племен и всех побили. Святослав же взят в рабство.

Этот слух погулял по Любечу, полетел в другие города и селения, достиг Киева. Он породил смуту. Язычники обвинили христиан в том, что они своими молитвами накликali беду на великого князя. Любчане первыми поднялись с разбоем против христиан, коих в Любече было не так — то уж много. Язычники выгнали их из города, разграбили, разорили жилища, растащили все материалы, кои успели верующие заготовить на новый храм.

В Киеве пока христиан не трогали, знали, что их защитит воевода Претич. Но Ильдеко искала повода расправиться прежде с самим Претичем и с единоверцами великой княгини, кои жили в княжеских теремах. Она надеялась, что и сам Святослав, ежели вернется, не обвинит её в злом умысле. Она скажет ему, что радела за чистоту веры отцов.

Через несколько дней после возвращения из Любеча Ильдеко встретилась с верховным жрецом Богомилом. Пришла на Священный холм поздним вечером, предупредив заранее Богомила. Княгиню сопровождал лишь новый её поклонник, варяжский воевода Стемид. Он появился в Киеве недавно, после того как князь Святослав ушел в поход. До того сидел в Белгороде по воле Свенельда, который и позвал его служить на Русь. Белокурый богатырь с голубыми холодными глазами, с крутым нравом пришелся Ильдеко по душе. Похоже, он заменил ей воеводу и боярина Карна. Ильдеко позволяла ему вольно приходиться в княжеские терема и не раз оставалась с ним наедине.

Придворные бояре Ольги невзлюбили Стемида и боялись его. А ему доставляло удовольствие пугать их. В трапезной на половине княгини Ольги он доставал из ножен тяжелый меч и играл им, словно тростниковой палочкой. Казалось, что меч вот — вот сорвется с руки хозяина и поразит насмерть кого-то из бояр, кои жались по углам трапезной. Варяжский воевода Стемид не тотчас уразумел, чего добивалась княгиня Ильдеко. А уразумев, одобрил её стремление и во всем помогал. Он знал, что впереди у него опасная борьба. Но Стемид всегда любил опасные игры, это была его стихия. Всего за месяц пребывания в Киеве он сумел собрать вокруг себя больше сотни варягов, кои были недовольны уставами великой княгини, не позволяющими им вольничать на русской земле.

Теперь Ольга была далеко, а князь Святослав и того дальше. Да жив ли еще? Потому, счел Стемид, захватить Киев и укрепиться в нем

не составит большого труда. Разве что воевода Претич возникнет помехой на пути. Так ему, Стемиду, ничего не стоит убрать Претича с того пути.

Верховный жрец Богомил встретил поздних пришельцев неласково. На княжеском дворе среди назареев, как он считал, у него не было близких людей и уж тем более таких, кого бы он согрел взглядом. К тому же Богомил ещё ничего не знал о замыслах княгини Ильдеко.

— Какому богу ты молишься, чужеземка? — сурово спросил жрец, лишь только Ильдеко вошла в капище. Его черные жгучие глаза смотрели на княгиню с неприязнью. — Невестке княгини Ольги — отступницы нет места близ Перуна.

Ильдеко не убоялась ни сурового взгляда, ни гневного вопроса.

— Великий жрец, — польстила Ильдеко Богомилу. — Мы с тобой одной веры. И я не чужеземка на этой земле. Лишь в княжеских теремах чужая.

— Говори, что привело тебя ко мне, — уже миролюбиво произнес Богомил.

— Я пришла к тебе, великий жрец, за помощью и участием. Знаю, что княгиня Ольга держала тебя в хомуте. Ты много страдал от нее. В капище к твоим богам больше не несут жертв, достойных бога богов Перуна — мироправителя. И сам ты живешь хуже смерда. — Ильдеко внимательно смотрела в лицо Богомила, освещаемое светом жертвенного огня. В глазах жреца пока светилось лишь любопытство. Он удивился тому, что молодая княгиня так просто открывала ему, чужому человеку, тайну, за которую, доведись узнать великой княгине, Ильдеко дорого заплатила бы. Она же все это понимала и шла на риск, ведая, что вражда между великой княгиней и верховным жрецом не угасла. И что ежели Богомил проявит желание отомстить Ольге за попрание своей власти, за обиды, нанесенные Ольгой, то сила Ильдеко прирастет неизмеримо. Преданные Богомилу язычники по его зову в одночасье могли покончить с христианами Киева, столь ненавистными им. Верховный жрец мог повести за собой всех бояр, именитых горожан, кои служили Перуну, и тех, кто служил Ольге при дворе, но был ещё язычником. Такие уж явно были недовольны тем, что теперь при дворе великой княгини были в почете христиане. В расчетливой голове Ильдеко мысли кружили, как пчелы вокруг матки, и она

постаралась доказать Богомилу, что пришел час подняться против Ольги и не пускать её в Киев.

— Место её там, в Новгородской земле. А здесь будем властвовать мы. Подними же над нами знамя Перуна — во — ителя, великий жрец, пусть он поможет нам в справедливой борьбе.

Богомил согласно кивал головой. Но любопытство в его глазах угасло. Он вновь смотрел на чужеземку с неприязнью, потому как понял, что угорка толкает его на бунт против великой княгини Ольги и против великого князя Святослава. Станным ему показалось лишь то, что Ильдеко ни разу не произнесла имени Святослава. Будто его и не было на свете, будто с ним вместе исчезла и большая дружина. Что думала эта дерзкая угорская княжна поставить против силы Святослава? Уж не этого ли заносчивого норманна с его шайкой ночных татей? Знал Богомил, что угры — воинственный народ и их много, но они разбросаны по белому свету. А те, что населяют Угорскую землю, ежели пойдут на Русь, то для Святослава явятся шальной оравой, и он побьет её в первой же схватке. Да и пойдет ли князь Такшоня, тесть Святославов, против своих внуков, кои в Киеве подрастают? И показалось Богомилу, что стоящая перед ним угорская княжна движима только ненавистью, но не здравым смыслом.

Знал Богомил, что князь Святослав не только выстоит перед нашествием угров, ежели оно случится, но и подомнет под себя Угорское княжество. Видел Богомил в этом молодом воеводе задатки могучего воина, равного великому вещему Олегу. И потому жрец пришел к мысли, что затея жены Святослава захватить великокняжеский престол легкомысленна и грозит полным провалом. Но хитрый жрец не сказал Ильдеко о том, к чему пришел. Не сказал и о том, что, испытывая к княгине Ольге не лучшие чувства, он не желал, чтобы великая Русь попала в рабство угров. И когда нетерпеливая Ильдеко спросила Богомила: «Что ты скажешь, великий жрец, на мою исповедь?» — Он разрушил её надежды.

— Мне надо подумать, госпожа княгиня, посоветоваться с моим покровителем — всеильным богом Перуном. И ты подумай, потому как заблуждаешься. Великокняжеский престол на Руси за Святославом, но не за Ольгой. И он за обиду матери тьмою накроет твою Угорскую землю.

Ильдеко побледнела. Она поняла, что верховный жрец не пойдет против Святослава, а значит, и против Ольги. Но не выдаст ли он ее, пока угры не собрались с силами? Успеют ли они до возвращения Святослава войти в города, захватить их и подняться на крепостные стены? Ильдеко поняла, что её замысел рухнет, ежели Богомил не будет молчать. Да будет ли? Он не жаловал Ольгу, но, похоже, не был недругом великого князя Святослава, стойкого Перунова сына. И подумала Ильдеко, что Богомил сегодня же в ночь пошлет к Святославу гонца с вестью о заговоре. И Святослав поверит в то, он же не любил ее. И даже больше: он обвинял её в том, что она заняла место Малуши. Той должно быть женою Святослава, утверждал он. Ильдеко не была уверена в том, что Святослав пощадит ее, когда узнает, что она замышляла захватить великокняжеский престол. Не пощадит. И потому нельзя было допустить, чтобы его уведомили о заговоре.

Однако у Ильдеко хватило ума и выдержки не крикнуть Богомилу о том, что ежели он не с нею, то, значит, против нее. Подавив страх, она спокойно сказала:

— Да, великий жрец, я подумаю. Я ведь одного только хочу, чтобы не было в Киеве назареев. И по всей Руси — тоже. Так ведь ты зовешь врагов нашей веры? А утром воевода Стемид придет к тебе за ответом: готов ли ты защитить свою честь.

— Двери капища всегда открыты для Перуновых детей. Ты же очисти себя от зла. Ведаю, на Феофано ты не похожа. — Сказав это, Богомил повернулся и ушел во внутреннее помещение капища.

Ильдеко метнулась к Стемиду и властно прошептала:

— Он предает нас! Ты смелый воин! Иди же и убей его!

Стемид схватился за меч и побежал следом за жрецом, но из проема, завешенного шкурой оленя, появились два услужителя Богомила. И один был вооружен копьем, другой — коротким мечом. Стемид опешил. Он оглянулся назад и, увидев, что княгиня уходит, догнал ее, сказал:

— Ильдеко, Богомила стерегут. Я подниму воинов и приду в капище! Повелишь — и мы убьем его!

Княгиня промолчала, но, выйдя из капища, взяла Стемида за руку.

— Не надо его трогать. Я поторопилась. Но воинов к холму поставь, дабы схватили гонца, ежели жрец пошлет его к Святославу.

В княжеский терем Ильдеко вернулась глубокой ночью. Стемид проводил княгиню до черного крыльца и ушел к Священному холму.

щ

Укрывшись в своей опочивальне, Ильдеко не легла в постель. Ее знобило, она укуталась в шубу и опустила в кресло, в воспаленной голове вновь покатались мысли о том, как вернуть уграм их уграченные земли. Она сочла, что до встречи с Богомилем у неё шло все так, как задумала. Все, кого она привлекла, были надежны и выполняли её волю. Сила её прирастала с каждым днем. Еще неделя — и все ближние к Киеву города встанут под её власть. Она знала, что из Угорского княжества отец послал уже на Русь тысячи «торговых людей» и эти люди вот — вот начнут вершить свои дела в пользу возрождения великого Угорского государства.

И вот она потерпела первую неудачу. Как она надеялась на поддержку верховного жреца. Знала же она, что Богомил давно враждует с Ольгой, что многожды был ею притеснен и обижен. Казалось, Богомил примет её помощь и объединит усилия в борьбе против великой княгини. Она умышленно не упоминала в разговоре с Богомилем имени Святослава, добивалась того, чтобы верховный жрец не брал его в расчет. Однако Богомил помнил о Святославе и, как поняла Ильдеко, чтит его за то, что князь не предал веры отцов и ревностно поклонялся богу богов Перуну. Ильдеко вынуждена была признать, что Богомил и к Ольге не питал той ненависти, какую она надеялась открыть в нем. Похоже, что он ценил её как радетельницу земли русской. К тому же Богомил дал понять Ильдеко, что великая княгиня, разойдясь с ним в вере, не притесняла его, хотя он своими делами заслуживал княжеской опалы. Все так и было. Теперь Богомил остыл и не призывал на голову княгини Ольги Перуновы гнев, гром и молнию. Было так, что после крещения Ольги христиане и язычники жили сами по себе и никак не враждовали. И княгиня Ольга не притесняла ни Богомила, ни его жрецов по всей державе. Богомил принял сие как должное, и между княжеским домом и капищем верховного жреца сложились мирные, хотя и не совсем любезные, отношения. Когда княгиня Ольга собирала старейшин на совет, верховного жреца никогда не обходила, но тоже приглашала.

Многое из того, что Ильдеко открыла за прошедший день и за бессонную ночь, она просто не знала. И теперь питать надежду на то,

что Богомил встанет рядом с нею, было напрасно. Она просчиталась и уже знала, каким будет ответ Богомила на её призыв.

И постепенно страх за свою жизнь все больше овладевал молодой княгиней. Ей показалось, что она опускается в глубокий колодец и каждое мгновение веревка, которая её удерживает, может быть кем-то перерезана. Мысли её становились все мрачнее. Она уже видела конец своей затеи: вернувшись из похода, Святослав изгонит с Руси всех угров, а её как изменницу предаст смерти. Знали же придворные о её любовных утехах с боярином Карном, а теперь вот с воеводой Стемидом.

Утро не принесло Ильдеко облегчения. За трапезой она узнала, что близ Священного холма были убиты несколько разбойников, кои напали на капище богов. Трое из разбойников были схвачены живыми. И жрецы пытали их огнем, дабы признались, кто их послал на разбой. Но варяги оказались стойкими, Стемида они не выдали и заверили жрецов в том, что их никто не посылал нападать на Священный холм и пришли они сами по себе. Полуживыми их бросили в пещеру под Священным холмом.

Когда же Стемид пришел с воинами выручать товарищей, его вновь встретили молодые жрецы с оружием в руках. Вместе с ними вышел Богомил и сказал Стемиду:

— Княгиня Ильдеко ждет моего ответа. Передай, что никакой помощи мне не нужно. А твоих воинов буду держать до прихода великого князя. Теперь уходи и не желай себе худа.

Стемид покинул Священный холм ни с чем. Но по нраву он был решительнее молодой княгини. Опасности, кои встречал он на своем пути, лишь закаляли его дух и усиливали жажду приключений. Встретившись с Ильдеко, Стемид дал понять ей, что им надо уединиться. И когда она привела его в любимый покой Ольги, где хранились книги и иконы, Стемид сказал Ильдеко без обиняков:

— Еще не все потеряно, великая княгиня. Одно твое слово — и мы добудем победу! — Стемид приблизился к Ильдеко, протянул руку и нежно погладил по плечу. — Я люблю тебя, моя богиня. Скажи, что не отвергаешь меня, и я сделаю для тебя то, что сами боги не дерзнут.

— Что же ты сделаешь для своей Ильдеко, рыцарь? — княгиня сняла руку Стемида со своего плеча, но отпустила не сразу, подержала её в своей. — О, такая рука может добыть победу.

— Моя божественная Ильдеко, сегодня ночью я уйду с воинами к печенегам и приведу под Киев князя Курю с ордою. Мы возьмем стольный град и посадим тебя на великокняжеский престол. Сами же встретим Святослава в степи. И да будет на то твоя воля, на том месте, где упадет голова Святослава, мы поднимем курган.

— Иди же, рыцарь, в поход. Ильдеко тебя любит и будет ждать с победой! — Княгиня воспрянула духом. Она готова была отплатить Стемиду лаской и даже разделить с ним ложе. Бог простил бы ее, считала княгиня, ежели узнал бы, как она наголодалась без мужской ласки, — И быть тебе первым воеводой на Руси, отважный Стемид. Иди к печенежскому князю, зови его на помощь, отведи грозу от меня и в награду получишь любовь мою.

Суровый, молчаливый воевода Стемид улыбнулся. Он был влюблен в княгиню с первой встречи. Но до сего дня не мог открыть свои чувства так, как ему хотелось. И настал этот долгожданный час. Он шагнул к княгине, опустил на одно колено, взял её руку и припал к ней губами.

— Ты моя звезда, Ильдеко. Ты моя любовь! Голову сложу, но исполню все, что пожелаешь, за любовь твою.

Ильдеко побудила его встать и обняла, со страстью приникла к его губам. В ней пробудилась жажда плоти, и она готова была увести воеводу в опочивальню. Но страх за свою жизнь погасил в ней минутный порыв, она отстранилась от воеводы.

— Тебе пора в путь, Стемид. Отведи от меня грозу. Дорога твоя дальняя, и, промедлив, мы потеряем все. — И княгиня проводила Стемида до порога покоя. — Я жду тебя, рыцарь! — крикнула она вслед.

Стемид покинул княжеский терем с радужными мечтами. «Она меня поцеловала! Ах, как сладок этот поцелуй! Ты будешь моя, Ильдеко! Я скоро вернусь, чтобы обнять тебя на твоём ложе!» Однако Стемиду не удалось отвести грозу от княгини Ильдеко.

Князь Святослав, уйдя в поход на Дунай, добрался до его устья, узнал многое о жизни в Византии, где воинственный Никифор Фока собирался в поход на Болгарию. Святослав задумал помешать тому и отправился в Угорское княжество на встречу со своим тестем князем Такшоней. Думал он заключить с тестем союз и объединить силы против Византии.

Князь Такшоня был озабочен другим: у него уже побывали гонцы княгини Ильдеко. И все его помыслы были там, близ дочери в Киеве. Но князь Такшоня не умел хитрить. И он поступил как грубый воин:

— Никакого союза у нас не будет, пока моя дочь живет в твоих теремах, словно рабыня. Сказывают, ты её бьешь, унижаешь. Или тебе нравится жить с рабынями? Весной я шлю своих людей за Ильдеко и внуками. Вот и весь мой сказ!

— Князь Такшоня, ты меня оскорбил, — заявил Святослав.

— Верно. Потому поднимай меч, — ответил Такшоня.

Великий князь и впрямь схватился за меч. Но промелькнула мысль о том, что перед ним отец его законной супруги, дед его сыновей. И он опустил руку, потупил голову и покинул залу замка Такшони. В этот же день князь Святослав выступил с дружиной в путь.

Сотский Дамор нашел Святослава на рубежах Болгарии. Десять усталых, промерзших под зимними ветрами воинов на измученных конях явились пред Святославом неожиданно. В полях крутилась — резвилась метель. В тридцати шагах ничего не было видно. Из круговерти и возник маленький отряд Дамора. Зоркий Святослав сразу узнал своих воинов. Он поскакал навстречу, ведая, что в такую даль гонцов напрасно не посылают. Узнав сотского, Святослав крикнул:

— Дамор, что там на Руси?

— Беда пришла, великий князь. Угры Киеву угрожают. В Любече и Белгороде свою силу проявили!

— Матушка где? — спросил Святослав.

— В Псков ушла, в Изборск, — ответил Дамор и добавил: — Спешить тебе надо, великий князь.

— Ведаю. Сердце вещает, — Святослав задумался. Да скор был на решения. Спросил: — Сколько воинов тебе нужно, дабы очистить от угров Любеч и Белгород?

— По пять сотен, батюшка князь. Там и горожане встанут рядом, — ответил Дамор.

— Верно говоришь, — Святослав повернул коня к дружине, крикнул: — Тысяцкий Косарь!

— Тут я, — отозвался кряжистый воин лет сорока. — Что делать, князь — батюшка?

— Пойдешь к Любечу. Там отдашь пять сотен воинов под начало Дамора. Сам помчишь к Белгороду. Всех угров выгонишь под метлу до рубежа земли нашей. Да не убивай без нападения. Еще слушайте, Дамор и Косарь. Не обойдите Чернигов, отправьте туда по сотне, как очистите Любеч и Белгород.

— Сделаем, как велено, князь — багюшка, — ответил тысяцкий Косарь.

Воевода Свенельд был, как всегда, рядом с князем. И теперь ждал его слова. Знал, что без него ни одно важное дело не обойдется. И Святослав озадачил воеводу:

— Тебе с дружиной идти к стану князя Кури. Помни, что угры ладят с печенегами. Позовут в Киев, те и пойдут.

Свенельду оставалось лишь удивиться прозорливости молодого князя.

— Исполню, что велено, батюшка князь. Найду Курю, встану пред ним и не пущу, — заверил Свенельд.

— Мне же с малой дружиной в Киев идти. — На том и закончил Святослав короткий путевой совет. И всем было ясно, что надо делать, как действовать.

В эту пору воинского мужания для князя Святослава не было важнее дела, как защита земли русской от посягательства внешних врагов. Но знал князь, что и внутренние враги могут причинить державе очень много горя. Потому и повел свою дружину в Киев не мешкая. И шла она так быстро, как не ходили ничьи дружины ни до Святослава, ни после него. Без обозов, только конный строй с запасом в переметных суммах самой необходимой пищи для воинов и корма для коней, в стужу, в метель мчали воины Святослава к цели и достигли её неожиданно для врага. Так было в ту суровую зиму. Варяжский воевода Стемид и дня не пробыл в пути со своим отрядом, мчась в печенежскую орду, как Святослав был уже вблизи Киева.

Однако неведомо какими путями слухи о возвращении дружины князя Святослава в Киев долетели до горожан раньше, чем воины вошли в город. И ещё за полдня пути Святослава встретил, да не кто-нибудь, а сам верховный жрец Богомил. Он не вышел из просторных крытых саней навстречу князю Святославу. Князь понял это как должное, сам сошел с коня и, откинув меховой полог, поклонился верховному жрецу:

— Слушаю тебя, отец Богомил. Какая беда выгнала в холодную степь?

— Она ещё не прихлынула, но грядет, — отозвался верховный жрец. И указал на место в санях рядом с собой. — Садись, князь, согрейся.

Святослав опустил на медвежью шкуру. Богомил велел услужителю развернуть коней и гнать в Киев.

— Слушай и внимай, великий князь. Ведомо мне, что молодой воевода Стемид ушел к печенегам. Они же в наших пределах ноне кочуют. Еще мне ведомо, что из Угорской земли день и ночь приходят к нам торговые люди, суть оборотни, и несут оружие под кафтанами.

— А что моя жена, Предслава? — спросил Святослав.

— Такой не ведаю. Ильдеко, чужеземку, знаю. Так ты у неё и спроси, что она делает и чего добивается, — ответил Богомил.

— Что там спрашивать? Угры по её зову валом валят на Русь. Сколько их привалило за три-то года. Слышал я не раз, как сия Предслава хаяла русичей и хвалила угров, кои якобы владели всеми землями, где ноне раскинулась Русь. Здесь, говорит, на Угорской земле, жизнь по — иному цвела.

— Коль ты все знаешь и догада великий, вот и разберись со своей Ильдеко. Я же вам не судья.

— Спасибо, отец Богомил. Тебе не будет от меня огорчения.

В Киеве князь Святослав появился ночью. Город мирно спал. Лишь стражи охраняли покой горожан. Высадив Богомила из саней у его подворья, Святослав поехал к своим теремам. Ворота ему открыли без помех. А на красном крыльце рынды перекрыли ему путь в терем. Это были незнакомые князю воины. Отроки Святослава схватили их и сбросили с крыльца. При свете лампад, горевших в сенях и покоях пред иконами, кои появились здесь волею княгини Ольги, Святослав поднялся на второй покой и направился к опочивальне княгини Ильдеко. Она крепко спала, может быть, впервые за несколько последних ночей. При слабом освещении покоя её лицо показалось князю мягким, красивым. Но он знал, что за её внешностью скрывался коварный и злой нрав. Святослав не любил ее. И ничто не могло вытравить из его сердца образ ласковой Малуши. Потому у Святослава не возникло желания даже прикоснуться к Ильдеко, дабы нарушить её сон. Он позвал сенную девку и велел ей разбудить княгиню. Сам же

опустился на укрытую ковром лавку, стоящую возле стены. Он не спускал глаз с лица жены. Ему нужно было увидеть то, какие чувства проявятся на нем, когда княгиня проснется. Сей миг, считал Святослав, скажет ему все о том, как жила без него эта молодая женщина.

И Святослав не ошибся. Проснувшись, Ильдеко в тот же миг увидела Святослава, и в глазах у неё вспыхнул ужас, она закрыла лицо руками и уткнулась в подушку. Князь сидел молча. И лишь потом, когда Ильдеко вновь посмотрела на него и он заметил, что страх в её глазах сменила ненависть, тихо сказал:

— Вставай и собирайся в путь.

— Куда ты меня повезешь? — спросила Ильдеко уже не сонным, но звенящим голосом.

— Тебе нет места на Руси. Я отправлю тебя к отцу.

Святослав не нашел нужным объяснить причины своего решения, да и Ильдеко не потребовала того. Она все поняла и теперь молила бога о том, чтобы Святослав сдержал свое слово. А у него слово с делом никогда не расходилось. Шел четвертый год их супружеской жизни, и она оборвалась в одночасье. Сыновей — Ярополка и Олега — князь оставлял при себе. А Ильдеко ещё до рассвета посадили в сани Богомила и под охраной в две сотни княжеских отроков и гридней, старшим над коими был молодой воевода Посвист, повезли в Угорскую землю, дабы передать Ильдеко её отцу, князю Такшоне.

Глава тридцать первая

НАБАТ

В Киеве наступила благодатная весенняя пора. Вернувшись из Пскова, великая княгиня привезла с собой Малушу и внука Владимира. И теперь бабушка Ольга, окруженная тремя внуками, отдыхала от тревог и волнений. Святослав вскоре же увез Малушу в Вышгород, и там они залечивали раны четырехлетней разлуки. Они были счастливы и пребывали в любовном забвении. И ничто не предвещало в их жизни ни ненастья, ни гроз. В тишине и покое незаметно пролетел год.

Но мир и покой скоро нарушились. И виною тому были не великие князья, радетели державы, а народы и государи соседственные, кои постоянно протягивали к Руси свои руки, то за помощью, то ухватить что-либо из её несметных богатств.

На сей раз все было несколько иначе. Император Византии Никифор Фока обиделся на болгарского царя Пет ра за то, что тот вольно пропускал через свою державу угорских воинов, кои ходили грабить народы в пределах Византии, да обиду свою выместить на болгарях не смог и попросил помощи у великого князя Святослава. «Мы твою матушку крестили, даров ей много дали. Она же обещала вечно дружить с нами, помогать нам во всех бедах».

Эту просьбу императора Византии привез в Киев посол Калокир. Святослав прочитал послание и выразил недоумение. Византийцы и сами умели воевать и совсем недавно грозились покорить Болгарию, а с нею и Угорское княжество. Что же случилось? И пришел Святослав к мысли о том, что греки стали ленивы от сытой жизни и потому сочли незазорным поклониться Руси.

Молодой великий князь Святослав — всего-то двадцать пять лет — не отличался простотой и был рачительным хозяином. За свою помощь он потребовал от Никифора Фоки сто пудов золота. Фока поторговался и дал девяносто пудов. Святослав согласился. Он собрал шестьдесят тысяч воинов и ушел в ладьях на Дунай. Болгары

приготовились отразить нападение русичей. Но воины Святослава пристали в ладьях к берегу, прикрылись щитами и ринулись, словно лавина, на противника. Болгары не устояли и побежали. Дружина Святослава преследовала их, пока они не рассеялись, открывая путь к стольному граду.

Победоносный поход принес Святославу не только лавры доблестного полководца, которого сравнивали с Александром Македонским, но и вселил в великого князя Руси честолюбие и гордыню. Он уже задумал покорить все города и земли по великой реке, сделать своими подданными все народы Средней Европы. Одно он забыл, что, откусив чужого пирога чрезмерно, можно было и себя уязвить. Святослав забыл, что за его спиной остались враги, кои только и ждали, чтобы ворваться в пределы державы русичей, оставшейся беззащитной, и пограбить ее, угнать в рабство отроков и отроковиц.

Воевода Стемид, все ещё пребывая под властью любви к Ильдеко, жил тем, чтобы выполнить её волю. Целый год он ждал удобного случая. И сей случай пришел. Узнав, что Святослав и его дружина ушли на Дунай и там надолго увязли, Стемид помчал в Молдавию, где в эту пору стояла орда печенегов князя Кури. Он вез хорошие вести для печенежского вождя: Киев почти беззащитен, ежели не считать трехсот воинов личной дружины княгини Ольги. «По дарю я князю Куре стольный град русичей. Он же уговорит князя Такшоню отдать мне в жены Ильдеко», — размышлял в пути Стемид. И кричал:

— Ильдеко, мы скоро встретимся!

Орда князя Кури в пору ранней весны держала становище близ самого Черного моря, в степях. Стемид шел к Куре один. Много дней и ночей провел отважный варяг в седле, едва не стал жертвой стаи голодных волков, когда шел через дикие леса Приднестровья. Он пришел на земли князя Аспаруха, который основал государство Болгарское, и нашел, наконец, в вольной степи становище князя.

Дозор печенегов заметил одинокого всадника. К нему примчали двадцать воинов, окружили его и погнали в стан. Стемид кой-как объяснил печенегам, что ему нужен князь Куря. И его пригнали к большому шатру. Князь Куря сидел на подушках у очага в окружении своих жен. Ему доложили, что в стан привели варяга и тот просит встречи с князем. Куря сделал знак рукой, и жены в мгновение ока скрылись за коврами, разделяющими шатер. Каган печенегов был

молод, силен, бронзовое лицо спокойно, черные холодные глаза смотрели на Стемида сурово. Вздернутый крепкий нос, широкие скулы и твердый подбородок — все говорило о крутом нраве Кури. Его знали все народы Северного Причерноморья. Он дружил со многими государями. Лишь с великими князьями Руси враждовал, потому как впитал в себя ненависть деда и отца, которых киевские князья Дир и Аскольд, Олег и Игорь многожды крепко бивали. Куря мечтал покорить Киев и разрушить его. И когда Стемид открылся перед князем, тот радостно улыбнулся, усадил воеводу рядом с собой и назвал кунаком.

— И помни, кунак, даю тебе слово: как только зацветет степь, княгиня Ильдеко будет твоя.

Вняв совету Стемида идти на Киев не мешкая, Куря позвал своих военачальников и повелел им до утра свернуть шатры и поднять орду в поход. Повеление князя было исполнено точно: лишь только рассвело, несколько десятков тысяч всадников взяли путь на Киев.

В стольном граде Руси в эти весенние дни горожане готовились к праздникам. Язычники собирались славить Ладо, бога любви и веселья. Христиане степенно шли к светлому Христову Воскресенью — Пасхе, кою праздновали в том году в середине апреля. По этому поводу приехал из Берестова протоиерей отец Григорий. В тот же день его позвала к себе княгиня Ольга. Встретились ласково. Григорий благословил Ольгу и поцеловал в лоб. Она же к его руке приложилась — все-таки духовный отец. И пожурила:

— Всю зиму ждала тебя, думала уже гонцов послать.

— И я скучал по тебе, матушка. Потому завтра же в твою честь отслужу молебен. А там и новое торжество подоспеет — Благовещение Пресвятой Богородицы.

— А на Пасху будет крестный ход? — спросила княгиня.

— Все в руках Божиих, матушка. Об идолопоклонниках нельзя забывать. Лютуют они зело над христианами в часы крестного хода.

— Ноне не посмеют, как воинов пришлю к церквам.

— Порадей, матушка, за детей своих. С чего, не знаю, но язычники снова жаждут крови христиан. Сказывают, что в Чернигове уже загубили душу христианскую — молодую девушку на жертвенный огонь бросили.

— Накажу посадника за недосмотр, — пообещала Ольга и продолжала: — Веру православную надобно нести в языческие семьи, дабы Иисуса Христа признали своим Богом. А как сие доступнее сделать? — размышляла княгиня. — Может, уставы написать, ежели помогут?

— И уставы нужны, и слово Божие нести людям следует. Да мало на Руси священнослужителей, — посетовал отец Григорий.

Мирная и тихая беседа княгини и протоиерея о христианской вере, о невежестве язычества затянулась в тот мартовский вечер на многие часы. Да была она последней на долгое время вперед, потому как за порогом уже стояла беда. Этой ночью к Киеву подходила печенежская орда. И всего лишь на какой-то час успел опередить орду степной дозор великокняжеской дружины.

Ночь ещё только перевалила на вторую половину, как на церкви Святого Илии ударил в набат колокол. На колокольню поднялся сам отец Григорий. Вечером он остался в княжеском тереме. И когда десятский дозора доложил княгине Ольге о том, что орда печенегов вблизи Киева, он понял, что только набат может поднять горожан в одночасье, и они успеют вооружиться и подняться на крепостную стену.

На рассвете орда князя Кури грозным валом прихлынула к крепостным стенам и попыталась с ходу овладеть городом. Над ордой прозвучал боевой клич князя, его повторили родовые вожди, и воины с криками, кои слились в гул, словно сама земля застонала, ринулись на приступ ворот и крепостных стен. Печенеги пускали тысячи стрел, забрасывали на стены веревки с крюками, таранили крепостные ворота. Казалось, ничто не может спасти город.

Но воины княжеской дружины вовремя встретили врага. Лишь только первые печенеги появились из-за частокола, как были встречены тяжелыми мечами, и, кто без головы, кто пронзенный в сердце, падали в ров, наполненный талой водой, сбивая тех, кто поднимался на стену следом. Первая схватка была скоротечной. Печенеги не ожидали мощного отпора и ослабили натиск. Лишь отдельные смельчаки ещё пытались подняться на крепостную стену. Но там их поджидала смерть. И, потеряв не одну сотню воинов убитыми, печенеги прекратили первый штурм.

В Киеве в эти утренние часы пришел в движение весь город. На площадях уже запылали костры, над которыми висели котлы со смолой и с водой. Сотни горожан поднимали на стену камни, кольца, бревна, поленья — все, чем можно было поразить врага. Печенеги пускали в горожан стрелы, но пока они приносили малый урон. Понимая, что их усилия тщетны, печенеги отошли от стен города. Вскоре во вражеском стане запылали костры. Их было так много, что русичей, кои поднялись на стены, обуял страх. Им показалось, что к городу подошла несметная рать. Киевляне поняли, в какой смертельной опасности они оказались. Им стало ясно, что город не устоит перед печенежской ордой, потому как силы были неравными. Дрогнув в душе и воевода Посвист, который стоял во главе дружины княгини Ольги. Сильный и смелый воин, который не раз встречался с врагами лицом к лицу и побеждал их, теперь пребывал в смятении. Он понимал, что без помощи извне город будет покорен печенегами. Обойдя крепостную стену и осмотрев свою маленькую рать — всего три сотни воинов, сравнив её силы с вражеской ордой, он лишь покачал головой и прошептал: «Не устоим». Он спустился со стены и побежал в княжеские терема, дабы уведомить княгиню Ольгу о смертельной опасности.

Глава тридцать вторая

ВОЗНЕСЕНИЕ

Княгиня Ольга в этот час находилась в гриднице. Сюда же собрались градские старцы, бояре, престарелые воеводы — все, кто входил в великокняжеский совет. Пришли сказать свое слово и жрецы. Они окружали Богомила. Рядом с Ольгой был только отец Григорий. Воевода приблизился к княгине Ольге и сказал:

— Матушка великая княгиня, осмелюсь поведать: враг подошел к городу несметной ордой. Нас же малая толика. Повелевай, матушка. Мы готовы драться и умереть, дабы не узреть срама.

Посвист ещё говорил о том, как город готовится к обороне, а княгиня Ольга внимательно смотрела на сидящих перед нею старейшин, на тех, кто должен был дать ей совет, как быть пред лицом врага. Она отметила: ничто не изменилось в их лицах после слов молодого воеводы. Они смотрели на свою княгиню спокойно и отрешенно. Их даже сама смерть уже не пугала. Княгиню сие не устраивало. Она ждала от них действий, мудрых советов и верных слов. Но что они могли ей сказать, ежели сама Ольга была мудрее их и прозорливей? Она знала, что печенеги пришли не случайно — их кто-то позвал. Знала, что у врагов есть много времени для осады города, и они покорят его, разорят, разрушат, ежели горожане не встанут на защиту. В том и видела Ольга свой долг, чтобы вдохнуть в русичей страсть и мужество сопротивления. Еще поняла Ольга, что печенеги пришли за легкой добычей. Они знали, что князь Святослав с большой дружиной где-то далеко. Но забыли, что на четыре стороны от стольного града раскинулась свободная Русь, коя не оставит свою княгиню в беде. Нет, Киев голыми руками не возьмешь, решила Ольга и повернулась к отцу Григорию. Она надеялась, что в нем, всегда мужественном и стойком, есть та сила, которая вдохнет в горожан дух сопротивления печенегам. В отличие от отрешенных старцев, собравшихся в зале. Что ж, Ольга не ошиблась: отец Григорий был уверен, что Господь Бог не оставит киевлян в беде, ежели и сами они

порадеют за свои животы и животы ближних. Главное, думал он, это сплотить язычников и христиан. Не будет среди горожан распрей — и они выстоят. Тому пример Искоростень. Ведь на крепостные стены поднимутся не триста воинов, но тысячи защитников. Еще было важно, не мешкая ни дня, суметь послать во все ближние к Киеву города гонцов, дабы они протянули руку помощи осажденному Киеву.

— Что скажешь ты, мой духовный отец? — услышал Григорий вопрос княгини. — На тебя уповаю я в горестный час.

— Уповай на Всевышнего, матушка княгиня. Он не оставит нас в беде, и воинство Его встанет с нами. Теперь же соберись с духом и поднимись со мною на крепостную стену. Нам в сей грозный час важнее быть среди защитников и пред лицом врага.

— Я готова. Веди меня, преподобный. — И княгиня Ольга подала отцу Григорию руку. А увидев за спиной Григория воеводу Посвиста, спросила того: — Где сотник Дамор?

— На стенах, вместе с воинами, — ответил Посвист.

— Ладно, там я с ним и поговорю.

Гридница в сей миг загудела от множества голосов. И Ольга вспомнила, что ни слова не сказала старейшинам, подняла руку:

— Слушайте все: я жду от вас дела. Ищите его во благо стольного града. Вот и весь мой сказ.

С тем княгиня Ольга и покинула гридницу. Она велела подать открытую повозку и поехала в дальний конец города, в ту сторону, откуда пришла орда. На крепостную стену княгиня поднялась с помощью воеводы Посвиста. Воины при её появлении не приветствовали свою княгиню, смотрели хмуро и даже виновато, будто заранее признавались в своем бессилии. И стоило Ольге посмотреть за городскую стену, как она поняла, откуда у её отроков и гридней чувство вины и обреченности. Там, в степи, все пространство до окоема заполонило вражеское становище. И уже был поставлен шатер князя Кури. И кибитки выстроились в оборонительные заслоны, и многие тысячи коней паслись в степи, а печенеги, словно муравьи, суетились по всему становищу многие вязали из тростника щиты, дабы укрываться за ними в час нового штурма города, готовились лестницы. Страх сковал Ольгу, к сердцу прихлынул холод, руки и ноги не двигались. Отчаяние исказило черты её лица, заставило вскрикнуть, чего не следовало бы ей делать:

— Милостивый Боже, зачем послал столь жестокое испытание? В чем провинились русичи пред Тобой?

— Не богохульствуй, матушка княгиня, — остановил её Григорий, — Сие испытание во славу великой Руси.

Однако же княгине Ольге было отчего дрогнуть. Она впервые видела такое скопище кочевников. В какую сторону ни посмотри, всюду печенеги, всюду костры, кибитки, шатры. Над становищем воздух дрожал от гула голосов, ржания коней, лязга железа. Было очевидно, что орда готовилась идти на приступ. Там и тут в воздухе летали стрелы с огненными хвостами. Ольга вспомнила пылающий Искоростень, и новая волна страха сжала ей горло. Она втянула голову в плечи и стала совсем маленькой, беспомощной старушкой. Руки её легли крестом на грудь, глаза наполнились слезами.

Отец Григорий не спускал взора с княгини, понял её состояние и, опасаясь за самое страшное, за то, что её вдруг охватит панический ужас, нашел в себе силы разрушить отделяющую его от Ольги стену, кою воздвигли уставы поведения между великими князьями и их приближенными, он взял княгиню под руку и сказал:

— Прекраса, опомнись! За тобой — Русь, сила непоборимая. Помни об этом, и ты поймешь, что тебе нечего бояться жалких степных кочевников. Пусть они устрашатся русичей. Идем же к воинам, они хотят тебя видеть прежней великой княгиней всея Руси! И выше голову! И княжеский взгляд!

Ольга ещё попыталась воспротивиться, освободить руку. Но Григорий удержал ее, подчинил себе.

— Выше голову, Прекраса! Вознесись над брэнной плотью!

И Ольга подчинилась воле отца Григория и подняла голову. Ей стало легче дышать. Она сурово сжала губы, и в глазах у неё вспыхнул гнев к тем, кто нарушил покой мирного города, кто грозил горожанам рабством и смертью. И те воины, которые увидели, как беспомощная старушка вновь обернулась сильной и мужественной великой княгиней, сперва негромко, а потом все сильнее повторяли: «Княгиня с нами! Княгиня идет в битву! Не посраим мечей! Не посраим!» Воины смотрели на княгиню с верой и надеждой в то, что она вдохновит их словом и делом, позовет их на подвиг.

Все это поняла великая княгиня. И выпрямился её стан, она ещё выше подняла голову, и взор её засверкал огнем. Так загорался дух

великого князя Игоря, когда он перед битвой с печенегами взывал к воинам: «Князь пошел! Дружина за мной!»

Ольга ещё не произнесла этих магических слов, она найдет другие, тоже сильные слова, но все воины, мимо которых она проходила, уже ощутили силу боевого клича, уже воспрянули духом и повторяли: «Не посрадим мечей! Не посрадим!» И они без страха посмотрели за крепостную стену, туда, где тысячи кочевников строились в боевые порядки и двигались на приступ.

В сей опасный миг отец Григорий снял с груди большой золотой крест и вложил его в руки княгини, и она вскинула его над головой, да так и шла вдоль стены, благословляя воинов на битву.

И когда кочевники подошли к стенам, когда взгромозили штурмовые лестницы и с ужасными криками, с воплями ринулись вверх, княгиня Ольга прокричала:

— Русичи, не посрадим земли нашей!

Она придвинулась к краю стены и встала на виду у вражеской орды, и поднятый крест в её руке сиял под лучами солнца, ослепляя врагов. И вся она являла собой бесстрашие, без содрогания стояла под тучей стрел, летящих из вражеского стана.

Но вид княгини — Ольги не устроил печенегов, они упорно поднимались на стены и были близки к тому, чтобы вступить в рукопашный бой с защитниками.

Однако защитники крепости знали, как бороться с врагом, штурмующим стены с помощью лестниц. Пренебрегая разящими стрелами, они опускали вниз вдоль стены жерди, подцепляли лестницы и отталкивали их от стены вместе с висящими на них печенегами. Те с криками ужаса падали в ров, там разбивались и тонули в воде. Лестницы подхватывали другие кочевники, вновь ставили их к стене и карабкались по ним. Но все попытки оканчивались для врагов новой неудачей. Ров все больше заполнялся убитыми и покалеченными печенегами. Тех же, кому удавалось добраться до верха стены, киевляне встречали оружием: кто-то был пронзен копьем, кому-то сносили голову мечом. А кому-то доставалось жердью или камнем по голове. На стены поднялись сотни горожан и вместе с воинами отбивались от врагов. Одни лили на головы печенегов смолу, другие сбрасывали тяжелые камни и бревна. Одно

двухсаженное бревно сразу сметало с лестниц десятки юрких степняков.

Княгиня Ольга и отец Григорий по — прежнему шли вдоль стены. Они не таились от врага, не кланялись стрелам кочевников и каждый раз останавливались там, где схватка была более острой.

— Русичи, бейте ворогов! — кричала княгиня и благословляла крестом как христиан, так и язычников.

Она осенила крестом воеводу Посвиста, рьяного идолянина. В другое время он бы взбунтовался, потому как счел бы действие княгини обидным. На сей раз он лишь бросил на княгиню Ольгу быстрый взгляд горящих отвагою глаз и тут же пронзил мечом печенега, который возник над стеной.

Солнце поднялось уже высоко, а битва все продолжалась. На смену убитым и раненым печенегам подходили новые сотни, пуская стрелы, бежали к стенам и, невзирая на град камней, на летящие бревна, с упорством диких зверей лезли на стены.

Среди защитников крепости потерь было меньше. Но каждый убитый воин оставлял в обороне брешь, которую некому было заполнить. У каждого горожанина имелось свое важное дело, и каждый исполнял его рьяно, забывая о кружащей вблизи смерти. Даже женщины и дети нашли свое место. Они спасали свои дома, амбары, избы от вражеских огненных стрел, летящих из-за крепостной стены. Сотни горожанок охотились за горящими стрелами, сбрасывали их с крыш, тушили огонь, ежели что-то загоралось. И пока в городе не вспыхнуло ни одного пожара, а тысячи стрел были собраны, и они теперь летели в печенегов.

В полдень, после многих попыток овладеть городом, печенеги отступили от городских стен. И в становище сильнее задымили костры, запахло жареным мясом. Орда приступила к полуденной трапезе. Пришло время перевязать раны и подкрепиться пищей и у защитников города. Были убраны со стены тела убитых воинов и горожан. Их насчитали тридцать пять. Княгиня Ольга подошла к каждому из них и посмотрела в лица, поблагодарила за подвиг. Она знала, что мертвые не услышат ее, но живые все видели и слышали. И были благодарны княгине за её материнские слезы, которые она проливали искренне и не скупясь вместе с близкими павших. Отец Григорий читал над убиенными молитву, осенил крестом и провожал

их души в Царство Небесное. Исполнив скупой молебен над павшими, отец Григорий сказал Ольге:

— Тебе, матушка, нужны отдых и покой, потому пора в терем.

— Нет, святой отец, ты указал мое место, и, пока враг под городом, я не покину его.

Знал Григорий, что переубедить княгиню ему не удастся, хотя и попробовал найти доходчивые слова.

— Ты, матушка княгиня, должна выйти к горожанам. Тебя им важно увидеть и услышать. Еще в гриднице тебя ждут отцы города. Поговори с ними.

— Хотелось бы, — согласилась Ольга. — Да что им сказать? На стену их не пошлешь.

— Есть, что сказать. Куря взял нас в хомут не на один день. Пока будем держаться, они не отхлынут. Посему нужно позаботиться о хлебе насущном. Придет день, когда простые горожане останутся без куска и наступит голодный мор. Твоя власть избавит их от тяжелой напасти. Знаю, ты отдашь им свой хлеб, свои крупы, но этого мало. На одних княжеских харчах город не проживет. А у отцов города их в избытке. Потому повели по Христовой заповеди поделиться хлебом с горожанами. Скажи отцам: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его или сосед близкий попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросил бы у него хлеба, подал бы ему змею?»

— Ты убедил меня, святой отец. Я исполню твою волю, и горожане не будут голодать, — заверила княгиня.

Великая княгиня Ольга, не ведая того, с первого часа тяжелых испытаний ступила на стезю святости. И каждое слово её духовного отца падало на благодатную почву. Она уже подала воинам и горожанам пример мужества и отваги, не склонялась под стрелами, стояла рядом с воинами в часы штурма крепости, смотрела в глаза смерти и не дрогнула. Теперь испытанный друг и наставник побуждал её сделать ещё один шаг на пути вознесения духа — поделить с ближними последний каравай хлеба. Григорий знал, что сама Ольга легко отдаст все свое достояние, ежели придет нужда. Но каково будет подвигнуть к тому тех, кто заостенел душой, кто страдает жадностью и сам готов отнять последний кусок у сирого и нищего? Мало ли таких в Киеве?

И княгиня Ольга призналась отцу Григорию с чувством благодарности:

— Спасибо, святой отец, что не даешь зачерстветь сути душевной. Жаждаю увидеть горожан, жаждаю посмотреть отцам города в глаза, подвигнуть их к истинным отеческим заботам — И воеводе Посвисту сказала должное: — Ты и твоя дружина — храбрые воины и славно защищались. Да не пожалейте сил и живота впредь. Я же всякий час с вами, — С тем и уехала Ольга от крепостной стены, питая твердую необходимость вернуться к воинам с наступлением нового вражеского приступа.

Княгиня Ольга ехала по улицам города тихо, потому видела многое. Все горожане от мала до велика были заняты делом. Мужчины собирали и добывали, где только можно, камни и несли их, везли на лошадях к крепостным стенам, поднимали их наверх. Да и не только камни, но и бревна и жерди. Старый дед разбирал клуню, а его внук, крепкий отрок, раскатывал рядом штабель бревен* заготовленных на новый дом. Близ собора Святого Илии христиане и язычники разбирали булыжную мостовую. Княгиня спросила отца Григория:

— Нужно ли?

— Нужно, матушка, и во благо.

Ольга заехала на торжище, где и в этот час былолюдно. Там сказала слово, когда горожане потянулись к ней:

— Дети мои, забудьте на время торги, порадейте за стольный град! Возьмите оружие, идите на стены.

— Знамо, пойдем, матушка княгиня, потому как знаем дикий норов печенегов, — ответил пожилой, но ещё крепкий горожанин с кулем овса. И добавил в оправдание: — Да ноне последний торг, вот и сбежались.

На княжеском подворье былолюдно. Никто из градских старцев, бояр, воевод, коих утром созвала Ольга, не покинул теремной двор. Княгиня не позвала их в гридницу, а встала в повозке и повелела:

— Дети мои и отцы, старцы градские, слово мое краткое. Идите к киянам и вместе с ними радейте за город. Повелеваю отдать горожанам все оружие, все, чем можно убивать врага, шлите на стены. Еще повелеваю: когда придет час, поделитесь с горожанами зерном и крупами и мясом, всем, чего у вас в избытке. Не пожалейте во

спасение ближних от голода и животины. Сие помните: спрошу строго с тех, кто забудет мое повеление. Идите же с Богом.

В этот миг перед княгиней возник сотник Дамор.

— Матушка княгиня, на стене ты повелела отобрать смелых гонцов в города, дабы ушли с твоим словом. Я привел их.

Княгиня Ольга посмотрела на стоящих в стороне воинов и подумала, что только чудом может кто-либо пробраться через вражеский стан, опоясывающий город. Сказала:

— Ждите ночи и думайте, как миновать печенегов. А слово одно: Киев ждет помощи от городов. Сам ты пойдешь к Святославу. Возьми воина, один не ходи. Сыну скажешь, что мать зовет.

— Исполню, как велено, — ответил Дамор.

— Да хранит тебя Всевышний, — и Ольга ушла в терем.

Пробыла она в покоях недолго. В трапезной они вместе с отцом Григорием утолили голод. Потом Ольга ушла переодеться и вскоре возникла перед Григорием в ярком пурпурном плаще с ослепительно белым капюшоном — работы византийских мастеров. Отец Григорий удивился прихоти княгини, не знал, о чем и подумать. Да позже, на крепостной стене, был удивлен ещё сильнее, когда понял, зачем Ольге столь яркий наряд. На стене она сказала Григорию:

— Святой отец, я пришла к моим воинам. Ты же волен в том, что тебе делать.

— Знамо, волен, матушка. Да иной заботы у меня нет, кроме одной: быть рядом с тобой.

Ольга посмотрела на Григория и ласково и нежно. Он стал ей дорог.

— Спасибо, что не покидаешь свою дочь. От тебя прирастают мои силы.

Отец Григорий лишь согласно покивал головой, радуясь тому, что Ольга обрела душевное равновесие и нашла свое достойное место в борьбе с печенегами. В этот миг он понял, для чего княгиня надела пурпурный плащ с белым капюшоном: в печенежском стане её увидели за триста сажен от стен города, аж от шатра самого князя Кури. Когда ему сказали о явлении на стене, он гневно изрек

— Это она, хитрая лиса Ольга. Пустите тысячу стрел и убейте ее!
— приказал он воинам.

И печенеги, словно стая гончих псов, помчались к стене, чтобы поразить стрелой «хитрую лису». И засвистели сотни, тысячи стрел. И все они летели в великую княгиню. Она же стояла под ними не шелохнувшись. И если бы князь Куря мог увидеть её гордое и спокойное лицо, презрение в её глазах, он бы пришел в ярость от сжигаемой его злости. Он ругался на воинов самыми беспощадными словами:

— Жалкие шакалы, падаль, воронье! Но не воины, нет! Вам стрелять из шатра в степь!

В этот первый день осады Киева в крепость упало больше трех тысяч стрел, кои нацеливались в княгиню Ольгу и стоящего рядом с нею отца Григория. Стрелы задевали за пурпур плаща, за белый капюшон княгини, за черную сутану протоиерея. Но ни одна из стрел не одолела силы креста, который держал отец Григорий перед Ольгой и собой, и силою Божьего слова не коснулась их.

Уже наступили сумерки, а стрелы все летели. Лишь с наступлением темноты печенеги прекратили охоту на великую княгиню. Она же под восторженный говор своих воинов сошла со стены и уехала с отцом Григорием в княжеские терема.

Началось долгое противостояние. Попытка Дамора и других гонцов пройти через печенежский стан закончилась неудачно. Трое из них были схвачены печенегами и убиты ясным днем на глазах у защитников города. Сам Дамор со своим спутником Климом едва избежал такой же участи. В полночь они выбрались из крепости через тайный лаз и ужами поползли к Днепру — здесь становище печенегов было самым узким. Но не проползли и пятидесяти сажень, как наткнулись на вражеский дозор. Силы были неравными. На Дамора сразу налетели три печенега. Но Дамор был смел, искусен и быстр. Его меч дважды сверкнул, словно молния, и два печенега упали. Он тут же метнулся в сторону и сразил одного из печенегов, который напал сбоку на Клима. Еще три печенега налетели на Дамора. Он сразил двоих, но третий достал Дамора и ранил его в левое плечо. От становища бежали ещё несколько печенегов. Однако Дамор и Клим успели отойти к крепостной стене и скрыться в тайном лазе. От большой раны Дамор истекал кровью. Клим и воевода Посвист повели Дамора в казарму на попечение врачей.

Защитники города потеряли надежду получить помощь извне. Неудача Дамора опечалила Ольгу. Но теперь её дух было нелегко сломить. Не удавалось печенегам сломить дух и защитников города.

День за днем печенеги рвались на крепостные стены. Но на каком бы участке они ни шли на приступ, всюду перед ними появлялись княгиня Ольга и протоиерей Григорий. Вид Ольги уже устрашал печенегов, и потому каждый хотел поразить её стрелой. Но все они, не признаваясь в том друг другу, как только начинали натягивать тетиву лука, так ощущали в руках дрожь, а на глаза наплывал туман, и стрелы летели невесть куда, но только не в цель. Даже самые меткие и сильные стрелки не могли поразить пурпуноносную. Нет, у них не дрожали руки, тетиву они натягивали мощно, и туман не застилал им глаза. Но всякий раз они видели над целью парящее загадочное существо в образе человека, и тот своим крылом отводил от княгини летящие стрелы. В том никто из стрелков не признавался, и даже сам князь Куря не смог бы заставить их признаться, что они видели нечто божественное. Но так оно и было. Не устоять бы княгине Ольге и отцу Григорию, ежели бы над ними не витал архангел Михаил, архистратиг и защитник всех православных христиан.

Конечно, князь Куря не знал, что он привел свою орду под город, коему дал жизнь апостол Андрей Первозванный, и что с позволения Всевышнего город оберегал от врагов архистратиг, архангел Михаил. За первый же месяц осады Киева почти все печенежские воины и даже сам князь Куря видели божественного защитника киевлян архангела Михаила. Он не только отводил летящие стрелы от княгини Ольги и отца Григория, но и брал в руки меч, которым владел отлично. И в те часы, когда печенеги пытались подняться в двадцатый, в тридцатый раз на стены, они видели архангела Михаила среди защитников города. И каждый раз он был там, где печенеги вот — вот могли овладеть стеной.

Печенежских воинов обуял страх. Их племенным вождям нужно было тратить много сил, дабы заставить воинов идти на приступ. Печенегов пугало и то, что огненные стрелы последнее время не долетали до цели, словно кто-то их останавливал в полете, и они падали в ров с водой. Сам князь Куря пускал в город стрелы и видел, как они, словно переломившись в полете, медленно летели вниз и угасали. Куря и в княгиню Ольгу целился не раз. Но лишь только

тетива натягивалась под его сильной рукой, пурпурный плащ пропадал из видимости и вскоре появлялся далеко от того места, куда улетала стрела. И тогда князь приходил в ярость и пускал стрелы одну за другой неведомо куда. Он призывал к себе лучших стрелков из лука и заставлял их сразить княгиню. И когда они терпели неудачу, бил их плеткой. А одному из лучников после дюжины неудачно пущенных стрел с криком и воплем отрубил руку.

Княгиня Ольга видела потуги врагов. И стрелы, кои летели в нее, видела. Но с того часа, как она надела пурпурный плащ, как отец Григорий призвал на помощь архангела Михаила, она не испытывала чувства страха, не думала о себе и не береглась. Она берегла свои силы только для того, чтобы каждый день с утра и до вечера быть рядом на крепостной стене с воинами, которые, не щадя сил и жизни, отбивали десятый, двадцатый, тридцатый приступы. И было так, что силы покидали воинов, что они истекали кровью, но стоило им увидеть княгиню — матушку, как вновь у русичей появлялись сила и отвага, и вновь они, не дрогнув, отбивали врага.

Глава тридцать третья

ОДОЛЕНИЕ

Князь Куря наконец потерял всякую надежду овладеть Киевом силою и решил взять горожан измором. Жаркое лето было в разгаре, помощи осажденным ниоткуда не прибывало. Еще пять гонцов, которые пытались ночами пройти через вражеское кольцо, были схвачены и на виду у горожан зверски замучены. Их привязывали за хвосты к двум лошадям, вначале били плетьюми кому не лень, а потом пускали коней вскачь и раздирали на части.

Печенежский вождь рассчитывал на то, что в Киеве вот-вот наступит голод, начнется мор и тогда горожане сами распахнут ворота.

Голод и впрямь стоял на порогах домов киевлян. Уже был порезан весь скот, пошли под нож лошади. Хлебные закрома как простых горожан, так и у богатеев поочистились до последнего зерна. Были съедены все запасы великокняжеского двора. В тихие и жаркие июльские дни, когда в город не летели стрелы, когда печенеги не лезли на стены, горожан вдруг обуял страх близкой и страшной голодной смерти.

Язычники, доведенные голодом до отчаяния, попросили у верховного жреца воли умыкнуть нескольких молодых христианок и принести их в жертву Перуну.

— И тогда мироправитель сжалится над нами и пошлет избавление от смерти, — молили близкие к Богомилу жрецы.

Он благословил их на злое деяние, зная заранее, что все принесенные в жертву Перуну будут потом съедены идолянами. Но, дав волю жестокосердным жрецам, он подумал о том, что опять внесет раскол в мирные отношения с великой княгиней. И чтобы как-то отдалить злодеяние, Богомил повелел зачинщикам ждать его особого слова.

— Вы пойдете за жертвами в ту ночь, когда мироправитель даст знак. Тот знак увижу я. Тогда скажу. Теперь же наберитесь терпения.

Однако жестокому обряду язычников не дано было свершиться. Накануне Рождества Иоанна Предтечи, когда княгиня Ольга и отец Григорий стояли на вечерней молитве в храме Святого Илии, им пришло явление Божьей Матери. Она сошла с иконостаса царских врат, приблизилась по аналою к княгине и протоиерею и сказала:

— Вижу дружину русичей, идущих по большой воде сверху. Шлите сеунча, зовите и будете спасены. — Сказав сие, Матерь Божья вернулась на свое место.

Отец Григорий и княгиня Ольга с изумлением переглянулись. Она спросила:

— Святой отец, ты слышал Богородицу?

— Истинно с нами Всевышний. Слышал, матушка. Сие есть знамение.

Ольга подошла к иконе Божьей Матери и опустилась на колени, поцеловала ноги Богородицы, попросила:

— Пресвятая и Пречистая Матерь Божия, тебе дано знать, кого послать через вражеский стан. Укажи мне того человека.

И раздался тихий голос:

— Найди отрока, знающего язык ворогов. Он был пленен младенцем вместе с матерью, там возрос. Теперь он близко от тебя. Крести и посылай— Уста Богородицы замкнулись, и, сколько ни смотрела на неё княгиня Ольга, они больше не глаголили.

Ольга поднялась на ноги и осмотрела храм. Она поискала взором отрока. Было же сказано: «Он близко от тебя». Но в храме на молитве стояли лишь старухи и старцы.

Тогда Ольга вышла из храма: площадь перед нею была пустынна. Ольга пошла вдоль изгороди вокруг храма по жальнику.

Там тоже не было ни одной души. И вдруг уже на выходе она увидела человеческую фигурку, припавшую к камню. Ольга склонилась и спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Печалюсь по матушке. Недавно её убили.

— Встань, отрок— Он встал. — Ты был в полоне у кочевников?

— Был. Младенцем меня с матушкой увели из Родни.

— Долго ли там пробыл?

— Десятый годок мне шел, как воевода Претич вызволил нас из полона. То было три года назад.

Княгиня Ольга ощутила в душе неведомую ей ранее радость.

— Иди за мной, сынок, — и повела отрока в храм. Отец Григорий ждал княгиню на паперти.

— Вот отрок, коему суждено спасти нас. Сверши над ним обряд крещения, и он уйдет навстречу дружине, — сказала она отцу Григорию.

Он же спросил отрока:

— Как звать тебя? Крещен ли?

— Мой бог — Перун. Зовут Варяжко!

— Почему же матушку твою схоронили близ храма? — спросил отец Григорий.

— Она отошла от веры отцов. Бабка её заставила.

— Знать, так было угодно Всевышнему, — сказал отец Григорий. — И твой час настал войти в Христову веру. Иди за мной, сын Божий.

Обряд крещения был скорым. В купели оказалась вода, нашлись чистая рубаха и нательный крест. Пришел пономарь, раздел отрока, отец Григорий взял его за руку и свел по ступеням в купель, трижды с головой окунул, вывел из купели, сказал при этом:

— Крещается раб Божий Варяжко, возродившийся от Святаго Духа и воды, нареченный именем Влас...

Тут подошел пономарь, подал отцу Григорию крест, его надели Власу на грудь, ещё белую рубаху надели и новые порты.

В приделе Власа накормили. Княгиня Ольга рассказала ему, что он должен сделать, как вырвется за вражеский стан. Власу дали несколько золотых монет купить коня. Он завернул их в тряпицу и привязал к ноге выше щиколотки.

Ближе к утру княгиня Ольга и отец Григорий проводили Власа до ворот, выходящих на Боричев взвоз. Там по повелению княгини воины принесли конскую уздечку, отдали её Власу, потом открыли тайный лаз в воротах. Влас выбрался за них, ужом скользнул за ров, подобрался почти к самому стану печенегов, там спрятался под остовом сгнившей ладьи, затаился. Было сказано ему, чтобы ждал рассвета, потому как ночные дозоры кочевников пройти было невозможно. И Влас терпеливо дождался раннего июльского рассвета. Лишь только он наступил, как были сняты дозоры, в стане все ожило, одни печенеги приступили готовить пищу, другие кормили лошадей у коновязи, коих держали в стане на всякий случай.

И пришел час Власа. Он выскользнул из-под ладьи, выпрямился во весь рост и, напевая на печенежском языке бесконечную песню, помахивая уздечкой, неторопливо пошел к Днепру. Ему встречались воины, и он спрашивал их, не видели ли они буланого коня со звездочкой на лбу. Видом своим он не отличался от печенежских отроков, разве что был белобрыс. Да по этой причине голову ему повязали черным платком, кои носили и печенежские воины. Он благополучно миновал всю прибрежную полосу, плотно занятую врагами, кои принимали Власа за своего. И ему оставалось сделать до воды десять — пятнадцать шагов, когда возвращающийся от воды с конем печенег остановился, пристально всмотрелся в отрока и крикнул:

— О, Варяжко!

Влас мгновенно понял, что ему грозит, размахнулся, бросил уздечку печенегу и с криком «Да, это я, Варяжко!» побежал к воде, с берега глубоко нырнул и долго плыл под водой. Он вынырнул лишь тогда, когда боль пронизала грудь. На берегу кричали: «Лови его, лови!! Стрелу, стрелу пускай!» Дважды хватанув воздуха, Влас вновь скрылся под водой. Его сносило течением, но он упорно плыл поперек к противоположному берегу, одолел стремнину и все так же, показываясь из воды лишь вздохнуть воздуха, плыл дальше. Наконец, Влас понял, что печенежские стрелы его не достигнут, что его не преследуют, и поплыл верхом. Было уже совсем близко до берега, когда он услышал, что его зовут по — русски: «Киянин, давай, давай к нам! Мы —г свои!» Из камышей выплыла лодка, и Влас увидел в ней двух воинов — русичей. Влас уже выбился из сил, когда крепкие руки воинов подхватили его и вытащили из воды в лодку. Вскоре она скрылась в прибрежных камышах. Печенеги вроде не собирались преследовать ни пловца, ни показавшуюся из камышей лодку. Она пристала к берегу, и худощавый, старший по возрасту воин со шрамами на лице и на руках спросил Власа:

— Откуда ты, отрок? Ежели из Киева, говори, что там?

— Если ты свой, то кто у тебя воевода? — спросил Влас, помня о том, что наказывала ему великая княгиня.

— Воеводой у нас Претич, а я его тысяцкий Федор Волк Теперь говори.

— В Киеве плохо. Печенеги стоят под городом с апреля. Днями в городе наступит голодный мор, и печенеги сие знают. Ежели пойдут на приступ, то защищаться на стены мало кто выйдет, — поведал Влас все, что мог. И обеспокоенно спросил: — А где дружина воеводы Претича? Ему велено все передать.

— И передашь. Дружина идет сверху по реке. Да мало от нас будет проку, не одолеть нам тьму печенегов, — невесело сказал Федор.

Однако задерживаться близ Киева не стал. Оставив лодку в камышах, прячась за ними, он повел свой маленький отряд вверх по течению реки. Шли скорым шагом до полудня. Влас, отощавший от голода, уже падал от усталости. Воины сажали его по очереди на спину и несли. В полдень Федор остановил своих воинов в прибрежной роще, они достали свой скупой запас пищи — ржаные лепешки, вяленое мясо, лук, поделились с Власом, быстро поели и двинулись дальше.

Солнце уже клонилось к западу, когда путники увидели с невысокого берега сотню разных судов. Впереди плыли ладьи, за ними — челны, долбленки. Федор Волк спустился к воде, снял рубаху и стал размахивать ею. Его заметили, и вскоре суда повернули к берегу. Едва ладья воеводы уткнулась в песок, как Федор вошел в воду и поспешил к ней. Ему помогли подняться на борт, и воевода Претич спросил:

— С чем вернулся, говори?

— В Киеве худо. Он в хомуте у печенегов. С нами отрок великой княгини. Выслушай его, батюшка воевода.

С ладьи скинули трап, Претич сошел на землю, и Влас подбежал к нему.

— Батюшка воевода, ты помнишь меня? Ты нас с матушкой из неволи от печенегов вызволил.

— Матушку твою помню, а вот тебя... Да об этом потом. Говори слова великой княгини.

— Она велит тебе идти к Киеву и там встать против печенегов и еще, если сможешь, прорваться в город. Велит она послать тебе гонцов в Белгород, Чернигов и Любеч, дабы там собрали дружины на помощь. Еще послать гонцов к великому князю, чтобы поспешил к матушке.

— А когда пришла к Киеву орда? Мы в апреле ушли в землю вятичей.

— Сказано мне, что печенеги встали под городом тоже в апреле.

— Господи, как же кияне выстояли?! Уже больше двух месяцев!

— Выстояли, потому как великая княгиня со стен не сходила. Она же врагов устрашала. Да скоро голодный мор съест киян, — закончил короткую повесть Влас.

Воевода Претич слушал Власа и думал о том, как вызволить киевлян из хомута. Он понимал, что в открытом бою не одолеет тьму печенегов со своими тремя тысячами воинов. Там, поди, по пятнадцать печенегов выступают против одного русича. И лишь только суда пристали к берегу он созвал всех тысяцких, сотских, десятских и сказал им коротко и четко:

— Слушайте: Киев в осаде. Печенегов тьма, и хомут их крепок. Думайте, как одолеть их.

Все заговорили разом. Да слышалось в этом говоре одно: идти напролом, а там что будет. Авось одолеем печенегов. Но вскоре все поняли, что лбами они стену не прошибут, и умолкли. И никто не выступил с советом.

— Ну что же вы вдруг языки потеряли? — спросил Претич. И тут он увидел пожилого воина, который шел к нему с поднятой рукой. Его пропустили к воеводе, и он сказал:

— Меня зовут Родим. Я ходил с молодым князем Игорем на хазар. Нас было мало, их — тьма. Но мы устрашили их, и они бежали.

— И как вы их устрашили, говори? — потребовал нетерпеливо Претич.

— Был с нами старый Олегков воин. Он сказал: ты, князь, вели нам сделать охотничьи рога и веди нас на хазар ночью.

Мы будем трубить, и хазары побегут. Так и было при Игоре. Испытай и ты, воевода.

— Вот и им Расскажи, как все было, — велел воевода Претич и послал Родима к воинам дружины.

Старый воин ушел к ратникам, они обступили его, опустили на траву и выслушали рассказ. А воевода Претич попытался себе представить, как все происходило в давние времена на берегах Итиля. И обольстился тем, что поведал Родим, сказал:

— Слушайте все: знаю, что умеете делать охотничью справу. Потому ведите воинов к березовой роще, кою видите на холме, дерите бересту, делайте охотничьи рога. Знаю, нужна ещё смола. Так она есть на судах. Пусть каждый воин вооружится рогом, и о себе не забудьте.

Завтра после полудня будьте готовы к выступлению. — Краток был воевода Претич, но сказал все доходчиво.

И вскоре сотники повели своих воинов к роще, дабы заготовить там бересту и сделать из неё охотничьи рога. Справа сия была ведома всем русичам, потому как охота — их ремесло. Вечер и утро воины трудились. Над Днепром непрерывно звучали то призывные, то устрашающие звуки рогов. Они и в одиночку вселяли в душу трепет. «А ежели три тысячи грянут, дрогнет ли враг?» — спрашивал себя Претич.

К полуденной трапезе урок воеводы был выполнен. После трапезы Претич дал дружине отдохнуть, сам вновь собрал тысяцких и рассказал им о своем замысле, о том, как дружина должна действовать. А ближе к вечеру воевода повелел дружине выступать. Да прежде на легких челнах ушли дозорные. И берегом Претич выслал отряд быстроногих воинов. Не зная устали, они далеко вырвались вперед, все зорко высматривая. Главная забота Претича теперь была в том, чтобы подобраться к врагу скрытно. Тронулись в ранних сумерках, плыли не спеша, дабы быть близ Киева в самую глухую пору ночи. Верстах в двух от Киева суда встретили дозорные в челнах. К берегу подошли те, кто шел пешком. Те и другие доложили, что стан печенегов всего в двух верстах. И Претич велел тысяцкому Федору Волку высаживать своих воинов на берег. Его воинам было поручено рассеяться в длинную цепь по степи и охватить полукольцом печенежский стан, чтобы по сигналу с Днепра одновременно двинуться на печенегов. С этой же целью

Претич выслал пять сотен воинов по самому берегу Днепра. Остальные же полторы тысячи остались на судах.

И час схватки приблизился. Еще с версту суда плыли медленно. Когда же до Киева осталась верста, гребцы опустили весла в воду и единым духом налегли на них. Легкие ладьи, челны, долбленки полетели вперед, словно птицы над водой. И в тот миг, когда на небосводе очертились крепостные башни Киева и крыши княжеских теремов, по единой команде воеводы Претича, и сотских, и десятских затрубили в один миг три тысячи охотничьих рогов. Этот грозный, наводящий ужас звук обрушился на стан печенегов с трех сторон так неожиданно, что сонные воины, не представляя, откуда на них катился неведомый вал смертельной опасности, в панике выскакивали из

шатров, из-под кибиток, поднимались с земли и, забывая схватить оружие, оседлать коней, снарядить кибитки, ринулись бежать в степь. В панике покинули свои шатры князь Куря и его приближенные. У коновязи их ждали оседланные кони. Они вскочили в седла и помчали следом за убегающей из становища ордой.

И совсем немного времени прошло, как становище печенегов опустело. Суда Претича миновали Киев, пристали к берегу, воины покинули их и, продолжая трубить, гнали и гнали врага. Многие русичи сумели поймать печенежских коней, вскочили на них, кто в седло, кто в охряпку, и конным строем погнали ордынцев. Лишь возле реки Родни Претич отдал по цепи команду остановить преследование. Воевода счел, что даст промашку, ежели не остановит своих воинов. Враг мог каждую минуту опомниться и разобраться в том, кто и какой силой их преследует. И тогда жди расплаты за дерзость. Однако воевода Претич не дал такой возможности князю Куре. Остановив дружину, он приказал строить по реке Родне оборонительный рубеж. Работа кипела весь остаток ночи и первые часы раннего утра. Вместе с воинами Претича трудились уже воины Посвиста и многие горожане. По всему берегу мелководной реки сооружались завалы из деревьев, из кустарников. Сюда же подкатывались печенежские кибитки, брошенные в панике врагом. И они выстраивались в оборонительную линию. Вскоре в стане русичей все было готово, чтобы достойно встретить врага и дать ему отпор. С пешими печенегами русичи всегда справлялись отменно. Однако все случилось не так, как предполагал воевода Претич.

Лишь только солнце поднялось над степью, за рекой показался небольшой отряд конных печенегов. И до русичей донесся зычный русский голос. В утренней тишине он разнесся далеко и достиг Претича.

— Эй, кто вы такие, что нас прогнали? С вами ли князь Святослав? Князь Куря его видеть хочет!

Претич потребовал коня. Велел сесть на коней Посвисту и тысяцким. Как отряд был готов, сказал:

— Вперед, за речку! Мечей из ножен не доставать! — И поскакал.

Родня тут коням по брюхо. Одолели водную гладь, вознеслись на берег, возникли пред печенегами, воевода Претич ГрОМКО крикнул:

— Мы рать Святослава! Сам великий князь матушку в Киеве обнимает. Потому говорю князю Куре, чтобы уходил из пределов Руси! Да будет тогда с ним мир!

— А если не уйдет? — спросил сам князь Куря.

— Будет ему худо! Сей же час погоним до Русского моря! — ответил воевода Претич.

— Хорошо, я подумаю. И хочу видеть тебя рядом. Подъедешь, будет вам мир. Нет — не уйду с твоей земли, биться буду!

Воевода Претич понял, что сомнения и страх будут непростительны ему. Он посмотрел на своих спутников и сказал:

— Я иду! — И поскакал к князю Куре.

Князь Куря проявил уважение и тронул коня навстречу воеводе. Сошлись. Князь протянул руку воеводе, пожал протянутую Претичем.

— Я не хочу с вами воевать. Мне обещали над Киевом легкую победу, но за три месяца я потерял не одну тысячу воинов. Мои люди и кони отощали. Город защищают дьяволы, они повергли моих воинов в ужас. Я сказал правду, почему не хочу воевать. Вы же бойтесь варяга Стемида и угорской княгини Ильдеко.

— Спасибо, князь. Ты храбрый и честный воин. Так я и передам князю Святославу.

— За то, что и ты сказал мне правду, я дарю тебе коня и саблю. — И князь спрыгнул с коня, отстегнул ножны с пояса и подал поводья и саблю Претичу. Тот же снял с пояса меч, спрыгнул с коня и вложил в руки князя меч и поводья.

— Мир печенегам и русичам на многие лета, — сказал Претич.

— Мир русичам и печенегам на многие лета, — повторил князь Куря.

Воины ещё раз пожали друг другу руки и расстались, уходя лицом к лицу и махая руками. Претич так и не поднялся на скакуна князя Кури и перешел речку по пояс в воде. И князь Куря не сел на ордынского коня, ушел к своим воинам пешком.

В той малой речке много воды утекло с того солнечного утра, когда так просто и скоро был заключен мир русичей с печенегами. И не нарушался этот мирный договор больше трех лет, пока новое коварство их общих соседей не нарушило мирной жизни двух народов.

Глава тридцать четвертая

ПУТЬ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Теперь, когда смертельная опасность отхлынула от стен Киева и город не был сожжен, когда был утолен голод и преданы земле убитые воины и горожане, киевляне сбросили с себя печаль и уныние. Да было отчего. Ведь каждый от малого до старого знал, какую они страсть одолели, какой доли избежали. Если бы печенеги их одолели, всем бы старым грозила смерть, всем молодым — рабство. Так повсюду поступали печенеги, когда нападали на селения русичей.

Но все позади, и можно свободно вздохнуть, выйти в степь, спуститься к Днепру, окунуться в его чистые воды. Можно ехать — шагать в другие города Руси, дабы купить там на торжищах хлеба, мяса, меду, сыру, другое брашно, благо великая княгиня Ольга от щедрот своих выдала всем воинам, всем горожанам, защищавшим крепость от врага, деньги, и немалые. Она же отдала горожанам и воинам все, что было брошено печенегами на становище во время ночного бегства. А там оказалась немалая добыча. Только одних коней тысячные табуны да сотни кибиток со скарбом, множество шатров и шкур зверей и животных — все это стало достоянием киевлян и воинов Претича. Им-то в первую очередь. Конечно, и княжеский двор, и бояре взяли свое. Да и отрок Влас получил в награду двух коней и кибитку с добром.

И наступило время воздать честь и хвалу героям. Осмотревшись, киевляне поняли, что все они в равной степени свершили ратный подвиг. Однако же рассудили, что не могут быть равными все, даже среди тех, кто долгие три месяца простоял на стене, кто бился с врагом лицом к лицу не за страх, а за совесть.

В эти мирные дни, наступившие после тяжких испытаний, княгиня Ольга повелела воеводе Посвисту назвать имена всех, кто особо отличился во время защиты города, кто проявил доблесть, мужество и храбрость. Воевода Посвист славился справедливостью и назвал всех по очереди в меру их заслуг, но себя забыл. И великой

княгине не польстил. Отца Григория и вовсе обошел честью. Когда же огласил имена героев пред лицом старейшин, все согласились с ним. Однако старый боярин Малк, дядя богатыря Добрыни, сам не раз постоявший с мечом на стене, справедливо отметил:

— Ты, воевода, всех назвал по заслугам, но трех богатырей духа и тела забыл. Без них бы нам не выстоять. Сколько, помню, дней и ночей в битве провели мы, а сии трое стояли всегда там, где смерть гуляла люто. Потому говорю: поставь на третье место священника отца Григория, на второе воеводу Претича, а на первое место великую княгиню Ольгу вознеси! — и боярин Малк возвысил голос: — Эй, старейшины, эй, воеводы и воины, не так ли говорю?!

— Истинно так, — выдохнули дружно больше двух сотен собравшихся на теремном дворе бояр, воевод, воинов. А градских старцев на сей раз в толпе не было. Все они слегли от немощи.

Подвиг княгини Ольги был отмечен в эти дни не только боярином Малком, но и теми горожанами, коим довелось быть на стене во время схваток с печенегами. Ее пурпурный плащ был виден со всех сторон крепостной стены. И всем было видно, как в княгиню летели десятки, сотни стрел, как её чудесная сила, словно ветром, сносила их в сторону. И знал каждый воин, каждый горожанин, что эти стрелы могли поразить их, если бы великая княгиня не стояла под ними. Даже во время сечи киевляне слышали на стене, как Ольга требовала от врагов: «Целься в меня и только в меня!»

Теперь в тиши мирных вечеров очевидцы рассказывали — пересказывали все, что видели на стене за долгую осаду, и слушателями у них были не только киевляне, а многие русичи, сходящиеся в стольный град со всей Руси. И пришел час, когда христиане Киева воздали должное своей сестре по вере и в церквах прошли божественные литургии в её честь. Первую такую литургию отслужил протоиерей отец Григорий. Эта литургия отличалась особой торжественностью и была приурочена ко дню Преображения Господня в начале августа. В проповеди на сей славной службе протоиерей сказал прихожанам, коих стояло в храме так много, что яблоку негде было упасть:

— Приближалось время, когда Иисус Христос должен был в последний раз идти в Иерусалим. И Он сказал своим ученикам: среди нас есть некоторые, кои до смерти увидят силу Царствия Божия. Через

несколько дней Господь взял с собой Петра, Иакова и Иоанна и поднялся с ними на гору Фавор. И преобразился пред ними; и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. Когда Он говорил се, облако светлое осенило их; и се глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение. Его слушайте!

Великая княгиня Ольга сидела во время литургии на царском месте. По просьбе отца Григория она была в том же пурпурном плаще с белоснежным капюшоном. Ее видели все прихожане. Когда же отец Григорий закончил проповедь во славу Иисуса Христа и великой княгини Ольги, плащ на ней источило пурпурным облаком и он стал белым, как первый снег, а вместо капюшона над головою Ольги воссияло золотое облачко. И в храме взлетели под купол возгласы восторга:

— Слава, слава великой княгине!

Она же опустилась на колени и, подняв лицо к образу Софии — премудрости, молилась и плакала. Слезы лились неволью и были сладкими. К ней подошел её любимый внук — отрок восьми лет Владимир — и тихо спросил:

— Бабушка, зачем ты плачешь?

— Сие есть слезы радости, внук мой любый, — ответила княгиня.

Она поднялась на ноги, сошла с царского места и с амвона и, минуя молящихся, направилась к воротам храма, и следом за нею шли отец Григорий и другие священнослужители, и потянулись прихожане. Процессия вылилась из храма на площадь, потекла по ней, обретая все новые людские потоки. Так и шли с торжественным пением киевляне за своей матушкой княгиней, кою озарило чудом

Божественного Провидения. Ее белый плащ излучал свет, и от этого света преображались лица горожан. Никто из них не ведал, куда держала путь княгиня, все шли за нею, исполненные великого восторга. Она же в сей час восходила на путь, ведущий в Царство Небесное.

После долгого крестного хода по всем улицам и площадям стольного града княгиня Ольга привела горожан на теремной двор, взошла на красное крыльцо, подняла руку и, когда наступила тишина, сказала последнее:

— Слушайте все! Дети мои, я уйду от вас. Радейте за Русь — матушку, за святую Русь, защищайте её от врагов и не вспоминайте меня злым. — Она трижды поклонилась горожанам, взяла отца Григория под руку и скрылась с ним в тереме. В сенях сказала: — Святой отец, проводи меня в опочивальню.

Отец Григорий помог подняться Ольге на второй покой, ввел её в опочивальню. Следом за ними вошли многие придворные боярыни. Но княгиня попросила их уйти. А как они удалились, легла на ложе. Отец Григорий поправил ей подушки под спиной, сам присел рядом.

— Отдохни, матушка, ты уймись.

Она же ему сказала без чувства печали и горечи, но почти торжественно:

— Да, я устала, святой отец, и больше уже не встану. Ты же будь со мною рядом. Только тебе вручаю своё брэнное тело, ежели Господь Бог возьмет мою душу.

— Матушка княгиня, не говори все. Ещё не все исполнено тобою в земной юдоли, — возразил отец Григорий.

— Все, все, мой несравненный друг и отец. Вот только дождусь сына, дабы простить его за вольности. Вот только благословлю внуков на дела государственные. Да испрошу прощенья у Малуши, чистой души. — И княгиня Ольга умолкла, откинула голову на подушки и чуть отвернулась от отца Григория.

Малуша уже давно была в княжеских теремах. Пока печенеги были под Киевом, она с небольшим отрядом воинов успела уйти в Искоростень и там прожила до конца осады стольного града. И теперь она вместе с отцом Григорием коротала время попеременно близ княгини Ольги, с которой давно породнилась.

Ожидание Святослава затянулось на долгое время. Шли дни, недели, а его все не было. Но в Киев прилетали гонцы и приносили вести о том, что как только князь Свято

*

слав накажет угров за их коварство, за то, что они натравили на Русь печенегов, и как только прогонит князя Курю далеко за пределы державы и накажет разорением становищ, так и вернется в Киев.

Наступила осень, она сменилась зимой, реки покрылись льдом. Даже могучий Днепр уже сковали морозы. И только тогда примчались

в Киев передовые отряды княжеской дружины и оповестили киевлян, что великий князь уже идет в виду стольного града.

Он появился в княжеских теремах накануне праздника в честь апостола Андрея Первозванного. Многие киевляне помнили предание об апостоле Андрее. Знали, что он сказал, остановившись у Киевских гор: «Видите ли эти горы? На этих горах воссияет благодать Божия, будет великий город, и Бог воздвигнет много церквей». Слова святого апостола Андрея сбывались, и горожане чтили его. Потому возвращение князя Святослава в город накануне праздника в честь Андрея Первозванного было принято горожанами как великое знамение. Тысячи киевлян вышли на улицы города, дабы встретить своего отца после долгих ратных странствий. Они забыли уже о том, что в дни осады города печенегами не раз вспоминали Святослава недобрыми словами.

Великий князь въехал в город на белом скакуне. Горожан удивили мощь князя, его гордый взгляд победителя и сияющая радость на лице. Он ещё не верил, что матушка его на исходе и тело её освобождается от брэнной жизни, потому и был так радостно возбужден. Когда же князь поднялся в опочивальню и подошел к ложу матери, в груди у него что-то оборвалось, он побледнел и опустил близ княгини на колени, прошептал:

— Матушка родимая, ты ли это?

Княгиня Ольга протянула к сыну ослабевшую руку, положила её на голову и тихо сказала:

— Слава Всевышнему, Он дал мне сил дожидаться тебя.

— Как виноват я пред тобой, матушка родимая! Простишь ли?

— Бог простит, а я люблю тебя по — прежнему.

В опочивальню вошли сыновья Святослава: Ярополк, Владимир, Олег. Они встали за спиной отца. За ними, словно скорбящая Божия Матерь, появилась Малуша. Воцарилось долгое молчание. Лишь слышался тихий голос отца Григория, который стоял за аналоем и читал молитвы.

Наконец княгиня Ольга нарушила молчание и все-таки упрекнула сына:

— Зачем ты зоришь чужие земли и государства? Мало ли тебе великой Руси, пространства коей на полсвета?

— Прости, матушка родимая. Я одумался и буду радеть токмо за Русь, силу её умножать, — ответил Святослав покорно.

— И во благо, сын мой, — прошептала Ольга. И снова отвернулась к стене, сняла свою руку с головы Святослава, и он понял, что матушка хочет остаться одна. Князь встал и побудил за плечи выйти сыновей и Малушу, сам покинул опочивальню.

На исходе зимы княгине Ольге стало лучше. Она даже поднялась с ложа и с помощью сенных девиц вошла в трапезную. Святослава в эти дни в Киеве не было. Он умчал в Вышгород к дружине.

Княгиня Ольга возмутилась таким поведением сына, сказала воеводе Свенельду:

— Скачи в Вышгород и передай мое повеление сыну ноне же быть здесь. Пусть грех на душу не берет.

Святослав появился в княжеских палатах лишь к вечеру. Хотел пройти к матери в опочивальню, но отец Григорий не пустил его туда.

— Матушка княгиня почивает. Приди непременно утром, — сказал протоиерей.

— Как она? Встанет ли завтра вновь? — спросил князь.

— Все в руках Божиих, сын мой. Помни одно: скоро Всевышний возьмет её в свои чертоги.

Князю — язычнику сие было непонятно. Он даже ощутил досаду и чувство ревности к этому священнослужителю, который полновластно распоряжался от имени княгини. Потому и высказал свое мнение о сказанном отцом Григорием с немалой долей дерзости:

— Неведомо мне, позовет ли матушку Всевышний, но ведомо другое: твоей власти над великой княгиней я положу конец. Зачем ты побуждал её подниматься на крепостную стену, где ей постоянно грозила смерть?

Князь не устрасил отца Григория резким выпадом, и тот твердо ответил:

— Усмирись, сын мой. И благодари Бога, хотя бы своего, за то, что твоя матушка поднималась на стены. Все мы только ей обязаны тем, что стольный град не разорен, не разрушен врагами. Теперь же оставь нас. — И уже более мягко добавил: — Я помолюсь за тебя, сын мой, попрошу милости Всевышнего, дабы Он дал понять тебе величие княгини Ольги, — И отец Григорий скрылся в её опочивальне.

Утром Святослав пришел к матери чуть свет. Но у него не хватило духу вломиться в покой, как он делал сие в прежние времена. Потоптавшись у дверей, спросил боярыню Аксинью:

— Тетушка Аксинья, там ли священник Григорий?

— Там, в молитве у икон. А матушка княгиня ждет тебя, — ответила старая боярыня. Аксинья выглядела усталой, лицо светилось бледностью, глаза были воспалены. Вид боярыни поразил князя. Он подумал: «Как они все страдают за мою матушку». Ему стало стыдно, опустив голову, он вошел в опочивальню. Встав возле ложа, он не посмел опуститься на колени, зная, что на сей раз прощения ему не будет. Он увидел восковое лицо матери, почти безжизненный взгляд ее, и у него закружилась голова. Удержавшись за точеную балясину ложа, он сказал:

— Матушка, нет мне прощения.

— Ты верно понял, сын мой, — едва слышно ответила княгиня Ольга. Но все, что она произнесла позже, прозвучало твердо, потому как Ольга собрала свои последние силы. — Знаю, что тебе милее матери и Киева дружина и Вышгород, ещё Переяславец. Там тебе веселее жить, нежели в Киеве, ибо, как ты мыслишь, к тебе стекаются туда все драгоценности искусства и природы. Греки тебе шлют золото, ткани, вино, плоды. От угров и болгар ты получаешь серебро и коней, мед и невольниц. Что ж, живи, как повелевает твой бог. Запомни ноне лишь одно: моя жизнь источилась от старости и болести. Всевышний уже призвал меня к Себе. Погребешь меня на неделе по христианскому обычаю в Берестове, и тогда иди, куда вздумаешь, великий князь Святослав, сын Игорев... — И Ольга умолкла.

А князь Святослав упал на колени, уронил голову на ложе и зарыдал. Он провел близ постели матери четыре дня и три ночи. Все это время рядом с ним были то отец Григорий, то Малуша.

На исходе четвертого дня отец Григорий позвал священнослужителей и многих бояр, воевод и в их присутствии побудил Ольгу открыть глаза и призвал её к покаянию, дабы душа её перешла под защиту Иисуса Христа. Завершив исповедь и причастие, отец Григорий подошел к окну и открыл его. Солнце опускалось за оком. В этот миг Григорий понял, что жизнь Прекрасы отсчитывала последние мгновения. Он вернулся к постели в тот миг, когда та, которую он любил всю жизнь, ушла в мир иной. Она ещё попыталась

закрыть глаза, но сил не хватило. И Григорий помог ей в этом последнем усилии.

В окно подул ветерок, слышались шелест крыл, мягкий говор, потом была тишина и снова — говор и шелест крыл. Солнце в эти минуты скрылось за окоем. И тем завершился жизненный путь великой княгини Ольги, в отрочестве Прекрасы, в крещении Елены. Все, кто был в опочивальне в час исхода, не проронили ни слова, лишь плакали и тяжело вздыхали.

Весть о кончине великой княгини Ольги в мгновение ока вылетела из княжеских теремов, разлетелась по княжескому подворью, достигла улиц, переулков и площадей стольного града. На храме Святого Илии плачевно зазвонил колокол. И благодарные россияне — христиане и язычники, стар и мал, мягкосердые и жестокосердые, вельможи и простые горожане, мужчины и женщины — все оплакивали кончину великой княгини Ольги.

В последний путь, в Берестово, её провожал весь Киев. Отец Григорий тоже уходил из Киева. Он дал себе слово не покидать свою Прекрасу и поселиться в Берестове. И на многие годы вперед сдержал свое слово. Но жизнь у него оказалась долгой, и в ней ещё много было всяких перемен.

Пообещал и князь Святослав жить только в Киеве и Вышгороде. Но он не сдержал своего слова. Его манили дунайские земли. И лишь только княгиню Ольгу предали земле и миновало девять дней, как князь Святослав отошел от великокняжеского трона. Он посадил в Киеве на трон сына Ярополка, Олегу отдал в княжение Древлянскую землю, а Владимира у него выпросили новгородцы. Князь остался тем доволен. Он поднял в седло дружину и умчал с нею в Переяславец, на Дунай. Россияне отнеслись к деяниям Святослава с осуждением и бережно хранили в себе память о своей матушке княгине Ольге, истинной россиянке по духу и по действиям.

«Предание нарекло Ольгу Хитрою, Церковь Святою, История Мудрою. Отмстив Древлянам, она умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святослава; с деятельностью великого мужа учреждала порядок в Государстве обширном и новом; не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ. Великие Князья до времен Ольгиных воевали: она правила

Государством. Уверенный в её мудрости Святослав и в мужеских летах своих оставлял ей, кажется, внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, которые удаляли его от столицы. При Ольге Россия стала известною и в самых отдаленных странах Европы».

Так сказал о ней великий русский историк Николай Михайлович Карамзин в «Истории Государства Российского».

Москва — Владимирская земля, деревня Финеево. 1994—95гг.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ольга святая (в крещении Елена) — русская княгиня, жена князя Игоря Рюриковича, мать великого князя Святослава I. Правительница России с 945г.

О её происхождении существует много различных предположений. В начальной летописи упоминается только, что Олег в 903г. привел Игорю жену из Плескова (Пскова?), по имени Ольга. На основании сведений одной позднейшей летописи, Плесков отождествляли с болгарским городом Плискувой и Ольгу считали болгарской княжной; но это предположение, хотя оно и объясняет многие факты древней русской истории, нельзя считать доказанным.

После смерти князя Игоря Ольга стала управлять Киевской землей за своего малолетнего сына Святослава. По летописному рассказу, она жестоко отомстила древлянам, убившим её мужа, и установила в древлянской земле «уставы и уроки», т.е. дань и натуральные повинности; затем пошла в Новгородскую землю и здесь устроила погосты, т.е. административные центры, и определила дани и оброки в пользу князя.

В 955г., по летописному счислению, Ольга отправилась в Константинополь, где, как считается, и крестилась, хотя греческий император Константин Порфирородный, повествуя о пребывании Ольги в Константинополе в 957г., и вовсе не упоминает о её крещении там. Вероятно, Ольга крестилась раньше — ещё до поездки в Константинополь, в Киеве, где уже тогда было много христиан — варягов.

По известиям западных летописцев (впрочем, достаточно сомнительным), в 959г. Ольга отправила посольство к германскому королю Оттону I с просьбой прислать епископа и священников, что и

было исполнено, но посланный епископ возвратился ни с чем. Попытки Ольги обратить в христианство сына своего Святослава были, по летописным сведениям, безуспешны.

Умерла Ольга в 969г. в глубокой старости, завещав похоронить её по христианскому обряду. Она причтена православной церковью к лику святых; память её празднуется 11 июля.

Table of Contents

<u>Александр Антонов Княгиня Ольга</u>
<u>Глава первая ПЕРУНОВ ГНЕВ</u>
<u>Глава вторая ЧАС НЕБЫТИЯ</u>
<u>Глава третья ПЛАЧ В КИЕВЕ</u>
<u>Глава четвертая ОТЕЦ ГРИГОРИЙ</u>
<u>Глава пятая ПОСЛЫ</u>
<u>Глава шестая ЖЕСТОКОСТЬ</u>
<u>Глава седьмая ТРИЗНА</u>
<u>Глава восьмая СБОРЫ В НОВЫЙ ПОХОД</u>
<u>Глава девятая ГОРЕ И ГНЕВ</u>
<u>Глава десятая ПЕРЕБИРАЯ ЖЕМЧУГ</u>
<u>Глава одиннадцатая ОГНИ ПОЖАРИЩ</u>
<u>Глава двенадцатая РОПОТ</u>
<u>Глава тринадцатая СВЕНЕЛЬД</u>
<u>Глава четырнадцатая ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ</u>
<u>Глава пятнадцатая ТАЙНОЕ СТАЛО ЯВНЫМ</u>
<u>Глава шестнадцатая СИДЕНИЕ В БЕРЕСТОВЕ</u>
<u>Глава семнадцатая ОПАЛЫ НЕ БУДЕТ</u>
<u>Глава восемнадцатая СВЯТОСЛАВ</u>
<u>Глава девятнадцатая ВЫБОР СДЕЛАН</u>
<u>Глава двадцатая ИДУ В ГРЕКИ</u>
<u>Глава двадцать первая ВЫЗОВ</u>
<u>Глава двадцать вторая ВПЕРЕДИ — ЦАРЬГРАД</u>
<u>Глава двадцать третья КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ</u>
<u>Глава двадцать четвертая ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДОБРЫНИ</u>
<u>Глава двадцать пятая КРЕЩЕНИЕ ОЛЬГИ</u>
<u>Глава двадцать шестая РАЗМОЛВКА</u>
<u>Глава двадцать седьмая УТЕШЕНИЕ</u>
<u>Глава двадцать восьмая СВЯТОСЛАВ И МАЛУША</u>
<u>Глава двадцать девятая ТРЕВОГА</u>
<u>Глава тридцатая ИЗГНАНИЕ</u>
<u>Глава тридцать первая НАБАТ</u>
<u>Глава тридцать вторая ВОЗНЕСЕНИЕ</u>
<u>Глава тридцать третья ОДОЛЕНИЕ</u>

Глава тридцать четвертая ПУТЬ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

